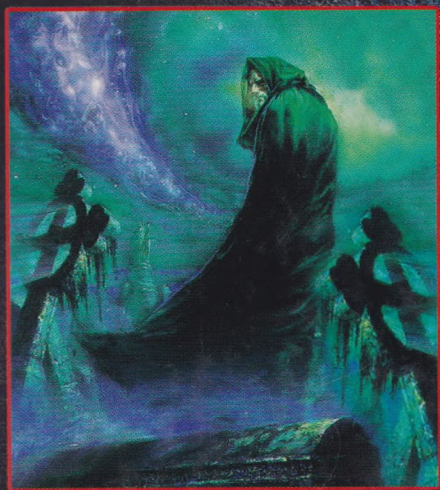

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

Н О Ч Н О Й
М И Р

ВИЛСОН

Ф. пол

ночной мир

F. PAUL

WILSON

NIGHTWORLD

A NOVEL

ВИЛСОН

ночной мир

РОМАН

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)
В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

*Художественное оформление
И.А. Озерова*

Вилсон Ф. Пол
В44 Ночной мир: Роман / Пер. с англ.
О.Ю. Черепанова. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2005. — 460 с.

ISBN 5-9524-1552-0

В романе Ф. Пола Вилсона «Ночной мир» Земля оказывается во власти демона зла, грозящего погрузить человечество в вечную ночь. Демон неуязвим и обладает способностью действовать на расстоянии и угадывать мысли. Но находятся люди, готовые противостоять ему в почти безнадежной схватке...

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)

Nightworld
Copyright © 1993 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2005

ISBN 5-9524-1552-0

ночной мир

РОМАН

Форресту Дж. Акерману, чей роман «Знаменитые монстры из Фильмлэнда» раскрыл передо мной, в то время двенадцатилетним мальчишкой, целую галерею образов-монстров, дал возможность почувствовать их сверхъестественную сущность и в то же время посмеяться над ними и в конечном счете подтолкнул меня в зрелом возрасте к созданию собственных монстров.

Спасибо, Форри.
Вам посвящается эта книга

Расалом взял путь на горную вершину. В эти дни он называл себя Расаломом, и ему казалось, что он всегда называл себя так. Но не это имя дала ему мать при рождении. Он отказался от него еще в Первой Жизни, когда вошло в обычай хранить Подлинное Имя в тайне. Однако Расаломом он назывался с давних пор, и это имя почти заменило ему подлинное. Отсюда, с вершины Минья-Конка, четыремь с половиной милями ниже, через брешь в облаках, в темноте смутно виднелась большая часть территории, на которой сейчас расположен Китай. На вершине горы царил жестокий холод. Ураганный ветер со злобным воем обвивался вокруг обнаженного тела. Но Расалом этого не замечал. Он был защищен внутренней силой, бушующей, все возрастающей, которую подпитывали сладострастные картины печали и скорби распростершегося под ним мира. Горизонт посветлел. Нигде нет такого рассвета, как в этих широтах. Он рассыпался на мельчайшие солнечные брызги. Расалом не отрывал взгляда от солнечных блистков, попавших в пределы его видимости, и собирал воедино силу, которую накапливал со времени своего последнего рождения. Безвольное отчаяние уступило место действию, которому он посвятил целые века своего существования. Никаких движений, никаких магических заклинаний, просто сила, рвущаяся наружу,

бурлящая, просачивающаяся сквозь земную кору, плещущаяся в земной атмосфере, насыщающая собой каждую клеточку Вселенной. Скоро все это будет принадлежать ему. Нет на Земле силы, способной ему противостоять, остановить его. Он упал на колени, но не с молитвой, а в радостном изнеможении. Началось. Наконец-то. Через столько веков! Рассвет больше никогда не будет таким, как прежде.

Часть первая

ЗАКАТ

Среда

1. НИКОЛАС КВИНН, ФИЗИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Манхэттен

17 мая солнце взошло с опозданием.

Впервые до Ника Квинна дошли невнятные слухи о задержке с рассветом, когда он наливал себе в кружку кофе из электрической кофеварки в холле для отдыха физического факультета Колумбийского университета. Но тогда он не придал им большого значения. Ошибка в расчетах, упущения в астрономических наблюдениях, сбой в работе часов. Ошибки, свойственные человеку. Они неизбежны. Старина Сол никогда не изменял своим привычкам. Это было просто исключено.

Но слухи продолжали бродить в стенах университета все утро, и не было ни опровержений, ни разъяснений. И вот во время ленча первое, что он сделал, водрузив на передвижной столик свой неизменный бифштекс и большую банку колы в факультетском буфете, — это изловил Харви Сапира с астрономического факультета. Он узнал Ника по шевелюре. Волосы Харви всегда были в полном порядке. Они волнами струились со лба на затылок, настолько густые и пышные, что напоминали парик. И только если приглядеться с близкого расстояния, можно было разглядеть крошечные участки розовой кожи, просвечивающие сквозь эту гриву. На факультете не смолкали

шутки и строились разные догадки по поводу того, сколько времени и лака для волос тратил Харви каждое утро на свою прическу.

Ник увидел его сидящим за столиком в углу вместе с Синтией Хейес, тоже астрофизиком.

Но на этот раз его прическа была в беспорядке.

Ник почувствовал: что-то не так.

— Могу ли я к вам присоединиться? — спросил Ник, нацеливаясь на стул рядом с Синтией.

Оба были поглощены беседой. Рассеянно взглянув в сторону Ника, они снова повернулись друг к другу. Непричесанная копна волос нависала над изможденным лицом Харви. Сейчас ему можно было дать все его сорок пять лет, а то и больше. Синтия тоже выглядела утомленной. По возрасту она ближе к Нику — около тридцати пяти. У нее были короткие каштановые волосы и гладкая блестящая кожа. Нику она нравилась. Очень нравилась. В основном из-за нее он отставил в сторону свою бутылку с колой и решился вступить в разговор, лихорадочно раздумывая, о чем бы заговорить с ней. Кожа, вся в оспинах, огромная безобразная голова заставляли его чувствовать себя уродливой бородавчатой лягушкой, которая никогда не превратится в прекрасного принца, но по-прежнему тоскующей по принцессе.

— Я слышал что-то о запоздалом рассвете. Как это понимать? — спросил он, прожевав кусок сэндвича. — Откуда эти разговоры?

Они снова на него взглянули, потом Синтия откинулась назад и потеряла веки.

— Все это чистая правда, — сказал Харви.

Ник застыл с сэндвичем в руке и пристально посмотрел на них в надежде обнаружить улыбку в уголках губ, хотя бы малейший намек на розыгрыш.

Ничего подобного. Синтия выглядела такой же серьезной, как и Харви.

— Чушь собачья! — воскликнул Ник.

И тотчас пожалел об этом. Он никогда не позволял себе грубости с женщинами, хотя многие из них не стеснялись в выражениях и ругались в его присутствии не хуже матросов.

— Солнце должно было взойти в 5 часов 21 минуту, Ник, — сказала Синтия, — но оно взошло в 5 часов 26 минут. Запоздало на 5 минут и 22 сотых секунды.

От ее чуть хриповатого голоса у него всегда теплело внутри, но сейчас все было иначе. Ее слова обдавали холодом. То, что она говорила, было невероятно.

— Ну-ну, ребята, валяйте дальше. — Он выдавил из себя усмешку. — Мы сверяем часы по солнцу, а не наоборот. Если по нашим часам солнце запоздало — значит, нужно перевести стрелки.

— А если это *атомные* часы, Ник?

— Гм...

Да, это совсем другое дело. Атомные часы работают на продуктах распада атома. Они точны до миллионной доли секунды. Если и по этим часам солнце опаздывает...

— А может быть, это все-таки механический сбой? — спросил Ник с надеждой.

Харви покачал головой:

— По Гринвичу солнце тоже запоздало на пять минут и несколько секунд. Нам звонили. В 4.30 я уже ждал здесь. Синтия ведь сказала тебе, что восход солнца задержался именно на это время.

Ник почувствовал, как у него мурашки забегали по спине.

— И по Гринвичу тоже? А на Западном побережье?

— В Пало-Альто получили такие же результаты, — сказала Синтия.

— Да вы понимаете, что говорите?! — воскликнул Ник. — Понимаете, что это значит?

— Да, мы понимаем, что это значит, — сказал Харви, — это по моей части. Это значит, что либо Земля стала медленнее вращаться вокруг своей оси, либо ось вращения наклонилась.

— И то и другое повлечет за собой невиданные катаклизмы! Взять хотя бы эффект приливов...

— Но Земля *не замедлила* своего вращения. Нет ни малейших признаков изменения скорости вращения или наклона оси. Я сам проверял. День должен увеличиваться вплоть до июньского равноденствия. Но

сегодня день пошел на убыль — во всяком случае, наметился такой поворот.

— Значит, часы все-таки врут!

— Атомные часы? Абсолютно все? Часы, точно фиксирующие все моменты распада атома, одновременно вышли из строя? Что-то сомнительно. Нет, Ник, сегодня утром солнце взошло с опозданием.

Сам Ник занимался лазерами и физикой элементарных частиц. Он привык к неопределенности на податомном уровне — Гейзенберг научил его этому. Но что касается небесных тел — все должно работать четко, как по расписанию.

— Но это *невозможно!*

Лицо Харви выражало отчаяние. Синтия тоже выглядела испуганной.

— Я знаю, — тихо сказал Харви. — Еще бы мне не знать.

И тут Ник вспомнил разговор с одним иезуитским священником, состоявшийся месяца два назад.

Это начнется на небесах...

Преподобный отец Билл Райан вернулся в город после того, как пять лет скрывался на юге, и по-прежнему не афишировал своего присутствия. Только горстка людей знала о его возвращении — ведь для полиции он все еще находился в розыске.

Бедный отец Билл... Годы отшельничества не прошли для него даром. Он состарился и вел себя как-то странно. Стал раздражительным, пугливым и злым. И говорил о каких-то непонятных вещах. Ничего конкретного, лишь загадочные предупреждения о приближающемся Армагеддоне. Но с окончанием холодной войны, когда русские начали вести себя по-лучше, эти речи утратили свой особый смысл.

Но о чем Билл высказывался вполне определенно, так это о месте, где все начнется.

Начнется это на небесах.

Он велел Нику держать ухо востро и, если на небе случится что-нибудь странное, на первый взгляд даже незначительное, немедленно дать ему знать.

И вот случилось нечто более чем странное. Что пустяком никак не назовешь. Просто невероятное.

Это начнется на небесах.

У Ника по спине побежали мурашки, поползли по шее, по плечам. Он встал из-за стола, откланялся и пошел к телефону-автомату, установленному в холле.

2. ОТЕЦ УИЛЬЯМ РАЙАН, ОРДЕН ИЕЗУИТОВ

— Спросите его насчет сегодняшнего вечера, — сказал Глэкен, стоявший рядом с отцом Биллом, — ожидают ли они, что солнце зайдет *раньше*, чем ему положено?

Билл повернулся к телефону и повторил вопрос. Ник отвечал несколько взволнованно. Билл даже уловил дрожь в его голосе.

— Не знаю. И уверен, что Харви и Синтия тоже не знают. Это область неизведанного. Ничего подобного прежде не случалось. Все идет шиворот-навыворот.

— О'кей, Ник. Спасибо за звонок. Пожалуйста, держи меня в курсе. Дай знать, как прошел закат.

«Да что ты говоришь! Держать тебя в курсе! А что вообще происходит? И откуда ты знал, будто что-то должно случиться? Как все это понимать?»

Билл почувствовал, что страх, охвативший Ника, — страх неизвестного, и захотел сказать ему что-нибудь ободряющее. Но утешительных слов не нашел и только проговорил:

— Как только узнаю что-нибудь, непременно скажу. Обещаю. Заходи вечером. Буду ждать. До свидания.

Билл повесил трубку и обернулся к Глэкену, но старик разглядывал парк, высунувшись из окна, и, похоже, делал это уже достаточно долго. Глэкен выглядел лет на восемьдесят, а может быть, и на девяносто: седовласый, с глубокими морщинами, но богатырского сложения, он занимал собой весь оконный проем. Последние два месяца Билл жил здесь, на квартире у Глэкена, помогал ему ухаживать за больной женой, разъезжал с ним по городу, пока тот проводил «исследования», но главным образом пребывал в ожидании.

Огромная квартира занимала весь верхний этаж и была сплошь увешана весьма любопытными, если не сказать странными полотнами. Стена справа от Билла представляла собой зеркало, и он, внимательно рассмотрев отражение незнакомого лица, вдруг понял, что это он сам. Сбрав бороду и укоротив волосы, он полностью изменил облик, но никак не мог привыкнуть к своим гладко выбритым щекам, делавшим его значительно старше. Седина была у него уже не первый год, но борода хотя бы скрывала морщины. А теперь он выглядел на все пятьдесят.

Билл подошел к Глэкену и встал у него за спиной. Вот и закончилось ожидание. В первый момент Билл даже обрадовался, но тотчас же сжался от страха, поняв, что лишь сменил один вид неопределенности на другой. Тревожный вопрос: «*Когда же это начнет-ся?*» — сменился другим: «*Что же все-таки началось?*»

— А вы не выглядите очень удивленным, — сказал Билл.

— Я почувствовал что-то необычное сегодня утром. Ваши друзья лишь подтвердили мои подозрения. Настало время перемен.

— Однако, живя здесь, вряд ли можно это заметить.

Двенадцатью этажами ниже, через дорогу, в лучах летнего солнца поблескивал зеленью листвы Центральный парк.

— Да, вы не сразу обнаружите изменения. Но необходимо обратить свои взоры вниз и ждать дальнейших проявлений на земле.

— Каких именно?

— Этого я не знаю. Но если он будет следовать заведенному им порядку, то следующего шага нужно ждать здесь, на земле. И когда он соберется с силами...

— Значит, он еще действует не *в полную силу*...

— Чтобы действовать в полную силу, ему необходимо время. К тому же, играя с длиной дня, он преследует какую-то цель — это его обычный метод.

— Значит, еще не в полную силу, — сказал Билл мягко, чувствуя себя совершенно подавленным. — Боже

мой, если то, о чем вы говорите, — правда, если он способен задерживать восход солнца, когда действует еще не в полную силу, что же он натворит, когда станет все-
сильным!

Глэкен обернулся и пронзил Билла взглядом своих глубоко посаженных голубых глаз.

— Все, что угодно. *Все*, что ему заблагорассудится.

— Ник сказал, что задержка восхода солнца — вещь невозможная, — промямлил Билл, хватаясь за последнюю соломинку. — Это противоречит физическим законам.

— Нам нужно забыть и о физических, и любых других законах. Законы создали мы, чтобы придать смысл нашему существованию и объяснить окружающую нас Вселенную. Сейчас их нужно отбросить. Такие понятия, как физика, химия, гравитация, время, в конце концов сведутся к бесполезным, лишенным всякого смысла формулам. Часть законов уже утратила смысл после сегодняшнего восхода солнца. Еще многие последуют за ними и уйдут в небытие. Сегодня утром мы начали движение к миру, лишенному времени и законов.

Из спальни донесся старушечий голос:

— Гленн, Гленн, где ты?

— Иду, Магда, — ответил Глэкен, понизив голос и сжав руку Билла. — Вряд ли мы сможем его остановить — разве что задержать.

Билл собрал всю свою волю, чтобы ответить, чтобы стряхнуть с себя охватившие его оцепенение и апатию. Никогда еще он не был в таком мрачном настроении.

— Каким образом? Можем ли мы надеяться противостоять силе, способной приостановить восход солнца?

— Не можем, — ответил старик жестко. — С подобными мыслями мы ничего не сможем сделать. И это как раз та реакция, которой он от нас ждет, — отчаяние и чувство безнадежности. Он слишком могуществен. Стоит ли вступать с ним в борьбу?

— Хороший вопрос, — отозвался Билл.

— Нет. — Глэкен до боли сжал руку Билла. — *Скверный* вопрос. Так он обязательно победит, даже без боя.

Да, это вполне *возможно*. На самом деле я почти уверен, что у нас нет шансов. Но я сражался с ним слишком долго, чтобы сидеть сложа руки, ожидая своей гибели. Я думал, что смогу. Хотел пересидеть, переждать все это. Поэтому и взял имя Вейер. Я ни в чем не участвовал, просто сидел и наблюдал. И все это время ждал кого-то сильного, кто встал бы на пути Расаломы. Но никто не пришел. И теперь я чувствую, что не могу больше сидеть и смотреть, как он все прибирает к рукам. Пусть этот ублюдок хорошенько попотеет, если хочет заполучить мир. Пусть *заработает* его.

Было в словах Глэкена, в его манере говорить, в его сверкающих глазах что-то, взбодрившее Билла.

— Я всей душой «за», но сможем ли мы сделать так, чтобы он хотя бы почувствовал, что был в схватке с нами?

— О да. Об этом я позабочусь.

И снова доносившийся из спальни голос Магды вклинился в их разговор:

— Хоть кто-нибудь меня слышит? Есть тут кто-нибудь? Или меня бросили умирать одну?

— Я лучше пойду к ней, — сказал Глэкен.

— Могу я чем-то помочь?

— Нет, спасибо. Ее просто надо успокоить, но я был бы вам очень признателен, если бы вы побыли с ней вечером, пока я не вернусь. Мне необходимо уйти по делу.

— А моя помощь вам не нужна?

— Нет, я должен встретиться кое с кем наедине.

Билл ждал продолжения, но Глэкен ничего больше не стал объяснять. За последние два месяца Билл понял, что старик не любит распространяться о себе, дает минимум информации, самой необходимой, а остальное носит в себе.

— О'кей. Я собираюсь зайти потом к Кэрол. Скажу ей, что началось.

— Вот и прекрасно. Только скажите, что все случилось не по ее вине.

— Так я и сделаю. — Билл собрался было уходить, но вдруг остановился. — Мы действительно сможем дать бой Расалому?

— Если я соберу воедино все необходимые элементы, у нас будет оружие.

— Неужели? — Билла пугала зародившаяся в нем надежда. — Когда же мы начнем их собирать?

— Завтра. Вы сможете отвезти меня на Лонг-Айленд? Только обязательно наденьте сутану.

Какая странная просьба. Почему Глэкен хочет, чтобы он выглядел как священник?

— У меня нет сутаны. Я... я больше не верю во все это.

— Знаю. Но я должен выглядеть как можно внушительнее, а присутствие иезуитского священника придаст дополнительный вес моим аргументам. Мы подберем для вас новую сутану.

Билл пожал плечами:

— Что ж, раз это принесет пользу нашему делу... А где именно на Лонг-Айленде?

— На Северном побережье.

Хорошо знакомое чувство всколыхнуло Билла.

— Я вырос в тех краях.

— Да, в городке Монро.

— Откуда вы знаете?

Он пожал плечами:

— Именно туда мы и отправимся.

— В Монро? В мой родной край? Почему?

— Потому что одна часть оружия находится там.

В Монро? Билл был озадачен.

— Но ведь это поселок с гаванью, совсем крохотный. Какое оружие вы собираетесь там искать?

Глэкен вышел из зала и направился к жене, коротко бросив через плечо:

— Одного маленького мальчика.

Билл поднялся на восьмой этаж и постучал в дверь дома, расположенного на западных окраинах, в районе Семидесятой авеню. Ему открыла стройная блондинка с правильными чертами лица и чуть вздернутым носиком, придающим ему слегка вызывающее выражение. Она была бледнее обычного, и глаза ее беспокойно бегали.

— Что, началось? — спросила она.

В свете послеполуденного солнца, заливавшего комнату, она выглядела какой-то воздушной, неземной. И где-то в глубине души Билла проснулось давнее чувство, которое он старался в себе подавить.

— Откуда ты знаешь? — спросил Билл, закрыв за собой дверь.

— Услышала по радио о запоздавшем закате, — слезы полились у нее из глаз, губы задрожали, — и сразу поняла, что все это устроил Джимми.

Билл обнял ее, и она задрожала, обмякла в его руках, повиснув у него на шее, ухватилась за него как за соломинку. Билл закрыл глаза, и его захлестнула волна нахлынувших чувств. Ему так не хватало в последнее время положительных эмоций!

На протяжении двух месяцев, прошедших со времени ужасных событий в штате Северная Каролина, все вокруг виделось ему в мрачных тонах. Трижды, начиная с 1968 года, у него возникало чувство, что мир перевернулся. Сначала насильственная смерть мужа Кэрол и его старого друга Джима Стивенса, вслед за этим загадочные убийства в особняке Хэнли и бегство Кэрол — он смог перенести и это. Пять лет назад погибли в огне его родители, а Дэнни Гордон был изувечен. После всех этих ужасов он бежал и годами скрывался, а едва оправившись, узнал о зверском убийстве Ренни Аугустино, самоубийстве Лизл и вдобавок присутствовал при эксгумации трупа Дэнни Гордона.

Не то чтобы Билла мучили воспоминания о прошлом — он вообще не был уверен, что сохранил способность страдать. Он почти силой заставил себя вернуться в Нью-Йорк, но и там ему было неуютно. Впрочем, как и в любом другом месте. В этом шумном, многолюдном городе он не боялся подпустить к себе близко только двоих из прошлой жизни — Ника Квинна и Кэрол Трис.

— Пора бы тебе не называть его больше Джимми и уяснить, что его зовут Расалом. Пора перестать думать о нем как о своем сыне. Запомни: в нем нет ничего от тебя или от Джима. Это кто-то совсем другой.

— Я знаю, Билл, — сказала она, прижимаясь еще крепче, — я понимаю это умом. Но сердце говорит мне, что, люби я его больше, будь ему лучшей матерью, он стал бы совсем другим. Может быть, это безумие, но я не могу избавиться от этой мысли.

— Даже когда он был еще ребенком, никто не мог сделать ничего такого, что хоть немного повлияло бы на ход событий, разве что придурить его в колыбели.

Он почувствовал, как застыла Кэрол в его объятиях, и пожалел о сказанном. Но все это было правдой.

— Не нужно.

— Ладно, только не называй его больше Джимми, хорошо? Он не Джимми. И никогда им не был. Он стал тем, кто он сейчас, задолго до того, как занял место в твоей утробе. И задолго до твоего рождения. И не от твоей заботы он стал таким. Он был таким с самого начала. И не вини себя ни в чем.

Он стоял посреди крошечной комнаты, прижимая Кэрол к себе, разглядывая украдкой седые ниточки, затерявшиеся в ее платинового цвета волосах, вдыхая их аромат. Он почувствовал, как поднимается в груди желание и теплой волной сползает вниз, к животу. Каким же он стал несдержанным! Когда он был священником, проблемы секса для него не существовали. Но после того, как прежние жизненные устои рухнули, погребенные вместе с обуглившимися останками Дэнни Гордона, все вышло из-под контроля. И вот он стоял здесь, сжимая тоненькую, хрупкую Кэрол Трис, бывшую Кэрол Стивенс, урожденную Кэрол Невинс. Возлюбленную его студенческих лет, вдову его лучшего друга, ныне жену другого человека. Для священника, даже бывшего, это было недопустимо.

Билл мягким движением подался чуть назад, так, чтобы между ними осталось крошечное пустое пространство — «лазейка для призрака Холли», как ему в детстве говорили монахи.

— Значит, договорились? Ты ни в чем не виновата.

Она кивнула:

— Да, но как я могу запретить себе быть его матерью? Скажи, Билл, как я могу с этим справиться?

Он с трудом удержался, чтобы снова не сжать ее в объятиях: такая боль была в ее глазах.

— Не знаю, Кэрол. Но тебе придется этому научиться, иначе ты сойдешь с ума. — Они обменялись взглядами, Билл продолжал: — А как ведет себя Хенк? Он уже знает?

Она покачала головой и отвернулась:

— Нет. У меня не хватило сил рассказать ему.

— Ты думаешь...

— Ведь ты знаком с Хенком и знаешь, что он за человек.

Билл молча кивнул. Он встречался с Генри Трисом не раз, дважды обедал у них — как священник и старый друг семьи. Хенк работал в фирме, занимающейся программным обеспечением компьютеров, в должности инспектора, отличался прямоот характера и привык всегда и во всем расставлять точки над «i». В общем, человек хороший, достойный, к тому же очень *организованный*. Без какого бы то ни было намека на спонтанность. Билл и представить себе не мог, чтобы Хенк хоть раз в жизни сделал что-то импульсивно, поддавшись сиюминутному настроению. Как он был не похож на первого мужа Кэрол, Джима! Он также не мог представить себе Генри Триса и Кэрол любящей парой. А может быть, просто не хотел? Не исключено, что Хенк — это как раз то, что ей нужно, особенно после хаоса, царившего прежде в жизни Кэрол. Стабильность, упорядоченность, предсказуемость — все это Хенк мог ей дать. Что ж, ему и карты в руки. Пусть Кэрол будет счастлива и чувствует себя в безопасности.

Но, несмотря на все эти рассуждения, Билла по-прежнему влекло к Кэрол.

— Как рассказать ему все, что известно нам с тобой? — промолвила Кэрол. — Он ни за что не поверит. Просто подумает, что я сумасшедшая, и заставит обратиться к психиатру. Но я не виню его. Возможно, на его месте я поступила бы точно так же.

— Но теперь, когда солнце вытворяет что-то невероятное, у нас появились неопровержимые доказательства. Кэрол, рано или поздно он все равно узнает. Конечно, если ты примкнешь к нам.

— Возможно, он поверит, когда встретится с Глэкенем. Ты же знаешь, Глэкен умеет убеждать.

— Во всяком случае, стоит попробовать. Я с ним поговорю об этом. — Билл посмотрел на часы. — Когда придет Хенк?

— Он может появиться в любую минуту.

— Тогда мне лучше уйти.

— Нет, Билл, — она сжала его руку, — останься, пожалуйста.

Он почувствовал, как струится из ее ладони тепло.

— Не могу. Глэкен оставил мне кучу поручений. Теперь, когда Расалом сделал первый шаг, старик готовит ответный удар. Сейчас ему нужны мои быстрые ноги.

Билл порывисто обнял ее и торопливо покинул комнату. Врать Кэрол для него было невыносимо. Но как ей сказать, что внутри у него все переворачивается, когда Генри Трис входит в квартиру и вместо приветствия чмокает ее в щеку. Неужели Хенк не понимает, какое ему досталось сокровище? Неужели не догадывается, что Билл отдал бы все, чтобы занять его место?

Но не только поэтому хотел он уйти. Он боялся сближаться с Кэрол, боялся привязаться к ней. Ведь она замужем. К тому же, что гораздо важнее, все, кто ему дорог, в кого он вкладывал частичку души, погибли.

Биллу хотелось посидеть одному в уютном полумраке, выпить пива, и он отправился искать укромное местечко.

3. МАСТЕР ДЖЕК

Что-то грабитель нынче пошел не тот. Пока Джек слонялся здесь битый час, это была уже вторая его находка. Точнее, нашли его. На нем была маечка с надписью «Кафе любителей хард-рока», джинсы-варенки, кепочка «Я люблю тебя, Нью-Йорк». Ни дать ни взять — заезжий турист. Отличная приманка, как кусок сырого мяса для голодного волка.

Заметив парня, который за ним увязался, он свернул с тротуара в заросшую зеленью аллею. Фонарь, установленный справа в западной части Центрального парка, бросал свет на деревья. Вдали виднелись горевшие круглый год рождественские огни на деревьях, высаженных в ряд около таверны «У леса».

Джек внимательно изучал стоявшего перед ним парня. Высокий, могучий, лет двадцати пяти, футов шесть ростом, весом не менее ста фунтов. Он был выше его самого примерно на дюйм и фунтов на тридцать потяжелее. Густые русые волосы со светлым отливом нависали над правым глазом. Слева, над ухом и под ним, кожа была гладко выбрита, словно вокруг озера Вероника прошлись с газонокосилкой. Бледное прыщавое лицо, в одном ухе серьга в виде черепа на цепочке. Черные ботинки, черные мешковатые брюки, кожаные перчатки без пальцев, какие носят ребята из спецназа. Он приставил к животу Джека нож.

— Это ты мне, Рэмбо? — спросил Джек.

— Ну да, тебе, — ответил парень гнусавым голосом, подергиваясь всем телом, посапывая, переминаясь с ноги на ногу. — Я с тобой разговариваю. А ты что, еще кого-то здесь видел?

Джек огляделся:

— Да нет, наверное, если бы тут был кто-то еще, ты вряд ли вел бы себя таким образом.

— Давай сюда кошелек!

Джек посмотрел ему в глаза. Этот момент он любил больше всего.

— Не дам.

Парень отпрянул, будто получил пощечину, и ошалело взглянул на Джека. Видимо, не знал, что делать дальше.

— Что ты сказал?

— Я сказал «нет». Н-е-т. А что? Ты впервые слышишь такое слово?

А ведь, пожалуй, так оно и было. Видимо, он вырос в доме — не в семье, а именно в доме, где родители его были просто сожителями в чисто физическом смысле, а не в духовном и отпрыска наделили своими ДНК и, пожалуй, больше ничем. В доме, где никто не брал на

себя труд сказать «нет». Говорить «нет» — значит, заботиться о ребенке. Чтобы сказать «нет» и стоять на своем, от человека требуется настойчивость и последовательность. А это стоит усилий. А может быть, он вырос в доме, где один из сожителей лупил его почем зря каждый раз, когда он попадался под руку, просто так, от нечего делать — не важно, хорошо он вел себя или плохо, — пока он окончательно не запутался, не понимая, чего от него хотят.

Чтобы водить машину, носить оружие, рыть траншеи, торговать горячими сосисками с тележки, нужна лицензия, но никто не требует лицензии на рождение ребенка. Разумное обоснование любого вида лицензий на тот или иной род деятельности — это угроза общественной безопасности. Но вот перед вами парень, которого произвели на свет четверть века назад, потом либо избивали, либо не обращали на него никакого внимания, либо и то и другое вместе, а теперь он днем покуливает крэк, а по ночам грабит случайных прохожих в Центральном парке. Его зарядили, как револьвер. И в настоящее время он представляет угрозу для общества.

Так почему бы не ввести лицензию для будущих родителей?

Не важно, к какому классу он принадлежит — высшему, среднему или к низам общества. Он уже больше не живет там, где вырос, будь то Бойс или Бронкс, он пришел сюда, в Центральный парк, и являет собой такую же угрозу, как бомба замедленного действия, готовая взорваться в определенное время. И теперь уже не важно, что там с ним делали в детстве — унижали, игнорировали, — все это в прошлом, и Джек уже ничего не может с этим поделать. Важно теперь то, что парень этот сейчас стоит перед ним в Центральном парке, вооружен, опасен и несет с собой смерть. Вот с чем приходится считаться в настоящий момент.

— У тебя что, с головой не в порядке? — спросил парень, повысив голос. — Давай сюда кошелек, а то кишки из тебя выпущу. Ты этого добиваешься?

— Нет, — ответил Джек, — я как-то не жажду, чтобы ты выпустил из меня кишки. — Он вытащил

смятые купюры. — Слушай, я кошелек дома забыл. Может, это тебя устроит?

У парня округлились глаза. Он вытянул вперед свободную руку:

— Давай сюда.

Тут Джек убрал руку в карман.

— Не дам.

— Ах ты, мудака трахнутый!

Парень рванулся вперед, метя острием ножа в живот Джеку. Тот быстро отступил, оставив себе достаточно места для маневра. Не то чтобы он ждал особых сюрпризов от этого парня. Судя по виду, дряблые мускулы и замедленная реакция. Но с ножом, похожим на зубчатую пилу, не поспоришь. С ним шутки плохи.

Парень неуклюже повернулся и снова бросился на Джека, на этот раз метя повыше — в лицо. Джек завернул его руку назад, схватил за запястье, перехватил второй рукой и с силой дернул. Парень вскрикнул от боли, его рука, сжимавшая нож, оказалась вывернутой. Он уперся каблуком Джеку в голень и рванулся назад. Джек поморщился от боли и, стиснув зубы, вышиб из-под себя ногу грабителя, продолжая выворачивать ему руку, а когда тот упал, поставил ногу ему на плечо, как бы пригвоздив к земле.

Затем он остановился и сосчитал до десяти.

Джек знал, что в такие моменты рискует потерять над собой контроль. В слепой ярости он готов был сделать с этим парнем все, что угодно, мог выместить на этом ничтожестве накопившиеся злость и тоску.

Они накапливались в нем день за днем, пока он жил здесь. И на душе становилось все гаже, все тяжелее.

Город стал неуправляемым. Казалось, ни у кого не осталось ни капли гордости или самоуважения. Они были готовы совершить любой самый недостойный поступок. Даже вырвать кошелек у старухи или отнять у малыша банку с леденцами. Для них не существовало больше ни мелочных деяний, ни низких поступков. Все средства хороши, если можно что-то урвать. Ведь не пойман — не вор. Такова была новая этика поведения. Мое — это то, что я могу взять и

сохранить. Что плохо лежит, станет моим, главное — ловко стащить и вовремя смыться. Человек цивилизованный чувствует себя теперь как загнанный зверь. Кто смог — тот уехал, остальные самоустранились, стали пассивными, реже выходят из дому и появляются в общественных местах. А несчастные, которым приходится выходить на улицу и ездить в метро, превратились в добычу для хищников. И знают об этом.

Вечером этого дня по дороге в парк Джеку то и дело попадались машины с табличкой «Без радио» за стеклом. На каждой улице их было множество. Типичный пример, как жители города реагируют на действия хищников. Не веря в способности городских властей защитить их на улицах города, они снова сделали шаг назад в направлении, в котором двигались последние два десятилетия. Припарковав автомобиль, они вынимали из него радио и уносили в крепость со стальными дверями и зарешеченными окнами, которую называли родным домом. Еще один осажденный бастион пал. Предыдущее поколение жителей города убрало с улиц все, что им принадлежало. После того как кусты перед домом неоднократно выкапывали или вырывали с корнем, люди просто перестали их сажать, а самые крупные приковали цепями.

Джек был сыт по горло уступками и отступлениями. Дальше отступать он не собирался. И когда кто-то из этих тварей попадался ему, как попалась сегодня эта сволочь, этот кусок дерьма, ему хотелось вбить проклятую мразь в землю, чтобы мокрого места не осталось. Поэтому, чувствуя прилив слепой ярости, он считал до десяти, пытаясь загнать это чувство поглубже. Существовала невидимая граница, линия, вдоль которой он шел осторожно, на цыпочках, старался ее не переступить. Переступить — это уподобиться им.

Джек перевел дыхание и посмотрел на лежащего перед ним грабителя.

Тот жалобно поскуливал:

— Слушай, ты что, шуток не понимаешь? Я ведь только...

— Брось нож!

— Все, все, бросаю!

Его пальцы разжались, и нож с огромным лезвием, выскользнув из перчатки, упал на землю.

— О'кей. Я выбросил нож, о'кей. Может, отпустишь меня?

— А ну-ка, выверни карманы!

— Да ладно тебе...

Джек придавил его к земле ботинком.

— Я сказал: *выверни карманы*.

— Хорошо, хорошо.

Грабитель достал из заднего кармана брюк истрепанный кошелек и пододвинул Джеку.

— Выкладывай все!

Перекатываясь с боку на бок, парень вытащил из передних карманов две мятые пачки денег и бросил поверх бумажника.

— Ты что, из полиции?

— Думай что хочешь.

Джек опустил на корточки, просмотрел все, что выложил грабитель: около сотни наличными, с полдюжины кредитных карточек, золотое колечко, какие обычно носят студентки. В бумажнике лежали два банкнота по двадцать долларов, три однодолларовые, а удостоверения личности не было.

— Вижу, ты хорошо поработал сегодня.

— Ранней птичке червячок достается.

— Сам ты червяк. Это все за сегодня?

— Слушай, ты меня без ножа режешь. Знаешь, как мне нужны эти деньги?

— Детишкам больше нужны.

Да, детской лиге они очень пригодятся. Из года в год дети из местных команд, играющие здесь, в Центральном парке, обивали пороги в поисках средств на спортивную форму и снаряжение. Последние пять-шесть лет у Джека вошло в традицию помогать им, коллекционируя подобные ночные приключения в парке. Если другие участвовали в марафонах, то у него ежегодно проходил своеобразный «паркофон». Единственная польза от всей этой мрази, которой по ночам кишел Центральный парк, — это то, что им приходилось делать добровольные пожертвования на

ребятишек, которые играли здесь днем. Так, по крайней мере, виделось Джеку.

— Ну-ка, покажи руки, — сказал Джек.

Он заметил, что за последние несколько лет грабители как-то измельчали. Взять, к примеру, хоть этого парня. На руках у него был один-единственный перстень, и то дешевый, оловянный, с черепом, в глазницы которого вставлены красные стекляшки.

— А золотишко где? — поинтересовался Джек и отвернул ему воротник. — Даже цепочки нет. Ну, мне тебя жаль. Весь стиль растерял.

— Я человек рабочий, без всяких там наворотов, — ответил парень, повернувшись и бросив взгляд на Джека.

— Да? Ну и над чем ты сейчас работаешь?

— *А вот над этим.*

Парень дотянулся до ножа, схватил его и хотел всадить Джеку в пах, но Джек вскочил и пнул его ногой в лицо, когда тот снова замахнулся. Парень упал навзничь, а Джек сел на него, придавив ему руку ботинком к земле, как и в первый раз.

— Эту сцену мы уже играли, — процедил Джек сквозь зубы. В нем снова всколыхнулась слепая ярость.

— Слушай, — парень говорил невнятно, поскольку рот его оказался прижатым к земле, — я знаю, где достать бабки.

— Хватит мне зубы заговаривать.

— Только отпусти...

Тут он вскрикнул от боли. Джек ударил его ногой в плечо, одновременно резко встряхнув его руку. Хрустнул вывихнутый сустав.

Нож вывалился из руки незадачливого Рэмбо. Джек ногой отпихнул его в сторону. Пока скорчившегося от боли парня выворачивало наизнанку, Джек собирал разбросанные вещи и деньги. Он вытряхнул все из бумажника, потом швырнул его парню в спину и пошел в ту сторону, где сияли огни.

Джек не мог решить, прогуляться ему в поисках третьего грабителя или пойти спать. Он подсчитал в уме, что его доход составил сотни три наличными и примерно столько же золотом. В этом году он поста-

вил себе целью собрать за «паркофон» тысячу двести долларов. Бывало, во время весеннего «паркофона» он запросто собирал до тысячи в одну ночь, но в нынешнем году вряд ли это получится. А значит, завтра он снова должен будет прийти сюда и потрясти еще парочку бандитов, заставив их раскошелиться и не жадничать.

Поднимаясь по склону в направлении западной части Центрального парка в районе шестидесятых авеню, он встретил пожилого мужчину в дорогой спортивной куртке и серых слаксах. Он прогуливался с тростью по той стороне улицы, где начинался парк.

А футах в двенадцати слева от него тощий парень в грязных джинсах «Ливайс» и заношенной гавайской рубашке метнулся из кустов и побежал так, что пятки засверкали. Джек подумал, что парня кто-то преследует, но потом заметил, что тот ни разу не оглянулся. Так что, скорее всего, он сам кого-то преследовал. Джек понял, что он бежит к пожилому мужчине.

Джек на секунду заколебался. Не лучше ли спуститься по склону и не ввязываться ни в какие истории? Он вспомнил, как пытался не раз сыграть роль доброго самаритянина, но всегда попадал в кипящий котел. Стоит Джеку вмешаться, и его легко будет спутать с обладателем гавайской рубашки. Его станут искать по описанию внешности, и жизнь его, и без того непростая, станет еще сложнее. Он и так набил себе не одну шишку.

И все-таки невозможно стоять в стороне, когда эти твари, которыми буквально кишит парк, сбивают с ног пожилого мужчину, пинают его, выхватывают бумажник и ныряют обратно в кусты. Нет, он так не может. Это было бы еще одной уступкой.

Да и настроен он сегодня решительно, как никогда.

И вот Джек тоже рванулся за очередной жертвой бандита. Парень был уже далеко, и Джек не надеялся его обогнать. Но помешать ему успеет. Ведь так просто врезать подонку по спине обеими ногами, сломать несколько ребер и отстегать так, чтобы запомнил на всю оставшуюся жизнь. Убедиться, что парень

лежит спокойно, и продолжить свой путь по Центральному парку.

Между тем парень приближался к цели и уже вытянул руки, как вдруг мужчина отошел в сторону и выставил вперед трость. Парень упал ничком и, громко матерясь, пропахал носом дорожку. Но как только попытался встать на ноги, мужчина взялся за конец трости обеими руками, словно за клюшку при игре в гольф, крикнул: «Бросок!» — и тяжелый металлический набалдашник, описав в воздухе дугу, опустился на голову парня. Раздался хруст. Грабитель застыл на месте, а потом, словно куль с мукой, отвалился назад.

Джек остановился как вкопанный, потом разразился хохотом.

— Вот это да! — восторженно воскликнул он, указав рукой на пожилого джентльмена.

Оказывается, Джек не один такой в городе. Не переставая улыбаться, он медленно двинулся с места, собираясь обойти старика на солидном расстоянии. Тот следил за каждым его шагом.

— Не беспокойтесь, — сказал Джек, показывая свои пустые руки, — я не бандит.

— Знаю, Джек.

Джек внезапно остановился, едва не споткнувшись, и обернулся. Старик снова взял трость за набалдашник, переступил через бандита, как через кучу мусора, и как ни в чем не бывало направился к Джеку. Да, старик умел держать стиль.

— Почему вы назвали меня Джеком?

Старик подошел к нему почти вплотную. Седые волосы, лицо в морщинах, тусклые глаза.

— Ведь это вы — мастер Джек?

Джек внимательно рассмотрел его. Даже ссутулившийся, он был выше Джека. Здоровенный мужик. Старый, но могучий. Джек не любил, когда его узнавали. Это было опасно, тем более он видел старика впервые. Но сейчас он почувствовал что-то притягательное в легкой улыбке, игравшей на губах мужчины.

— А я вас знаю?

— Нет. Кстати, меня зовут Вейер. — Он протянул руку. — Я уже давно хотел встретиться с вами, для того и пришел сюда сегодня.

Джек, несколько озадаченный, пожал протянутую руку.

— А как вам удалось...

— Может быть, пройдемся немного?

Они пересекли западную часть Центрального парка и направились к Колумбус-авеню.

— Может быть, объясните, что происходит?

— Насколько мне известно, близится конец света.

Да, ничего себе. А у старичка, оказывается, не все дома.

— Знаете, очень приятно было с вами познакомиться, но мне тут еще надо выполнить кое-какие поручения...

— Вы думаете, я сумасшедший?

— Конечно нет, но...

— Мне просто казалось, что после знакомства с ракшасами вы, в отличие от обывателя, отнесетесь ко всему этому спокойно.

Тут он вспомнил все те ужасы и ощущение смерти, которые ему пришлось пережить этим летом. Джек остановился и крепко сжал руку Вейера:

— Подождите, а откуда вы знаете про ракшасов? И что именно вы про это знаете?

— У меня нюх на некоторые вещи. Я почувствовал их приход. Но окончательно уверился в правильности своего предчувствия, когда увидел ожерелья на мистере Бхакти и его сестре.

Джек почувствовал, что теряет дар речи. Два человека знают про ракшасов и ожерелья. Во всем мире не было для Джека людей важнее, чем они. Джия и Вики. И еще один человек.

— Вас прислала Калабати?

— Нет, я сам хотел бы знать, где она сейчас. Именно о Калабати и ожерельях я и хочу с вами поговорить. — Он улыбнулся Джеку. — Так вы очень спешите?

— Ничего, мои поручения подождут. Вы любите пиво?

— Обожаю.

— Тогда давайте я отведу вас в одно местечко, где можно поговорить.

— Мне нравится вывеска вон того бара, — сказал Вейер.

Бар принадлежал Джулио, а на вывеске было написано: «Завтра пиво будет бесплатным». Раньше Джек не замечал ее.

— Да, из-за этой вывески у него бывают порой неприятности.

Они уже приняли по третьей пинте «Храбрости Джона». Вначале Джулио наливал это пиво только Джеку, но вскоре этот доступный напиток стал любимым у завсегдатаев, и теперь заведение наводнила буквально вся окрестная шпана.

Но сегодня, к счастью, здесь было относительно спокойно, и Джек со стариком нашли в уголке довольно тихое местечко, где им никто не мешал. Джек обычно предпочитал укромные места, а сегодня особенно. Очень не хотелось, чтобы кто-нибудь подслушал историю, рассказанную ему Вейером. Она казалась невероятной, даже дикой, хотя слово «дикая» имело столько же общего с этой историей, сколько разрывной снаряд с наркотической таблеткой.

Но была в старике какая-то притягательная сила, что-то, что заставляло верить ему. На каком-то глубинном, простейшем уровне он чувствовал общность с Вейером, связь на уровне подсознания, духовную близость. Такой человек не мог лгать.

Правда, это не означало, что его не смущает гипотетический разрывной снаряд.

Он и раньше знал о ракшасах — мрачных, смертоносных, зловонных существах, похожих на демонов из бенгальского фольклора, и о Калабати и ее двух ожерельях, которые лечили болезни и удлиняли жизнь.

— В свое время я носил одно из этих ожерелий — Бати предлагала его мне насовсем.

— И вы отказались? Почему?

— Не сошлись в цене.

Вейер одобрительно кивнул. Это озадачило Джека. Куда он клонит, этот старик?

— Значит, история с запоздалым восходом, о котором теперь только и говорят, — дело рук Расалома? Он задержал восход солнца?

— А также приблизил время заката. Вы, видимо, еще не слышали вечерних новостей. Солнце зашло на десять минут раньше, чем обычно.

От мысли, что солнце больше не следует законам природы, у Джека все похолодело внутри.

— Допустим, вы правы. Что же тогда?

— Я уже говорил.

— Все верно. Конец света, как мы его себе представляем. — У Джека не хватало смелости задать следующий вопрос. — А зачем я вам нужен?

— Я пытаюсь отыскать Калабати.

Калабати... Джек был полностью предан Джие, а сейчас больше, чем когда бы то ни было. Но изредка он мысленно возвращался к Калабати и словно видел ее перед собой: высокую, стройную, смуглую.

— Вряд ли я смогу вам помочь. Годы прошли с тех пор, как я ее видел.

— Конечно, я понимаю. Но я все равно ее найду. И вот тогда мне понадобится ваша помощь.

— Для чего?

— Мне нужны ожерелья.

Джек едва сдержал смех:

— Вы просите о невозможном. Калабати их никогда не отдаст. Даже через миллион лет. На одно вы еще можете рассчитывать, но о двух и не мечтайте!

— А мне нужны оба. И как можно скорее.

— Лучше забудьте о них. Ожерелья сохраняют ей молодость. Ведь ей уже сто пятьдесят стукнуло.

— Не совсем точная цифра, — возразил Вейер, — но близко к этому.

— Как бы там ни было, выглядит она на тридцать, не старше. И все за счет ожерелий. Так неужели вы думаете, что она их отдаст?

— Вот поэтому я и вышел на вас. Когда я ее отыщу, вы сможете ее убедить.

— Но она погибнет без этих ожерелий.

— Я верю в вас.

Джек пристально посмотрел на него:

— Да вы действительно ненормальный! Мы с вами не договоримся. — Он резко поднялся и выложил на стол двадцатидолларовую бумажку.

Вейер залез в свой нагрудный карман и достал визитную карточку.

— Вот мой телефон. Пожалуйста, возьмите. И позвоните, когда передумаете.

Джек неохотно убрал карточку в карман:

— Не когда передумаю, а если передумаю.

— А если Центральный парк уменьшится в размерах, вы передумаете?

— Конечно. — Такое обещание, казалось, ни к чему не обязывало. — Если Центральный парк уменьшится в размерах, я вам поставлю выпивку.

— Отлично, — улыбнулся Вейер. — Я подожду.

На этом и порешили, и Джек оставил его допивать свою «Храбрость». Очень милый старикан, но, видно, шарики в голове уже не так хорошо крутятся.

По дороге домой он думал о Калабати: где она, что делает? Как выглядит сейчас?

4. КАЛАБАТИ

Мауи — высокогорный поселок

Ветер утих.

Калабати отложила книгу и поднялась с кресла. Не поняв сначала, что произошло, она взяла чашку с кофе, вышла из ланаи и несколько мгновений стояла, прислушиваясь. Что-то не так. Слишком тихо. За годы, проведенные в Мауи, она не помнила такой тишины. Соседей у нее не было, чтобы хоть с кем-нибудь перекинуться словом. Вообще никого не было, даже в пределах слышимости бычьего рева. Морской прибой она не слышала — слишком далеко находился океан, но даже когда умолкали птицы и насекомые, тишину нарушал мауийский бриз, порождение неутомимых пассатов, дующих с северо-востока, — заунывный шепот, меняющий тембр, непрерывный, бесконечный, неумолимый.

И вдруг шум исчез. Глиняные погремушки безжизненно повисли по углам раскрытой ланаи. Воздух стал неподвижным, словно решил отдохнуть. Перевести дух.

Что же случилось? Сначала пришла весть о западном рассвете, а теперь еще и это...

Калабати скользнула взглядом вниз по склону Халеакала-паст-Кула. Там, в лучах послеобеденного солнца, лежала долина. Плавной изогнутой, почти правильной формы перемычка между двумя нагромождениями застывшей вулканической лавы отделяла остров от Мауи. Долина представляла собой узкую полосу земли, на которой, как на шахматной доске, чередовались квадраты бледно-зеленого сахарного тростника, более сочная зелень ананасов, ярко-коричневые участки свежевспаханной земли с недавно выжженными побегами сахарного тростника. Она всегда проводила здесь, на ланаи, часть дня, любясь на возвышающиеся позади долины горные вершины западной Мауи, увенчанные облаками, проводила время в ожидании неизменной радуги или разглядывала тени, отбрасываемые облаками на долину, распростертую четыремья тысячами футов ниже. Но сейчас тени облаков не ползли по долине. Порывы ветра, гнавшие по небу облака, стихли. И облака, и их тени приостановили свой ход, словно застыли в ожидании.

Калабати тоже ждала. Без ветра воздух становился все теплее, но ее знобило от дурного предчувствия. Да, что-то было не так. Иногда с приходом ветров с Кона бриз менял направление, но воздух всегда находился в движении.

— Кришна, Вишну, — повторяла она шепотом, молясь древнеиндийским богам, знакомым ей еще с юных лет, — *пожалуйста, прошу вас, не дайте разрушить все это. Только не сейчас, когда я наконец обрела покой.*

Покой. Всю жизнь Калабати искала его — а жизнь она прожила достаточно длинную. На вид ей было около тридцати, а то и двадцать пять, хотя родилась она в 1848 году. Калабати решила забыть о своем воз-

расте, когда ей перевалит за сто пятьдесят, а она уже приближалась к этому рубежу.

Долгое время искала она душевное равновесие. Несколько лет назад ей показалось, что она обрела то, что ей нужно, с человеком по имени Джек, но он жестоко отверг и ее саму, и предложенный ею дар — долголетие. Она оставила его умирающим в луже крови. Скорее всего, его нет больше в живых. Эта мысль причиняла ей боль. Он так любил жизнь!

Но с тех пор я переменилась, стала другой. Теперь Калабати оказала бы Джеку помощь, во всяком случае, вызвала бы врача, хоть он и наговорил ей много жестоких слов. Это Мауи помог ей стать другой. Мауи и еще Моки. Место и человек. Благодаря им она обрела желанный покой.

Здесь, на Мауи, приникшем к лону Халеакалы, одного из крупнейших в мире действующих вулканов, все сущее казалось ей достигаемым. Если ей надоело смотреть на долину, в ясный день, или облачный, или исхлестанный струями дождя и пронзенный молниями, она шла по восточной, наветренной стороне береговой линии и в районе Ханы забиралась в джунгли. Дальше двигалась по южному склону, воображая, что бродит по африканской саванне, затем по Каананапали и Капалуа, излюбленным местам богатых туристов из Америки и Японии. После этого переходила в долину Иао и попадала под струи дождя во втором по влажности месте на Земле или возвращалась на Халеакалу и гуляла по краю кратера. Здесь, в этом пустынном месте, она могла бродить среди тысячефутовых нагромождений застывшей лавы, воображая, что изучает поверхность Марса.

Благо все сказочное было под рукой. Прямо под ланаи раскинулся серебристый сад. Она высадила ростки, которые собирала во время своих прогулок по склонам Халеакалы, и гордилась, может быть, больше, чем следовало, коллекцией кустарников с редкими шипами. Каждый приходилось растить лет двадцать, чтобы расцвел один удивительный цветок. Калабати умела ждать. У нее было достаточно времени.

Она вдруг вспомнила о чашке кофе в руках. Это был кофе с побережья Кона, лучший в мире. Она сделала глоток.

Нет, невозможно представить, чтобы ей надоело здесь, даже если бы Моки не было рядом. Просто Моки придал всему этому дополнительный смысл.

Она и сейчас слышала, как он работает в мастерской. Моки — ее канэ, ее мужчина. Он вырезал по дереву на плавниках, которые прибывало к берегу. Они вместе бродили по песчаным отмелям вдоль многочисленных ручьев и водопадов Халеакалы в поисках веток и веточек или стволов погибших деревьев, выбеленных, ставших от времени прочными. Они приносили домой эти заскорузлые, прошедшие естественную обработку куски дерева и расставляли их в мастерской Моки. Какое-то время он здесь жил, познавая их. Постепенно он раскрывал в них какие-то образы — морщины вокруг глаз пожилой женщины, изгиб спины пантеры, лапы ящерицы. Рассмотрев хорошенько все, что было спрятано внутри, Моки пускал в ход свой маленький топорик и разные долота, чтобы извлечь, вытащить на свет божий сокрытый в плавнике образ.

Сам Моки весьма скромно оценивал свои произведения. Не принимая восторженных похвал и отрицая свою роль в том, что вышло из-под резца, он говорил: «Все это уже было заложено в дереве с самого начала. Я просто убрал лишнее и освободил то, что скрывалось под этим избыточным материалом».

Но заслуживал он, конечно, самых высоких похвал. Вырезав, не чувствовал себя до конца удовлетворенным. Гавайская резьба по дереву, выполненная почти чистокровным гавайцем, с точки зрения Моки, не была исконно гавайской. Превратив плавник в скульптуру, он отправлялся с ней на большой остров и нес на себе к огнедышащему кратеру Килауеа, действующего вулкана на юго-восточном склоне Мауна-Лоа. Там он брал немного жидкой лавы, отливал ее в форме, дополняющей его творение, и, выждав, пока лава остынет до температуры, безопасной для дерева, водружал скульптуру на клейкий каменный постамент.

Впервые Калабати увидела его работы с замысловатыми узорами и завитушками и неповторимыми постаментами из лавы в художественной галерее в Гонолулу. Они настолько поразили ее воображение, что она попросила познакомить ее с автором. Она заказала ему работу и часто приходила к Моки смотреть, как он выполняет ее заказ. Этот мужчина показался ей таким же обворожительным, как и его работы. Его энергия, его неутолимая жажда жизни, его любовь к родным островам. Он был цельным, совершенным. В этом смысле он немного напоминал ей покойного брата Кусума.

Моки вожделел ее, но не нуждался в ней, и это делало его еще более привлекательным. У них сложились отношения равноправных любовников. Она и не собиралась присваивать себе право собственности на Моки, его страсть. Она понимала, что часть этой страсти он должен вкладывать в искусство, и поощряла это. Властвовать над ним, владеть им — значило разрушить дикий, самобытный и удивительный талант. Вместо того чтобы прибрать его к рукам, она научилась обходиться самым малым.

Моки не мыслил жизни без своего искусства. Он должен был оставаться Моки и гавайцем. Ему вообще хотелось бы жить и работать на Ниихау, запретном острове, древнейшем среди островов Гавайского архипелага, но чистокровные гавайцы с их примитивным образом жизни так и не удосужились его пригласить. Как и большинство гавайцев, Моки не был чистокровным, в его жилах текла еще португальская и филиппинская кровь.

Однако в душе он оставался чистокровным гавайцем, обустранивая по-гавайски свое жилище, разговаривая на старом гавайском языке и обучая ему Калабати. Они вместе уходили в те места на Халеакале, где он создавал свои произведения, мужественно перенося жар Килауеа, пока работал с постаментами.

Плоды его труда, сочетающие изящество и гротеск, были разбросаны по островам, художественным галереям, музеям, офисам крупных компаний, не говоря уже о том, что весь дом Калабати был уставлен деревянными скульптурами. Калабати нравилась суета

та, такая необычная для нее. Вообще-то она предпочитала жизнь размеренную, спокойную. Но в данном случае сделала исключение, потому что Моки был просто неотделим от суеты. Это наложило отпечаток на их совместную жизнь — их дом действительно стал их домом. И не было на земле другого такого места.

Поэтому Калабати ничего не хотела менять. Впервые за много лет умолк настойчивый внутренний голос, выражающий неудовлетворенность. Впервые она не жаждала больше новых людей, новых эмоций, сенсаций. Очередной новой вещи. Постоянство — вот что представляло сейчас для нее наибольшую ценность.

— Бати! Хеле май! — услышала она голос Моки.

Он звал ее в мастерскую. В нем звучало волнение. Калабати направилась к дому, но он уже шел ей навстречу.

Прежняя Калабати уставала от любого мужчины за две недели. Они были похожи друг на друга как две капли воды. Но появление Моки всякий раз волновало ее, хотя они уже жили вместе два года. Его каштановые волосы, длинные и густые — он считался эху, красноволосым гавайцем, — мускулистое тело, глаза, такие же темные, как у нее. Художник по натуре, тонкий, чувственный, он сумел подобрать ключ к тайнам ее души точно так же, как смог раскрыть тайну дерева.

Но при этом он сохранил свою неукротимую суть, о чем свидетельствовала набедренная повязка мало, которую он носил. С Моки один день был не похож на другой.

Вот почему Калабати называла его своим канэ и разрешила ему носить одно из ожерелий.

И ей нравились его мелодичные интонации.

— Бати, смотри!

Он показал ей левую ладонь с глубоким порезом.

— Что с тобой, Моки?

— Порезался.

— Но ведь ты часто ранишь руки?

Она заметила, что рана едва кровоточила. У него случались порезы и посерьезнее. Что же здесь особенного?

— Да, но этот случай необычный. Я так промахнулся, что долото наполовину вошло в ладонь. Кровь забила фонтаном, а потом остановилась. Я зажал рану, и через несколько минут она наполовину зажила. А пока шел сюда, почти ничего не осталось. Посмотри, она затягивается прямо на глазах.

Он был прав. Калабати напряженно наблюдала, как порез становился все меньше.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю.

Он потрогал ожерелье на шее — тяжелую цепочку из железных звеньев, на каждом звене в форме полумесяца — ведическая надпись, на впадинах выше ключиц — искусно подобранные светло-желтые камешки эллиптической формы, похожие на топаз, размером примерно с палец, оба с черной сердцевинкой. Ожерелье Моки прекрасно сочеталось с ее собственным. Эти ожерелья хранились в ее семье с незапамятных времен.

— Ты говорила, что эти штуки смогут излечивать нас, сохранять нам молодость и здоровье, но я никогда не думал...

— Да, такое действие им не свойственно, — сказала Калабати. — Ничего подобного я не видела.

Так оно и было. Ожерелья исцеляли от хвори, продлевали жизнь, спасали от смерти почти всегда, за исключением тех редких случаев, когда повреждения оказывались слишком тяжелыми. Но действовали они медленно, мягко, не так, как сейчас. Заживление ладони у Моки было похоже на дешевый показной трюк. В чем же дело?

— Но сейчас они действуют именно так, — сказал Моки, и в глазах его появился странный блеск. — Смотри!

Только сейчас она заметила нож для вырезания, зажатый в здоровой руке. Он воткнул нож в рану на левой ладони.

— Нет! — воскликнула она. — Не делай этого, Моки!

— Все в порядке, Бати. Подожди минуту, сейчас сама все увидишь.

Морщась от боли, он продолжал ковырять рану, пока не образовался разрез дюйма в четыре. Некото-

рое время он смотрел, как брызжет кровь, потом зажал рану рукой. С безумной улыбкой он стягивал пальцами края пореза, а когда разжал их, кровь остановилась, словно рану зашили.

Теперь глаза Моки сверкали, как у безумного.

— Ты видела? Ожерелье сделало меня почти неуязвимым. А может быть, и бессмертным. Я чувствую себя богом, как будто я сам Мауи.

Калабати с ужасом наблюдала, как мечется Моки по комнате. То солнце запоздало с восходом, то ветер исчез, а теперь еще и это. Она не могла избавиться от ощущения обреченности. Произошло что-то отвратительное, и в этом повинны ожерелья. Сила их возрастает. Чего же ждать на этот раз?

Вдруг снова затарахтели фигурки, подвешенные на ланаи. Она выбежала к ограде. Слава богу! Ветер вернулся. Но это был другой ветер, западный. Откуда он пришел? Откуда дует?

В этот момент Калабати окончательно поняла, что в мире произошли какие-то чудовищные изменения. Но какие? И почему?

Вдруг она скорее почувствовала, чем услышала, глубокий подземный толчок. Ланаи качнулась у нее под ногами. Халеакала? Неужели старый вулкан ожил?

Четверг

Из передачи радио FM-диапазона:

«И все-таки, что там, наверху, происходит? Закат опять задержался. Солнце, проснись! Опомнись! Сегодня ты опоздало уже на пятнадцать минут! Пора тебе завести новый будильник».

1. ГОРОДОК МОНРО

Билл едва узнал свои родные места.

Он долго в изумлении озирался, когда въехал в Монро на старом «мерседесе» Глэкена. В восточной части появились новые многоквартирные дома, новые трам-

важные маршруты, а зданиям на старой Мэйн-стрит сделали фасады из бруса под девятнадцатый век.

— Все это ужасно, — сказал он громко.

Раскинувшийся в соседнем кресле Глэкен выпрямился и огляделся.

— Уличное движение? Вроде бы ничего страшного.

— Да не уличное движение, а сам город, то, что они с ним сделали.

— Я слышал, сейчас многие города стараются привлечь туристов.

— Но это место, где я вырос. Моя родина. А сейчас оно выглядит будто павильон, стилизованный под старый китобойный поселок где-нибудь в парке с аттракционами.

— Никогда не видел таких китобойных поселков.

Билл бросил взгляд на Глэкана:

— Вы, кажется, должны в этом разбираться, не так ли?

Глэкен промолчал.

Билл вел машину, укоризненно качая головой. Происшедшие перемены его просто ужасали. Хорошо еще, что не тронули старое здание муниципалитета, а к белому шпилью пресвитерианской церкви не привязали аэростаты.

Он с облегчением заметил, что гавань для прогулочных судов Кросби сохранилась, так же как и Мемисон. Что-то от старого города все-таки осталось, и он больше не чувствовал себя совершенно потерянным.

Но он ехал сюда, чтобы снова ощутить хоть каплю тепла, почувствовать близость родного дома. Однако ничего этого в Монро не нашел.

И все-таки это лучше, чем сидеть сложа руки и ждать, пока тебя одолеет закипающая в душе тревога. Стоило ему услышать о запоздавшем восходе солнца, как его охватил страх, и он не в силах был побороть его.

— Никак не пойму, зачем я вам нужен. Разве что в качестве водителя? — сказал Билл.

Он чувствовал себя неуютно в сутане с наглухо застегнутым воротником. Хотя одежда была прекрасно

подобрана, она подходила ему лишь по размеру. Ведь он не считал себя больше священником — ни умом, ни сердцем.

— Уже одно ваше присутствие мне помогает.

— Но вы собираетесь вести разные разговоры, а я что буду при этом делать? Молчать, как дурак?

— Можете говорить все, что считаете нужным.

— Большое спасибо. Но я рта не раскрою, потому что не в курсе дела. Вы чересчур скрытны, Глэкен. Поймите же, я заслуживаю доверия и готов вам помочь.

Глэкен вздохнул:

— Конечно, вы правы. Я и не собирался держать вас в неведении. Просто привык хранить тайны. — Глэкен осекся.

— Так что же?

— Мы приехали в Монро в поисках *Дат-тай-вао*.

Билл хмыкнул:

— Ну, спасибо за разъяснение. Теперь мне все понятно.

— Это вьетнамское слово. На самом деле *Дат-тай-вао* — лишь условное название. Речь идет о силовом поле, которое так долго обитало в Юго-Восточной Азии, что вполне естественно называть теперь его тем именем, которым аборигены нарекли его столетия назад.

— *Дат-тай-вао*. — Билл с трудом выговорил незнакомые чужие слова. — А что это означает?

— В простейшем переводе это означает что-то вроде «дотронуться рукой». До наших дней дошла старая вьетнамская песенка, в которой говорится об этом:

Оно ищет, но его искать бесполезно.

Оно находит, но его никто не сможет найти.

Оно вселяется в кого-то, кто потом одним

прикосновением снимает боль и изгоняет болезни.
Но это обоюдоострое лезвие,

никогда не меняющее своей сути.
Если ты дорожишь своей жизнью,

не вставай у него на пути.
Обращайся с ним с удвоенной осторожностью — оно
поддерживает равновесие, которое может быть нарушено.

— Это одновременно восхваление и предупреждение. Дважды в день тот, кто подчинил себе *Дат-тай-вао* или сам подчинился ему — как вам будет угодно, — может в течение часа врачевать раны, снимать раковую опухоль, в общем, лечить прикосновением руки.

Еще недавно Билл посмеялся бы, услышав такое, но сейчас он молча слушал. Он вообще теперь ни над чем не смеялся.

— *Дат-тай-вао* появилось в Монро в прошлом году и материализовалось в местном враче Алане Балмере.

— Припоминаю такое имя. Он, кажется, работал одно время с доктором Альбертсом?

— Возможно. Но сейчас он сам по себе. И не занимается обычной практикой с тех пор, как *Дат-тай-вао* наделило его способностью излечивать прикосновением руки.

— Да, это он. Прошлым летом только и было разговоров, что о нем. Намекали, что он шарлатан.

— Он не шарлатан и никогда им не был. Он лечит просто отлично. А сейчас живет с Сильвией Нэш и ее приемным сыном.

— Вы, кажется, говорили, на Прибрежном шоссе?

— Да. Прибрежное шоссе, дом 297, — кивнул Глэкен.

— Район не из дешевых.

Особняк Хэнли тоже находился на Прибрежном шоссе, и Билл на миг содрогнулся, вспомнив, какие ужасы пришлось ему пережить здесь в 1968 году.

— Эти владения называются Тоад-Холл, — сказал Глэкен.

— Никогда не слышал такого названия. Наверное, недавно придумали.

Но стоило ему приблизиться к Тоад-Холлу, как он сразу его узнал. Только медная табличка на кирпичных воротах была новой. Это место на Северном побережье считалось одним из самых роскошных и принадлежало старому Боргу. Три акра земли, окруженные каменной стеной и густо растущими соснами. Сам особняк стоял в глубине, ближе к воде, сооружение со множеством шпильей, обрамленное плакучими ивами. Мысль о том,

что владения старого Борга кто-то переименовал, претила ему, но, прислушиваясь к легкому шуму бриза, похожему на шепот, и глядя на раскачивающиеся на ветру плакучие ивы, он подумал, что, пожалуй, новое название подобрано удачно.

Они с Глэкенем подошли к входной двери.

— Сейчас в доме живут четверо, — сказал ему старик на ходу. — Миссис Нэш, доктор Балмер, дворецкий-вьетнамец по имени Ба и Джеффи — приемный сын миссис Нэш.

— Вы вчера говорили, что мы ищем мальчика. Вы его имели в виду?

Глэкен кивнул:

— Да. Его маме наверняка не понравится то, что я ей скажу.

— Почему? Он что, обладает тем?..

Дверь открылась, как только они поднялись на крыльцо. Некто огромного роста, восточной наружности загородил весь дверной проем. Видимо, это был Ба. Его скуластое лицо казалось непроницаемым, но в глазах угадывалась настороженность. Взгляд метался между Биллом и Глэкенем, останавливаясь на каждой детали, соизмеряя, оценивая, классифицируя. Билл знал только одного человека с таким взглядом — Глэкена.

— Слушаю вас, сэр. Чем могу служить?

Глэкен достал из кармана визитную карточку:

— Моя фамилия Вейер. Полагаю, миссис Нэш уже ждет меня.

Ба отступил назад и жестом указал, как пройти из отделанного мрамором коридора в комнату. Из невидимых динамиков лилась музыка. На Билла волной накатила ностальгия, когда он услышал «Нерассказанную историю» в исполнении Натмегов. Они с Кэрол танцевали под эту музыку на вечерах в гимназии, где училась дама его сердца, не далее чем в миле отсюда.

Голос Ба вернул его к действительности:

— Сейчас передам госпоже, что вы пожаловали. Кофе не желаете?

Они сказали, что желают, и Ба удалился, оставив их ждать у холодного камина.

— До чего мощный парень, — сказал Билл. — Никогда не видел таких высоченных вьетнамцев.

Глэкен кивнул:

— Он один может заменить целую службу безопасности.

Стройная женщина лет тридцати с небольшим, с короткими черными волосами, голубыми глазами и красивым, с тонкими чертами лицом вошла в комнату. На ней были просторные черные слаксы и наглухо застегнутая белая блузка. В каждом движении чувствовалась уверенность в себе.

— Я — Сильвия Нэш, — промолвила она. — А кто из вас...

— Вейер — это я, — сказал Глэкен, выходя вперед и протягивая руку, — а это преподобный отец Уильям Райан.

Билл подумал, что ее рукопожатие такое же холодное, как и она сама. Сногшибательная женщина.

Он слышал о ней раньше и пытался сопоставить услышанное с тем, что увидел сейчас. Она была вдовой Грега Нэша. Билл учился в колледже вместе с Питом Нэшем — старшим братом Грега. Грег побывал во Вьетнаме, вернулся домой целым и невредимым, а потом погиб, пытаясь предотвратить самое заурядное ограбление магазина. Сильвия стала довольно известным скульптором. И наверняка процветающим, если могла позволить себе жить в таком месте.

— Садитесь, пожалуйста, — предложила она, указав на диван, а сама села напротив. — Вы, кажется, собирались обсудить со мной какой-то вопрос личного характера. Надеюсь, это не было предложением, чтобы проникнуть сюда и попытаться что-нибудь продать.

Билл взглянул на Ба, который вкатил в это время массивную серебряную тележку с кофейными приборами. Вряд ли можно было позавидовать человеку, который вздумал бы неудачно пошутить в этом доме.

— Не беспокойтесь, я ничего не собираюсь вам продавать, — сказал Глэкен. — Мы просто хотим поговорить о *Дат-тай-вао*.

Огромный вьетнамец застыл над подносом, едва не пролив кофе из кофейника, но вовремя спохватился. Он смотрел на Глэкена пустыми, невыразительными глазами. Билл заметил, что Сильвия побледнела, и лицо ее приобрело пепельный оттенок.

— Ба, — сказала она дрогнувшим голосом, — позовите, пожалуйста, Алана.

— Да, миссис.

Ба уже собирался выйти, когда в комнату на каталке въехал мужчина. Худой, бледный, лет сорока пяти, с каштановыми волосами, тронутыми сединой, и мягким взглядом серых глаз. Он задержался на пороге, смерив Глэкена взглядом, и с озадаченным выражением лица проделал оставшийся путь. Как только кресло на колесах остановилось за спиной у Сильвии, она поднялась со стула и обхватила голову мужчины руками. Они улыбнулись друг другу. Билл сразу почувствовал, насколько прочная духовная связь существует между этими людьми. Сильвия представила мужчину. Это был Алан Балмер.

— Алан, они хотят поговорить о *Дат-тай-вао*.

Билл почувствовал на себе всю тяжесть взгляда Балмера.

— Надеюсь, вы не журналисты? — Последнее слово он произнес с неподдельным отвращением. Видимо, это чувство имело под собой основания личного характера.

— Поверьте, мы не имеем к ним никакого отношения.

Балмер, кажется, поверил ему. Правда в устах Глэкена всегда звучала очень убедительно.

— А что вам об этом известно? Разумеется, с вашей точки зрения?

— Все.

— Сомневаюсь.

— Уверен, нынешнее ваше состояние — результат деятельности, связанной с *Дат-тай-вао*.

— Неужели?

— Да. Я знаю, что в 1968 году *Дат-тай-вао* покинуло Вьетнам вместе с доктором по имени Уолтер

Эрскин, который под бременем ответственности превратился в хронического алкоголика.

Память Билла как будто озарило вспышкой: пять лет назад... стоянка автомашин Медицинского центра в Дунстейте... два алкоголика — Мартин Спейно и второй, незнакомый бородач Уолтер. Уолтер был когда-то медиком... и в голове завертелся вопрос: «Так это были вы?» Неужели это возможно?

— Но перед смертью Уолтер Эрскин передал вам *Дат-тай-вао*, и с его помощью вы исцелили такое множество людей, что это не могло не отразиться на вас. И вот результат...

Балмер выставил руку вперед. Он выглядел смущенным.

— Неплохо. Один—ноль в вашу пользу.

— Осмелюсь спросить, жалеете ли вы теперь, что в ваших руках оказалось *Дат-тай-вао*?

Балмер помедлил с ответом.

— Поверьте, я много думал об этом. Да, у меня отнялась половина тела, но это временно. Сейчас я на пути к полному выздоровлению. Руки действуют, и ноги тоже постепенно приходят в норму. *Дат-тай-вао* помогло мне исцелить людей, множество людей с целым букетом заболеваний — острых, хронических, истощающих организм, угрожающих жизни. Кроме того, в тот период жизни я встретил Сильвию. Год или два, потраченные на реабилитацию, — небольшая плата за это.

Балмер мыслил совершенно иными категориями, не такими, как большинство людей, и этим очень нравился Биллу.

— Могу я еще спросить...

Тут Глэкен умолк и посмотрел вправо.

У входа стоял маленький мальчик лет девяти, с округлым личиком, светлыми выюшимися волосами и пронзительными голубыми глазами. Он напомнил Биллу другого мальчика, из другого времени — Дэнни.

Мальчик оглядел всех, кто был в комнате... и остановился на Глэкене.

— Привет, Джеффи, — сказала Сильвия. Наверняка она не хотела, чтобы он слышал весь этот разговор. — Что-нибудь случилось?

— Да вот, я зашел посмотреть, кто у нас.

Он прошел мимо Балмера и матери и остановился около Глэкена, сидящего на диване. Долго и почти отрешенно смотрел старику в глаза, потом протянул ему руки и крепко обнял.

Сильвия вскочила на ноги и бросилась к Джеффи и Вейеру, тоже обнявшему мальчика. Это было так не похоже на Джеффи, обычно очень застенчивого! Что за бес вселился в него?

— Джеффи! — Она едва сдерживалась, чтобы не схватить его за руку. — Мне очень жаль, мистер Вейер, он никогда себе такого не позволял.

— Все в порядке, — ответил тот, выглядывая из-за плеча Джеффи. — Это большая честь для меня.

Он мягко снял руку Джеффи со своей шеи, вложил ее в свою ладонь и усадил мальчика на диван.

— Хочешь посидеть рядом со мной и отцом Биллом?

— Еще бы! — Глаза Джеффи горели.

— Вот и хорошо.

Сильвия присела на краешек стула. Она старалась привлечь внимание Джеффи, но тот не отрывал глаз от Вейера.

Эта сцена привела ее в замешательство.

— У него слишком богатая фантазия, — сказала она.

Джеффи были свойственны такие порывы с тех пор, как он излечился от аутизма, но в целом он вел себя довольно обособленно. Мало-помалу достигал нормы поведения, но еще не знал, как вести себя в той или иной ситуации, поэтому с незнакомыми людьми ощущал неловкость. Но видимо, лишь до сегодняшнего дня.

— Это я знаю. Мне также известно, что мистер Балмер вылечил Джеффи от аутизма и это было последнее, что он успел сделать.

Сильвия взглянула на Алана. На его лице, словно в зеркале, отражались ее тревога и смущение. Откуда этот незнакомец так много знает о них? Ей стало страшно.

— Ну хорошо, — сказал Алан уже более мягко. — Вам многое известно о *Дат-тай-вао*. Боюсь только,

вы опоздали. Я больше не обладаю силой *Дат-тай-вао*, оно исчезло.

— *Дат-тай-вао* покинуло вас, но оно не исчезло, — возразил Вейер.

Сильвия почувствовала, что стоявший позади нее Ба напрягся. Что же случилось?

— Может быть, и так, — сказала она, — и все-таки я не понимаю, чем бы мы могли вам помочь.

— Помочь не мне одному, а всем людям. Настало время великого противостояния, время мрака и безумия. Дни уменьшаются, хотя должны увеличиваться. *Дат-тай-вао* способно это приостановить, может быть, даже помешать этому.

Сильвия снова посмотрела на Алана. Он ответил легким кивком согласия: этот бедняга старик слегка тронулся умом. Она метнула взгляд в сторону священника, довольно симпатичного мужчины, на несколько лет старше Алана, рано поседевшего шатена с лицом, изрезанным шрамами, и перебитым носом. Нэш подумала, что, возможно, он в свое время занимался боксом. Она просто не могла понять, как это он до сих пор умудрялся сидеть с невозмутимым лицом. Может быть, он тоже безумен, как этот старик? После вчерашнего сообщения о странном поведении солнца нашлись чудачки, и немало, предсказывающие конец света и прочие ужасы. Непонятно, как она впустила двух из них в дом?

Тут она перехватила взгляд священника. Взгляд, полный смертельной усталости. Казалось, он многое повидал и теперь жил в ожидании чего-то страшного.

— Но я же сказал вам: *Дат-тай-вао* ушло, — произнес Балмер.

— Ушло из вас, это так, — согласился Вейер и положил руку на плечо Джеффи, — но ушло недалеко.

Сильвия снова вскочила на ноги, стараясь справиться с овладевающей ею паникой, и дала волю гневу:

— Вон отсюда! Сейчас же убирайтесь! Оба!

— Миссис Нэш, — священник поднялся, — мы никому не хотели причинить вреда.

— Вот и отлично, — произнесла Сильвия, — просто замечательно. А теперь я хочу, чтобы вы ушли. Мне больше нечего вам сказать. И беседовать с вами не о чем.

Священник показал на Вейера:

— Этот человек хочет вам помочь, и всем нам тоже. Пожалуйста, выслушайте его.

— Пожалуйста, покиньте нас, отец Райан. Не заставляйте меня приказывать Ба выставить вас.

Она посмотрела на Ба. За эти годы она научилась читать на его непроницаемом лице. Сейчас она прочла на нем нежелание. Почему он хочет, чтобы эти двое остались? Хочет дослушать их до конца?

Нет, совершенно не важно, что думает Ба. Эти двое должны убраться. Сейчас же.

Сильвия прошла по коридору, открыла дверь. Старик и священник с явной неохотой направились к выходу. Вейер оставил на столе свою визитную карточку, бросив на прощание:

— Это пригодится, когда передумаете.

Она не нашлась что ответить, — так уверенно звучал его голос. Захлопнув дверь, она услышала, как подъехал в кресле Алан.

— Ты, пожалуй, погорячилась, тебе не кажется?

— Но разве ты не слышал, что они говорили? Ведь они просто сумасшедшие! — Она посмотрела на старика и священника, стоявших возле машины. — Не исключено, что они опасны.

— Все может быть. Но мне так не показалось. А старик знает очень много о *Дат-тай-вао*. И все сведения у него точные.

— Но все эти разговоры о конце света! О времени тьмы и безумия! Это просто бред сумасшедшего!

— Помню, так ты отреагировала, когда я рассказывал о том, что можно исцелять прикосновением руки, наделенной чудодейственной силой.

Да, Сильвия вспомнила — она тогда решила, что у Алана не все дома. Но то было совсем другое.

— Ты, по крайней мере, не говорил о конце света.

— Что верно, то верно. Но что-то происходит, Сильвия. Сейчас весна, а дни все уменьшаются, и ученые не

могут этого объяснить. Может быть, нас ожидает что-то вроде Армагеддона. Не мешало бы дослушать этого человека, он наверняка что-то знает.

— Он не знает ничего такого, что мне необходимо знать. Только всякую чушь насчет конца света.

— Ведь тебя не это пугает, Сильвия.

Она обернулась к Алану. До сих пор она никак не могла привыкнуть к тому, что он в кресле на колесах. Точнее, не хотела привыкать. Алан не будет в нем сидеть вечно. *Дат-тай-вао* ввергло его в кому еще прошлым летом, но он сумел выкарабкаться. Он и сейчас продолжал бороться. За это она его и любила. У него борцовский характер, такой же, как у нее. И он никогда не признавал себя побежденным.

— Что ты хочешь этим сказать?

Она хорошо знала, что он хочет сказать, и потому отвела глаза.

— Все эти месяцы мы бродили вокруг да около, но нам не хватало смелости посмотреть правде в глаза.

— Прошу тебя, Алан. — Она встала за спинкой кресла и принялась нежно гладить его волосы, потом шее, чтобы как-то отвлечь его внимание. Ей даже думать обо всем этом не хотелось. — Не надо, прошу тебя.

Но в этот раз Алан оказался не таким уступчивым.

— Где *Дат-тай-вао*, Сильвия? Куда оно исчезло? Мы знаем, что оно перешло ко мне от Эрскина перед его смертью. И было еще во мне, когда я излечил Джеффи от аутизма. Но в больнице, когда я вышел из комы, его у меня уже не было. И я утратил способность лечить, Сильвия. Наступает положенное время, но мое прикосновение ничем не отличается от прикосновения других людей. Куда оно исчезло? Где оно сейчас?

— Кто может это знать? — произнесла она с раздражением. Этот разговор взволновал ее, заставил вспомнить о самом большом страхе, который ей когда-либо довелось испытать. — Может быть, оно умерло или испарилось?

— Не верю. Да и ты тоже не веришь. И нам приходится с этим считаться, Сильвия. Покинув меня, *Дат-тай-вао* перешло к кому-то другому. В этот ве-

чер в доме, кроме меня, было три человека. Ни ты, ни Ба не обладаете волшебным прикосновением. Значит, остается только одна возможность...

Она прижала его голову к груди:

— *Нет, не говори этого, прошу тебя.*

То, о чем он говорил, лишало ее сна, являлось по ночам в виде кошмаров.

— Ты видела, как кинулся Джеффи к Вейеру? Сразу почувствовал близкого по духу человека. Так же как и я. Просто сначала меня не было в комнате. Старик меня очень заинтересовал. Стоило мне его увидеть, как на душе сразу потеплело. Я могу лишь догадываться, что чувствовал Джеффи.

Она услышала за окном шум и выглянула.

Джеффи стоял у окна, прижавшись лицом к стеклу.

— Мама, я хочу поехать с ними. Очень хочу.

Билл дал двигателю «мерседеса» поработать вхолостую, чтобы он как следует прогрелся. Он был разочарован и не считал нужным скрывать свое раздражение. Поездка от начала до конца оказалась пустой тратой времени.

— Ну вот, — сказал он, бросив взгляд на Глэкена, — мы потерпели полное фиаско.

Старик смотрел на дом через боковое стекло и ответил Биллу, не оборачиваясь:

— Конечно, не все получилось, но я не считаю, что это фиаско.

— Хуже не придумаешь. Она вышвырнула нас вон.

— Я чувствовал, что нужные мне для дела люди будут сопротивляться. Но пусть поверят мне, незнакомому человеку, что нынешняя цивилизация на грани уничтожения. Пилюля горькая, но ее надо проглотить. А пилюля для миссис Нэш горькая вдвойне.

— Насколько я понимаю, вы полагаете, что *Даттай-вао* перешло сейчас к Джеффи?

— Я в этом уверен.

— Значит, вы взвалили на себя непосильную задачу. Эта женщина не просто не верит во все это, она *не хочет* верить.

— Она поверит, когда эти изменения станут очевидны. У нее не будет другого выхода. И она сама приведет мальчика.

— Что ж, будем надеяться, что она не заставит нас слишком долго ждать.

Глэкен кивнул, не отрывая глаз от дома.

— И еще на то, что *Дат-тай-вао* и другие компоненты окажутся достаточными, чтобы повлиять на ход событий.

Билл старался не поддаваться захлестнувшей его новой волне уныния.

— Иными словами, все, что мы делаем, может оказаться напрасным?

— Да, вполне вероятно. Но сама по себе попытка — это уже кое-что. А сегодня я увиделся с мальчиком. Общение с ним помогло мне вычислить местонахождение другого человека, которого я ишу. Это была удача.

— Просто невероятно, чтобы ребенок так относился к взрослому человеку!

— Но дело, конечно, не в отношении Джеффи ко мне. Это *Дат-тай-вао* его к этому побуждает.

Глэкен наконец отвернулся от окна и улыбнулся Биллу:

— Мы с ним старые друзья. Вы же видели.

Обернувшись, Билл различил прижатое к оконному стеклу лицо мальчика.

Из передачи радио АМ-диапазона:

«Для тех, кто продолжает следить за событиями, сообщаем: сегодня солнце опять зашло в 6.35 вместо 7.06. Поэтому здесь, на стадионе «Шеа», где «Метс» будут играть с «Филлиз», пришлось включить прожекторы раньше обычного. Многие наши слушатели опасаются, как бы все это не отразилось на игровом сезоне».

2. ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА

Расалом стоит на поросшей травой площадке в центре города и разглядывает окружающие его здания. Из-за их огней звезды на небе почти неразличимы. Он смотрит

рит на окна верхнего этажа дома в крайнем ряду с западной стороны. Там живет Глэкен. Это его окна.

— Эй, старичок, ты видишь меня? — шепчет он. — Или глаза у тебя уже не те, особенно ночью? Но ты хоть чувствуешь, что я здесь? Я так на это надеюсь! Я начал с неба, чтобы заметили все. А теперь перебрался на землю. И вот я здесь, у тебя под носом. Не хочу, чтобы ты что-нибудь пропустил, Глэкен. Хочу, чтобы ты сидел в первом ряду, посередине, пока не опустится финальный занавес. Смотри!

Расалом разводит руки в стороны, образуя крест. Земля под ним дает трещину и с глухим рокотом осыпается. Но он стоит, как скала. Целые пласты грунта летят вниз, но не слышно, чтобы они ударялись о дно.

Под Расаломом зияет бездна. Но он стоит, как скала.

Трещина становится все шире, и, когда достигает определенной величины, Расалом начинает погружаться в бездну. Медленно, плавно.

— Ты смотришь на меня, Глэкен? Ты видишь меня?

Манхэттен

В городе творилось что-то невообразимое.

Джек прошел мимо темнеющего силуэта Музея естествознания, повернул на юг и направился к западной части Центрального парка. На углу Семьдесят четвертой авеню он повстречал бородатого парня, одетого в какую-то мешковину. Парень нес плакат с карикатурой, взятой из «Нью-Йоркера». Надпись была старательно выведена от руки: сверху большими буквами — «Покайтесь!», ниже — объемистая цитата из Библии. Чтобы прочесть ее, пришлось остановиться.

Значит, сегодня солнце зашло еще раньше. Хорошенькое дело.

Джек уже почти привык к тому, что солнце выкидывает всякие фокусы, но о конце света не могло быть и речи, разве что о всяких мелких неудобствах. В природе все уравновешено. Если здесь дни становятся короче, не исключено, что где-то в другой час-

ти планеты они удлиняются. Просто об этом никто не знает. Правда, ученые говорят разное. Сегодня один из них выступал в вечерних новостях, как раз когда Джек выходил из дому. Он был на грани истерики и заявил, что продолжительность дня сокращается повсеместно. Но звучало это не слишком убедительно. Где-то день обязательно должен становиться длиннее. В природе все сбалансировано.

В природе, но не у людей. У людей вечно все наперекосяк. Будь по-другому, Мастер Джек остался бы без работы. Когда что-то заходит слишком далеко и дальше терпеть нельзя, люди обращаются к Джеку, просят все исправить, вернуть на место.

Но сейчас дело не клеилось, и Джек решил сегодня вечером свернуть свой «паркофон» этого года.

Проходя по Центральному парку, он услышался доносившийся с восточной стороны глухой рев. Что это — гром? Но небо ясное. Может быть, на Джерси собирается буря?

Он вошел в парк со стороны Седьмой авеню, ступил на беговую дорожку и двинулся в южном направлении. Он рассчитывал прогуляться в одиночестве, но был готов в любой момент уступить дорогу поздним бегунам. Конечно, только полный идиот может в такое время бегать по парку после случая с той женщиной в 1989 году. Но бегуны — народ особый. Вряд ли они откажутся пробежать лишнюю пару миль перед сном, пусть даже с риском для жизни или же перспективой получить сотрясение мозга.

Вдруг он услышал топот ног и тяжелое дыхание. Остановившись в свете фонаря, он увидел парочку — обоим не больше шестнадцати, с бледными, напряженными лицами, они так бежали, будто за ними гнался папаша девчонки. Судя по одежде, не бегуны, тем более что одевались прямо на ходу.

— Что там случилось? — спросил Джек.

— Землетрясение, — задыхаясь, прошептал парень.

Через полминуты еще один парень пробежал мимо и сказал то же самое.

— Где? — спросил Джек. Он ничего не почувствовал.

— На Овечьем Пастбище.

— А что там?

Но парень промчался мимо как сумасшедший.

Теперь и Джека разобрато любопытство. Он сошел с беговой дорожки, припустил трусцой и бежал, оглябая озеро, пока не приблизился к тому травяному лугу в низине парка, который назывался Овечьим Пастбищем. При тусклом свете звезд Джек смог различить окружившую какое-то место толпу, а посередине луга что-то похожее на большую лужу чернил. В ней ничего не отражалось, просто это было большое черное пятно.

Джек постоял, поразмышлял, и вдруг по телу забегали мурашки. Страх шел откуда-то из самых примитивных участков головного мозга. Нечто подобное он ощущал при встрече с ракшасами. Но то, с чем он столкнулся сейчас, казалось неизмеримо большим.

Он почти силой заставлял себя продвигаться вперед, в направлении лужи. Уже были видны фигуры людей, окружавших ее, и Джек решил, что она безопасна.

Он подошел ближе и тут понял, что никакая это не лужа.

Огромная яма не менее ста футов в поперечнике в самой середине Овечьего Пастбища. Парни, стоящие впереди него у самой кромки, смеялись, подталкивая друг друга. Джек не стал подходить ближе. Все увиденное вызывало в нем смутную тревогу.

Один из парней обернулся и помахал Джеку рукой. Джек заметил, что они совсем молодые, одеты во все черное и волосы у них торчат в разные стороны.

— Эй, ты, иди к нам! Это надо видеть! Описать можно со страху!

— Да, вот это дырка так дырка, — подхватил другой.

Они расхохотались, продолжая толкаться локтями.

Травки накурились. Лучше держаться от них подальше.

— Ничего, мне и отсюда видно, — ответил Джек.

И это было почти правдой. В свете домов, окаймлявших низину парка, Джек отчетливо видел удаленную от

него сторону ямы, уходящей вертикально вниз, в гранитную породу. Кромка казалась ровной.

Джек и раньше видел такие воронки в выпусках новостей. Они появлялись во Флориде, где грунтовые воды размывали почву. Но они никогда не были такой правильной формы, а эту, казалось, Кинг-Конг выкопал огромным кухонным ножом. Кроме того, разве могут оползни появляться в крепчайшем граните? Вряд ли.

Парни дурачились, приплясывали, изображая крутых. Джек продвигался вправо, удаляясь от них. При свете фонарей, падавшем из южной части парка, он пытался рассмотреть яму в глубину и вдруг услышал пронзительный вопль.

Один из ребят балансировал на краю воронки, размахивая руками как ветряная мельница. Даже с некоторого расстояния Джек понял, что парень не дурачится, а действительно потерял равновесие. Но приятель, глядя на него, так и покатывался со смеху.

И вдруг умолк — дружок полетел в яму вниз головой.

— Джой! Джой! Черт возьми!

Он ухватил было друга за ногу, но не удержал, и Джой исчез в темноте. Его исполненный ужаса крик еще долго был слышен, казалось, целую вечность, эхом отдаваясь в пропасти. Он оборвался не сразу. Просто... медленно угасал.

Его приятель стоял на четвереньках у края пропасти, заглядывая в черный провал.

— Господи, Джой, где ты? — Он повернулся к Джеку: — Какая же глубина у этой проклятой ямы?

Вместо ответа, Джек пошел к яме и остановился примерно в двенадцати футах от края, лег на живот и пополз.

Поглядев вниз, он почувствовал головокружение. Ничего, собственно, не было видно, кроме небольшого участка перпендикулярной стены, остальное — крошечная тьма. То же самое чувство, которое заставило его насторожиться при виде ямы, подсказало ему сейчас, что у ямы вообще нет дна, а если и есть, то на недостижимой глубине. Это же чувство подсказало ему, что пора уходить.

Джек зажмурился и какое-то время оставался недвижимым. В ушах все еще стоял крик Джоя. Летний ветерок обдувал спину. Воздух затягивало в воронку. Значит, выходит он где-то с другой стороны. Но где именно может находиться еще один вход в эту гигантскую яму?

Вдруг земля стала ускользать у него из-под рук, уже не за что было ухватиться пальцами, не во что упереться запястьями или локтями. Господи! Это осыпался край ямы.

Джек перевалился на левый бок, потом на спину, откатившись от края, но сделал это недостаточно быстро. Совсем рядом откололся и с грохотом полетел вниз, прямо в зияющую пропасть, кусок грунта величиной с «кадиллак». Отчаянным усилием Джек успел ухватиться за кусок торфа и повис. Ноги болтались в воздухе, и несколько мгновений он чувствовал, что общается с вечностью, манящей его вниз, в черную бездну. Потом нащупал носком ботинка каменную стену, подтянулся, вылез на поверхность и пополз прочь так быстро, как только позволяли ободранные колени.

Когда Джек уже прополз футов пятьдесят, то услышал душераздирающий крик и заставил себя оглянуться. Приятель Джоя почти весь скрылся в яме, виднелись только голова и руки, которыми он хватался за траву в последней, отчаянной попытке удержаться наверху.

— Эй, мужик, помоги! — кричал парень плачущим голосом. — Ради бога!

Джек стал расстегивать рубашку, намереваясь скрутить ее веревкой, но не успел расстегнуть последней пуговицы, как огромный кусок земли отвалился и бездна поглотила парня. Все, что от него осталось, — это угасающий в пропасти крик.

Еще несколько кусков грунта полетело вниз, сужая расстояние между Джеком и краем пропасти. Проклятая дыра все разрасталась.

Джек встал на ноги, огляделся. Немногие оставшиеся в окрестностях Овечьего Пастбища люди бежали по направлению к городу. «Правильно делают, —

подумал Джек. — Отличная мысль». И он помчался вместе со всеми, думая по дороге о том, что огромная часть Центрального парка просто исчезла. Что ему говорил накануне тот старый чужак?

«А если Центральный парк станет меньше, вы переживаете?»

Да, он передумал.

Джек не помнил ничего из школьной геометрии и не знал общей площади поверхности дыры в Центральном парке, но черт знает сколько квадратных футов Овечьего Пастбища исчезло.

«Если Центральный парк станет меньше...»

Джек ускорил шаг. Он надеялся, что не выбросил номер телефона старика.

По-прежнему с руками, разведенными в стороны, Расалом плавно опускался вниз по гранитному коридору, который сам себе сотворил. Опустившись футов на сто, он, паря в воздухе, остановился у открывшегося перед ним входа в пещеру, вплыл внутрь и пошел дальше.

Вчера он начал изменять мир сверху. Сегодня настало время изменить его изнутри.

Он колеблется. Стоит осуществить задуманное, и дороги назад не будет. Процесс этот, однажды начавшись, становится необратимым. Как только закончится, он воплотится в новую форму, которую не будет менять никогда.

Он будет великолен.

И все-таки он колеблется. Потому что не от него зависит его новый облик, а от тех, кто находится наверху, — от этих ничтожных, трусливых созданий. В нем все их страхи. Они подпитывают его, формируют его. В новом облике отразится все, чего люди больше всего боятся и ненавидят, воплотятся все их ночные кошмары. Страхи, извлеченные из самой глубины подсознания, из его закоулков, потаенных, первобытных, зловонных. Все то, от чего волосы встают дыбом и мурашки бегут по телу, от чего выворачивает наизнанку. Он станет для них этим страхом.

Его олицетворением.

Итак, Расалом наклонился вперед, принял горизонтальное положение и вплыл в гранитную пещеру. Он уперся ногами в гранитную стену и, когда они вошли в ее толщу, закричал и не умолкал, пока не влились в него все страхи, вся злоба, вся боль, все печали и скорби. Он вытянул руки, прижался кулаками к каменным стенам и опять закричал. Он был в экстазе и в то же время агонизировал. Обрел новые силы, но внутри у него начались перемены.

Его раздувало. Кожа лопалась на руках и ногах, от детородного органа до головы. Кожа рвалась и, словно чешуя, падала на каменный пол.

Ночной воздух обдувал его плоть, и Расалом снова кричал остатками рта.

Пятница

1. В ПРОПАСТИ

Из выпуска новостей Си-эн-эн:

«Поведение солнца спутало все карты астрономов, физиков и космологов. Мы уже сообщали, что сегодня оно вошло в 5.46 — с опозданием почти на девятнадцать минут.

А из Нью-Йорка поступило сообщение о гигантской трещине в земле, появившейся прошлой ночью в Центральном парке. Мы отправили туда бригаду репортеров с камерами и при первой же возможности передадим репортаж с места событий».

Манхэттен

Глэкен стоял у окна и рассматривал трещину в Центральном парке. В красноватых отблесках позднего рассвета были видны пожарные и полицейские машины, взявшие парк в кольцо, чтобы сдерживать толпы зевак. Здесь же стояли телевизионные автобусы с километрами кабеля и осветительными лампами, словно лунным сиянием озарявшие окрестности.

Центром всеобщего внимания была трещина. Она разрослась до двухсот футов в поперечнике и перестала увеличиваться.

Он закрыл глаза, чтобы хоть несколько мгновений не видеть этого зрелища. Его шатало от усталости. Смертельно хотелось спать, но сон не шел, даже когда он ложился.

Он думал, что уже снял с себя груз ответственности за эту войну, избавился от тяжести. Но ошибся. Тяжесть не исчезнет, пока он не найдет продолжателя своего дела. Лишь тогда он свободно вздохнет. Но сначала нужно заполучить оружие. Он чувствовал, что собрать его будет делом нелегким, но сверх ожиданий задача оказалась почти непосильной. Есть основания полагать, что мастер Джек передумал. Сегодня утром он позвонил, рассказал о трещине и снова предложил посидеть где-нибудь и выпить пива. Именно с ним, с Глэкенем. Что ж, шаг этот не лишен смысла.

Сначала создать оружие, потом найти преемника, способного им пользоваться, и, наконец, дать сражение. Сражение, которое, судя по всему, будет проиграно еще не начавшись. И все-таки попытка не пытка.

Он услышал, как позади него Билл повесил телефонную трубку и тоже подошел к окну. Глэкен открыл глаза и потер лоб. Надо сохранять спокойствие и ни при каких обстоятельствах не терять над собой контроль. Не показывать им ни сомнений, ни страха, переполнявших его. Служить им примером, иначе они потеряют веру в себя.

— Наконец-то дозвонился до Ника, — сказал Билл, подходя к нему. — Он скоро будет здесь с целой командой из университета.

— Зачем?

— Чтобы выяснить причину образования трещины.

— Не стоит зря тратить время. Все это дело рук Раса-лома.

— Ника это объяснение вряд ли устроит. — Он посмотрел вниз, на парк. — Полагаю, вы это имели в виду, говоря, что следующий шаг он предпримет на земле?

Глэкен кивнул:

— Не случаен и выбор места.

— Неужели Центральный парк в какой-то мере важен для Расаломы?

— Лишь постольку, поскольку он виден из окна моего дома.

Ведь ты хотел ткнуть меня в это носом, правда, Расалом?

— Все это нереально. Я чувствую себя как в кино, когда на экране комбинированные съемки.

— Поверьте, у нас все настоящее.

— Знаю. Кстати, сейчас это место показывают по телевизору крупным планом. Хотите посмотреть?

— Я видел эту трещину с близкого расстояния, только она была не такая громадная.

— Видели? Когда?

— Давно. *Очень давно.*

— А какой она глубины?

— Она бездонна.

Билл улыбнулся:

— Нет, я серьезно.

Осознав, что его не понимают, Глэкен произнес с расстановкой:

— У этой трещины нет дна. Она в самом деле бездонна.

— Но это невозможно. Тогда она тянулась бы до самого Китая, точнее до противоположного конца земли.

— Другой конец не на земле.

— Где же тогда?

— В каком-то другом месте.

Глэкен увидел, что взгляд священника мечется между ним и трещиной.

— Что значит «в каком-то другом»? Где именно?

— Вряд ли вам захочется туда попасть.

— Не можете ли вы выразиться чуть конкретнее?

— Я бы охотно, но это место не имеет названия. И я не верю, что можно описать человеческим языком то, что находится на другом конце трещины.

— Я отправлюсь туда, чтобы увидеть все собственными глазами.

— Не стоит торопиться. Трещина никуда не ведет. К тому же она не последняя.

— Вы полагаете, что появятся еще?

— Да. И очень много. По всему миру. Но Расалом оказал мне честь, пробив первую перед моим домом.

— Спустишь вниз, попробую выведать у Ника, что ему известно.

— Только непременно возвращайтесь до наступления темноты.

— Хорошо, папа, — улыбнулся Билл.

— Я не шучу.

Улыбка исчезла с лица Билла.

— Понял. Вернусь до темноты.

Глэкен проводил взглядом Билла, направившегося к себе в комнату. Ему очень нравился этот молодой человек. Молодой? С каких пор пятидесятилетние считаются молодыми? Лучшего жилища не найти. Всегда поможет по дому или с Магдой, когда нет рядом сиделки.

Словно прочитав его мысли, Магда крикнула из спальни:

— Эй, есть тут кто-нибудь, или меня бросили одну умирать?

— Иду, дорогая.

Он снова взглянул на трещину на Овечьем Пастбище и направился в холл.

Магда, такая же седая и морщинистая, как и он, сидела на постели. Она теряла в весе, карие глаза почти совсем провалились. Сейчас они горели гневом.

— Кто ты такой? — спросила она, переходя на родной венгерский.

— Твой муж, Магда.

— Нет, ты не муж. — Она выстреливала слова. — Я бы не вышла замуж за такого старика. Ты мне в отцы годишься. А где Гленн?

— Это я и есть.

— Неправда. Гленн молодой, сильный. У него русые волосы.

Он взял ее руку в свою:

— Магда, это я, Гленн.

Страх пробежал по ее лицу. Потом выражение смягчилось. Она улыбнулась:

— Да, конечно, это ты, Гленн. Как же я могла забыть? А где ты был?

— В соседней комнате.

Она снова нахмурилась, прищурив глаза:

— Нет, тебя там не было. Ты встречался с женщиной. Не отпирайся. С этой сиделкой. Вы думаете, я сплю, и устраиваете свидания.

Глэкен держал ее руку в своей и ждал, пока кончится этот бред. Ему хотелось рыдать. Против ожиданий он так и не смог свыкнуться со слабоумием Магды. Несет всякую чушь, а главное, верит во все свои фантазии, заполнившие ее большую голову. Да еще больно ранит его, говорит обидные вещи.

Магда, моя Магда, куда ты ушла?

Глэкен закрыл глаза и стал вспоминать ту Магду, которую повстречал в 1941 году. Ее мягкие правильные черты, свежую белоснежную кожу, каштановые волосы с легким блеском, большие глаза, светившиеся умом, нежностью и любовью. Именно нежности и любви ему больше всего не хватало. Он продолжал любить Магду, даже когда красота ее отцвела, потому что она оставалась Магдой-поэтом, Магдой-певицей, Магдой-музыкантом, Магдой-исследователем, увлекалась искусством, музыкой, литературой. Ее исследование «Песни цыган» до сих пор украшало полки лучших книжных магазинов.

Три года тому назад Магда начала исчезать, как будто кто-то безумный и взбалмошный беспощадно вытеснял ее из оболочки. Она умственно деградировала, а потом и физически, стала беспомощной. Перестала вставать с постели без посторонней помощи. В какой-то степени это облегчило уход за ней, по крайней мере, она перестала бродить по ночам. В самом начале ее болезни Глэкен нашел ее возле дома — она искала кота, умершего еще в 1962 году. С тех пор он стал крепко запирать дверь, отвинтил все регуляторы на плите, чтобы помешать ей «готовить ему завтрак» в два часа ночи.

Бывали у Магды, правда, и проблески сознания. Она могла не помнить, что ела на завтрак и вообще завтракала ли она, но постоянно вспоминала случаи

из их совместной жизни тридцати-, сорокалетней давности, причем с такой отчетливостью, словно это было вчера. Но это нисколько не подбодряло Глэке-на, напротив, усугубляло его и без того угнетенное состояние.

Непонятно почему.

За долгие годы Глэкен любил много женщин, но при расставании всякий раз испытывал горечь. Он оставался молодым, а они старились и, уходя, ненавидели его. Все без исключения. И вот пришел черед Магды, с которой он собирался состариться вместе в своей уже начинавшей казаться ему бесконечной жизни. Они прожили восхитительную жизнь. Их любовь была настолько сильна, что её не могла омрачить даже боль последних нескольких лет, когда Магда заболела. Может быть, все это к лучшему. По крайней мере, она не осознает того ужаса, который грозит миру. Только плоть ее останется беззащитной, как и плоть любого человека.

Он заметил, что Магда снова задремала. Теперь день и ночь у нее поменялись местами. Ночью она бодрствовала, а днем спала, и то урывками. И Глэкен постоянно был в напряжении, несмотря на помощь сиделки и Билла. Он глубоко сочувствовал тем, у кого жены стали пациентами Альцгеймера. На лечение уходит уйма денег, но не у всех они есть. Хорошо, если родственники не отказываются помочь, иначе жизнь этих несчастных превратится в суший кошмар.

Кошмар... Скоро каждый житель земного шара узнает, что такое пребывать в постоянном кошмаре.

Исполненный нежности, он положил Магду на подушку и подоткнул одеяло. Несмотря ни на что, он никогда не разлюбит ее. Она тоже поступила бы так, окажись он на ее месте.

Все утро он колебался, стоит ли сообщать средствам массовой информации то, что ему известно о трещине. Нет, лучше не делать этого. Не привлекать к себе внимания, а то чего доброго его примут за одного из болтунов, предрекающих конец света, и не обратят на его слова никакого внимания. И тогда придется идти более сложным путем.

Из выпуска новостей Эф-эн-эн:

«На товарных биржах цены резко поднялись, особенно на фьючерсные поставки бобов и апельсинов в октябре. Повышение цен коснулось торговых сделок во всех частях земного шара, что вызвано неопределенностью прогнозов относительно предстоящего сезона вызревания сельскохозяйственных культур».

Кто-то тронул Ника за руку. Нехотя оторвав взгляд от трещины, он обернулся и увидел перед собой полицейского из оцепления парка.

— Это вы мистер Квинн? — спросил полицейский, стараясь перекрыть шум двигателей.

— Да, а в чем дело?

— Тут один священник из толпы сказал, что вы просили его прочесть несколько псалмов.

— Священник? — удивился Ник. — Я никого ни о чем не просил... — И вдруг вспомнил и чуть не рассмеялся полицейскому в лицо. — Ах да, я его жду. Можете привести его сюда?

Полицейский обернулся и махнул кому-то через ограждение. Ник увидел, как от толпы отделился человек и быстрым шагом стал приближаться к нему.

Он пожал руку отцу Биллу, которого видел раза два с тех пор, как вернулся из Северной Каролины. За пять лет, пока скрывался, Билл сильно постарел, и Ник пока не мог к этому привыкнуть. Перед тем как Билл бежал, Ник достиг в общении с ним той степени близости, когда мог называть его просто «Билл». Но после его возвращения снова начал добавлять к имени слово «отец». От Ника не ускользнуло, что Билл снова в облачении священника.

— А я думал, вы с этим покончили. — Ник указал на сутану и воротник.

— Я и сам так думал, но потом решил, что в облачении священника есть своя польза. Особенно когда хочешь, чтобы тебя заметили в толпе.

— А что вы здесь делаете?

Отец Билл улыбнулся.

— Я пришел сюда произнести заклинание, — сказал он, понизив голос, — чтобы закрыть эту штуку.

— Забавно.

С лица Билла исчезла улыбка.

— Нет, Ник, я не шучу. Хотелось бы поближе рассмотреть трещину.

— Да, конечно. Только оставайтесь на платформе. Грунт, похоже, осыпается по краям.

Ведя отца Билла к трещине, Ник не мог справиться с охватившим его волнением. Подумать только — таинственная трещина шириной в двести футов почти у него на задворках! Чудеса, да и только. Когда они с Биллом дошли до ограждения на платформе и заглянули вниз, у отца Билла перехватило дыхание.

— Непостижимо, не правда ли? — спросил Ник. — До сих пор не могу поверить в такую удачу. Ведь все дело в удаче. Пойди я за кофе сегодня утром, когда звонили эти ребята с геологического факультета, трубку мог бы взять кто-то другой и делал бы сейчас контрольные замеры. Главное — в нужное время быть в нужном месте.

Отец Билл не отвечал, словно загипнотизированный трещиной. Это чувство было знакомо Нику. Он заглядывал в пропасть сотни раз, с тех пор как прибыл сюда, но все еще не мог смириться с происходящим — таким противоестественным оно ему казалось.

Это впечатление создавалось стенами. Они были абсолютно отвесны. Просто не верилось, что грунт осыпался. Скорее казалось, что здесь поработал экскаватор: чередующиеся пласты земли и камня с ровными краями среза. Впервые заглянув вниз, он ожидал увидеть нечто вроде перевернутого конуса с дном, заваленным булыжниками. Но дна он так и не разглядел. Трещина была значительно глубже, чем он предполагал. По его расчетам, мили полторы, а то и глубже. И уходила в темноту. Может быть, когда поднимется солнце, удастся что-нибудь рассмотреть, но сейчас все было черным-черно, будто ночью.

Прошлым летом Ник ездил на Гранд-Каньон и до сих пор помнил, как закружилась голова, когда он впервые остановился на краю пропасти. Такое же ощущение у него вызывали теперь отвесные стены.

На дне каньона виднелась полоска воды. Здесь, где струи воздуха затягивало вниз, все тонуло во мраке.

Откуда эти струи? Вначале он никак не мог понять. Но потом догадался, что воздух сначала попадает в углубление в стенах, а потом идет в обратном направлении, поднимаясь вертикально вверх. Вот оно, объяснение. Воздушные потоки не могут идти только вниз. Еще немного — и там для воздуха не останется места.

Ник выпрямился и повернулся к священнику:

— Ну, что вы думаете об этой ямке в песке?

Билл оторвался от созерцания трещины и испуганно посмотрел на Ника:

— Как могла она здесь появиться, Ник?

— Не знаю. Пусть этим займутся геологи. Кстати, уже сейчас многие проводят параллель с геометрическими построениями на английских пшеничных полях. Бульварным газетенкам сегодня будет чем поживиться. Полагаю, в «Лайт» уже тиснули материальчик.

— А что ты думаешь о ее глубине?

— Ничего не могу сказать. Это тоже дело геологов. Сегодня они направили на дно звуковую волну, но безрезультатно.

— Значит, у нее нет дна? — Голос священника почему-то прозвучал хрипло.

Ник рассмеялся:

— Дно, разумеется, есть. Просто эхо от отвесных стен создает помехи для звуковой волны. Геологи оказались в тупике и позвали физиков. Мы могли подождать, пока солнце достигнет зенита, и сделать визуальные измерения, но зачем ждать? У нас есть новейший лазер. Выпущенный им луч отразится от дна и даст нам возможность вычислить расстояние до него с точностью до сантиметра.

Снова устремив взгляд на трещину, отец Билл сказал:

— Один из авторитетных источников утверждает, что трещина бездонна.

— Она, конечно, глубока, но не настолько, как вы себе представляете. — И тут его осенило: — Не тот ли

это авторитетный источник, который предсказывал какие-то изменения на небесах?

Отец Билл кивнул. Ник почувствовал, как на плечи ему легла холодная тяжесть. Он показал рукой на трещину:

— Да? И что дальше? Бездонная, говорите? Но не можете же вы в это верить?

— Я ни за что не поверил бы, что в разгаре весны солнце будет всходить все позже и позже. А ты?

— Да, но...

Бездонная? Но это невероятно. Все на свете имеет верхушку и дно, начало и конец. Такова природа вещей. Другого не дано.

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел выпускника факультета.

— Можно запускать.

— Отлично. — Он обернулся к отцу Биллу: — Лазер уже установлен. Подождите здесь. Через несколько минут мы определим глубину, какой бы она ни была.

Некоторое время Билл наблюдал, как Ник идет к хитроумному устройству, установленному на краю трещины на платформе. Билл гордился Ником. Он помнил его девятилетним сиротой, с которым играл в шахматы, давая ему фору, когда тот еще жил в приюте для мальчиков Святого Франциска. Теперь это был зрелый и уверенный в себе человек, по крайней мере в том, что касалось физики. Билл не знал, как чувствовал себя Ник в социальном смысле. Знал только, что Ник болезненно относился к своей внешности — на голове у него были шрамы от жестоких побоев в детстве, а на лице — следы от прыщей. Билл, правда, знал мужчин более уродливых, которые женились и жили счастливо до конца дней своих. Он надеялся, что то же самое в конечном счете ожидает и Ника.

Он снова посмотрел в зияющую пропасть.

Как там у Ницше? «Если ты смотришь в бездну, она тоже смотрит на тебя». Именно это он сейчас и

чувствовал. Он как будто заглядывал в бездну, которая была в нем самом. Эта бездна манила к себе глубиной, полной страхов, тайн и хаоса. На мгновение его охватила безумная мысль: шагнуть в пропасть и лететь, лететь... Если она и в самом деле бездонна, как утверждает Глэкен, он будет падать вечно. Подумать только, какие чудеса откроются его взору. Что он найдет там? Самого себя? Бесконечное движение по пути самопознания? Просто невероятно. Кто в силах от этого отказаться?

— Осторожнее, святой отец!

Чей-то голос вывел его из задумчивости. И к своему ужасу, он обнаружил, что сидит на перилах платформы и готов перекинуть за ограду другую ногу. Бездна по-прежнему зияла внизу. Судорожным рывком он перекинул тело обратно на платформу и опустился на корточки, весь в поту, дрожащий и задыхающийся. Подняв глаза, он заметил, что на него смотрит один из рабочих.

— Все в порядке, отец?

— Через минуту буду в порядке.

— Не хочу вас пугать, но ограда может не выдержать ваших габаритов, хотя мы делали ее на совесть. Понимаете?

Билл кивнул, поднимаясь на дрожащих ногах:

— Понимаю. Спасибо, что предупредили.

Ты заслужил гораздо большую благодарность, чем думаешь.

Рабочий помахал рукой и ушел, оставив Билла одного на платформе. Билл постарался взять себя в руки и отошел подальше от края.

Что случилось с ним минуту назад? Почему он сидел на ограде? Неужели действительно готов был шагнуть в пропасть? О чем думал в эти мгновения?

И думал ли вообще? Скорее, действия его были импульсивными. Но что послужило причиной этого безумного желания? Сама пропасть?

Билл поежился. Да, шагнуть в бездну — не самая удачная мысль. Он опять посмотрел на трещину. Она была совсем близко. Теперь он мог наблюдать за дальнейшим развитием событий из дома Глэкена или

по телевизору. Он огляделся и увидел, что к нему приближается Ник. Он был явно чем-то расстроен.

— Что-нибудь не так, Ник?

— Технические неполадки, как обычно говорят на телевидении. Мы все исправим за несколько минут.

Билл увидел у него на губе капельки пота.

— Ваши надежды не оправдались? Вы не смогли снять нужных показаний, не так ли?

— Мы вообще не сняли никаких показаний. Вспышка в приемнике сигналов, и все.

Билл с облегчением вздохнул. Ему так хотелось, чтобы Ник обнаружил дно трещины, а Глэкен хотя бы раз в жизни ошибся. Но не злоба или зависть двигали им. Просто ему было досадно, что все предсказания Глэкена сбываются. Даже самые страшные. Ошибись Глэкен хоть раз, у Билла прошла бы бессонница.

И вдруг от внезапной догадки по телу забегали мурашки. Чувства облегчения как не бывало.

— погоди, Ник, ты сказал, что не принял никакого сигнала. Значит, пропасть и в самом деле бездонная.

— Она не бездонная, святой отец.

— Но вы ведь могли не получить сигнала именно по этой причине?

— В общем, да. Но такое могло произойти по целому ряду причин. Тому есть множество объяснений.

— Но одна из возможных причин — это то, что пущенному вами лучу не от чего было оттолкнуться и он остался там навсегда. Я правильно рассуждаю?

Ник тяжело вздохнул:

— Да, вы правы. — В голосе его вдруг появились нотки усталости. — Но трещина не бездонна. Она не может быть бездонной. Такого в природе не бывает.

Один из выпускников, держа в руках какую-то распечатку с зелеными полосами, бросился к Нику. По выражению лица Ника Билл догадался, что тот недоволен.

— Сделайте еще раз. И не допускайте больше ошибок. — Он вернул листок студенту.

— Мы и не допускали. — В голосе студента зазвучала обида. — Все проверено. Излучатель и приемник работают нормально.

Ник помахал в воздухе распечаткой:

— Что-то все-таки не так.

— Может быть, луч чем-то поглощен?

— «Поглощен», — медленно повторил Ник.казалось, в голову ему пришла какая-то идея. — Нужно посмотреть еще в одном месте. — Он повернулся к отцу Биллу: — Я буду какое-то время неподалеку отсюда, святой отец. Мы справимся с этим. — Он подмигнул Биллу и ушел.

Билл вернулся на квартиру в полдень, чтобы освежиться и передохнуть, перед тем как Ник начнет свое погружение.

Следует отдать Нику должное — он настолько же изобретателен, насколько и упрям. Ни за что не признает поражения. Узнав, что в южном порту есть капсула, используемая для подводных работ, он позвонил в несколько мест и договорился, что берет ее в аренду. Он собирался опустить эту штуку на всю длину троса и еще раз снять показания с лазера. Билл хотел вернуться вовремя, чтобы проводить его.

Ему пришлось пробиваться сквозь толпу в западной части Центрального парка. Район, прилегающий к низине парка, стал местом импровизированного уличного фестиваля. А почему бы и нет? Солнце светило, и здесь собралось полно любопытных. У кого было что-нибудь на продажу, тоже пришел сюда: горячие сосиски, люля-кебаб, воздушные шары, сногшибательные ролексы. В воздухе витали ароматы блюд национальных кухонь, способные заткнуть за пояс даже рестораны в здании ООН. Кто-то торговал майками с надписью «Я видел трещину в Центральном парке» с еще не просохшей краской.

Вернувшись в квартиру, Билл, как и ожидал, застал там Глэкена, стоящего у окна.

— Что они решили делать там, внизу? — спросил старик, не оборачиваясь.

— Они пришли к выводу, что не могут замерить глубину из-за технических помех.

Даже в полдень, когда солнце было в зените и его лучи светили вертикально, прямо в трещину, дна так и не удалось разглядеть. Мешала темнота.

Глэкен наконец обернулся. На губах его блуждала сочувственная улыбка.

— Они соорудили эти пресловутые приборы для точного измерения, а теперь не верят полученным с их помощью сигналам. Поразительно, как сознание противится правде, когда та противоречит догмам.

— Я не виню их. Непросто поверить в невозможное.

— Понимаю. Но слово «невозможное» сейчас утерало всякий смысл. — Он снова повернулся к окну. — Что же они теперь собираются делать?

— Соорудить пусковое устройство. Ник хочет спуститься в трещину и...

Глэкен широко раскрыл глаза и даже подскочил на месте:

— Вы имеете в виду вашего молодого друга? Он собирается спуститься в пропасть?

— Да, как только установят капсулу.

Глэкен схватил Билла за руку повыше кисти. Хватка его была железная.

— Вы не должны этого допустить! Ему надо помочь во что бы то ни стало!

Стоило Биллу взглянуть на Глэкена, как он в панике бросился к двери, выбежал в холл, нажал кнопку лифта и, не дождавшись, сбежал вниз по лестнице. Но там натолкнулся на неожиданное препятствие. Толпа стала гуще, и он протискивался сквозь нее с таким трудом, словно пробирался через трясины.

Едва подавляя страх, он изо всех сил работал локтями, вызывая возмущенные возгласы. Он не стал терять время и спрашивать Глэкена, что может случиться с Ником в этой трещине. По лицу Глэкена, обычно невозмутимому, он понял все. Никогда еще он не видел Глэкена таким.

Продвигаясь шаг за шагом в сторону Овечьего Пастбища, он вспомнил, как Ник говорил, что ему повезло. Билл старался не думать о том, что обычно случается с близкими ему людьми. Да, в данном случае не приходится говорить о везении. Билл содрогнулся.

— Освещение, камера, пуск! — Ник руководил подготовкой капсулы к погружению.

Доктор Дан Бакли слабо улыбнулся ему и схватился за одну из ручек. Доктор Бакли был пожилым, седоволосым, лысеющим сотрудником геологического факультета, не моложе шестидесяти. Его видеокамера была прикреплена к одному из передних иллюминаторов. На шее болтался тридцатимиллиметровый «никон». Бакли сильно вспотел. Ника одолевали сомнения: не случится ли у Бакли приступа паники. Капсула под названием «Тритон» напоминала маленькую душевую кабинку с низким потолком. Не самое лучшее место для страдающих клаустрофобией.

У него сердце екнуло, когда капсула стала раскачиваться над трещиной. Ник терпеть не мог парковых аттракционов, а капсула напоминала один из них. Он посмотрел в правый иллюминатор, еще раз проверяя закрепленную там лазерную установку. Все оказалось в полном порядке. Он выглянул из другого иллюминатора, глядя в ту сторону, где возвышался кран и стояла толпа рабочих, полицейские, представители городской администрации и сотрудники университета. Отец Билл тоже был здесь, протискивался вперед, махал руками и что-то кричал. Он все-таки пришел, хотя и с опозданием. Ник был рад, что Билл здесь и видит все это. Он тоже махнул рукой и приготовился к погружению.

Это было невообразимо. Это было великолепно. Это было самое волнующее событие в его жизни.

— *Все готовы?* — услышал Ник скрипучий голос в переговорном устройстве у них над головами.

— Все готовы, — ответил Ник. То же самое повторил Бакли.

Последовал не очень приятный момент свободного падения капсулы, и они стали плавно опускаться вниз на стальном тросе, погружаясь в глубину трещины. Скоро они пройдут участок, освещаемый солнцем, и дальше будут продвигаться в тени. Проекторы, вмонтированные в капсулу по окружности, уже были включены, освещая ближнюю к ним и проти-

воположную стену. Бакли приник к иллюминатору, беспрестанно шелкая затвором фотокамеры, чтобы запечатлеть пройденные ими участки.

— Как звучат наши голоса? — спросил Ник.

— *Громко и отчетливо, «Тритон». А как проходит погружение?*

— Спокойнее не бывает. Зрелище просто захватывающее. Городским властям стоит подумать о том, чтобы купить это снаряжение и организовать сюда увеселительные прогулки. За счет доходов от этого мероприятия можно будет снизить налоги.

Его шутку оценили — он услышал наверху смех и улыбнулся. Все это он произнес как и положено хладнокровному и собранному человеку. Во всяком случае, ему хотелось, чтобы это было именно так. Ведь Синтия Хейес вместе со всеми университетскими работниками тоже наблюдает сейчас за событиями, ожидая новостей. Хорошо, если она слышала его ответ и он произвел на нее впечатление. Эта небольшая прогулка принесет славу Николасу Квинну, ученому-физику. Пресса об этом позаботится. Толпа репортеров уже ждет наверху и, как только он поднимется на поверхность, забросает его вопросами. Его покажут во всех вечерних телепрограммах, может быть, даже по кабельному каналу новостей. Другие на его месте думали бы о том, какой замечательный это трамплин для карьеры, — по крайней мере трое с его факультета, это уж точно. Ему вдруг стало смешно: какая ерунда его сейчас занимает. А интересно, согласится ли теперь Синтия пойти к нему на свидание? Неужели откажет? Ведь он теперь знаменитый!

Селектор связи прервал его мечты:

— *Вы прошли половину расстояния, «Тритон». Как дела?*

— Все отлично, — ответил Ник. — Вы еще видите нас?

— *Пока да, но вы превратились в маленькое пятнышко света.*

Полпути. А всего у них десять тысяч футов троса. Уже спустились на милю, а дна все не видно. Непос-

тижимо. Как могла образоваться такая трещина? Неужели она естественного происхождения? А может быть, здесь задействованы какие-то неземные силы? Да, вполне возможно. Все это похоже на искусственное образование. А что, если...

На этот раз Бакли прервал его размышления.

— Нельзя ли прибавить освещения? — спросил он через селектор.

— *Освещение включено на полную мощность. У вас какие-то сложности, «Тритон»?*

— Стену видно все хуже и хуже.

— *Вы вышли за пределы видимости. Хотите остановиться?*

Ник взглянул в иллюминатор. Сплошная темнота. Лучи фар растворяются в темноте, словно черная пуста поглощает их. В нескольких ярдах от ламп. Проекторы тоже ничего не дают — свет виден футов на двенадцать впереди, а дальше все погружено во мрак.

— Нет, еще на десять футов в темноту. Нет...

Ник нервно сглотнул слюну. Темнота как бы обрубала лучи света, перекрывала их, пожирала.

— У нас неполадки с освещением? — Голос Бакли дрогнул.

— Не знаю, — ответил Ник.

— Лампы утратили свою мощность.

Однако Ник так не думал. Все дело было в темноте, царившей снаружи. Что-то забивало свет, пожирало его. Что-то густое и маслянистое. Казалось, за стеклом иллюминатора чернота шевелится, словно живая и прожорливая.

Он встряхнул головой. Что за мысли? И все-таки было в этой черноте что-то необычное, не из-за нее ли лазерный луч не вернулся обратно? Он улыбнулся. Она и в самом деле «бездонная». Эта проклятая трещина гораздо глубже, чем можно было предположить, но дно у нее, конечно, есть.

— *Все включено на полную мощность, «Тритон». Если у вас неполадки с электроснабжением, поднимайтесь наверх, а завтра попробуете еще раз.*

— Нет, хочу снять хотя бы одно показание с лазерной установки, — сказал Ник.

Он принялся щелкать переключателями лазерного управления и отметил про себя, что у него дрожат руки. Внезапно в капсуле стало холодно.

Он взглянул на Бакли, который приспосабливал к своей камере вспышку.

— Вы замерзли?

Бакли кивнул:

— Да, после того, как вы спросили об этом. — Из рта у него шел пар. — Вы снимете показания, а я попробую сделать несколько снимков со вспышкой через иллюминатор. После этого будем подниматься вверх.

— Договорились.

Ник вдруг почувствовал сильное желание увидеть солнечный свет. Он отрегулировал приборы лазерной установки, нажал на пуск и стал ждать показаний. Ждал долго.

Абсолютно ничего.

Пока Ник проверял приборы, Бакли пытался сделать снимки.

— Бесполезно, — сказал Бакли, с раздражением убирая камеру. — Как будто суп из фасоли разлили.

Ник посмотрел в иллюминатор. Чернота, казалось, давила на стекла, как бы стремясь прорваться внутрь.

Ник снова включил лазер. Опять ничего. Безвозвратно. Проклятие! Может быть, лазерный луч не может пробиться сквозь темноту, а может быть, трещина и в самом деле бездонна. Сейчас его уже это не волновало — он сильно замерз.

— Ладно, хватит, — сказал Ник, — я закончил. Давайте подниматься.

— Поднимайте нас! — крикнул Бакли.

— *Повторите, «Тритон»*, — откликнулись сверху. — *Нет приема.*

Бакли повторил, но никакого ответа по рации не поступило. Капсула продолжала опускаться.

Ник почувствовал страх. Стены «Тритона», казалось, сжимаются вокруг них. Стало еще холоднее. И темнее.

— Может быть, свет слишком тусклый? — спросил Бакли.

Ник лишь кивнул. Язык будто прирос к нёбу.

— Господи, поднимайте нас! — закричал Бакли и стал барабанить кулаком по стальной стенке капсулы. — Поднимайте!

— *О'кей, «Тритон»,* — сказал спокойный голос. — *Сейчас начнем.*

Но они не остановились, даже не замедлили движения. Темнота с каждой минутой сгущалась.

— О господи, Квинн! — Голос Бакли стал хриплым от страха. — Что происходит?

У Квинна наконец прорезался голос. Он старался говорить спокойно. Теперь уже и Бакли почти поглотила темнота.

— Не знаю. Но ясно одно: нужно сохранять спокойствие. Что-то случилось с рацией. Но ведь трос у них не бесконечный. Они опустят нас на полную длину, а потом все равно станут поднимать. Ничего другого им не останется. Давайте возьмем себя в руки и повисим здесь немного. Все будет в порядке.

Теперь «Тритон» полностью погрузился во мрак, снаружи и изнутри. Ник не видел даже вытянутой вперед собственной руки. Он потерял ориентацию в пространстве, не знал, где верх, где низ. Живот сводило от страха.

— Квинн! — Голос Бакли, казалось, донесся откуда-то снаружи. — Вы здесь?

Ник выдавил из себя смешок:

— Нет, я вышел за сигаретами.

И вдруг темнота превратилась во что-то твердое, что-то реально осязаемое. Это «что-то» окружало их, прикасалось к ним. Было холодным и зловещим. Оно наполнило Ника безотчетным страхом, от которого холодело внутри. Ему хотелось кричать, звать отца Билла, хотелось домой, к матери-наркоманке, которая чуть не вышибла из него мозги, когда ему было три месяца, — куда угодно, только бы не оставаться здесь.

Вспышка у Бакли погасла, и они оба захлебнулись в крике, увидев то, что вползало к ним в капсулу.

— Все нормально. Пока не надо нас поднимать. Размотайте трос до конца.

Билл услышал голос по селектору и обмер. Это не был голос Ника или его напарника. Какой-то другой, совершенно незнакомый. Билл внимательно всмотрелся в лица людей у контрольных приборов. Ни один не отреагировал. Но это же совсем другой голос! Неужели они не слышат?

А потом что-то знакомое послышалось ему в голосе. Он уже слышал его раньше. Но где?

Ответ вертелся где-то рядом. И тут он снова услышал:

— Да, вот так. Продолжайте нас опускать.

Тут Билла осенило. От страха подкосились ноги.

Раф. Это его голос. Раф. Джимми Стивенс. Расалом. Как бы его ни называли, это был он. Тот, кого Глэкен считал врагом. Тот, кто укоротил день и вырыл в земле эту гигантскую яму. Он годами измывался над Биллом, принимая разные обличья и меняя голоса. И тот, который звучал сейчас в селекторе, принадлежал Рафу Лосмаре. Ошибки быть не могло. Он все еще слышал этот голос. Враг сейчас в этой капсуле — и одному Богу известно, что он там делает с Ником.

На ватных ногах он побежал к диспетчерскому пункту.

— Поднимите их! — закричал он. — Сейчас же, немедленно!

— Кто вы, черт побери? — спросили у него.

— Я друг Николаса Квинна. Это был не его голос. Неужели вы не поняли?

— Конечно, это голос Ника, — сказала женщина лет тридцати, с короткими каштановыми волосами. — Я работаю с ним не один год. Это, несомненно, его голос.

Стоящий позади нее пожилой мужчина с аккуратным пробором согласно закивал:

— Да-да, это был Ник.

— А я вам говорю, что это не он! Господи, верните их обратно! У них что-то случилось. Верните их!

Кто-то схватил Билла за руку, и он услышал несколько голосов, перебивающих друг друга:

— Кто он такой?
— Вызовите службу безопасности...
— Говорит, что друг Квинна...
— Да пусть даже его мать. Он должен убраться отсюда!

Билла вытолкали с территории пункта. Сотрудники службы безопасности собирались отвести его за пределы Овечьего Пастбища, но он умолял оставить его рядом с трещиной, поклявшись, что не скажет больше ни слова и не будет подходить к диспетчерскому пункту. Католическая сутана и на этот раз выручила его. Ему разрешили остаться.

Но это было невыносимо — стоять здесь и слушать этот голос, требующий опускать капсулу все ниже и ниже. Неужели для всех остальных этот голос звучал как голос Ника? Неужели только он мог различить голос Рафа? Но почему? Еще одна злая шутка?

Будь ты проклят!

Ему хотелось кричать, хотелось взять управление подъемником в свои руки, вырвать рычаги у оператора и поднять капсулу вверх, где светит солнце. Но это было так же невозможно, как перепрыгнуть через трещину. Ему оставалось лишь стоять в привилегированной толпе тех, кого пустили за ограду, и молча бороться со сжимавшим сердце страхом.

Наконец кабель размотался до конца. Теперь, что бы ни говорил странный голос, капсула не могла опускаться дальше.

Но голос смолк.

Билл заметил оживление на диспетчерском пункте и стал протискиваться к нему через толпу. На глаза попался спешащий куда-то студент, и Билл схватил его за руку:

— Что случилось?

— «Тритон» не отвечает.

Билл отпустил его, похолодев от ужаса, чувствуя свою беспомощность, а в это время подъемник уже закрутился в обратном направлении, начав на полной скорости подъем «Тритона». Казалось, подъем будет продолжаться вечно. За это время по Овечьему Пастбищу с ревом сирен промчались машины «Скорой

помощи» и реанимации. Наконец капсулу вытащили на поверхность и поставили на платформу. К ней устремились люди с диспетчерского пункта.

Билл протискивался к переднему краю, пока не уперся в одну из деревянных загоронок, которыми обнесли трещину. Он с нетерпением смотрел, как сотрудники раскручивают гайки, снимают люк и заглядывают внутрь.

Кто-то вскрикнул. Его сердце, и без того бешено колотившееся, казалось, выскочит сейчас из груди. У капсулы сустились люди: кто-то бежал к телефону, кто-то что есть силы махал рукой, требуя, чтобы подъехала машина реанимации. Господи, что-то случилось с Ником. Он никогда не простит себе, что не приехал вовремя и не помешал им спуститься вниз.

Двое из бригады реаниматоров со стетоскопами вокруг шеи и аптечками в руках бросились к капсуле, когда из люка извлекли обмякшее тело. Билл задрал голову, стараясь разглядеть что-нибудь поверх толпы, и с облегчением увидел, что у раненого седые волосы и лысина. Слава богу, это не Ник. Его напарник. Его положили ничком на платформу и стали делать искусственное дыхание.

А где же Ник?

Снова всплеск оживления вокруг капсулы. Выносят, точнее, выводят следующего. Это Ник. Слава богу, он стоит на ногах, передвигается. Но что у него с лицом? Красное, кровь с губ капает на подбородок. Он порезал нижнюю губу или скорее прикусил ее. Но глаза — они заставили Билла содрогнуться от ужаса: широко раскрытые и пустые. Случившееся там, внизу, лишило Ника разума или запрятало разум в самый дальний потаенный уголок мозга.

— Ник! — вскрикнул Билл.

Он наклонился, чтобы проскочить под ограждением, но один из полицейских не упускал его из виду.

— Оставайтесь на месте, святой отец, — предупредил он, — не то упеку вас за решетку!

Билл в отчаянии сжал зубы, но остался на месте: из тюрьмы он ничем не сможет помочь Нику. А Ник сейчас нуждается в нем.

Он едва сдерживался, пока Ника, спотыкающегося, с пеной на губах, вели к машине. Безумные, пустые глаза. Что же он там увидел?

И вдруг, поравнявшись с Биллом, Ник повернулся и пристально посмотрел на него. Потом как-то странно усмехнулся. Билл вздрогнул от ужаса и невольно отпрянул назад прямо на стоящих позади людей. Но усмешка исчезла с лица Ника так же внезапно, как и появилась. Проблески разума, вспыхнувшие было во взгляде, снова исчезли, и он заковылял прочь от Билла к санитарным машинам.

Билл постоял еще немного, чувствуя слабость и дрожь во всем теле, потом выбрался из толпы и побежал по траве за машиной. Он успел рассмотреть надпись на дверце: «Пресвитерианский госпиталь». Добежав до Пятой авеню, Билл стал искать такси, не в силах избавиться от чувства, что когда-то уже пережил этот кошмар. Сможет ли он пережить его во второй раз?

Из передачи радио FM-диапазона:

«Ф р е д д и: Плохие новости поступают из Центрального парка, ребята. С теми двумя парнями, что спустились в дыру, случилась беда.

Д ж о: Да, у одного сердечный приступ, у другого тоже что-то серьезное. Говорят, у них были проблемы с подачей воздуха. Как только появятся свежие новости, мы сразу же сообщим.

Ф р е д д и: Обязательно. А сейчас послушайте песню битлов, уже ставшую классикой, которую мы передаем специально для тех, кто сейчас задействован на работах в Центральном парке в районе Овечьего Пастбища».

(Звучит песня «Угодить в яму».)

— А когда придет этот парень?

— Точно не знаю, — ответил Глэкен.

Он посмотрел на мастера Джека, разглядывающего Центральный парк из окна. Всех, кто входил в эту комнату, буквально тянуло к окну, в том числе и Глэкена. Вид отсюда открывался захватывающий, особенно сейчас, благодаря трещине.

Джек пробудил в Глэкене интерес. Среднего роста, в бежевых слаксах и легкой голубой рубашке с закатанными рукавами. Темно-каштановые волосы, низко нависшие над карими глазами. Взгляд мягкий и в то же время острый. Ни манерами, ни одеждой он не выделялся в толпе.

Вы не заметили бы его, даже преследуй он вас по пятам целый день.

Глэкену Джек нравился, у них установилось взаимопонимание на каком-то основополагающем уровне. Возможно, потому, что Глэкен видел в Джеке себя самого в другую эру, другую эпоху, когда был такого же возраста. Настоящий борец, воин. В нем чувствовалась сила не только физическая, хотя он знал, что ее в избытке в этих сплетениях мускулов, но и внутренняя — чувствовалась твердая решимость доводить дело до конца. У него хватало мужества задавать сложные вопросы самому себе, анализировать собственные действия и их мотивы, ставить под сомнение целесообразность той жизни, которую он избрал для себя.

Являлся ли Джек тем человеком, которого он, Глэкен, искал?

Глэкен не мог не видеть, что при всех своих положительных качествах Джек — парень бесшабашный, строптивый, не признающий авторитетов. Он жил по своим законам. И был обозлен. Слишком обозлен. Временами казалось, что от холодного огня его ярости в комнате становится светлее.

И все же, несмотря на все это, Глэкен отчаянно нуждался в его помощи. Джек — единственный на земле человек, способный вернуть древние ожерелья. Глэкен понимал, что с ним нужно обращаться очень осторожно и быть как можно более убедительным в своих доводах.

— Сколько еще мы его прождем? — спросил Джек, отвернувшись от окна.

— Он уже должен был прийти. Видимо, болезнь друга задержала его.

Глэкен смотрел возвращение капсулы по телевизору и не переставал удивляться, как много информации

можно почерпнуть, даже не выходя из комнаты. Когда на поверхности Луны появились первые следы человека, он тоже сидел у телевизора, как и час с небольшим назад, следя за тем, как Ника и второго ученого вытаскивают из капсулы. Этот второй — мистер Бакли — умер от разрыва сердца, а доктор Квинн в шоковом состоянии был срочно доставлен в реанимацию. Глэкен догадался, что Билл поехал за ним вдогонку.

Скверно. Скверно потому, что это произошло с другом Билла, и потому, что Глэкен очень хотел познакомиться Билла и Джека — возможно, они бы подружились. Теперь это следует отложить до следующего раза.

Джек сел в кресло напротив Глэкена.

— Тогда давайте продолжим. Вы снова упомянули ожерелья. Значит, по-прежнему хотите их заполучить?

— Да. Боюсь, без них не обойтись.

— Чтобы предотвратить конец света, о приближении которого мы с вами знаем, не так ли?

— Правильно.

Джек поднялся и снова подошел к окну.

— Я, как и прежде, считаю вас сумасшедшим, — сказал он, поглядев в окно, — но этот проклятый парк уменьшился, ведь так? Я хочу сказать, потерял часть поверхности, которую поглотила трещина. Значит, он сократился в размерах, как вы и предсказывали. — Он повернулся и снова посмотрел на Глэкена. — Откуда вы знали, что в парке должна появиться трещина?

— Удачная догадка.

— Может быть. Но если вы собираетесь разыскать Калабати и ее ожерелья, одной удачной догадки недостаточно.

— Я уже знаю, где она.

Джек снова сел в кресло.

— Где?

— Сейчас она живет на Мауи, на северо-западном склоне Халеакалы, несколькими милями выше Кулы.

— Как вы ее разыскали? Ведь два дня назад вы понятия не имели, где она.

— Я встретил старого знакомого, которому это известно.

— Снова удачное совпадение?

— Нет, правда. Я его искал, этого старого знакомого.

Глэкен позволил себе сдержанно улыбнуться и не сказал больше ни слова. Пусть Джек думает, что речь идет о человеке. Едва ли стоит рассказывать ему о *Дат-тай-вао*, по крайней мере при создавшихся обстоятельствах. Он еще не готов к этому. Но остается непреложным фактом, что вчера, прикоснувшись к Джеффи, он вступил в контакт с *Дат-тай-вао* и таким образом узнал, где ожерелья. Потому что *Дат-тай-вао* всегда знает местонахождение ожерелий. Раньше они были неразлучно связаны друг с другом. Остается надеяться, что с помощью Джека они скоро вновь станут единым целым.

— Вы хотите, чтобы я пошел туда и убедил Калабати отдать эти ожерелья, после чего она превратится в старую каргу и умрет?

— Я хочу, чтобы вы их заполучили. Просто заполучили.

— Да, но поскольку добровольно она с ними не расстанется, мне придется их украсть. А я не вор, мистер Вейер.

— Но отнимаете же вы награбленные вещи, чтобы вернуть их законному владельцу, не так ли?

Джек откинулся в кресле и сжал рукой запястье.

— Иногда случается.

— Отлично. А эти ожерелья, точнее, металл, из которого они сделаны, вначале принадлежали мне.

Джек медленно покачал головой:

— Нет. Так не пойдет. Я доподлинно знаю, что эти ожерелья появились еще в ведические времена и передавались в ее семье из поколения в поколение. А ее семья, поверьте, имеет длинную родословную.

— Это верно. Но материал был похищен у меня в незапамятные времена.

Джек прищурился:

— Хотите сказать, что вам две тысячи лет?

Глэкен понял, что исчерпал лимит доверия Джека. Услышав всю правду, он опять уйдет, как сделал

это в таверне вчера вечером. Пожалуй, разумнее пока отступить.

— Давайте скажем так: когда-то, в полузабытом прошлом, кто-то из ее семьи похитил их у одного из членов моей семьи. Так вас устроит?

Джек потер глаза и тряхнул головой:

— А почему я должен вам верить?

— Потому что я говорю правду.

— Хорошо, — сказал Джек после долгой паузы, — я подумаю. Пока не решил. Но мне нужны подробные рисунки ожерелий. У вас они есть?

— Завтра принесу. А зачем они вам?

— Это мое дело. — Он встал. — Вы знаете мою цену, и вряд ли она вызовет у вас затруднения.

— Цену? А я-то думал, вы просто так хотите это сделать.

— Почему вы так думали?

— Это не только в моих, но и в ваших собственных интересах. Трещина — только начало. Потом их будет много — бесчисленное множество. Ожерелья должны проделать долгий путь, чтобы остановить этот процесс.

Джек улыбнулся:

— Конечно. Но знаете, мистер Вейер, я участвую в деле, но только не в деле спасения мира. Завтра зайду за рисунками. И за задатком. Всего хорошего.

— Солнце почти зашло, — сказал Глэкен Джеку, направлявшемуся к двери. — Возвращайтесь сразу домой.

Джек засмеялся:

— Почему? Что, вампиры нынче распоясались?

— Нет, — ответил Глэкен, — хуже. Не выходите на улицу после наступления темноты, а главное, не приближайтесь к трещине.

Джек только хмыкнул.

Глэкену очень хотелось быть чем-нибудь полезным Джеку. Ему нравился этот парень, и он нуждался в нем. Жаль будет, если Джека убьют.

Из телепередачи:

«С вами Чарльз Бург. Я веду прямой репортаж из района Центрального парка под названием Овечьи Пас-

тбище. После разыгравшейся здесь днем трагедии все было относительно спокойно, но без происшествий не обошлось. Как видите, толпы людей, стоявших за моей спиной, исчезли. Это произошло потому, что около 5.30 потоки воздуха, втягиваемые в трещину, изменили направление и подули наверх. И поверьте мне, ребята, пахнет здесь нехорошо. Тянет какой-то гнилью. Все, кто не обязан здесь находиться, ушли. Скоро уйду и я. До встречи в студии».

2. БЕЗДНА

Вашингтонские холмы

— Результаты физических анализов у него нормальные, — сказал ординатор-невролог. — Если бы не избыточный вес, повышенное содержание триглицерина и холестерина, его цифровые, графические и рефлекторные показатели были бы абсолютно нормальными.

Билл сглотнул слюну и задал вопрос, не дававший ему покоя с тех пор, как он впервые увидел у Ника отсутствующее выражение лица и пустые глаза:

— Он... не пустой внутри?

Ординатор насмешливо взглянул на него:

— Пустой внутри? Нет, не пустой. А как вам пришло такое в голову?

— Да это я так. Просто навязчивый кошмар. Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот. Как я уже говорил, анализы его физического состояния соответствуют норме, но... — тут он провел рукой перед безучастным лицом Ника, — духовные силы, несомненно, его покинули.

На нагрудной табличке у ординатора значилось: «Р. О'Нейл, здравоохранение». В ухо была вдета серьга, волосы зачесаны назад.

Не Маркус Велби, конечно, но дело свое знает туго.

— Он в состоянии шока, — сказал Билл.

— Ну, мы с вами по-разному понимаем шок. Для меня шок означает состояние полной прострации в

сочетании с очень низким кровяным давлением и почечной непроходимостью. Ничего подобного у вашего друга не наблюдается.

Билл перевел взгляд на Ника, сидевшего на краю кровати. Он приехал вслед за машиной «Скорой помощи» сюда, в Колумбийский пресвитерианский медицинский центр. Врачи и консультанты, собравшиеся в реанимационной, в один голос твердили, что больного необходимо оставить здесь хотя бы на одну ночь для наблюдения. Университет устроил его в отдельной палате, больше похожей на комнату отдыха с маленьким окошком, диваном, парой стульев и, конечно, больничной койкой. Ник уже выглядел намного лучше. Нижняя губа больше не кровоточила. Его помыли, одели в больничную пижаму. Но глаза его были пусты, как открытый кинотеатр в жаркий полдень.

— Тогда что же с ним?

— Истерия. Полное отключение сознания. Этим займутся психиатры. Но я считаю, что проблема эта не медицинского, а невралгического свойства. У него в голове просто жернова перестали крутиться.

— Благодарю за точные наблюдения, — сказал Билл. — А что с тем, кто вместе с ним спускался в капсуле?

Доктор О'Нейл пожал плечами:

— Ничего о нем не слышал.

— Знаете, он умер.

Билл оглянулся на голос. Это говорил Ник. Взгляд его еще не стал полностью осмысленным, но глаза уже не были абсолютно пустыми. С лица исчезла странная усмешка, которую заметил Билл, когда Ника вели к машине «Скорой помощи». Выражение лица стало нейтральным. Но от его голоса, совершенно бесстрастного, у Билла по телу побежали мурашки. Тем более, что Никуноткуда было узнать о докторе Бакли.

— Потрясающе! — воскликнул О'Нейл. — Он уже приходит в себя! — И, схватив медицинскую карту Ника, доктор бросился к двери. — Я сделаю несколько пометок и дам знать психиатрам.

Билл хотел остановить его, но не знал, как это сделать. Его не радовала перспектива остаться с Ни-

ком наедине. Впрочем, жалеть ему об этом не пришлось.

— Доктор Бакли мертв, — снова сказал Ник.

Билл обошел вокруг кровати и остановился перед Ником, но на некотором расстоянии.

— Откуда ты знаешь?

Ник нахмурился:

— Не знаю откуда. Знаю только, что мертв.

Сам этот факт, казалось, нисколько не огорчал Ника, и, произнеся это, он просидел в молчании довольно долгое время. Потом вдруг заговорил тем же бесстрастным голосом:

— Он хочет навредить вам. Вы должны это знать.

— Кто? Доктор Бакли?

— Нет. Он.

В комнате будто повеяло холодом.

— Кого ты имеешь в виду? Того... кого встретили там, внизу?

Ник кивнул:

— Он ненавидит вас, отец Билл. Но есть некто, кого он ненавидит еще больше, кому еще больше хочет навредить. Однако ненависть к вам достаточно велика.

Билл отступил назад и, нащупав рукой кресло, опустился в него.

— Да, знаю. Мне говорили.

— Вы останетесь со мной на ночь?

— Конечно. Если разрешат.

— Разрешат. Это очень хорошо, что вы останетесь на ночь.

Билл вспомнил девятилетнего мальчика-сироту в очках, который боялся темноты, но никогда бы в этом не признался.

— Я останусь здесь до тех пор, пока буду тебе нужен.

— Дело не во мне, а в вас. Снаружи опасно.

Билл выглянул в окно. Солнце уже зашло, и в темноте мерцали городские огни. Он снова обернулся к Нику:

— Что ты...

Но Ника уже здесь не было. Он по-прежнему сидел на кровати, но фактически отсутствовал. Глаза стали пустыми, а разум спрятался глубоко внутри.

Что же случилось с его разумом? Что он узнал о Расаломе, их враге? И каким образом? Может быть, там, внизу, произошли какие-то события и он соприкоснулся с Расаломом там, в трещине?

Билл поежился и очень осторожно уложил Ника в постель. Да, если это правда, Нику не позавидуешь. Даже легкое соприкосновение с этой болезнью означает полное безумие...

Именно в таком состоянии и находился сейчас Ник. Разве нет?

Билл стоял рядом с кроватью, размышляя, стоит ли оставаться. Чем, собственно, он может быть сейчас полезен Нику? Очень немногим. Но по крайней мере будет рядом, если у того снова появятся проблески сознания или он выйдет из забытья и захочет узнать, где он и что с ним.

В этот момент Билл вдруг услышал, как что-то стукнуло в окно. Повернулся и увидел шарик из слизи, прилипший к оконному стеклу с обратной стороны. Неожиданно шарик задвигался.

Одолеваемый любопытством Билл подошел ближе и услышал сердитое жужжание. Шарик оказался завернутым в тонкую пленку, покрытую сеткой отчетливо видных кровеносных сосудов. От шарика на стекле оставались влажные следы. Видимо, от него же исходило жужжание.

Билл придвинул ближе к столу настольную лампу и при ее свете различил с одной стороны шарика колышущееся облачко. Крылья? Да, крылья, полупрозрачные, не менее одного фута в длину. Они бешено трепыхались. И глаза. Четыре глаза многогранника на конце своеобразного туловища величиной с креветку, усеянного светящимися точками. Из пленки торчали восемь лапок с клешнями.

— Что за черт? — пробормотал Билл, следя за живым шариком, и почувствовал, как откуда-то изнутри поднимается волна отвращения. Существо было какое-то чужеродное, словно сошедшее с картин Гейгера.

Со стекла существо перебралось на раму двойного окна. Внезапно Билл осознал, что окно открыто, и в тот

самый момент, когда дотянулся до него, чтобы закрыть, существо бросилось на него. Билл убрал руку и стал прислушиваться к яростному жужжанию. Казалось, существо пыталось просочиться сквозь преграду. Гнилой, зловонный запах заставил его отступить на шаг. Он захлопнул внутреннюю раму и продолжал наблюдать. Существо повисело на стекле еще минуту-другую, потом отлепилось и исчезло в темноте, оставив на стекле мокрые пятнышки, от которых шел пар.

Потрясенный, Билл выключил свет, пододвинул кресло к кровати Ника и приготовился к долгой, беспокойной ночи. Ник прав, лучше остаться здесь. По крайней мере до рассвета.

Из передачи радио АМ-диапазона:

«...Получены официальные сообщения о том, что вот уже третий день солнце заходит раньше времени. Сегодня оно очутилось за горизонтом в 17.11. День стал короче на два часа. Возрастает тревога ученых за экологические последствия».

Саттон-сквер

— Опять как всегда, — сказала Джия, целуя его у дверей своего дома в Саттон-Плейс. — Поешь и сразу убегаешь.

Джек ответил на поцелуй и легко пробежался пальцами по ее коротким светлым волосам.

— Мне нужно зайти к Джулио по одному делу.

Она блеснула своими ясными голубыми глазами:

— Еще один твой клиент?

— Да. Еще один. — Она хотела что-то сказать, но он прижал свой палец к ее губам: — Не надо, прошу тебя.

За последние несколько лет Джия научилась терпимо относиться к той жизни, которую вел Джек, но она по-прежнему ей не нравилась, и женщина не упускала возможности напомнить ему об этом.

Она поцеловала его палец.

— Я не собираюсь говорить ничего такого. Просто хотела сказать: как жаль, что ты не можешь остаться.

— Мне тоже очень жаль. Я хотел бы, чтобы мы поселились вместе и...

Теперь она прижала палец к его губам.

— Не начинай.

Джек обнял ее и прижал к себе. Два человека, которые любят друг друга, должны жить вместе. Но Джия была непреклонна, настаивая, чтобы он подыскал себе другое занятие, прежде чем она и Вики поселятся с ним.

Вики. Еще один проблеск в его жизни. Худенькая девятилетняя девочка, которая за эти годы сумела войти в его сердце и навсегда в нем осталась.

Он провел руками по спине Джии и почувствовал, как напряжены ее мускулы. Он знал, что в силу своего характера она никогда полностью не расслабляется, но сегодня Джия была напряжена больше обычного.

— Что-нибудь не так?

— Не знаю. Мне как-то не по себе. Какое-то предчувствие.

— Оно не обмануло тебя. Ты же видела в новостях: солнце взошло еще на несколько минут позже, а здоровенный кусок Центрального парка провалился к чертям.

— Я не про то. В воздухе нависло что-то такое... Неужели ты не чувствуешь?

Он, конечно, чувствовал. Чувствовал скрытую угрозу, зреющую в темноте за его спиной. Воздух был какой-то тяжелый, в нем таилась опасность.

— Наверное, это связано с недавними странными событиями.

— Возможно. Но сегодня вечером я не хочу оставаться с Вики одна. Тем более здесь. Ты не вернешься?

Джек знал, что с этим домом в Саттон-Плейс у Джии и Вики связаны волнующие и страшные воспоминания. Он убедил ее переехать сюда из финансовых соображений и еще потому, что было бы просто глупо, чтобы такой прекрасный дом пустовал несколько лет, пока будет рассматриваться вопрос о собственности на вестфальское наследство.

— Конечно. С удовольствием приду. Мне не следует быть слишком...

— Джек, Джек, Джек!

Через плечо Джин Джек увидел, как Вики бежит по холлу, держа в руке лист бумаги. От матери она унаследовала голубые глаза, а от отца — каштановые волосы, собранные в длинный хвостик, который раскачивался из стороны в сторону, пока она бежала к нему. Ее худенькие ручки и сияющая улыбка могли вывести Джека из самого мрачного настроения.

— Что это, Вики?

— Это я для тебя нарисовала.

Вики унаследовала от матери способность и любовь к рисованию. Джек взял протянутый ему лист бумаги и принялся рассматривать. Целый выводок каких-то существ со щупальцами заслонял все небо над Манхэттеном. Это немного... удручало.

— Здорово, Вики, — сказал Джек, скрывая за улыбкой растерянность. — Это что, из «Войны миров»?

— Нет. Это дождь из осьминогов.

— А... Ну конечно, я так и подумал. А почему тебе пришло в голову такое нарисовать?

— Не знаю, — сказала она, нахмурившись, — как-то само собой получилось.

— Ну, спасибо тебе, Вики, — сказал Джек, сворачивая листок в трубку. — Я помещу его в свою вестфальскую коллекцию.

Она улыбнулась своей лучезарной улыбкой:

— Потому что эта вещь будет очень дорого стоить, когда я прославлюсь. Правильно?

— Ты все правильно понимаешь, малышка. С твоей помощью я смогу прожить, когда выйду на пенсию. — Джек обнял ее и поцеловал. Потом поцеловал Джю. — Я непременно вернусь.

Джин благодарно пожала ему руку. Выйдя из дома, Джек направился в западном направлении.

Пока он добирался до Пятдесят восьмой улицы, в памяти снова и снова всплывали последние сказанные Вейером слова:

«Не выходите на улицу после наступления темноты, а главное — не приближайтесь к трещине».

Почему бы и нет, черт возьми? Предупреждение подействовало на него как красная тряпка на быка.

И поскольку, чтобы попасть к Джулио, ему все равно нужно было пройти через парк...

Окрестности Овечьего Пастбища выглядели опустевшими, не то что днем, когда здесь собрались толпы людей. Все разошлись.

Наверное, из-за запаха.

Джек почуял его, когда проходил мимо Плаца. Тянуло какой-то гнилью. Не он один чувствовал этот запах. Туристы из близлежащего отеля, которые, выбравшись из такси или из своих лимузинов, поднимались по ступенькам парадного входа, морщились — видимо, от ударявшего в нос зловония. Сначала он подумал, что, может быть, где-то поблизости прорвало канализационную трубу, но, войдя в парк, почувствовал, что запах усиливается.

Здесь, в районе Овечьего Пастбища, он был особенно резким.

Прожекторы освещали трещину и прилегающий к ней район так ярко, что все было видно как на ладони. Вдруг ему показалось, будто из трещины что-то вылетело и метнулось в сторону огней, а потом исчезло. Вроде бы голубь. Но голуби не летают так быстро.

По травяному полю, отделявшему административные постройки от остальной территории парка, шла женщина средних лет. Джек двинулся ей навстречу.

— Это из трещины так воняет? — спросил он, видя, как она ныряет под заграждение. Ответ был очевиден, но Джек воспользовался предлогом, чтобы вступить в разговор.

У женщины на груди был приколот пластмассовый значок, который при ходьбе раскачивался из стороны в сторону. Судя по значку, ее звали Маргарет. Фамилию он так и не успел рассмотреть, но над именем различил слова: «Министерство здравоохранения». На женщине были желтовато-коричневые слаксы и голубая рубашка мужского покроя.

— Ну не от меня же.

Дружелюбная, ничего не скажешь.

— Надеюсь, что нет. Но вонь такая, словно у меня в носу какая-то тварь сдохла.

Женщина улыбнулась:

— Очень удачное сравнение.

— Нет, серьезно, — сказал Джек, стараясь идти с ней в ногу. Женщина направлялась к улице. — Когда это началось? Вчера вечером воздух затягивало в трещину.

Она покосилась на него:

— Откуда вам это известно?

— Я был здесь, когда в земле появилась трещина.

— У нас уже есть показания многих очевидцев. Может быть, хотите сделать заявление?

— Да мне просто интересно, откуда этот запах.

— А, ну если так... Сегодня, вскоре после захода солнца, струи воздуха изменили свое направление и стали подниматься кверху. А часом позднее мы почувствовали этот запах. На краю трещины он совершенно невыносим.

— Пару минут тому назад мне показалось, будто оттуда что-то вылетело.

Маргарет кивнула:

— Их вылетело уже несколько штук. Мы подумывали о том, чтобы поймать одно из этих существ, но сейчас у нас есть заботы поважнее. Возможно, это птицы, которые залетели туда днем. Может быть, запах гонит их обратно. Но вы не беспокойтесь, запах этот не ядовит.

— В это трудно поверить.

— Поверьте. Мы сделали восемь различных анализов, начиная от...

Услышав позади крики, они обернулись. Над трещиной летала целая стая не то птиц, не то еще каких-то существ. Время от времени они пикировали вниз и бросались на людей, работающих вдоль заграждения.

— О боже! — вскричала Маргарет и побежала обратно к трещине.

Джек не ускорил шага. Ему, конечно, хотелось рассмотреть все это получше, однако он предпочел не подходить слишком близко. Похоже, птички взбесились. Все это напоминало фильм Хичкока.

Лишь оказавшись ярдах в пятидесяти от трещины, Джек понял, что никакие это не птицы.

— Эй! — вскрикнул он, хватая Маргарет за руку.
— Что-то они мне не нравятся.

Она вырвалась.

— Мои отчеты! Документы с результатами проверки — все пойдет насмарку!

Джек замедлил шаг, а она побежала дальше, к одной из диспетчерских кабинок. Джек встал в тени и попытался получше рассмотреть этих страшных существ, летающих в воздухе. Это были скорее насекомые, чем птицы. Наверняка они появились из трещины. Он мог дать голову на отсечение, что никогда не видел в окрестностях Нью-Йорка ничего похожего. Их было два вида: и те и другие с крыльями, как у дракона. Одни представляли собой большой полупрозрачный шарик с крыльями, похожий на надувной шар, заполненный кислородом, с виду слишком тяжеловесный и не очень приспособленный для полетов; насекомые другого вида, казалось, сплошь состояли из одной огромной пасти — усеянные остроконечными зубами челюсти росли прямо из туловища осиной формы размером с омара. И у тех и у других вдоль туловища тянулись светящиеся полосы из точечных огней, похожих на неоновые. Они скорее напоминали глубоководных морских рыб, которых так любят изображать в иллюстрациях к учебнику по родной географии, существ, живущих на глубине несколько миль, там, где никогда не светит солнце. Только сейчас все это происходило в Центральном парке. И к тому же они могли летать.

В этот момент крики боли и ужаса переключили его внимание с неба на землю. Внезапно в ярком, почти дневном свете ламп все окрасилось в красный цвет. Джек припал к земле и застыл в страхе, увидев, что творится по краям трещины. Эти твари не ограничивались жужжанием, они нападали на людей, а те разбегались в разные стороны, словно участники пикника, неосторожно разворошившие осиное гнездо. Но по сравнению со всем этим осы были просто даром Божиим. Зубастые насекомые напоминали воздушных пираний: они пикировали вниз, вонзаясь зубами в руки, ноги, шеи, животы, вырывая куски мяса, и после этого улетали прочь. Кровь хлестала из тысячи ран.

В самой гуще этого побоища Джек увидел лысого человека, топчущего кого-то ногами, кричащего от боли, в то время как десятки челюстей вгрызались в него. К первому десятку присоединился второй, потом еще и еще, и вот они уже облепили его, как муравьи кусок сахара. Джек почти инстинктивно рванулся вперед, на помощь, но потом отступил: несчастному уже ничем нельзя было помочь. Джек мог лишь наблюдать, как человек затих и дал себя сожрать.

Джек развернулся, собираясь выбраться на улицу, но вдруг заметил нечто раздувшееся и перекошенное, отдаленно напоминавшее человека. Это «нечто» в темноте двигалось к нему, вытянув руки и издавая какие-то хриплые, визгливые и гнусавые звуки. Сначала Джек подумал, что это какой-то новый монстр из трещины, но когда существо приблизилось, лохмотья желто-коричневого цвета, болтавшиеся у него на ногах, показались ему знакомыми.

И тут Джек почувствовал, как шевелятся у него волосы. Он узнал Маргарет из министерства здравоохранения. Но что это с ней?

Те самые твари из трещины, похожие на кислородные баллоны. Они облепили ее всю. Шелест крыльев, пульсирующие туловища. Не менее тридцати, а то и сорока тварей вцепились в ее тело. Джек бросился к ней и стал срывать насекомых, начав с лица. Душераздирающий крик раздался в ночной темноте, и Джек в ужасе увидел кровавое месиво — то, что осталось от лица. Оно словно расплавилось, или его разъело кислотой. Щеки твари прогрызли насквозь, и Джек даже мог рассмотреть зубы, белеющие сквозь рваную рану.

Он отступил назад и посмотрел на двух тварей, которые извивались у него в кулаке, стараясь вцепиться в руку своими маленькими лапками. Мешочки уже не были прозрачными — они стали красными от крови. Маргарет. Он швырнул тварей на землю и стал **топтать**. Слизь малинового цвета брызнула в разные стороны, и в тех местах, где брызги попали ему на брюки и ботинки, появились клубы испарений. Жидкость проедала материю, а резина начинала пузыриться.

ся от соприкосновения с ней. Джек отскочил в сторону от этого месива и обернулся к Маргарет.

Женщина исчезла. Она не могла уйти далеко. Присмотревшись, он увидел ее лежащей ничком на траве, неподвижной. Джек склонился над ней, дотронулся до ее тела. Тут одна из тварей отлепилась от ее спины, оставив обглоданные ребра без мяса и мускулов, и, шелестя крыльями, направилась к нему. Джек хотел сбить ее на лету, но тварь мертвой хваткой вцепилась ему в кисть руки, подобно шарикку эпоксидного клея. Боль была просто адская. Руку жгло так, будто на нее брызнули бурлящей кислотой. Застигнутый врасплох Джек отчаянно закричал, стряхнул насекомое с руки и увидел, что кожа с нее слезла.

От боли у него подкашивались ноги, но он снова вскочил, когда увидел зубастую тварь, подлетающую к нему. Он схватил насекомое-шарик и швырнул прямо в раскрытую пасть с остроконечными зубами. Парочка сплелась в клубок и покатила по земле, оставляя за собой дымящийся красный след.

Джек оглянулся на огражденное пространство вокруг трещины. Там не было ни единого человека — лишь тучи крылатых челюстей и летающих шариков роились в воздухе. Многие из них отсвечивали красным. Пока он их разглядывал, новые тучи вылетели из трещины. Они какое-то время носились по кругу, а потом сбились в огромный рой в форме буквы «V» и полетели к восточным окраинам, напоминая наконец стрелы, выпущенной из лука.

На восток. Туда, где находились Джия и Вики.

Оставшиеся твари разлетались в разные стороны, и несколько из них уже полетели к Джеку, и тут он бросил последний взгляд на Маргарет. Она все еще была облеплена шариками, ее хребет напоминал распотрошенное чучело.

Джек направился к зарослям деревьев, сняв рубашку и обмотав ею левую руку в том месте, где зияла рана. Он различил огни таверны «У леса» и повернул туда. Поравнявшись с эстакадой, Джек увидел вырывающееся к нему такси, остановил его и запрыгнул на заднее сиденье.

— До Саттон-сквер, и поскорее. Закройте все окна!

Водитель, с виду трусливый негр, говорящий с сильным островным акцентом, обернулся и увидел руку Джека.

— А что у тебя с рукой, парень? Если ты влип в историю...

Джек поднял стекло со своей стороны и стал лихорадочно поднимать стекло слева.

— Быстро закрывай свои чертовы окна!

— Слушай, парень, машина моя и нечего здесь командовать! — Но Джек уже наклонился вперед и поднимал переднее правое стекло. — Эй, парень, у тебя что, с головой не в порядке?

В этот же момент из-под капота автомобиля выскочило зубастое насекомое, ударились о лобовое стекло и стало яростно скрести по нему своими острыми зубами, оставив множество отметин. «Дворники» автомобиля тоже не избежали его пасти и были выломаны под корень.

Теперь водителю потребовалась лишь секунда-другая, чтобы закрыть окно.

— Господи, что это было?

— Не знаю, — сказал Джек, откинувшись на заднее сиденье и позволив себе расслабиться на несколько секунд. — Они вылетели из трещины и продолжают вылетать. Парк просто кишит ими.

Зубастая тварь продолжала в тупой ярости грызть стекло, стараясь проникнуть внутрь. Водитель наблюдал за всем этим в немом оцепенении. Джек похлопал ладонью по спинке переднего кресла:

— Поехали. Надо выбираться отсюда. Дальше будет еще хуже. Поехали на Саттон-сквер.

— Да-да, конечно. — Он нажал на газ и с ревом помчался к западной части Центрального парка. Зубастое насекомое колыхнулось от внезапного порыва ветра, соскочило с капота и взмыло в воздух, преследуя их автомобиль еще ярдов пятьдесят. Затем, прежде чем окончательно оставить их в покое, несколько раз ударились о боковое стекло.

— Какой надоедливый жук, — сказал Джек, когда тварь наконец улетела.

— Послушай, но все-таки что это было? Прямо какое-то исчадие ада.

— Очень может быть. Кто знает, как далеко в глубь земли уходит эта трещина на Овечьем Пастбище! Не исключено, что она прямоком ведет в преисподнюю.

Водитель взглянул на него через плечо с неподдельным ужасом.

— Не говори так, парень. С этим не надо шутить.

— А я и не шучу.

Они доехали до окружного шоссе Колумбус и свернули на восток, к южной части Центрального парка. Впереди они могли видеть этих насекомых из трещины. Машины теряли управление. Таксисту, который вез Джека, постоянно приходилось преодолевать какие-то препятствия, объезжая людей и другие автомобили. Рывком, со скрежетом тормозов он остановил машину, когда оставшийся без извозчика экипаж промчался прямо перед ними. Лошадь неслась сумасшедшим галопом, выпучив глаза от боли и ужаса: ей в спину вцепилась шарообразная тварь. Наконец они выехали на спокойную и довольно темную Пятьдесят восьмую улицу.

Водитель всхлипывал:

— Ну прямо-таки конец света. Теперь я это точно знаю. У Господа лопнуло терпение, и он посылает нам кару.

— Успокойся, парень. — сказал Джек, — пока мы в безопасности.

— Да, но только пока. Настал день Страшного суда.

Остановившись на красный свет, он пошарил на заднем сиденье, нашел самокрутку, чиркнул спичкой и судорожно затянулся несколько раз. Когда салон наполнился едким дымом, он протянул самокрутку Джеку:

— Вот, угощайся.

Джек сделал рукой отрицательный жест:

— Нет, спасибо. Я еще в колледже бросил.

— Клевая штука. Угощайся.

Меньше всего Джеку хотелось сейчас размякнуть, утратить быстроту реакции. Тем более, что ему предстоит сражаться с тварями, полетевшими к дому Джии.

— Зеленый свет. Поехали.

Минуту-другую спустя он рассчитался с водителем десятидолларовой бумажкой и взбежал на крыльцо дома. Позвонил, затем постучал серебряным молоточком.

— Джек, ты что?..

— У нас нет времени... — Он прошел мимо Джии внутрь дома. — Займитесь окнами. Закройте их на запоры — все. Вики, помоги нам.

Началась беготня, захлопали оконные рамы. На всех трех этажах окна были плотно затворены, но Джек еще и еще проверял каждое окно. Потом позвал Джию и Вики в библиотеку.

— Джек! — воскликнула Джия, прижимая к себе испуганную Вики. — Может быть, ты все-таки объяснишь, что случилось?

И Джек объяснил. Он рассказал обо всем, что случилось за то короткое время, пока его здесь не было, опуская наиболее ужасные подробности, чтобы не напугать Вики.

— Джек, что все это означает? — спросила Джия, еще крепче прижимая Вики к себе.

Он вспомнил, что говорил ему Вейер о сотнях, тысячах таких же трещин, которым еще предстояло появиться на поверхности земного шара.

...Насколько нам известно, это конец всего земного...

— Я не могу сейчас сказать точно. По крайней мере, что касается общего положения вещей. Но знаю, что один старик из западных кварталов бесплатно получит мастера Джека.

Тут он вспомнил насекомых, взмывающих вверх и летящих в восточном направлении. Они так и не появились в Саттоне. Значит, полетели дальше? Неужели в Лонг-Айленд?

Монро, Лонг-Айленд

1. — Мамочка, посмотри, какой жук!

Сильвия услышала, как Джеффи зовет ее из дома. В это время она разравнивала землю вокруг корней одного из карликовых деревьев с причудливо изгиба-

ющимся стволом и, стряхивая землю с рук, пошла из оранжереи туда, откуда раздавался голос — к кухне. Жуки на кухне? Это ей совсем не нравилось. Подойдя ближе, она почувствовала какой-то неприятный запах.

На кухонном столе стояла тарелка с недоеденным ужином. Глэдис, служившая у них кухаркой и горничной, всегда оставляла что-нибудь для Джеффи, прежде чем уйти домой. Джеффи стоял у черного хода, показывая на москитную сетку.

— Мама, ты видела? Оно похоже на огромного жука.

Хотя Сильвии это было неприятно признать, но Джеффи был прав. С обратной стороны москитной сетки повисло существо, похожее на шарик из слизи, с лапками и шелестящими крыльями.

Она услышала глухое рычание. Старый Фемус, одноглазая дворняжка, лег на полу рядом с мойкой, прижав уши и опустив хвост. Он глухо ворчал на насекомое, висящее на сетке.

— Что с тобой, старичок? — спросила она, похлопывая его по морде. — Никогда не видел такого зверя, да?

Как ни странно, Сильвия почти обрадовалась появлению этого существа. За последние два дня это был один из немногих случаев, когда Джеффи проявил подлинный интерес к чему-то, не связанному с мистером Вейером. С тех пор как тот нанес сюда визит, Джеффи только и говорил что об этом человеке. Он без конца спрашивал, когда тот снова придет или когда они с Сильвией поедут к нему в гости.

— Посмотрим, — говорила Сильвия, надеясь, что внимание мальчика переключится на что-то другое. Поэтому все, что могло его отвлечь, было очень кстати.

Сильвия поморщилась. Неизвестно, что это за существо, но воняет оно страшно. Однако любопытство взяло верх над отвращением и толкало ее вперед. Оказалось, что часть слизи просочилась через сетку. Сильвия слегка наклонилась и, услышав, что Фемус все еще скулит, сказала:

— Все в порядке, мой хороший.

Она потянулась рукой к сетке, но кто-то схватил ее за плечи и потащил назад. Обернувшись, Сильвия увидела Ба. Она с изумлением посмотрела на огромного вьетнамца. Он никогда не позволял себе прикасаться к ней, даже чтобы помочь выйти из машины. Он выглядел бледнее обычного и даже вспотел от напряжения.

— Ба, что-нибудь не так?

— Прошу вас, миссис, не надо. Очень извиняюсь, но вам не нужно дотрагиваться до него.

— Я и не собираюсь, хотела только получше рассмотреть.

— Пожалуйста, позвольте мне закрыть дверь.

— А что это такое, Ба? Ничего подобного я раньше не видела. А вы?

— Я тоже, миссис, но это какая-то дьявольская штука. Даже по запаху чувствуется.

Запах действительно был гнусным. Нет сомнений. Но в таком случае, лимбургский сыр тоже можно назвать дьявольской штукой. Ба выглядел по-настоящему встревоженным, даже напуганным, и Сильвия вряд ли могла остаться к этому равнодушной. Такое бурное проявление чувств со стороны вьетнамца являлось событием исключительным, которое нельзя было недооценивать. Он испугался, что казалось непостижимым. Сильвия тоже испытала страх.

— Ну хорошо, Ба, — сказала она, отступив на шаг, — мы запрем дверь, если вы считаете, что так лучше.

Ба с облегчением улыбнулся, но только подошел к двери, чтобы захлопнуть ее, как что-то стукнуло о стену. Еще один жук, но выглядевший по-другому — зловещего вида существо, казалось, состоявшее из одного рта. Его челюсти были усеяны сотнями прозрачных зубов, похожих на лезвия крошечных стеклянных кинжалов. При ударе некоторые увязли в металлической сетке. Насекомое схватило ее своими крошечными лапками и принялось грызть.

Ба захлопнул дверь в тот самый момент, когда насекомое уже прогрызло дыру и просунуло голову внутрь.

— Господи, — вскрикнула Сильвия, — что за твари?

— О чем это? — раздался голос Алана, который въехал на кухню в своем инвалидном кресле.

— О зубастых жуках, — объяснил Джеффи.

Сильвия почувствовала, как он прижался к ней. Мальчик выглядел очень испуганным. Она погладила его светлые волосы и постаралась изобразить что-то вроде ободряющей улыбки.

— Не пугайся, Джеффи. Им сюда не залезть.

— Нет, они могут залезть. И сожрать меня.

В этот момент еще одна зубастая тварь стала с жужжанием биться об оконное стекло рядом с раковиной. Алан, как раз проезжавший в кресле мимо этого места, посмотрел в изумлении:

— Что это?

Когда насекомое принялось грызть сетку, Ба встал между Аланом и окном и постарался стряхнуть его. Но это, казалось, лишь прибавило насекомому яростной решимости. Оно жужжало еще громче, и на это жужжание слетелось еще несколько таких же существ.

— Закройте окно! — закричал Джеффи, дрожа всем телом и прижимаясь к Сильвии. — Не подпускайте их ко мне!

Алан продолжал спокойно сидеть в своем кресле и разглядывать насекомых. Он наверняка знал, что ему плохо придется, если они до него доберутся, но с тех пор, как прошлым летом он начал выходить из комы, казалось, ничто уже не могло его напугать. Единственное, чем он отреагировал, — это снял из-под раковины посудное полотенце и намотал его на правую руку.

Ба беспомощно взглянул на Сильвию, и та все поняла. Если Ба закроет окно, то оба насекомых окажутся в ловушке, зажатые между стеклом и сеткой. Меньше всего он хотел заманить их на кухню. Но все-таки окна придется закрыть на случай, если прилетят другие жуки. Очевидно, Ба пришел к такому же выводу. Он наглухо запер все окна и сделал это очень вовремя: третий жук ударился о стекло секунду спустя. Оказавшись в замкнутом пространстве, насекомые перестали шелестеть крыльями и жужжать, но продолжали грызть сетку. Что же делать?

Сильвия увидела, как Ба открывает ящик стола с кухонными ножами.

— Джеффи, пойдем, — сказала она, уводя мальчика в сторону. — Этим жукам несдобровать, если за дело взялись Ба и Алан. Так что пойдем лучше наверх и...

— Я очень боюсь, мамочка, — сказал Джеффи. — Я не хочу наверх. Вдруг они влетят туда через окна?

Окна наверху! Она оставила их открытыми! В этот погожий день она хотела проветрить дом. Господи, нужно скорее подняться наверх и закрыть их.

— А как насчет подвала? — спросила Сильвия. — Там ведь нет окон. Хочешь побыть в подвале, пока я посмотрю, что делается наверху?

Он с готовностью кивнул. В подвале оборудована его игровая комната. Игрушек — сколько душе угодно. В подвале с ним ничего не случится, а главное, он почувствует себя в безопасности.

— А Фемуса с собой возьмем?

— Да, ему там тоже будет спокойнее.

Вместе с Джеффи и Фемусом Сильвия спустилась к двери, ведущей в подвал. Когда она шелкнула выключателем, Джеффи указал рукой вперед:

— Смотри, мамочка: Месс тоже здесь!

Она посмотрела вниз и увидела их кота, свернувшегося клубком под лестницей. Зрачки расширены, шерсть дыбом. Вид какой-то испуганный. Фемус сбежал вниз по ступенькам и устроился рядом с Мессом.

— Видишь, как здорово. Оба твоих друга с тобой.

Она ждала, пока Джеффи спустится вниз, но он не двинулся дальше первой ступеньки, присев рядом с дверью и подняв на мать испуганные глаза.

— Закрой дверь, а я подожду здесь.

— Ты уверен, что хочешь этого?

Он многозначительно кивнул.

— Ну что же, — сказала она, — я скоро вернусь. И не бойся этих жуков.

Она почувствовала себя этакой суровой матерью, в наказание запирающей своего ребенка в туалете, и шелчок задвижки больно резанул ее слух, как будто это был замок тюремной камеры. Но ведь Джеффи

сам этого хотел. Она никогда не видела его таким испуганным. Конечно, эти твари выглядели зловеще и были готовы вцепиться в каждого, кто встанет на их пути. Но с чего Джеффи взял, что они охотятся именно за ним? Неужели это дал знать себя аутизм, которым он страдал долгие годы?

Ей не хотелось об этом думать, даже допускать возможность того, что он вернется в прежнее состояние и станет для них абсолютно недостижимым.

Сильвия поспешила на кухню. Там она увидела Алана, сидящего в кресле рядом с раковиной, с полотенцем, намотанным на правую руку, и Ба, наклонившегося к окну с ножом для разделки мяса, зажатым в руке. Она вошла как раз в тот момент, когда одно из насекомых прогрызло сетку и влетело в кухню. Оно металось с сумасшедшим жужжанием, с такой невероятной скоростью, что глаза не успевали следить за ним. Алан на лету ударил его полотенцем. Насекомое вонзило в него свои острые зубы и прокусило полотенце насквозь. Алан вскрикнул от боли, но не убрал руку, пока Ба своим ножом не рассек тварь на две части как раз в том месте, где голова соединялась с туловищем. Туловище с шелестящими крыльями упало в раковину, потом выпрыгнуло и заметалось по комнате, натыкаясь на стены и потолок и оставляя везде влажные пятна и капли оранжевой жидкости. Затем шлепнулось на пол, дернулось еще несколько раз и замерло.

Голова его по-прежнему висела у Алана на руке. Челюсти не разжались, они все еще совершали слабые жевательные движения. Через какое-то время движения прекратились.

Алан склонился над ним, чтобы получше рассмотреть.

— Каким дьяволом тебя сюда занесло? — задумчиво спросил он и стряхнул в раковину мертвую голову. По полотенцу с огромной зияющей дырой струилась жидкость пурпурного цвета.

Сильвию передернуло, но она нашла в себе силы заговорить:

— Алан, с тобой все в порядке?

Он подмигнул ей и улыбнулся:

— Да, острые зубы у этих жуков. Но я отделался царапиной. — Он взглянул на второе насекомое, застрявшее между сеткой и оконным стеклом. — Пожалуй, надо подготовиться, пока оно еще не залетело сюда.

Он намотал второе полотенце вокруг руки. Они с Ба заняли каждый свое место, выжидая.

— Поднимусь наверх, закрою окна, — сказала Сильвия.

— Нет, миссис, — ответил Ба, не отрывая глаз от окна.

Алан посмотрел на нее:

— Не ходи одна, это опасно. Мы справимся с этими тварями, а потом все вместе пойдем наверх.

— Я только на минуту, — сказала она и направилась к лестнице.

— Сильвия!

Она слышала, как Алан зовет ее из кухни, но оставила его слова без внимания. Торопливо пройдя по коридору, Сильвия взбежала по винтовой лестнице. В их с Аланом спальне горел свет. Она бросилась к окну, потом к другому, проверяя, нет ли дыр в сетке, и торопливо захлопывая рамы. Теперь жукам не пролезть сюда.

Одна комната внизу, еще пять на втором этаже.

Она поспешила вниз, в комнату Джеффи. Дверь была прикрыта. Она отворила ее и шелкнула выключателем, но свет не зажегся. Видимо, перегорела лампа. Сильвия остановилась на пороге, не решаясь войти. Затаив дыхание, она вслушивалась, стоя в темноте.

Полная тишина. Хотя нет... Если прислушаться, можно было уловить негромкое жужжание у окна, в углу комнаты. В лунном свете были различимы очертания шарика, приклеившегося к москитной сетке. Еще один жук внизу казался достаточно безобидным. К тому же этот находился снаружи.

Убеждая себя, что это совсем не опасно, Сильвия, стиснув зубы, пошла по комнате. Она уже почти дошла до окна, как вдруг споткнулась, зацепившись за что-то, и упала, больно ударившись коленями. Пошарив руками позади себя, она наткнулась на абажур напольной лампы. Лампа почему-то опрокинулась. Может быть, дуновение ветра, а может быть...

Внезапно почувствовав страх, Сильвия вскочила на ноги, стараясь на ощупь найти лампу на столе у Джеффи. Пошарила, шелкнула выключателем.

Свет. Слава богу, в комнате стало светло.

Обернулась к окну. На сетке по-прежнему висел всего один жук, но часть его туловища уже находилась в комнате.

Увидев обгрызенные края сетки, Сильвия почувствовала, как от страха замирает сердце. Господи, он не просто протискивался сквозь сетку, а сквозь прогрызенную в ней дыру. Женщина бросилась к окну и с шумом захлопнула раму. Потом подбежала к кровати и закрыла второе окно.

Но ее продолжал мучить вопрос: успела ли какая-нибудь тварь проникнуть в дом?

Сильвия остановилась, снова прислушалась — жужжание стихло. Ей стало немного легче. Она пришла как раз вовремя, но нужно еще проверить другие комнаты. Она подняла с пола лампу и уже собиралась идти дальше... Но вдруг остановилась в изумлении: абажур на лампе был изжеван, смят, будто с ним долго забавлялся шенок, у которого прорезались зубы. Выронив лампу, Сильвия обернулась и похолодела от страха. Ни малейшего шороха. Но дверь открыта, и если насекомое влетело сюда, оно могло где-нибудь затаиться.

Медленно, плавно, с предельной осторожностью Сильвия двигалась к выходу. Если появится жук, она добежит до выхода, потом с криком бросится в холл. Еще футов шесть — и она в безопасности. Надо только оставаться спокойной и...

Сначала Сильвия услышала яростное жужжание. Оно донеслось с противоположной стороны кровати. Пасть, усеянная тысячами зубов, щелкала. Казалось, трещит пулемет. Потом к лицу метнулась черная тень. Сильвия отпрянула, но жук успел вцепиться ей в волосы. Верхнюю часть головы пронзила резкая боль. Сильвия почувствовала, что клочок волос вырвал с корнем, и увидела, как насекомое летает по комнате. Она пригнулась и, снова услышав жужжание где-то позади, инстинктивно бросилась в сторону. Еще один зубастый жук щелкал челюстью прямо у нее над ухом.

Уже два!

Она заметалась и, повернувшись, почувствовала, что ноги прижались к чему-то мягкому. Кровать! Сильвия упала на нее навзничь. Лязг челюстей все приближался. Жужжание насекомых, слившись, превращалось в пронзительный писк. Сильвия схватила подушку Джеффи и загородилась ею. Жуки ударились об нее с разлета, так что это было ошутимо даже через подушку. Она чувствовала, как они извиваются, прогрызая себе путь. Тогда Сильвия резко перевернула подушку, прижав таким образом жуков к кровати.

— Попались! — закричала она с истерическим смехом.

Сильвия посмотрела на открытую дверь. Обезвредив на какое-то время проклятых тварей, она сможет осуществить свой план. Но в тот момент, когда она уже хотела отпустить подушку, из прогрызенной дыры показались две зубастые челюсти и оба жука бросились на нее. Сильвия с криком побежала к двери, скользя по рассыпавшимся по полу перьям и падая, затем поползла на четвереньках. Наконец добралась до двери. Выкатившись наружу, она вскочила на ноги и уже схватилась за ручку, чтобы захлопнуть дверь, но в этот самый момент жуки с шумом пронесли мимо в направлении первого этажа.

— Нет! — закричала она.

И прежде чем жуки скрылись из вида, услышала из кухни сердитый возглас Алана и побежала вниз по лестнице. В коридоре она наткнулась на него и Ба. С тесаком, зажатым в руке, Ба походил на фанатического вождя восточного племени.

Увидев ее, Алан широко раскрыл глаза в изумлении:

— Сильвия! Что случилось?

Он не сводил глаз с ее головы.

— А что? — Она потрогала голову. На пальцах осталось что-то мокрое и красное. Вместе с волосами был содран кусочек кожи. — Я наткнулась на двух **этих** тварей в комнате Джеффи. Они полетели вниз. **Вы** их видели?

— Нет. Второй жук удрал от нас. Мы искали его **здесь**.

— Послушайте, прошу вас, — сказал Ба, сжимая в руке тесак.

Они смолкли и услышали... скребуший звук... из холла... как будто по дереву водили резцом.

— Где это? — спросил Алан.

— О боже, кажется, я знаю где!

Она развернулась и увлекла их за собой в подвал. Завернув за угол, она отпрянула назад и вскрикнула. Все три жука были там. Прильнув челюстями к двери в подвал, они грызли дерево в тупой решимости проникнуть внутрь. Из-за двери донесся испуганный голос ребенка:

— Мамочка! Мамочка, ты здесь? Что за шум? Что случилось, мамочка?

— Сделайте с ними что-нибудь, — процедила она сквозь зубы хриплым голосом. — *Сделайте с ними что-нибудь.*

Ба бросился вперед, за ним катился в кресле Алан. Одного за другим Ба рассек двух жуков пополам. Пока их обезглавленные туловища продолжали метаться по комнате, Алан выбросил вперед руку с намотанным на нее полотенцем и схватил третьего за хвост. С силой ударив его, он размозжил ему голову. Крошечные зубы, похожие на осколки стекла, посыпались в разные стороны. Последний жук лег замертво.

— Ба, займитесь окнами наверху, — сказал он, — а я проверю здесь.

Они двинулись в разных направлениях, а Сильвия открыла дверь в подвал ровно настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь, и, ступив на порог, быстро хлопнула за собой дверь.

— Мамочка, не отдавай меня!

Она обхватила мальчика руками и крепко прижала к себе. Потом стала лихорадочно размышлять.

Джеффи оказался прав. Эти твари действительно охотятся за ним. Почему?

— Все будет хорошо, — сказала она ему. — Мы прихлопнули этих жуков. Как только в доме не окажется ни одной щелочки, мы сможем выйти отсюда.

Минуту спустя она услышала, как Алан подъезжает в своем кресле.

— Все в порядке, — сказал он, распахивая дверь. — На горизонте никакой опасности. Все окна закрыты. И в москитных сетках нет ни одной лазейки.

Сильвия вышла в холл с Джеффи на руках. Алан хотя и улыбался, но ей показалось, что он смотрит на мальчика с тревогой.

— А почему бы вам с Ба не пойти в кинозал, пока мы с мамой будем варить какао? А потом мы вместе посмотрим кино.

В кинозал? Так они называли обширную кладовую, в которой установили телевизор с огромным экраном. Место было вполне подходящее, затемненное, без окон. В любое время суток хорошо видно. Не потому ли Алан предложил пойти туда?

Джеффи слез с ее рук и ушел вместе с Ба. Страх у него, казалось, прошел. Когда Ба Тху Нгуен держит тебя за руку, можно чувствовать себя в безопасности.

Убедившись, что Джеффи их не услышит, она повернулась к Алану:

— Что-нибудь не так?

Глупый вопрос.

— Я хотела сказать, еще что-нибудь не так?

— Сильвия, они все прилетели сюда. — Алан понизил голос. — К тому моменту, когда мы закрыли окна, их собралась здесь целая туча. Так и роются около каждого окна, все норовят проникнуть внутрь. Послушай.

Она прислушалась. Казалось, тысячи людей бросают в окна теннисные мячики. От этого монотонного звука кровь стыла в жилах. Сколько же их снаружи, этих отвратительных тварей?!

— Куда звонить? В полицию? Пожарным?

— Никуда, — ответил Алан. — Телефон не работает.

— Значит, мы в ловушке?

— Думаю, пока мы в безопасности. Подождем до утра. Но нужно сделать все, чтобы Джеффи оставался спокойным.

— Они охотятся за ним, да?

Алан мрачно кивнул:

.. — Очень похоже на то.

Со сдавленными рыданиями она бросилась в объятия Алана, обвив руками его шею. Она так боялась

за Джеффи. Если с ним что-нибудь случится... Все, что она могла сделать сейчас, — это держать себя в руках и не давать воли слезам.

— Почему, Алан?

— Мне кажется, это знает мистер Вейер.

Сильвия ничего не ответила. Мистер Вейер... Она тоже подумала о нем. Но этот человек не внушал ей доверия. Уж слишком он скрытен. А кроме того, как может немощный старик противостоять этим тварям? Высвободившись из объятий Алана, она выпрямилась и взяла его за руку.

— Мы справимся с этим сами. Давай сварим какао.

Какое блаженство!

Страх, боль, кровь, всепожирающий, пронзающий насквозь ужас просачивается сверху, струится сквозь земную кору, сквозь гранит в новое обиталище плоти Расаломы, проходящей перерождение.

На оголенной плоти образуются рубцы, она заживает и твердеет. Руки и ноги остаются вросшими в стены гранитной пещеры, проникая все глубже и глубже в каменную толщу, пуская в недра земли невидимые, подпитывающие его корни, нащупывая все новые источники жизни и силы.

И, вбирая в себя все это, Расалом растет, становится больше и шире. Гранитные стены пещеры осыпаются, чтобы вместить в себя его огромное тело. Осколки гранита падают на дно пещеры и скапливаются там, похожие на осколки костей.

Суббота

1. РАССВЕТ

Монро, Лонг-Айленд

Прошло какое-то время, прежде чем Сильвия поняла, что монотонный стук прекратился и наступила тишина. Она осознала это незадолго до рассвета. Первая. Потому что всю ночь не смыкала глаз.

Джеффи сморил сон во время просмотра виденного им уже десятки раз «Дракона Пита». Алан прикорнул в своем кресле. Почти всю ночь Ба изготавливал необычное оружие: он сделал небольшие пазы в одной из своих бейсбольных бит и с помощью нехитрого, но прочнейшего клея укрепил в них зубы, выломанные из челюстей жуков. Даже его, несмотря на выносливость, все время клонило в сон. Сильвия сидела в кинозале рядом с дверью, приоткрытой на несколько дюймов, и прислушивалась.

Полная тишина. Просто не верится. Но стоило ей подняться со стула, как Ба торопливо подошел к ней — он, как обычно, был начеку.

— Миссис?

— Все в порядке, Ба. Я только хочу посмотреть, что происходит снаружи.

— Я сам схожу.

— Ничего. Я только...

Но Ба уже выглянул в холл и, убедившись в полной безопасности, распахнул дверь. Сильвия благодарно улыбнулась и пошла вслед за ним, думая о том, что рядом всегда находится человек, готовый отдать за нее жизнь, и что она к этому уже привыкла. Когда это началось? То ли в 1979-м, то ли в 1980 году, когда она увидела Ба в выпуске теленовостей в репортаже, который рассказывал о беженцах, прибывающих на лодках на Филиппины через Южно-Китайское море без всяких вещей. Ба сразу бросался в глаза своим ростом, возвышаясь подобно башне над соотечественниками-вьетнамцами. Потом Сильвия нашла одну фотографию, которую ей показал покойный муж Грег, когда рассказывал об огромном рыбаке из Южного Вьетнама, который проходил у них, в силах специального назначения, подготовку в качестве диверсанта. Грег потом подружился с этим вьетнамцем. Вьетнамец на фотографии оказался тем самым, о котором рассказывали в выпуске новостей. Сильвия отправилась в Манилу, забрала Ба и его жену Нун Тхи и привезла сюда, а потом оплатила расходы на лечение Нун Тхи, когда раковая опухоль у нее в легких дала метастазы. После ее смерти Ба остался у них.

Был шофером, садовником и даже службой безопасности. Сильвия не уставала повторять Ба, что он ей ничем не обязан, но Ба думал по-другому.

И сейчас, когда он медленно шел впереди, безмолвный, легкий, как тень, в бледном свете, проникавшем в холл из комнат по обе стороны, с новым оружием из бейсбольной биты, Сильвию это радовало.

Они вошли в столовую и направились к окнам. Сильвия отдернула штору и обмерла. Сетки висели лохмотьями, оконные стекла были загажены, рамы изгрызены и расщеплены.

Но жуков нигде не было. Ни единого. Они словно растаяли под лучами утреннего солнца, а может, вернулись восвояси.

— Ба, давайте посмотрим снаружи.

Ба жестом попросил ее подождать, а сам выскользнул наружу.

— Там совершенно безопасно, миссис, но...

— Но что?

— Зрелище не очень привлекательное.

Сильвия вышла во двор, спустилась по ступенькам и, пройдя по автомобильной дорожке, обернулась и поглядела на дом:

— О боже!

Тоад-Холл напоминал зону стихийного бедствия. Казалось, он лет десять пустовал, а потом подвергся разрушительному воздействию урагана, ливня с градом, нашествию муравьев и саранчи одновременно. В дополнение к истерзанным москитным сеткам и расщепленным рамам, вся деревянная обшивка дома была изгрызена. Сотни, тысячи острых, многогранных зубов завязли в дереве. Эти зубы сверкали, подобно алмазам, в лучах утреннего солнца. А деревья, ее прекрасные ивы! Листья на ветвях, обращенных к дому, были съедены, как будто насекомые, не сумев попасть в дом, всю свою ярость выместили на деревьях.

— Почему? Почему это случилось? Что происходит?

Ба ничего не ответил. Он никогда не высказывал своих соображений, даже если его спрашивали. Он стоял позади Сильвии с утыканной зубами битой на-

готовые и, медленно поворачивая голову, осматривал двор, напоминая своими плавными движениями локатор.

— Пойдите здесь, — сказала Сильвия, — я посмотрю, что делается у соседей.

Конечно, Ба не остался на месте. Он последовал за ней. До каменной стены, с трех сторон огораживающей Тоад-Холл, было ярдов пятьдесят. Сильвия подошла к стене и, нащупав ногами выступы, подтянулась кверху, чтобы посмотреть через стену. Она вглядывалась сквозь кустарники, стараясь рассмотреть соседний дом — здание современной постройки, которое какое-то время стояло в запущенном состоянии, после того как его прежний владелец почтенного возраста по имени Лени Винтер несколько лет назад исчез. Новые владельцы полностью перестроили здание. Она отодвинула ветку, чтобы лучше было видно.

Внутри у нее все перевернулось. Здание вообще не тронули. Хотя... не совсем. Разгрызенные сетки колыхались на ветру, и несколько влажных пятен осталось на кедровых досках фасада. Но ничего похожего на то, что случилось с Тоад-Холлом, не было. Возможно, обитатели этого дома еще ничего не знали о причиненном ущербе. Почувствовав слабость и дрожь во всем теле, Сильвия спрыгнула на землю. И пока, не отрываясь, смотрела на их растерзанный дом, голос Джеффи буквально преследовал ее:

«Они хотят сожрать меня!»

Джеффи был прав. Насекомые сосредоточили свой удар на доме, в котором он жил, и, проникнув туда, продолжали охотиться только за ним.

Почему? Имеет ли это какое-то отношение к *Даттай-вао*? Джеффи она в обиду не даст. Она пойдет на все, чтобы защитить его, даже...

— Ба, помните того старика, что приходил к нам на днях? Он оставил визитную карточку в коридоре на столике. Я велела Глэдис выбросить ее. Как вы думаете, она это сделала?

— Нет, миссис.

— Нет? Тогда я подожду ее прихода. Возможно, мне придется...

Она увидела, как Ба достает листок бумаги.

— Нет, миссис, — сказал он, — Глэдис не выбросила карточку.

Сильвия взяла карточку, где было напечатано: «Г. Вейер».

Она взглянула на Ба. В его глазах не было ничего, кроме беспредельной преданности. И тут она вспомнила страх, затаившийся в этих глазах накануне вечером, когда он оттащил ее от одной из этих склизких тварей. Алан хотел, чтобы она как-то договорилась с этим стариком, и, очевидно, Ба это одобрял. А теперь и все остальные.

— Спасибо вам, Ба.

С сильно бьющимся сердцем она прошла к гаражу, надеясь, что радиотелефон в машине по-прежнему работает.

Из теленовостей:

«Здравствуйте. У микрофона Алиса Грей. Мы прерываем свою еженедельную субботнюю программу, чтобы передать специальный выпуск новостей. Сегодня уже четвертый день, когда солнце восходит позднее. Но многие наши соотечественники из Нью-Йорка вообще больше никогда не увидят рассвета. Наверняка большинство из вас уже знает, что прошлой ночью в районе Манхэттена разыгралась кровавая драма, когда этот район города стал местом событий, напоминающих фильм ужасов. С той разницей, что прошлой ночью эти ужасы происходили по-настоящему. По-настоящему умирали люди, сотни людей, возможно, их число дошло до тысячи. Полиция и все службы, задействованные в чрезвычайных ситуациях, продолжают подсчет погибших. А теперь взгляните на убийц». (Появляются кадры с мертвыми насекомыми.)

«Насколько мы можем судить, эти существа вылетели из трещины в Центральном парке накануне вечером и стали нападать на всех, кто оказывался в их поле зрения: мужчин, женщин, детей, даже на собак и кошек, сея вокруг кровавый террор. Улицы буквально усеяны трупами. Но незадолго до рассвета они улетели и тучами ринулись вот сюда...» (На экране появляются фотографии Овечьего Пастбища.)

«По свидетельствам очевидцев, насекомые рой за роем прилетали к загадочной трещине в Центральном парке, потом сбились в кучу и скрылись в недрах земли — там, откуда появились». (Следуют кадры с мертвыми насекомыми.)

«Что же представляют собой эти существа? В наши руки не попал ни один живой экземпляр, но есть множество мертвых. Похоже, все насекомые, которых застал рассвет, погибли от дневного света. В народе их стали называть жуки-вампиры. Ученые самых различных направлений — биологи, химики и даже палеонтологи, изучающие окаменелые останки древних животных, — пытаются определить, что это за существа, и разработать методы борьбы с ними. Представители федеральных властей уже прибыли на место происшествия и сейчас руководят исследовательскими работами, цель которых — не дать насекомым причинить еще больший ущерб. По непроверенным данным, разрабатывается проект, согласно которому трещина будет закрыта гигантской металлической заслонкой». (Снова на телеэкране Алиса.)

«Но все усилия могут оказаться тщетными. С Лонг-Айленда, из Нью-Джерси поступают леденящие душу сообщения о новых бездонных трещинах. Например, в Бейсайте, Глен-Коув, Хакензаке и других местах. Сообщения эти пока не подтвердились, но в Бейсайд на кладбище Святой Анны отправлена бригада репортеров, и как только они прибудут на место и установят аппаратуру, вы сможете увидеть прямой репортаж...»

2. ВСТРЕЧА

Манхэттен

Глэкен отдал рисунки ожерелий Джеку и внимательно наблюдал, как тот изучал их. Это были ксерокопии с рисунков. Оригиналы хранились в подвале.

— Неплохо, — сказал Джек, одобрительно кивая. — Достаточно подробные, как раз то, что нужно. А где вы их достали?

— Я годами хранил их в надежных местах, — сказал Глэкен. — На всякий случай. И вот они пригодились.

— Да, — мрачно согласился Джек и потер забинтованную руку, — похоже на то.

Он поднялся с кресла и принялся ходить по комнате. Глэкен почувствовал в нем напряженность, раздражение, готовое вырваться наружу. Джек привык решать всевозможные проблемы чаще за счет других, но сейчас столкнулся с проблемой поистине неразрешимой.

— А как насчет платы? Что заставило вас переменить свое решение?

Джек остановился и посмотрел на Глэкена. Глаза его сверкали.

— Это не смешно, мистер Вейер.

— Да, — вздохнул Глэкен, — вы правы. События прошлой ночи — не повод для шуток. И называйте меня Глэкеном.

— Глэкен... Это что-то новое.

— Нет, это очень старое имя. Во времена моей молодости оно не считалось редким.

Его молодость... Образы далекого прошлого пронеслись перед глазами... Лес, проникающий сквозь листву солнечный свет... беготня и смех в компании сверстников. Казалось почти невероятным, что был когда-то на свете мальчик по имени Глэкен и этим мальчиком был он сам. Сколько имен сменил он с тех пор! Но теперь он состарился и больше незачем притворяться, так что он может вернуться к имени, данному ему при рождении.

— Как бы там ни было, — Джек аккуратно сложил рисунки вчетверо и снова заходил по комнате, — творится черт знает что. Я видел прошлой ночью, как эти твари повывлезали из дыры. А сейчас ходят слухи, что такие же дыры появились и в других местах.

— Это не слухи. Я ведь говорил вам.

— Я знаю, — сказал Джек, подойдя к окну. — Помню, вы мне рассказывали, — он указал рукой на парк, — тысячи таких дыр?

— Боюсь, что так.

— И что же мешает одной из них появиться прямо под вашим домом и поглотить его?

— Очень сомневаюсь, что такое произойдет. Это был бы слишком быстрый путь. Слишком быстрый и слишком милосердный. Сила, которая стоит за этими трещинами, хочет, чтобы я стал свидетелем гибели всей цивилизации, прежде чем наступит и мой черед. Кроме того, трещины возникают не где попало. Они располагаются в какой-то последовательности, так, чтобы соединяться... с другим местом.

— Другим местом? Звучит как на спиритическом сеансе.

— Не знаю, как еще это можно объяснить.

— Но если тучи этих существ будут вылетать из этого другого места через тысячи дыр, то на нашей планете все пойдет наперекосяк. Уверен, мы найдем способ истребить этих жуков, но...

— Шарообразные и зубастые жуки — это только начало. Самое страшное впереди.

Джек, разглядывавший парк, мотнул головой:

— Но что может быть ужаснее этих маленьких монстров, появившихся вчера вечером?

— Более страшные монстры. Но все будет происходить только с наступлением темноты. Они должны возвращаться в трещины до восхода солнца.

— Черт возьми. Пожалуй, это очень удачное совпадение — не случайно же солнце с каждым днем восходит все позже и позже. — Он наконец оторвался от окна. — Вы что-то сказали о силе, стоящей за этими трещинами. Что вы имели в виду? Что кто-то контролирует и даже сам способствует появлению этих трещин?

— Да, и имя его — Расалом.

— Но как отыскать этого парня? Как до него добраться?

— Это невозможно, пока он сам того не захочет. Обычные методы просто неприменимы к нему. И вам не удастся вывести его из игры.

Джек помахал рисунками ожерелий:

— А что вы скажете про это? Вы говорили, что ожерелья помогут нам закрыть трещины.

— Они дадут нам шанс. Без них нам пришлось бы сдаться прямо сейчас.

— Хорошо. — Джек засунул рисунки в карман. — Все это похоже на бред, но в последние дни мы все, кажется, бредим.

— Очень хорошо сказано. Побудьте у меня еще немного — я вас кое с кем познакомлю.

— С тем парнем, который так и не пришел вчера?

— Нет. Тот сейчас в госпитале, ухаживает за другим другом. Вряд ли он сегодня вернется.

Билл сообщил ему по телефону, как обстоят дела, и вкратце рассказал о Нике. Глэкен посоветовал ему в первую очередь думать о друге. Еще один звонок последовал сегодня — от Сильвии Нэш. Она рассказала о страшных событиях прошлой ночи. Глэкен был потрясен. Он ожидал, что Расалом бросит все силы на охоту за *Дат-тай-вао*, но не ожидал, что так скоро. Во всяком случае, не в первую же ночь. Это известие еще больше укрепило его в мысли, что необходимо немедленно действовать.

Миссис Нэш попросила его еще раз приехать в Монро и посмотреть на причиненный ущерб, но Глэкен отказался. Он хотел, чтобы она, точнее, не она сама, а мальчик был рядом с ним, чтобы за ребенком можно было присмотреть и защитить его и *Дат-тай-вао* внутри него. Миссис Нэш согласилась встретиться с ним здесь, но с большой неохотой.

— Я должен отлучиться на несколько минут поухаживать за женой, — сказал он Джеку. — Если привратник доложит о приходе миссис Нэш или миссис Трис, скажите, пусть проводит их наверх.

Джек оторвал взгляд от окна. Вид трещины в парке, казалось, гипнотизировал его.

— Что? Ах да, конечно. Делайте все, что считаете необходимым. Я позабочусь обо всем остальном.

Глэкен направился в комнату Магды. Он знал, что Джек со всем справится.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Сегодня в адрес нашей передачи «Музыкальный уик-энд» по заявкам радиослушателей пришло много писем с просьбой передать эту запись. Видимо, это связано с событиями прошлой ночи». (Звучит песня «Ночь смотрит на тебя тысячами глаз».)

— Может быть, ты позвонишь и откажешься от этой встречи? — спросил Хенк.

Кэрол, застегивая блузку, взглянула на него из другого конца спальни. К этому времени он уже раз двадцать проверил запоры на окнах и сейчас вертел во все стороны головой, глядя то вниз, то на улицу, то вверх.

— Мы не можем так поступить. Все это слишком важно.

Утром ей позвонил Глэкен и попросил прийти, чтобы встретиться с другими людьми, вовлеченными в борьбу с Джимми.

Нет! Не Джимми, Расаломом!

— Мне кажется, это небезопасно. Ведь Центральный парк совсем близко от того места.

— Мистер Вейер говорит, что при дневном свете нам нечего бояться.

Хенк торопливо пробежал рукой по редющим светло-русые волосы. Короткая челка была зачесана назад, что в сочетании с большим носом придавало его облику что-то ястребиное. Кэрол постоянно старалась убедить его изменить прическу, на какое-то время он уступал, но потом возвращался к старому. Они встретились, когда ему уже было сорок пять. И вряд ли ей удалось бы привить этому старому холостяку хороший вкус. Но она не хотела сдаваться, ей нравилось быть упорной.

— Нечего бояться при дневном свете? И мистер Вейер это так уверенно утверждает, в то время как ученые зашли в тупик с этой трещиной и с существами, которые из нее вылетают?

— Он знает, — сказала Кэрол, — поверь мне. Хорошо знает.

— Не нравится мне все это, Кэрол, — сказал Хенк, засунув руки в карманы и меряя шагами маленькую

комнату. — Сейчас, когда творятся такие ужасы, самое разумное, по-моему, переждать дома, пока ситуация снова окажется под контролем.

Кэрол покачала головой и мягко улыбнулась, снимая с вешалки в гардеробе юбку. В этом был весь Хенк, всегда взвешивающий все «за» и «против», соизмеряющий все возможные последствия, просчитывающий все шансы, чтобы в конце концов найти оптимальную линию поведения с наименьшим риском и наибольшей выгодой. Всегда заботящийся о безопасности, рассудительный, всегда все планирующий. И в этом не было ничего плохого.

Решительно ничего. Кэрол нужны были в жизни безопасность и целесообразность. Нужен был кто-то, кто будет рядом с ней строить планы на будущее. Это вселяло в Кэрол веру в это будущее, в то, что оно исполнено для нее смысла.

Хенк... Ее второй муж был так не похож на Джима! Писатель, живший одним днем, импульсивный, то и дело набивающий себе шишки. Спонтанность, нетерпение никогда не были свойственны Хенку. Только уравновешенность и постоянство.

Страсть не была главным в ее отношениях с Хенком, не то что с Джимом, но Хенка отличали теплота, доверительность, дружелюбие — то, в чем она так нуждалась сейчас.

— Я не могу отложить эту встречу, — сказала Кэрол. — Она должна состояться сегодня утром. Он хочет меня кое с кем познакомить. Не мешало бы и тебе познакомиться, в частности, и с ним тоже.

— Значит, ты твердо решила идти, не так ли? — Он пристально посмотрел на нее.

— Хенк, мне пора.

— Хорошо. Разумеется, я не выпущу тебя одну. Значит, мы сегодня нанесем визит мистеру...

— Мистеру Вейеру. Но ему больше нравится, когда его называют Глэкенем. Там будет и Билл Райан. Ты его знаешь. Так что компания не окажется для тебя совсем незнакомой.

— Он тоже в этом участвует? А давно ты знакома с этим Вейером, или Глэкенем? И почему все оку-

тано такой тайной? Прошу тебя, Расскажи поподробнее.

— Я хочу рассказать тебе все. Ты многого не знаешь о моем прошлом, но сейчас, полагаю, пришло время.

Хенк подошел к ней, ласково обнял:

— Не беспокойся. Что бы ты мне ни рассказала, мои чувства не изменятся.

— Надеюсь, что это так.

Надеюсь, что ты выдержишь то, что нас ожидает.

— Но почему бы тебе не рассказать мне обо всем прямо сейчас?

— Потому что я хочу, чтобы ты сначала представил себе общую картину, а уж потом я посвящу тебя в детали, касающиеся лично меня. Глэкен знает обо всем этом гораздо больше и умеет объяснить лучше. *Он был там, когда это началось.* Он знает, кто стоит за этими существами, которые вылетели прошлой ночью из трещины в Центральном парке.

Хенк отступил на полшага назад:

— Он знает? И кто же за ними стоит?

Кэрол уже прикусила губу, раздумывая, не слишком ли далеко зашла. Впрочем, почему бы не выложить все начистоту? Почему не впустить его в уголок своей души, до сих пор закрытый для него? Ведь все равно ничего нельзя будет скрыть.

— Мой сын.

Джек не знал, сколько времени простоял у окна, замороженный активной деятельностью вокруг трещины на Овечьем Пастбище, прежде чем в дверь позвонили. Он посмотрел в холл, в ту сторону, куда ушел Глэкен, но не увидел его.

Надо открыть дверь — так велел Глэкен. Очевидно, он ждал большую компанию.

Джек открыл и увидел на пороге довольно странную парочку. Седеющий священник и человек помоложе, довольно забавного вида, с бегущими глазами, удивленным лицом и шрамами на губе.

— Кто вы? — спросил священник.

Наверняка он рассчитывал, что дверь откроет кто-то другой.

— Обычно такой вопрос задает тот, кто находится по другую сторону двери.

— Но я здесь живу! — В голосе священника прозвучали нотки возмущения.

Джек не собирался затевать с этим человеком ссоры и отступил в сторону, пропуская его.

— Ну, если так...

Джек смерил священника взглядом. Он был выше Джека, лет на двенадцать постарше, но выглядел хорошо, несмотря на изможденное лицо. Голубые глаза беспокойно блуждали. Судя по виду, он немало пережил в жизни.

Священник проводил своего спутника в комнату и усадил на диван. Ему пришлось с силой сгибать ноги этого человека, чтобы как-то его усадить. Несчастный был похож на контуженного. Наконец священник обернулся к Джеку:

— А где Гл... Я хотел сказать — мистер Вейер?

— Он просил меня называть его Глэкенем. Так вот, Глэкен ушел к жене. Кстати, меня зовут Джек.

— Ах да, конечно. Я должен был встретиться с вами еще вчера. — Он протянул руку. — Билл Райан.

Джек пожал его руку.

— Вы священник?

— Был когда-то. Я не знаю вашего полного имени.

— Джек. Вполне достаточно. — Желая переменить тему разговора, Джек указал на парня, сидящего на диване, и тут заметил, что у того по щеке течет слюна. — Что с ним?

— Это доктор Ник Квинн. Вместе с еще одним ученым они пытались вчера спуститься на дно трещины. Этот выжил, а второй мертв.

Джек взглянул на Квинна по-новому, с уважением.

— Я видел насекомых, вылетающих прошлой ночью из трещины.

— Боюсь, Ник заметил в трещине кое-что похуже.

— Да, похоже, что так, — сказал Джек, наблюдая за несчастным чудаком, уставившимся в пространство пустыми глазами. *Спускался в трещину ученым-физи-*

ком, а наверх поднялся не то животным, не то растением. — А откуда вы приехали сегодня утром?

— С Вашингтонских холмов.

— И что там сейчас творится?

— Там все не так уж и плохо. Трудно поверить в случившееся, пока не попадешь в Гарлем. Но даже там можно убедить себя, что прошлой ночью случилось что-то вроде урагана. А вот начиная с Девяностой авеню, от центра, улицы выглядят так, будто прошли бунты с грабежами или что-то вроде того. А здесь, в окрестностях... — он грустно покачал головой, — с мостовых еще не смыли кровь.

Джек кивнул:

— Чуть раньше, когда я проходил через восточный район, все было еще хуже, чем вы рассказываете.

Он содрогнулся при воспоминании об увиденном. Он не спал всю ночь, одолеваемый тревогой за Джиу и Вики, смотрел телевизионные передачи из Центрального парка. Специальные выпуски новостей передавали всю ночь, но видеорепортажей не было. Приехав на место, съемочные группы бесследно исчезали. Вскоре после восхода солнца он отважился выйти на улицу. На Саттон-сквер было спокойно, уличное движение не отличалось от обычного. И ни одного крылатого чудовища поблизости. Он трусцой направился к центру города.

Между Мэдисон-авеню и территорией парка Джек наткнулся на полицейские ограждения, обогнул их и двинулся в западном направлении. То, что он застал на Пятьдесят девятой авеню, напоминало ночной кошмар. На мостовой валялись скорчившиеся, усохшие трупы, на тротуаре — тела без головы и конечностей, в водосточной яме нога, обгрызенный палец на почтовом ящике. Чем ближе к парку, тем больше следов ночного побоища.

Ужасней всего выглядела южная часть Центрального парка: трупы людей и лошадей, все еще впряженных в кебы, перевернутые машины, такси, врезавшееся в витрину «Микки Мэнтлз». Похоже, все городские аварийные машины и мясные рефрижераторы были задействованы в этом районе для уборки трупов.

С места катастрофы возвращались люди. Полиция не пропускала ни одного такси или частного автомобиля в эту сторону, так что уцелевшие обладатели норковых шуб и дорогих браслетов выносили свои чемоданы из «Плаза», «Парк-Лейн», «Святого Морица», «Барбизона» и тащили их на те улицы, где можно было поймать машину до ближайшего аэропорта.

Джек пробирался через эти места к себе домой, чтобы найти телефон старика. Потом пришел сюда.

Раздался телефонный звонок, и Райан снял трубку. Он, видимо, чувствовал себя здесь как дома. Привратник доложил о прибытии миссис Нэш. Райан вопросительно взглянул на Джека.

— Все в порядке, — сказал Джек. — Старик предупреждал о ее приходе.

Райан попросил проводить миссис Нэш наверх и посмотрел в сторону спален.

— Интересно, что заставило ее изменить решение? — задумчиво произнес он, ни к кому не обращаясь, пожал плечами и пошел на кухню. — Хочу приготовить Нику чего-нибудь поесть. А вы не желаете перекусить?

— Нет, благодарю вас.

Джек проголодался, но его одолевала тревога, и было не до еды. Может быть, позже, у Джулио, запивая пинтой «Храбрости». А еще лучше галлоном «Храбрости».

В дверь снова позвонили. Джек пошел открывать. На пороге стояло семейство Адамсов.

По крайней мере, так ему вначале показалось. Оно состояло из стройной брюнетки в темном платье, светловолосого мальчика и богатыря с восточным лицом. Только мужчина в инвалидном кресле несколько портил картину.

— Он здесь? — спросил мальчик. Его большие голубые глаза светились восторгом. Он просунул голову в дверной проем и оглядел холл. — Он здесь! Я знаю, что он здесь!

— Джеффи, прошу тебя! — сказала женщина, положив руку ему на плечо. Она посмотрела на Джека: — Я — Сильвия Нэш.

Джеку понравился ее голос. В женщину с таким голосом можно влюбиться. Правда, он уже влюблен в другую.

— А, — сказал Джек, отступая назад, чтобы пропустить их, — он вас ждал.

— А где мистер Вейер? — спросил мужчина в инвалидной коляске.

Джек показал на соседнюю комнату.

— Он здесь, рядом. Входите, присаживайтесь, — произнес Джек и тут же прикусил язык: этого мужчину уже не нужно было усаживать. — Я сейчас скажу ему, что вы пришли.

Джек отошел чуть назад и смотрел, как они входили в комнату — все, кроме этого восточного гиганта с бегаящими глазами. Человек прошел вместе с остальными в холл и остановился на пороге комнаты. Быстро и внимательно оглядев ее, он отступил в сторону и прислонился к стене, скрестив на груди огромные руки. На одном пальце у него болталась на шнурке пластиковая сумка. На улице его можно было принять за туриста, разгуливающего по магазинам, но Джек различил в сумке контуры бейсбольной биты.

Джеку нравилось, как этот человек двигался — плавно, бесшумно и для его габаритов достаточно грациозно. Весь его облик свидетельствовал о том, что он натренирован для рукопашного боя и охранной службы. Изучающе разглядывая этого великана, Джек заметил, что тот тоже пристально смотрит на него. Джек не спеша подошел к нему и протянул руку:

— Меня зовут Джек.

Великан отвесил легкий поклон и удостоил Джека рукопожатием.

— Ба, — произнес он густым басом.

Размышляя, что это могло быть — имя или устная декларация для налоговой инспекции, — Джек отметил про себя, что парень не сводит глаз с комнаты.

— Здесь вы в безопасности, — сказал Джек. — Можете немного расслабиться.

Ба снова отвесил поклон и коротко улыбнулся, обнажив свои желтоватые зубы:

— Да, вижу. Большое спасибо.

Однако Ба и не думал расслабляться, и Джеку это понравилось.

Билл Райан вышел из кухни, чтобы поприветствовать вновь прибывших. Он подозвал Джека и представил ему Сильвию Нэш, доктора Алана Балмера и мальчика по имени Джеффи. Мальчик выглядел сильно возбужденным. Когда Райан ушел за Глэкеном, Джек снова подошел к Ба:

— А где тебя тренировали?

— На моей родине, во Вьетнаме.

«Уж не служил ли он во Вьетконге?»

— В армии?

— В силах специального назначения, — сказал он, по-прежнему не отрывая глаз от комнаты.

Ну вот, я так и думал!

— А что у тебя в сумке?

Ба внимательно посмотрел на него, затем протянул сумку Джеку. Тот взял ее, развязал шнурок. По весу понял, что там нет ничего, кроме биты, но на всякий случай пошарил внутри. Потом достал биту и в немом изумлении смотрел на сотни крошечных, сверкающих, похожих на осколки стекла зубов, которыми была утыкана бита на участке примерно дюймов в десять.

— О господи, — прошептал он, — это зубы зубастых ос, как называл этих существ Глэкен.

Ба промолчал.

Джек несколько раз размахнулся битой, примериваясь. Он видел эти крошечные зубы в деле. Усеянная ими бита стала грозным оружием.

— И скольких ты прихлопнул?

— Так, несколько штук.

— А как насчет круглых тварей? Они тебе попадались?

Ба отрицательно покачал головой.

— Берегись их. — Джек приподнял ногу, чтобы показать Ба свой проеденный ботинок. — Вот что может сделать с резиной слизь из их животов. А если она попадет на кожу, что тогда?

Ба скользнул взглядом по забинтованной руке Джека и снова устремил взгляд на комнату.

Джек убрал биту обратно в сумку и протянул ее Ба:

— А ты не мог бы сделать такую же для меня?

Ба протянул биту обратно:

— Возьми эту.

По привычке Джек хотел отказаться. Он никогда не принимал подарков от незнакомых людей. Не любил оставаться перед кем-то в долгу, особенно перед человеком, которого видел впервые в жизни. Но сейчас случай был особый. Они познакомились только что, обменялись несколькими фразами. Ба вообще почти ничего не сказал, но тем не менее между ними установилось какое-то взаимопонимание. Такое случилось с ним всего несколько раз в жизни. Ба, должно быть, почувствовал то же самое. Восточный исполин сделал широкий жест. И Джек не смог отказаться.

— А как же ты? Разве тебе она не пригодится?

— Я сделаю себе другую. Там, где я живу, осталось много, очень много зубов.

— Хорошо, тогда я принимаю твой подарок. — Джек взял у него сумку и намотал шнурок на руку. — Спасибо тебе, Ба. Чувствую, эта штука мне скоро понадобится.

Ба молча кивнул и снова сосредоточил внимание на комнате.

Алан посмотрел в ту сторону, где стоял Ба, разговаривая с темноволосым, быстроглазым человеком, назвавшим себя Джеком. Что-то непонятное происходило между этими людьми — общение на каком-то недоступном ему уровне. Странно... Раньше Ба не разговаривал почти ни с кем за пределами их дома.

Алан перевел взгляд на Сильвию и Джеффи.

— Он здесь! Правда, мамочка? — твердил мальчик, беспокойно ерзая на диване, размахивая руками. — Ведь он здесь!

— Да, — терпеливо отвечала Сильвия, — так нам сказали.

— Уверен, он в одной из комнат. Пойду поищу его.

— Джеффи, прошу тебя, никуда не ходи, — сказала Сильвия, — это верх неприличия — бродить по чужому дому.

— Но я хочу его видеть!

Она положила мальчику руку на плечо и прижала его к себе:

— Я знаю, мой милый. Я тоже хочу. За тем мы сюда и пришли.

Бедная Сильвия! Джеффи доставил ей немало хлопот за те два дня, что прошли с момента появления у них мистера Вейера. И теперь в доме у старика мальчик напоминал туго натянутую струну.

Алан все это хорошо понимал и тоже был в напряжении. Может быть, из-за воспоминаний о прошлой ночи или же из-за кофе, который он выпил утром. Но все это, он чувствовал, причины второстепенные.

Главной был мистер Вейер. Совершенно непостижимо, но что-то внутри Алана заставляло его относиться к старику положительно, точнее говоря, с некоторым волнением. И все это имело какое-то отношение к тем нескольким месяцам, когда в нем жило *Дат-тай-вао*. Ввергнув его в кому, низведя до уровня растения, сила — какое-то поле, состоящее из элементарных частиц, или что бы она собой ни представляла — покинула его. Но что-то осталось внутри, то ли зацепившись в брюшной полости, то ли обволакивая полушария мозга, то ли пробегая по нервным отросткам. Он знал одно: старик расположил его к себе, завоевал его доверие. Он до сих пор помнил, как при их первой встрече его захлестнула теплая волна.

А ведь Джеффи, пожалуй, чувствует то же самое, что и он!

Алан больше не сомневался в том, что *Дат-тай-вао* избрало Джеффи в качестве своего нового обиталища.

Тут он заметил, что из другой комнаты возвращается священник, отец Райан, а за ним идет мистер Вейер, на ходу вытирая руки полотенцем. И Алан снова почувствовал, как откуда-то изнутри волной поднимается тепло, распространяясь по всему телу.

А Джеффи... Джеффи уже вскочил на ноги. Он подбежал к старику и вцепился ему в штанину. Вейер остановился и с улыбкой погладил его по волосам.

— Здравствуй, Джеффи. Очень рад видеть тебя снова.

Джеффи ничего не ответил, он только смотрел на Вейера горящими глазами.

Алан бросил взгляд на диван, где Сильвия, теперь уже в одиночестве, неподвижно сидела с напряженным выражением лица, закусив губу и наблюдая за этой сценой. В глазах ее светились боль и гнев. Алан знал симптомы этого гнева, который закипал порой в Сильвии и напоминал некое живое существо. Оно как бы дремало в ней последние несколько месяцев, но Алан хорошо помнил, как ее гнев вырывался наружу и обрушивался на рискнувшего вызвать его. И сейчас он почувствовал, как в ней просыпается гнев, как закипает внутри нее. Сердцем он прекрасно понимал ее. Она взяла к себе Джеффи, когда ему было три года. Отчаявшись вылечить его от аутизма, родители отказались от него. Она самоотверженно занималась с ним психотерапией, физиотерапией, диетотерапией, трудотерапией, умом и сердцем стараясь прорваться через непреодолимую преграду его болезни, ни разу не допустив мысли о том, что придется отступить. А потом свершилось чудо: *Дат-тай-вао* пробило броню, в которую он был закован, и освободило ребенка. Сильвия наконец была вознаграждена, получив того мальчика, которого искала.

Но теперь внимание Джеффи, казалось, было целиком и полностью поглощено этим таинственным стариком, два дня назад переступившим порог их дома. Алан почувствовал ее обиду остро, как свою собственную. Так хотелось сейчас обнять ее — пусть почувствует, что он понимает ее, что он с ней. Но он не смог бы дотянуться до нее рукой — мешал кофейный столик, а проклятые ноги не в силах были преодолеть те несчастные шесть футов, которые их разделяли.

Его ноги... Порой они приводили его в бешенство. Да, они стали чуть-чуть сильнее. Медленно, но

неуклонно состояние их улучшалось, и теперь он уже мог пару секунд постоять. Но сейчас, когда Сильвия нуждалась в нем, эти ноги ничем не могли ему помочь, и вот ему приходилось сидеть, как в западне, в этом громоздком сооружении на колесах и смотреть, как страдает его любимая женщина. В такие моменты он...

Резкий голос прервал его мысли:

— *Это вы!*

Алан вздрогнул и обернулся, стараясь понять, кому принадлежит голос. В коридоре, ведущем на кухню, он увидел высокого сутулого человека с торчащими во все стороны черными волосами. Он непрерывно вертел головой, но глаза его, горевшие диким огнем, были устремлены на Вейера.

Все вокруг него застыли в молчании. Даже Джеффи притих. В комнате, казалось, разыгрывалась мимическая сцена.

— *Он ненавидит вас!*

Отец Райан подошел к нему сзади, осторожно взял за руку и сказал:

— Все в порядке, Ник. Давай-ка пойдем...

— Нет!

Ник высвободил руку и дрожащим пальцем указал на Вейера:

— Он так ненавидит вас! Он хочет причинить вам страдания! — Ник показал на голову: — Здесь! — Потом на сердце. — И здесь! Он хочет, чтобы вы прошли через все муки ада!

Алан взглянул на Вейера и не нашел никаких признаков изумления или страха на его морщинистом лице. Казалось, именно это Вейер и ожидал услышать. Только его голубые глаза слегка прищурились.

— Пойдем, — сказал отец Райан, пытаясь увести Ника обратно на кухню. — не надо устраивать представление.

— Позвольте ему остаться еще хоть на минуту, — попросил Вейер, приближаясь к Нику и увлекая за собой вцепившегося в его штанину Джеффи.

— Это и есть ваш друг? Тот самый, который вчера спускался в трещину?

Священник печально кивнул:

— Да, это то, что от него осталось.

Спускался в трещину? Алан слышал выпуски новостей, рассказывающие о вчерашней трагической экспедиции. Два ученых — физик и геолог — погрузились в ее глубины. Геолог умер от сердечного приступа. Это был второй участник, выживший. Что же случилось с ним там, внизу?

— Мне приходилось видеть нечто подобное, — сказал Вейер священнику. — Очень давно один из смельчаков, которые смогли пережить путешествие в черную дыру, возвратился на землю, приобретя какие-то новые ощущения враждебной силы. — Он обернулся к тому, кого звали Ником: — Друг мой, скажите, вам известно, где сейчас Расалом?

Ник подошел к окну и показал рукой в ту сторону, где появилась трещина в парке. Алану очень хотелось посмотреть на нее, но так хлопотно было добираться до окна на коляске, объезжая то стол, то стул, то другую мебель.

— Он там, внизу, — сказал Ник, — на большой глубине. Я видел его. И он открыл мне свое сердце. Я... Я...

Он продолжал шевелить губами, но, казалось, не в силах был рассказать об увиденном.

— Почему? — спросил Вейер. — Почему он оказался там?

— Он меняет свою суть.

Впервые Алан видел мистера Вейера растерянным, даже испуганным.

— Он уже начал процесс перерождения?

— Да. — Ник еще шире раскрыл глаза, блеск в них стал еще ярче. — И как только закончится его перерождение, он придет за вами.

— Я знаю, — тихо ответил Вейер. — Я знаю это.

Вдруг огонь в глазах Ника погас, и они снова стали пустыми, а сам он ссутулился.

Отец Райан взял его за плечо:

— Ник, Ник...

Ник молчал.

— Что с ним? — спросил Алан.

Он не занимался медицинской практикой вот уже полгода, но этот случай вызвал у него множество ассоциаций. Человек находится в состоянии полной прострации. Не связаны ли эти симптомы с черепными травмами? Их следы отчетливо выделяются у него на голове. Нет, вряд ли. Разве послали бы шизофреника исследовать трещину? Наверняка он такой со вчерашнего вечера, с тех пор, как поднялся на поверхность.

— Он прошел медосмотр?

Священник кивнул:

— Его осматривала целая толпа врачей, но они не знают, что с ним делать.

— А почему он не в больнице? Ему положено находиться там до тех пор, пока не будет разработан действенный курс лечения.

Отец Райан быстро посмотрел ему в глаза, и Алан понял всю глубину его переживаний.

— К сожалению, доктор Балмер, я на личном опыте убедился в том, что современная медицина пока еще не в состоянии решать проблемы, с которыми столкнулся Ник.

Он взял Ника за руку, и тот последовал за священником на кухню, предоставив Алану догадываться, какие именно проблемы имел в виду отец Райан.

— Ну что же, — сказал мистер Вейер, повернувшись к Сильвии и Алану. Джеффи все еще крепко держал его штанину. — Сейчас подойдут еще два человека, и вся компания будет в сборе.

Он осторожно отстранил от себя мальчика:

— Ну все, Джеффи, будь послушным и сядь рядом с мамой.

С явной неохотой Джеффи вернулся к Сильвии, даже не взглянув на нее. Взор его по-прежнему был прикован к мистеру Вейеру.

— Очень рад, что вы пришли, — сказал Вейер Сильвии.

— После событий прошлой ночи у нас не оставалось выбора, — ответила она и, помедлив, продолжала: — Странно, вы появились в нашем доме в четверг, и я выгнала вас вон, а в пятницу случилась вся эта чертовщина.

— Уверяю вас, миссис Нэш, это никак не связано. Я не виноват в случившемся.

— Говорите что угодно, но районы, прилегающие к вашему дому, нынешним утром напоминали бойню. И на Лонг-Айленде, в маленькой деревушке Монро, расположенной в графстве Нассау, те же монстры, которые наделали здесь столько бед, напали на один из домов. Наш дом. Почему, мистер Вейер?

— Называйте меня Глэкенем, — попроеил старик. — А на ваш вопрос, мне кажется, вы можете ответить сами.

Алану показалось, что губы Сильвии слегка задрожали. Он заметил также, что глаза ее увлажнились. Было больно смотреть на нее. Он знал, как должна она страдать, чтобы хоть чем-то выдать себя. За все годы их знакомства он ни разу не видел, чтобы Сильвия дала волю чувствам при посторонних. Она позволяла себе это только дома.

— Почему кто-то хочет причинить ему зло? — спросила она тихо.

Алан отметил про себя, что она всячески избегала называть имя Джеффи.

Человек, просивший называть себя Глэкенем, печально улыбнулся и погладил мальчика по голове.

— Подлинная цель — не он сам, а то, что обитает внутри него.

Сильвия откинулась назад и закрыла глаза.

— *Дат-тай-вао*, — прошептала она.

Алан испытал огромное облегчение. Наконец, впервые за эти месяцы, она признала это. Теперь, пожалуй, они попытаются решить эту проблему.

— Да, — сказал Глэкен, — существует какая-то враждебность между силами, обитающими в трещине, и тем, что называется *Дат-тай-вао*. Поэтому я и позвал вас сюда.

Сильвия укоризненно посмотрела на него, будто услышала что-то непристойное. Но прежде чем она успела ответить, в дверь позвонили.

— Откройте, пожалуйста, — попросил Глэкен входящегося на кухне Билла, — это, наверное, миссис Трис.

Отец Райан вышел из кухни и направился к двери, на ходу бросив на Глэкена озадаченный взгляд.

В комнату вошла супружеская пара средних лет: аккуратный, подтянутый мужчина с выражением тревоги на лице, бледный, с редющими светло-русыми волосами, и стройная симпатичная пепельная блондинка. Увидев отца Райана, она улыбнулась ему лучистой улыбкой. Видимо, они были старыми друзьями. А может, больше, чем друзьями, подумал Алан.

Отец Райан представил их всем как Генри, Хенка, и Кэрол Трис, после чего они сели на угловой диван. Священник встал у них за спиной, продолжая поглядывать в сторону кухни.

— Очень хорошо, — сказал Глэкен. — Теперь все в сборе. Но чтобы вы до конца поняли, для чего собрались здесь, я должен рассказать вам предысторию этого дела. История эта долгая-долгая, как сама вечность. Она началась...

Вдруг снаружи послышался крик. Все обернулись и увидели за окном женщину средних лет, полную, в брючном костюме из полистирола. Она повисла в воздухе несколькими футами ниже окна и с выражением ужаса на лице, словно приплясывая, дергаясь, корчась, безуспешно пыталась ухватиться за что-нибудь рукой. Ее крики были слышны даже через двойные стекла.

Подумать только, на высоте двенадцатого этажа! Все, кроме Алана, Ба и Ника, бросились к окнам.

То взмывая вверх, то падая, она в конце концов исчезла из поля зрения, словно выпущенный из рук воздушный шар.

Сильвия побледнела, губы ее были плотно сжаты. Миссис Трис зажала руками рот, сдерживая готовый вырваться крик.

— Это конечно же розыгрыш? — с какой-то неопределенной улыбкой на лице спросил ее муж, повернувшись к Глэкену.

— Боюсь, что нет. Эта женщина стала жертвой еще одной разновидности дыр, которые теперь появляются в самых неожиданных местах и в самое неожиданное время.

— Мы можем чем-нибудь ей помочь? — спросил священник.

— Нет. Она вне пределов досягаемости. Разве что вертолетом... — Он вздохнул. — Но прошу вас, садитесь и позвольте мне закончить. Возможно, случившееся сейчас имеет свои положительные стороны. Несчастье произошло за моим окном. И все равно то, что я собираюсь вам рассказать, потребует от вас полного доверия ко мне. До сих пор, признаюсь, я не слишком на него рассчитывал. Но события последних двух дней — бездонная яма в Центральном парке, опустошение, произведенное вылетевшими из нее насекомыми, и вот теперь эта несчастная женщина за окном — все это должно вас насторожить. Главное, чтобы мне поверили, потому что наше выживание, как и выживание человеческого рода, по крайней мере большей его части зависит от того, как мы будем себя вести начиная с сегодняшнего дня. Но чтобы действовать обдуманно и принимать правильные решения, необходимо знать, с чем предстоит бороться.

Алан оглядел комнату. В ее глубине застыли Ба и Джек, напряженно вслушиваясь. Справа от них сидела Сильвия с таким видом, словно хотела сказать: «Ну-ну, продолжайте, послушаем, что вы еще скажете». Отец Райан облокотился о диван с выражением глубокой задумчивости. У Алана возникло ощущение, что он когда-то уже слышал все, что собирается сейчас рассказать Глэкен. Лицо Кэрол, сидевшей по ту сторону дивана, словно зеркало отражало чувства священника, в то время как Хенк сохранял выражение дружелюбного сомнения. Итак, Глэкен поведал о двух непрестанно враждующих силах, существующих где-то за пределами нашей реальности, — не имеющих возраста, бессмертных, непримиримых, таинственных, могучих и непостижимых. Одна сила, — враждебная человечеству — подпитывалась страхом и несправедливостью, другая — союзник, не друг, не защитник или хранитель, а всего лишь союзник, просто потому, что борется со второй силой. Он рассказал о бесконечной войне между этими двумя силами, бушующей в разных галактиках, разных измере-

ниях, вне времени. О человеке по имени Расалом, который в древнейшие времена вступил в союз со злой силой, и о другом человеке, не менее древнем, взвалившем на свои плечи чудовищный груз, став воплощением противодействующей силы. И вот длившаяся веками война подошла к концу, и на поле боя осталась только одна армия. Теперь исход битвы зависит от тех, кто собрался здесь, в этой комнате. Не сможем одолеть враждебную силу — проиграем.

— Так вот в чем дело! — воскликнул тот, кого звали Джек. — Вот в чем, оказывается, дело! — Он покачал головой и оглядел комнату. — Надеюсь, вы сошли с ума, но, если это не так, нас ждут страшные беды.

В душе Алан поверил Глэкену. Он чувствовал, что все рассказанное — правда. Возможно, потому, что в свое время соприкасался с *Дат-тай-вао*. Но разум его отказывался воспринять сказанное.

— А почему мы так интересуем эти силы? — спросил он.

— Насколько я знаю, не очень интересуем, — ответил Глэкен. — Четко определить мотивы этих субстанций почти невозможно, но длительные наблюдения свидетельствуют, что ни для одной из сторон мы не представляем ни малейшей стратегической ценности.

— Тогда почему...

— Думаю, для противоборствующей силы, именуемой нами, по вполне понятным причинам, Врагом, мы просто забава. К тому же он ненавидит все, что придает смысл нашей жизни, что делает ее достойной продолжения. Эта сила черпает энергию из всего, что есть в нас плохого, подпитывается несчастьями и болью, которые мы причиняем друг другу, нашими отрицательными эмоциями. Хотя не исключено, что для нее это всего лишь легкая закуска.

Алан услышал, как Джек из глубины комнаты пробормотал:

— Черт возьми, я чувствую себя чем-то вроде «Макдоналдса» космического масштаба.

— Не знаю, по какой причине, но сейчас эта сила рвется сюда.

— А вторая сила? — спросила Сильвия, подавшись всем телом вперед. — Она хочет защитить нас?

— Сомневаюсь. Вряд ли простой союзник станет заботиться о вашем благополучии. Он хочет использовать ситуацию и потому интересуется нами.

— А где была эта сила прошлой ночью? — спросил Алан.

— Ушла, — ответил Глэкен.

— Она мертва?

— Нет. Просто ушла. Оставила поле битвы, как я себе представляю. В 1941 году, по моим догадкам, она посчитала, что выиграла в маленькой стычке на нашей захолустной планете, и перекочевала в другие места.

— Как же так! — воскликнул Алан. — Этот наш союзник, сражающийся в масштабах вечности, полагает, что одержал победу, и отправляется куда-то еще. Неужели ему не хотелось побыть здесь немного, чтобы насладиться лаврами победителя или, на худой конец, поражением противника?

Глэкен пристально посмотрел на него, и Алан почувствовал скрытую силу в голубых глазах старика.

— Когда вы играете в шахматы, — заговорил Глэкен мягко, — разве фигуры противника представляют для вас какую-то ценность за пределами игры? Разве вы связываете свои дальнейшие планы с этими фигурами? Разве думаете о пешке противника, которую съели?

Глэкен умолк, но никто не нарушил наступившей тишины. Все сидели затаив дыхание. Наконец из глубины комнаты донесся голос Джека:

— Насколько я понял, когда-то у нас была сильная поддержка, но теперь мы предоставлены самим себе.

— Совершенно верно. — Глэкен взглянул на миссис Трис. — В 1968 году наш союзник сделал слабую попытку отразить атаку противника, которую он, возможно, считал просто ложным маневром, после чего покинул театр военных действий. Но сейчас мы хорошо знаем, что возвращение Расалома не было ложным маневром, однако союзная нам сила этого не знает.

— Все, как во время битвы при Литл-Бигхорн, только нас никак не сравнишь с индейцами.

— Можно и так сказать, но в этом случае у нас есть шанс позвать на подмогу кавалерию.

— Ожерелья, — сказал Джек.

Глэкен кивнул:

— Ожерелья, хороших кузнецов, а еще... — он показал рукой на Джеффи, — этого малыша.

— Вы не могли бы выразить свою мысль более определенно? — спросила Сильвия, прожевав эти слова сквозь зубы. — Что вы имеете в виду?

Глэкен не выглядел обескураженным этой вспышкой гнева, даже улыбнулся Сильвии:

— Хотите, чтобы я разложил все по полочкам, миссис Нэш? Извольте. Необходимо известить нашего союзника о том, что битва не закончена, что враг все еще действует здесь, и весьма активно, что он может полностью захватить контроль над этой сферой влияния. В общем, необходимо послать союзной силе сигнал.

— И как это сделать? — спросила Сильвия.

— Надо реконструировать одно древнее сооружение.

— Оружие?

— Да, своего рода оружие. Но под оружием я в данном случае подразумеваю антенну, фокусирующее устройство.

— Где оно сейчас? — спросил Джек.

— Оно было выведено из строя полвека назад, когда, как считалось, уничтожило доверенное лицо нашего противника в румынских горах, в каком-то месте, именуемом Замком.

Разум Алана все еще сопротивлялся тому, что рассказывал Глэкен, и теперь, пожалуй, еще более яростно, но сердце уговаривало поверить.

— Хорошо, — сказал Алан, — допустим, что мы приняли все это за чистую монету. — Последние слова вызвали осуждающий взгляд Сильвии. — Но как восстановить это фокусирующее устройство, вышедшее из строя в Румынии?

— Это невозможно, — сказал Глэкен. — Элементы, из которых оно состояло, истощились, когда ус-

тройство задействовали для уничтожения Расалома. Но в силу неудачного стечения обстоятельств — неудачного для всех нас — Расалом выжил. А остатки устройства были обращены в пыль в 1968 году, когда Расалом вступил на путь своего возрождения.

— Но если оружие утеряно и нам его не вернуть, — возразил Джек, — что толку сейчас болтать об этом?

— Дело в том, что таких устройств существовало всего два. Второе было украдено в древнейшие времена, разобрано и переплавлено в другие изделия.

— О господи, — снова вступил в разговор Джек, — ожерелья!

Глэкен улыбнулся:

— Совершенно верно.

— О чем вы толкуете? — спросила Сильвия.

Алан почувствовал, что она на пределе и гнев ее вот-вот вырвется наружу.

— Второе фокусирующее устройство было украдено и переплавлено. В процессе переплавки силовое поле, скрытое внутри, попало в атмосферу и стало свободно перемещаться в пространстве. Но сила эта, точнее, ее остатки, сохранились в переплавленном металле. Металл пошел на изготовление ожерелий, которые веками носили жрецы и жрицы древних культов самого высокого ранга, заботясь о своем здоровье и продлении жизни.

— А силовое поле? — спросила Сильвия, еще больше подавшись вперед, с бледным, напряженным лицом.

Тут Алана осенило: Сильвия все поняла.

— Это силовое поле веками бродило по нашей планете, — продолжал Глэкен, — под разными названиями. И вот теперь оно известно как *Дат-тай-вао*.

Алану почудилось, что Сильвия издала еле слышный стон, после чего закрыла глаза и прижала к себе Джеффи.

Вдруг где-то в доме прозвучал голос: «Гленн! Гленн!», визгливый, с истерическими нотками: «Гленн! Я совсем одна! Куда ты ушел?»

Глэкен устремил взгляд куда-то в глубину квартиры, и Алан прочел в его взгляде тревогу, смешанную

с досадой. Впервые он проявил нерешительность и после некоторых колебаний поднялся с места.

— Позвольте я пойду, — сказал отец Райан, тоже поднимаясь с дивана и опережая Глэкена. — Она уже привыкла ко мне. Может быть, успокоится.

— Спасибо, Билл, — поблагодарил Глэкен и повернулся к гостям: — Моя жена тяжело больна.

— Может быть, я могу чем-то помочь? — спросил Алан.

— Боюсь, что нет, доктор Балмер, но все равно спасибо за участие. — Алан заметил в его глазах отчаяние. — У нее болезнь Альцгеймера.

Все, что оставалось Алану, это сказать:

— Очень сожалею.

Но тут Сильвия резко вскочила:

— Ну, теперь все понятно!

— Что именно, миссис Нэш? — Глэкен был озадачен.

Сильвия ткнула в него пальцем. Теперь kloкотавшая в ней ярость вырвалась наружу, полыхая огнем и обжигая всех.

— Как же я сразу не поняла! Вы что, считаете меня идиоткой? Вам нужен Джеффи, точнее, его внутренняя сила для лечения жены!

— Вовсе нет, миссис Нэш, — мягко, с расстановкой возразил Глэкен, печально покачив головой. — *Дат-тай-вао* бессильно при синдроме Альцгеймера. Эта сила способна лечить болезни, но не может вернуть время вспять.

— Это вы сейчас так говорите! — крикнула Сильвия.

— Мама, — Джеффи схватил ее за рукав, — не кричи на него. Он мой друг.

Сильвия вздрогнула, будто ее укололи иголкой.

— Мы уходим, — сказала она, схватив Джеффи за руку и увлекая за собой.

— Но, миссис Нэш, — произнес Глэкен, — нам необходим Джеффи, чтобы восстановить фокусирующее устройство. Чтобы *Дат-тай-вао* и металлы, из которых было сооружено устройство, снова стали одним целым.

— Но ведь у вас сейчас нет этого металла, не так ли?

— Пока нет.

— В таком случае не вижу смысла обсуждать все это дальше. Дайте мне знать, когда найдете волшебный металл. Номер телефона вам известен. Тогда и поговорим. Но не раньше.

— Куда же вы сейчас?

— Домой, куда же еще?

— Нет, останьтесь, пожалуйста. Здесь-то, по крайней мере, вы в полной безопасности.

— Здесь? — переспросила она, подходя к двери. — Да ведь ваш дом почти на самом краю трещины! Еще немного — и он туда провалится. Нет, уж лучше я останусь в Монро.

— Это место по-своему защищено. Оно выстоит. Джеффи и ваши друзья могут этим воспользоваться.

— Что же такого особенного в этом месте?

— А то, что здесь нахожусь я. А мне будет сохранена жизнь до самого конца.

«...А потом он заставит тебя пройти все муки ада!»

Алан вдруг вспомнил слова Ника и поразился, что старик совсем не выглядит испуганным.

— Тоад-Холл тоже будет защищен. Мы с Аланом уже позаботились об этом.

Алан развернул свое кресло и покатился к Джеффи и Сильвии. Сегодня утром он первым делом взялся за телефон и обзвонил всех, чтобы найти подрядчика, который взялся бы немедленно поставить им стальные ставни. Он предложил очень солидное вознаграждение в случае, если работа будет закончена до заката солнца. Но теперь он уже усомнился в том, что этих ставней будет достаточно.

Вполне разумно остаться здесь. Правда, тесновато, но в обществе этих людей, в этой разношерстной компании Алан чувствовал себя почти как дома, в полной безопасности. Что-то необычное ощущалось в царившей здесь атмосфере, что-то неуловимое. Какая-то связь на подсознательном уровне.

Но ничего этого Сильвия, казалось, не замечала. Теперь ее поведение определяла только вырвавшаяся наружу ярость. В своем решении она была непре-

клонна, ничто не могло заставить ее думать иначе. Алан знал: когда у нее такое состояние, разговаривать с ней просто невозможно. Он уже научился безошибочно распознавать эти симптомы. Нужно переждать эту бурю. Рассеются облака, стихнет ветер, и Сильвия станет совсем другой, спокойной и хладнокровной. Тогда с ней можно будет обсудить все.

Как ни хотелось Алану остаться, он вынужден был уйти вслед за Сильвией. Потом он уговорит ее изменить свое решение. Вспышки ее гнева создавали множество неудобств: то приводили в отчаяние, то вызывали возмущение, но этот гнев был неотъемлемой частью характера Сильвии, и тут ничего нельзя было поделать. И именно такой и любил ее Алан.

Судя по всему, Джеффи тоже хотел остаться.

— Мама, не надо уходить.

— Джеффи, пожалуйста, не спорь со мной. — Сильвия понизила голос. — Нам пора.

Джеффи попытался вырваться от нее.

— Нет!

— Джеффи, прошу тебя, слушайся маму, — вмешался Глэкен.

Мальчик сразу же присмирел. Это вызвало у Сильвии все, что угодно, только не благодарность к Глэкену.

— Все-таки, миссис Нэш. Одну вещь вам следует понять, — сказал Глэкен. — Насекомые, напавшие на ваш дом, действуют только в ночное время, от заката до рассвета, а днем прячутся от солнечного света. Однако, как вам известно, день продолжает сокращаться.

— Но это не может продолжаться вечно, — послышался чей-то голос.

Алан обернулся. Это Хенк поднялся с дивана и обвел собравшихся взглядом. С тех пор как его представили, он заговорил в первый раз.

— Разве не так? — спросил Хенк.

— Нет. Это будет продолжаться. Сегодня солнце взошло позднее, чем вчера. Завтра взойдет позднее, чем сегодня. А зайдет раньше.

— Но если так будет продолжаться... — Хенк округлил глаза. — О господи! — Он медленно подошел

к Кэрол, сидевшей на диване. — Понимаете, к чему это ведет? Дневное время, когда летающие твари прячутся, день ото дня будет сокращаться и в конце концов сойдет на нет...

— Они никогда не уймутся, — сказал Джек хриплым голосом.

Взглянув на него, Алан понял, что какие бы ужасы он и Ба ни пережили прошлой ночью, Джек повидал кое-что похуже.

— Все правильно, — сказал Глэкен. — Нас ждет Вселенная без света, мир без законов, разума и логики. Планета во тьме, где никогда больше не наступит рассвет. Все будет именно так, если мы ничего не предпримем.

— Позвоните мне, когда раздобудете этот металл, — сказала Сильвия.

Алан пробирался к выходу. Проезжая мимо Глэке-на, он обменялся с ним рукопожатиями, затем подкатил к двери, которую придерживал Ба.

— Не уходите, — сказал чей-то дрожащий от напряжения голос.

Алан обернулся и увидел вышедшего из кухни Ника. Его глаза больше не были пустыми. Он бросил на Алана взгляд, полный тревоги.

— Почему нет? — спросил Алан.

— Если сегодня вы все четверо покинете этот дом, то лишь трое из вас останутся в живых.

У Алана по телу пробежали мурашки. Он выглянул на лестницу и увидел у лифта Сильвию, Ба и Джеффи. Сильвия вошла первая, как только кабина открылась. Ба оставался снаружи, поддерживая дверь своей огромной рукой. На какой-то момент Алан был словно парализован. С одной стороны Сильвия, Ба и Джеффи, с другой — все остальные. Ему очень хотелось остаться, но только с Сильвией. Однако это невозможно. По крайней мере, сейчас. Он пожал плечами и заставил себя улыбнуться всем, кто его провожал, стоя в дверях.

— Ну, это мы еще посмотрим.

И он поехал к лифту с таким чувством, словно кресло катилось к пропасти, такой же темной и бездонной, как на Овечьем Пастбище.

Как только за доктором Балмером закрылась дверь, Билл снова отвел Ника на кухню. К его великому огорчению, молодой человек вел себя словно дельфийский оракул, передающий людям угрозы и предостережения, посылаемые свыше. Было это безумием или же результатом погружения в бездонную пропасть, как считал Глэкен, где Нику пришлось соприкоснуться с тем хаосом, в который очень скоро будет ввергнут род человеческий!

— Ник, ты что, хочешь всех напугать?

— Нет, — ответил Ник, снова усаживаясь за кухонный стол. В его глазах стояло страдание. — Они все в опасности, а один обречен на гибель.

— Кто именно? Ник, скажи!

Может быть, Нику и в самом деле открылась какая-то тайна, тогда Билл сможет узнать от него что-то определенное, прежде чем тот снова впадет в забытие. Среди этих четверых из Лонг-Айленда одна — хорошая стерва, Сильвия, но Билл не желал вреда никому из них, а тем более мальчику.

— Кто должен умереть, Ник? Кому угрожает опасность? Джеффи, этому малышу?

Но Ник снова впал в прострацию, глаза стали пустыми.

— Черт возьми, Ник, — сказал Билл с мягким укором и легонько похлопал его по ссутулившимся плечам. — Неужели не мог продержаться хотя бы еще несколько минут?

Его слова остались без ответа. Зато из комнаты донесся голос, и Билл поспешил туда узнать, в чем дело.

— Чем мы здесь занимаемся? — Это говорил Хенк.

Говорил стоя, брося взгляды на Кэрол, сидящую на диване. Вид у него был испуганный. Он посмотрел на Глэкена, на Джека, который занял место Сильвии Нэш, потом на Билла.

— Что вы хотите от Кэрол и от меня?

— Я привела тебя сюда, чтобы ты узнал правду, — сказала Кэрол. — Правду обо мне.

— Какую правду? Ты говорила о каком-то сыне. Никогда не слышал, что у тебя есть сын.

— Да, это правда, — сказала Кэрол и отвернулась. — И есть, и нет.

Билл заметил невыразимое страдание в ее глазах и прижался плечом к выступу стены так, чтобы стало больно. Пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не броситься к ней.

— Но какое это имеет отношение к тому, что происходит в этой комнате? Признаться, я совершенно не понимаю.

— За всем этим стоит мой сын, — сказала Кэрол, понизив голос и не глядя на него.

Хенк огляделся:

— Может быть, кто-нибудь объяснит мне, в чем дело?

— Я попытаюсь, мистер Трис. — Глэкен вышел вперед. — Вы, конечно, помните, что я только что рассказывал о человеке по имени Расалом, который в древнейшие времена заключил союз с Врагом и стал его доверенным лицом. В пятнадцатом столетии этот человек попал в заключение в Восточной Европе. Он так и остался бы узником, но германская армия по чистой случайности освободила его в 1941 году. Но прежде чем окончательно освободиться, он был уничтожен. Или, по крайней мере, так казалось. Благодаря совершенно исключительному и благоприятному для него стечению обстоятельств, Расалом смог проникнуть в тело еще не родившегося мужчины, который получил имя Джеймс Стивенс.

От Билла не ускользнуло, что Хенк бросил острый взгляд на Кэрол: когда они встретились, ее фамилия была Стивенс.

— Но внутри Джима Стивенса он был абсолютно бессилен, — продолжал Глэкен, — и обладал только способностью созерцать мир изнутри его тела. До тех пор, пока Джим не женился на Кэрол Невинс и они не зачали ребенка. Этим ребенком стал Расалом. Он вновь родился в 1968 году. Потом затаился на десятилетия, ожидая, пока его новое тело достигнет зрелости, впитывая энергию из окружающего его мира: из войн и геноцида в Южной Африке, из межафриканских конфликтов и ближневосточных кризисов, из бесчисленных проявлений вражды, злобы, желчности

и всех тех жестокостей, которые каждый день творятся в нашей жизни. Он ждал подходящего момента, чтобы предпринять что-то. Несколько месяцев назад он обнаружил, что ему никто не противостоит, и пустил пробный шар — в прошлый четверг утром задержал восход солнца. С тех пор он день ото дня активизировал свою деятельность.

Хенк неотрывно смотрел на Кэрол.

— Твой сын? Я не верю. Не верю во все эти сказки. Пойдем, Кэрол, я отведу тебя домой.

— Но проблема все равно не исчезнет, — возразила Кэрол не отводя глаз. — Нам от этого не уйти.

— Лучше столкнуться с этим где-нибудь в другом месте. Где угодно, только не здесь. Здесь я не могу сосредоточиться.

Кэрол встала:

— Хорошо. Пусть в другом месте. Но так или иначе, мы с этим столкнемся.

Биллу так хотелось их образумить, убедить Хенка, заставить его поверить, но он не мог вмешиваться в чужие дела. Встать между мужем и женой, даже если женой была Кэрол.

Кэрол попрощалась и поблагодарила Глэкена. Хенк не сказал ни слова. Они ушли под общее молчание. Тогда к Глэкену подошел Джек.

— Можно время от времени пользоваться вашими услугами? — спросил он, похлопывая старика по спине. — Если, к примеру, у меня засидятся гости, вы зайдете и поможете мне от них избавиться?

Глэкен улыбнулся, и даже Билл, поглощенный мыслями о Кэрол, не мог удержаться от смеха. Посмеяться — всегда хорошо, тем более неизвестно, когда еще у него появится причина для смеха.

3. ПРИГОТОВЛЕНИЯ

— Да ведь они все сумасшедшие, или я ошибаюсь? — сказал Хенк, когда они повернули налево, на Пятьдесят седьмую улицу, и ушли в восточном направлении.

Полиция никого не пропускала в Центральный парк, и все ведущие к нему улицы были перекрыты. Поймать такси казалось невозможным, так что Кэрол и Хенку пришлось добираться в южную часть города пешком. Солнце уже начало припекать, и проплешины на голове Хенка поблескивали. Кэрол пожалела, что не оделась легче.

— Кто? — спросила она, хотя прекрасно понимала, кого он имеет в виду.

— Твои друзья. Они с большим приветом и тебя заразили.

От Кэрол не ускользнуло, что, говоря все это, он наблюдает за ней, и при этом лицо у него напряженное. Ему так хотелось, чтобы Кэрол с ним согласилась!

— Из всех, кто там был, только Глэкен и Билл — мои друзья, и я могу за них поручиться. Так вот, Хенк, они вполне нормальные люди, уверяю тебя.

— Но только сумасшедших, Кэрол, одолевают навязчивые идеи. — Он говорил почти с мольбой.

— А то, что солнце восходит позже, а заходит раньше — тоже навязчивая идея, Хенк? — спросила она настойчиво. Он должен поверить, должен понять, она заставит его. — А дыра в Центральном парке, потвоему, это мираж? А люди, погибшие прошлой ночью, — тоже навязчивая идея?

— Возможно, — сказал Хенк, — возможно, все мы стали жертвами какой-то коллективной формы истерии.

— Только не говори, что ты действительно в это веришь.

— Ну ладно, не верю. Просто выдаю желаемое за действительное. Но от всех этих чудовищных событий, происходящих сейчас в мире, навязчивые идеи, посещающие твоего друга Глэкена, вовсе не становятся правдоподобнее. Я хочу сказать: тот факт, что на земле и на небесах творится какое-то безумие, отнюдь не означает, что я должен молча проглатывать то, что говорит этот выживший из ума старик.

— Конечно. Но суди сам: не нашлось в мире еще ни одного научного авторитета, который взялся

бы объяснить этот бред, в котором мы живем последние дни.

— Но добавить к старому бреду новый — совсем не значит его объяснить.

— Хенк, но все это правда, — промолвила Кэрол, — клянусь тебе. Многие из того, что я видела, подтверждает справедливость его слов. Многие, чего никому не пожелаала бы видеть. Он не сумасшедший.

Хенк изучающе посмотрел на нее своими карими, сейчас не такими яркими, как при солнечном свете, глазами.

— Что именно ты имеешь в виду?

— Потом расскажу. Сегодня вечером за бутылкой вина я расскажу тебе все, о чем боялась рассказывать раньше.

Некоторое время они шли молча. Кэрол знала, что Хенк, по своему складу ученый, сейчас анализирует и просеивает полученную им информацию. Он все разложит по полочкам, а потом займется этой проблемой и придет к каким-нибудь выводам. Такова была его суть. Никаких всплесков внезапных прозрений. Но стоило ему прийти к какому-нибудь мнению, и он оглашал его как вердикт.

Неожиданно они вздрогнули от звука шин, скребущих о мостовую, и громких криков. Обернулись и увидели, как поднимается в воздух такси. Водитель раскрыл дверцу и, повиснув на ремне, спрыгнул на мостовую.

Женщина и ребенок высунулись из окон и призывали на помощь.

— Господи! — воскликнула Кэрол. — Неужели никто ничего не может сделать?

Она вцепилась в руку Хенка, и они с ужасом смотрели, как машина продолжает подниматься вверх. Поравнявшись с крышами домов, она начала медленно вращаться вокруг своей оси, взмывая все выше и выше.

— Пойдем. — Хенк потянул Кэрол за руку. — Мы все равно не сможем им помочь. А наблюдая за ними, я чувствую себя просто стервятником.

Кэрол понимала его. От разыгравшейся на их глазах трагической сцены она почувствовала слабость. И

в то же время было в этом кошмаре что-то завоораживающее.

— Держись ближе к домам, — сказал Хенк. — Если с нами случится нечто подобное, будет, по крайней мере, за что ухватиться.

Они продолжали свой путь молча, продвигаясь осторожно, почти робко, опасаясь, что впереди их подстерегает такая же гравитационная дыра. Но Кэрол не могла удержаться и то и дело бросала взгляды через плечо. И каждый раз видела, что такси поднимается все выше и выше. Дойдя до Второй авеню, они должны были направиться в Аптаун, но Хенк остановился и, щурясь, посмотрел на солнце:

— Не похоже, что оно стало двигаться быстрее.

Кэрол тоже подняла голову, но солнце слепило глаза.

— А почему ты думаешь, что оно должно ускорить движение?

— Если не оно, то что-то другое. — Он посмотрел на нее слезящимися от солнца глазами. — Конечно, я имею в виду не Солнце, а нас, наше движение вокруг Солнца. Вращение Земли и наклон ее оси — вот что определяет изменение продолжительности дня в течение года. Если сейчас дни пошли на убыль, то либо мы стали вращаться быстрее, либо угол наклона оси изменился. Но ученые утверждают, что ни того ни другого не случилось. А день все равно укорачивается. Это парадокс. Таким образом, случилось невозможное. А если так, если все это правда, то все невозможные или кажущиеся невозможными события, о которых рассказывал Глэкен, вполне могут произойти.

«Наконец-то до него дошло, — подумала Кэрол, когда они свернули на Вторую авеню и солнце стало светить им в спину. — Он постигал все это постепенно, не по наитию, а единственным доступным ему путем — логическим осмыслением фактов, которыми он располагает. Из него получился бы хороший Шерлок Холмс».

— Ты действительно веришь в то, что все это произойдет? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Что наступит царство Тьмы, о котором говорил Глэкен? Существует такая вероятность?

— Да. Вероятность существует. Но если мы объединимся, она перестанет быть неизбежностью.

Вначале Кэрол была возмущена поведением Сильвии Нэш. Как могла эта женщина так разговаривать с Глэкеном? Ведь он хочет только одного: помочь всем. И единственное, о чем он просил их, — это сотрудничать в деле спасения их же собственных жизней. Но Кэрол тут же подумала, что эту правду нелегко воспринять. Она сама долго не могла примириться с ней. Даже десятилетиями. А Сильвия Нэш чего-то боится. Кэрол не знала, чего именно, но была уверена, что заметила страх в глазах Сильвии, когда та покидала квартиру Глэкена.

— Давай будем оптимистами, — сказал Хенк. — Предположим, он получит необходимую помощь и сможет воссоздать фокусирующее устройство, о котором говорил. Допустим, он сможет запустить его в действие и добьется того, что солнце вернется к прежнему расписанию. Ведь это займет недели, не так ли? А может быть, и месяцы.

— Я не знаю, Хенк. К чему ты клонишь?

Он был возбужден. В глазах появился лихорадочный блеск. Прежде Кэрол его таким не видела.

— Все дело в солнечном свете, Кэрол. Кто особенно нуждается в солнечном свете — регулярном, равномерном?

— Ну... наверное, растения...

— Правильно! Именно сейчас, весной, солнечный свет особенно важен для оплодотворения и вызревания семян. Если в течение нескольких недель ежедневная доза солнечного света будет уменьшаться, нашу планету постигнет неурожай.

-- Урожай — не самое худшее. От Расалома можно ждать больших бед, если он победит.

— Но ведь я уже сказал тебе, Кэрол, что рассуждаю как оптимист, исхожу из того, что победит Глэкен. Но что бы ни случилось, нам все равно не избежать нехватки продовольствия на всей планете, а то и голода.

От такой перспективы Кэрол стало не по себе. Если даже они победят, впоследствии люди обречены на жестокие страдания. Пиррова победа — это самое большое, на что они могут рассчитывать.

— Предвидит ли Глэкен такое? — В душе Кэрол ощутила гордость за Хенка. В душе... потому что его внезапное возбуждение встревожило ее.

— В своих планах следует это учитывать, — сказал Хенк. — Люди, способные предугадывать будущее, могут извлечь из этого пользу.

— Хенк! Неужели ты думаешь о рынке ценных бумаг или о чем-то в этом роде?

— Конечно нет, — сказал он с раздражением. Казалось, его возмутило это предположение. — Если день и дальше будет укорачиваться, не думаю, что сохранится рынок ценных бумаг или товарообмен. Конечно, цены на зерно взлетят, но вопрос: чем за него платить?

— Не понимаю тебя.

— Кэрол, — сказал он, остановившись и взяв ее за плечи, — если на всей планете случится неурожай, то деньги — валюта — превратятся в ничто. Они станут просто бумагой, а бумагой не прокормишься. Единственное, что будет иметь цену, — это благородные металлы — золото, серебро, разумеется, бриллианты и другие драгоценные камни, а кроме того, продукты.

— Да как ты можешь даже думать об этом?

— Но ведь должен кто-то об этом позаботиться. Все спланировать. Я думаю о нас с тобой, Кэрол. В случае неурожая полки магазинов опустеют, во всех городах начнутся голодные бунты. Это будет скверное время, и, чтобы выжить, надо подготовиться к нему. — Он взял ее за руку. — Пойдем.

Они продолжали свой путь в Аптаун, но теперь ускорили шаг. Кэрол с трудом поспевала за Хенком. Казалось, он спешит по какому-то срочному делу. Она никогда не видела его таким. Зрелый, спокойный человек с математическим складом ума куда-то исчез, уступив место незнакомому ей маньяку. Уже почти у самого дома он вдруг потащил ее к Кристедам, у которых обычно делал покупки. В магазине он схватил

две тележки — одну подкатил к Кэрол, другую оставил себе.

— Хенк, что ты собираешься делать?

Он нервно взглянул на нее:

— Говори тише! Надо сделать запасы, пока не наступил хаос.

Кэрол засмеялась, но смех был невеселый, скорее нервный.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Пойдем, Кэрол. Все это очень серьезно.

И тут она заметила в его глазах испуг. «Я тоже боюсь, — подумала она, — но не до такой же степени». Она взглянула на пустую тележку.

— Нужно брать консервы и разные бутылки, и вообще все, что долго хранится, например пасты, — он говорил шепотом, — все, что не нужно хранить в холодильнике. Набирай столько, сколько сможешь донести до квартиры, и все бери в кредит.

— В кредит? Но у меня есть с собой деньги.

— Прибереги их. Мы наберем в кредит по максимуму. Кто знает: если дело примет дурной оборот, вряд ли компании станут принимать кредитные карточки.

— Почему бы нам тогда не сделать проще, Хенк? — сказала она как можно беспечнее. — Кристеды занимаются также доставкой на дом. Можно все купить и попросить доставить это нам домой. Зачем самим таскать тяжести?

— Тогда все станет ясно, — сказал он, и в его глазах снова появился лихорадочный блеск. — Никто не должен знать, что мы запасаемся продуктами, иначе потом, когда все исчезнет, люди вломятся к нам в квартиру.

Она с изумлением посмотрела на него: он все рассчитал, пока они шли от Пятьдесят седьмой улицы.

— О чем ты думаешь?

— Ты еще скажешь спасибо, когда наступят трудные времена. — Он показал на полки слева: — Иди с этой стороны, а я пойду с той. Встретимся возле кассы. — И он направился в секцию консервов.

Кэрол растерянно наблюдала за ним.

Он просто в шоке, сказала она себе. Слишком много узнал. Сейчас он в смятении и страхе. После событий 1968 года пора бы ко всему привыкнуть, а я не могу. За последние несколько часов вся система ценностей, сложившаяся у Хенка, была разрушена до основания.

Кэрол пошла в секцию, где продавались различные пюре. Хорошо, она ему подыграет. Только бы рассеять его страхи. Она просто обязана это сделать.

Он начал прозревать, уверена. Остается надеяться, что все это продлится недолго. Этот новый Хенк ей не нравился.

Из выпуска новостей Си-эн-эн:

«...Схожие явления происходят на всем земном шаре. Одна страна сменяет другую: гигантские, кажущиеся бездонными трещины футов двести в диаметре появляются одна за другой. Правительства Китая, Вьетнама и Кубы отрицают существование подобных трещин на территориях своих государств, но данные воздушной разведки говорят об обратном. И сейчас каждого мучает один и тот же вопрос: неужели из этих трещин вылетят тучи злобных насекомых, как это случилось прошлой ночью в Манхэттене? И если да, то что можно предпринять, чтобы остановить их?

В Манхэттене полным ходом идут приготовления...»

Джек присел около кассы в магазине спортивных товаров «Ишер-шоп» — одном из немногих в западной части города, где на вывеске слово «шоп» писали с одним «п», и разглядывал сквозь витрину прохожих. Амстердам-авеню вся была залита солнцем. Не чувствовалось только оживления, какое обычно бывает в субботу после обеда.

Казалось, ничего особенного не произошло.

Но на самом деле все стало другим. Просто никто еще не осознавал этого. Джека обуревало желание выбежать на улицу и, хватая каждого встречного за воротник, кричать ему прямо в ухо, что события прошлой ночи — не отдельный несчастный случай или чудовищное недоразумение, что все повторится, а может быть,

случится что-нибудь и похуже. И не позднее, чем нынешним вечером.

Эйб Гроссман, владелец магазина, вышел из подсобного помещения с двумя чашками кофе в руках. Одну он протянул Джеку, после чего тоже сел у касового аппарата. Джек отпил кофе и поморщился:

— Господи, Эйб, когда ты его приготовил?

— Сегодня утром, а что?

— Это же не вино, его не надо выдерживать.

— Так что же, мне его выливать? У меня в подсобке микроволновая печь, а я должен выливать хороший кофе из-за того, что у мастера Джека, видите ли, изысканный вкус?

Стул жалобно заскрипел, когда этот пятидесятилетний, уже сидящий мужчина взгромоздил на него свои две сотни фунтов веса. На Эйбе были обычные брюки со складками на поясе и белая рубашка с черным галстуком. Рубашка и галстук были испачканы яичным желтком и клубничным джемом, палитру красок дополняли аккуратно порезанные кусочки лука, видимо упавшие с сэндвичей, которые принес Джек.

— Ну что? — спросил он, поудобнее устраиваясь на стуле. — Что я тебе говорил все эти годы под аккомпанемент твоих ехидных смешков? Вот и случилось. Крах всей цивилизации. Она рассыпается у нас на глазах, как я и предсказывал.

Именно этого Джек и ожидал. Он знал, что когда расскажет Эйбу обо всем, что ему поведал Глэкен, то непременно выслушает занудную лекцию на тему: «А я тебе говорил...», но рассказать было необходимо. Он был другом Джека, его доверенным человеком и главным поставщиком оружия, пока Джек жил в Нью-Йорке. Кстати, Эйб первый стал называть его мастером Джеком.

— Не хочу обижать тебя, Эйб, но ведь ты предсказывал экономический крах. Твердил о разоряющихся банках, бешеной инфляции и прочем. Помнишь?

— Да, именно это и случилось в Техасе.

— Но сейчас совсем другое дело.

Эйб посмотрел на него, оторвавшись от чашки кофе:

— А твой Глэкен, случайно, не чокнутый? Ты уверен, что все это произойдет?

— Да, — ответил Джек, — уверен.

Эйб помолчал минуту-другую, потом сказал:

— Я тоже верю. Может быть, потому, что постоянно готовил себя к этому — всю свою сознательную жизнь. И если это не произойдет, почувствую себя полным кретином. Но знаешь, что я хочу тебе сказать, Джек? Теперь, когда я знаю, что все это произойдет, для меня это слабое утешение.

— У тебя еще сохранилось то убежище?

— Конечно.

Эйб — самый большой пессимист в мире — готовился к распаду цивилизации еще с середины семидесятых. Много лет назад он рассказал Джеку о своем убежище в сельских районах Пенсильвании, о заросшей сорняками ферме с подземным бункером и огромными запасами воды, оружия и замороженных продуктов. Он приглашал Джека приехать туда, когда всему роду человеческому будет грозить гибель, и даже рассказал, где находится это убежище, — то, чего не знала даже его родная дочь.

— Поезжай туда, Эйб. Уезжай подальше от этого города, подальше от трещины. Если можешь, сегодня.

— Сегодня? Нет, не могу. Может быть, завтра.

— Может быть? Если не сегодня, то завтра обязательно. Что бы ни случилось, Эйб...

— Я вижу, ты и вправду волнуешься. Неужели дела настолько плохи?

— Настолько, что тебе и не снилось. — Джек замолчал и мрачно усмехнулся. — Господи, Эйб! Посидел здесь с тобой полчаса и заговорил, как ты.

— Это потому, что в тебе есть что-то от хамелеона. Значит, говоришь, мне такое и не снилось? Да этого быть не может. Каких только кошмаров я не видел во сне!

— Поверь, Эйб, наяву будет гораздо хуже.

Сцены кровавого побоища на Овечьем Пастбище пронеслись у Джека перед глазами. А теперь трещин стало гораздо больше. Достаточно и двух видов этих тварей, с которыми ему довелось столкнуться про-

шлой ночью, и город погрузится в кошмар. Но Глэкен сказал, что с каждой ночью размеры и злоба этих гнусных существ будут расти. При мысли об этом у Джека даже закружилась голова.

— Хочу попросить тебя об одной услуге.

— Мог бы и не говорить. Приходи завтра сюда с Джией и ее прелестной маленькой дочкой — мы вместе поедem туда, к тем холмам.

— Спасибо, Эйб. — Чувство благодарности переполнило душу этого отчаянного парня. — Для меня это много значит. Но я не поеду с вами.

— Значит, я уеду, а ты останешься здесь?

— Возможно, мне удастся как-то исправить положение.

— Ах да. Ожерелья, о которых ты рассказывал. С ведическими надписями.

— Вот-вот. Надо сделать копии. Я подумываю о Вальте Дюране. Что скажешь?

— Вальт, конечно, мастер отличный. Лучшего не найти. Среди граверов он корифей и мог бы найти применение своим рукам.

— А что с ним случилось?

— Изобретение компьютерных принтеров — вот что случилось. Мастера не могут конкурировать с принтерами.

Джек знал об этом. Высокоточные сканеры и лазерные принтеры за минуту делали то, на что в прежние годы уходили месяцы тяжелого изнурительного труда, когда слепли глаза, а спина почти не разгибалась.

Вальт был человеком необычным, тружеником, какого редко встретишь. Найди он применение своим талантам в ювелирном деле, смог бы, пожалуй, заработать хорошие деньги, и это избавило бы его от тюрьмы. Так или иначе, Джек был рад, что Вальт в трудном положении. Значит, клюнет на приманку и постарается сделать работу быстро, чтобы поскорее получить деньги.

Дело в том, что Вальт обычно работал так же медленно, как и хорошо.

— Ладно, — сказал Эйб. — Итак, что будем делать? У тебя есть план?

Джек допил остатки кофе и поднялся со стула.

— Вот тебе мой совет: заправь свою тачку и поставь на ночь в гараж. После обеда собери вещи и до наступления темноты возвращайся сюда. Ночь пережди здесь, в подвале. *И что бы ни услышал, до рассвета не поднимайся наверх.* Я привезу Джию и Вики сразу после восхода солнца. Идет?

Эйб нахмурился:

— Можно подумать, будто мы катимся с горы.

— Катимся с горы? Да мы просто летим в пропасть.

«О'кей, — думал Джек, пока ехал в своем черном белом «корвейере» в сторону Ист-Сайда, — значит, Вальта можно задействовать. Теперь осталось лишь убедить Джию уехать из города».

Вальт обрадовался подвернувшейся работе. Даже пришел в восторг. Он ютился в крохотной комнатухе у черта на рогах. Джек показал ему эскизы, велел сделать два экземпляра в масштабе один к одному и дал денег на покупку материала. Сначала Вальт категорически отказался закончить работу к понедельнику, но обещанные Джеком десять тысяч долларов сделали свое дело: Вальт согласился. Он постарается уложиться в срок.

Джек нервно выстукивал пальцами по рулю, пока ехал. Нет сомнений, что в понедельник он получит от Вальта готовые ожерелья. Гораздо труднее уговорить Джию уехать с Эйбом. У него слишком мало времени. День уже был на исходе. Но если Глэкен прав и сегодняшний вечер станет еще страшнее вчерашнего, возможно, ему не придется ее убеждать. Это сделают чудища, вылетевшие из трещины.

Джек подъехал к парку посмотреть, как идет расчистка территории, и был поражен. Ограждения для машин, перекрывающие южную часть Центрального парка, все еще оставались на месте, но трупы убрали. Разбитые машины тоже. Мостовые начисто вымыли. Проезд автомобилей был ограничен, но пешеходы проходили свободно. Зеваки всех возрастов расхажи-

вали по аллеям и опушкам парка, чтобы поглядеть собственными глазами на место кровавой драмы, которой узнали из выпуска новостей.

Джек взглянул на часы. Времени оставалось совсем мало, поэтому, несмотря на запрет, он припарковал машину и легкой трусцой направился к Овечьему Пастбищу узнать, что происходит вокруг самой трещины.

Толпа становилась все гуще. Все заглядывали в трещину. Поверх голов Джек смог рассмотреть работающие подъемные краны. Наконец он протиснулся сквозь толпу к дереву, с которого открывался хороший обзор. Потом взобрался на ветку.

С южной стороны трещина была закрыта стальной решеткой. Такую же заслонку рабочие ставили с другой стороны. Джек посмотрел еще какое-то время и спрыгнул на землю.

— Ну как там? — спросил кто-то. Джек обернулся и увидел хорошо одетую молодую парочку с детской коляской. Парень натянуто улыбался.

— Больше половины сделали, — ответил Джек.

Женщина вздохнула и обеими руками вцепилась в руку мужа. Потом с тревогой посмотрела на Джека:

— Как вы думаете, эти твари снова прилетят?

— Можете в этом не сомневаться.

— А ловушки помогут?

Джек пожал плечами:

— Это ведь не единственная трещина.

— Знаю, — откликнулся парень, кивая, — но нас пока больше волнует эта.

Джек перевел взгляд на ребенка в коляске. Года полтора, не больше. Розовощекий, светловолосый малыш улыбался ему.

— У вас есть подвал? — спросил Джек, не отрывая взгляда от этих невинных голубых глаз. — Или какое-нибудь помещение без окон?

— Да, есть. Подвал с котельной.

— Спрячьтесь там после захода солнца. Возьмите с собой все необходимое и не поднимайтесь наверх до рассвета.

Он оторвал взгляд от ребенка и поспешил дальше.

Джия и Вики. Черт возьми, даже если ему придется схватить Джию под мышку и силой запихнуть в машину Эйба, он сделает это. Завтра же они должны уехать из города.

Монро, Лонг-Айленд

Сильвия смотрела, как снуют рабочие по строительным лесам на западной стене Тоад-Холла.

— Думаю, мы успеем закончить, — сказал Руди Снайдер, стоявший здесь же, на асфальтовой дорожке.

Сильвия посмотрела на солнце, клонящееся к закату, и на длинные тени на земле. День закончился очень быстро. Как будто приближалась зима, а не лето.

— Вы обещали мне, Руди, — сказала она. Сегодня с утра они с Аланом обзвонили все Северное побережье и в конце концов остановили выбор на Руди из Глен-Коув. — Вы дали слово, что до заката сделаете ставни на все окна. Надеюсь, вы его сдержите?

Она нервно сжала руки в кулаки. Такого кошмара, как прошлой ночью, она больше не вынесет.

— Деваться некуда, миссис Нэш, — сказал Руди, высокий полный человек с русыми волосами и мясистым носом с синими прожилками. На нем была кепка с большим козырьком и надписью «Гиганты». Он отдавал команды бригаде, стоя на земле. — Поставить мы их поставим, как я и обещал, но натянуть проволоку на всех не успеем.

— Проволока меня сейчас не волнует. Завтра натянете. Главное — ставни. Подгоните их и опустите на окна.

— Вы в самом деле считаете, что это необходимо?

Она посмотрела на него, потом отвела глаз. Руди думает, что она со странностями и придает слишком большое значение всяким ужасным событиям, случившимся за пределами их городка.

— Вы видели застрявшие в наружной стене маленькие зубы?

— Я же не говорю, что прошлой ночью ничего не случилось. Но вы думаете, они опять прилетят?

— К сожалению, я в этом уверена. Тем более, что им теперь не нужно лететь сюда от Центрального парка.

— Вы имеете в виду трещину, которая открылась сегодня утром на Устричной Отмели? А как вы считаете, что вообще происходит?

— Вы разве не знаете? Близится конец света.

По крайней мере для меня.

Руди натянуто улыбнулся:

— Нет, я серьезно.

— Пожалуйста, сделайте все сегодня, — сказала она. Ей не очень хотелось говорить о своих страхах. — Закройте поплотнее ставни. Я заплачу вам столько, сколько обещала.

— Мы все сделаем. — Он быстро отошел и стал покрикивать на рабочих, чтобы пошевеливались.

Сильвия со вздохом взглянула на Тоад-Холл. Это здание старинной постройки потеряет из-за стальных ставней черты элегантности. Зато ставни из прочнейшей, самой лучшей стали и плотно закрываются. Днем их можно было сворачивать и убирать в цилиндрические футляры, расположенные над окнами, а после заката опускать с помощью устройства, приделанного к оконным рамам. Сегодня ставни придется опускать вручную, но завтра, после того как натянут проволоку, Сильвия сможет сворачивать и разворачивать их одним движением руки. Эта система была изобретена, чтобы защищаться от ветров ураганной силы. Вечером им предстоит противостоять стихийному бедствию другого рода. Она молила Бога, чтобы ставни защитили их.

— С задней стороны дома ставни уже сделаны, — сказал Алан, подъезжая в своем кресле. — Сейчас рабочие придут сюда помочь.

Он проследил за взглядом Сильвии, с грустью наблюдавшей, как улетучивается дух старины, присутствующий Тоад-Холлу.

— Какой позор, правда?

Сильвия улыбнулась. Ей было приятно, что они все еще способны читать мысли друг друга, даже после того, как возвращались из города в неловком молчании.

Натянутость усилилась, когда Алан рассказал ей про парня, сказавшего, когда они уходили: *«Только трое из вас вернутся»*. Что за ужасные вещи он говорит!

— У меня такое чувство, будто я становлюсь очевидцем конца целой эпохи.

— Возможно, это станет завершением чего-то большего, чем эпоха, — сказал Алан.

Сильвия вся напряглась. Она знала, куда клонит Алан, но ей не хотелось продолжать этот разговор. Она просто боялась его, с того самого момента, когда они вышли из квартиры Глэкена.

— Объясни, Сильвия, чем ты так возмущена?

— Я не возмущена.

— Ты как натянутая струна.

Она промолчала и про себя подумала: «Да, я сейчас на взводе, но никакой злости я не испытываю. Даже обидно, потому что я знаю, как использовать свою злость».

— Что ты думаешь об этом, Сильвия? — спросил наконец Алан.

Значит, ты не отступишь.

— О Глэкене. О том, что он сказал утром.

— С утра у меня не было времени, чтобы размышлять, тем более о бреднях этого старика.

— А я верю ему, — заявил Алан. — И ты сама тоже веришь. Я прочел это в твоих глазах, когда ты его слушала. Чувь ты слушаешь совсем с другим выражением лица. Почему ты не хочешь в этом признаться?

— Ну ладно. Я верю ему. Теперь ты доволен? — сказала она, плотно сжав губы, и тут же пожалела.

Но Алану последняя фраза понравилась.

— Вот и хорошо. Теперь, наконец, мы сможем договориться. Еще один вопрос: если ты поверила ему, то почему ушла?

— Потому что не доверяю ему. Ты неправильно меня понял, — добавила она поспешно. — Я вовсе не думаю, что он лжет. Нет, он вполне откровенен. Я просто не верю, что он способен повлиять на ход событий, как он сам в это верит. Или хочет верить.

— Может, и так, а может, и нет. Он хотел, чтобы все мы, а главное — ты, восприняли то, что он гово-

рил, но это оказалось для нас невозможным из-за всех этих поистине невероятных для миллионов людей событий, иначе мы, возможно, поверили бы.

— *Дат-тай-вао*, — сказала Сильвия.

— Да. Если он утверждает, что *Дат-тай-вао* ему нужно, чтобы закрыть эти трещины и не допустить вечной ночи, когда эти проклятые монстры терзают нашу планету, зачем ты прячешь от него Джеффи? Ведь самому Джеффи не нужно *Дат-тай-вао*.

— Откуда ты знаешь?

— Разве оно улучшило чью-либо жизнь? Посмотри на Уолтера Эрскина, посмотри, наконец, на меня. Вспомни слова из старой песни о том, кто способен творить чудеса волшебным прикосновением: «...оно поддерживает равновесие, которое может быть нарушено...»

— Но *Дат-тай-вао* до сих пор не причинило Джеффи вреда.

— Только потому, что он пока не использовал эту силу — пока. У него просто не было такой возможности. Но что, если он обнаружит ее в себе и захочет применить?

Ну вот, началось. Она почувствовала, как внутри все закипает, приближаясь к той критической точке, когда она теряет над собой контроль.

— А что, если у Джеффи с *Дат-тай-вао* особые отношения, не такие, как у других? — спросила она.

Алан с недоумением посмотрел на нее:

— Я не...

— Что, если *Дат-тай-вао* сохраняет Джеффи таким, какой он сейчас? — Она тщетно старалась подавить в голосе дрожь. — Что, если именно по этой причине он стал восприимчивым, контактным, веселым? Поет, читает, играет с другими детьми, словом, превратился в совершенно нормального мальчика. А теперь этот старик хочет забрать *Дат-тай-вао* для своего фокусирующего устройства или чего-то еще. Не вернется ли тогда Джеффи в свое прежнее состояние, Алан? — Теперь уже не только голос дрожал у Сильвии, она сама дрожала всем телом. Тряслись руки, колени. — Алан, что, если он опять заболит аутизмом? — Сильвия закрыла

лицо руками, стараясь задержать льющиеся слезы. — Господи, Алан, мне так стыдно! — И вдруг она почувствовала, что кто-то стоит и обнимает ее сзади за плечи, прижимая к себе. — Алан! Ты встал на ноги!

— Боюсь, что не очень прочно. Но дело не в этом. Все утро я смотрел на тебя и никак не мог понять, что творится у тебя в душе. Не мог понять, как ты напугана! Какой же я болван!

— Но встал на ноги!

— Ты ведь и раньше видела, как я это делал.

— Да, но раньше ты опирался на параллельные бруссы.

— А сейчас опираюсь на тебя. Я не мог больше сидеть и смотреть, как ты мучаешься, слушать всю эту чушь о том, как тебе стыдно.

— Но мне действительно стыдно. — Она билась в его руках, все крепче прижимаясь к нему. — Если Глэкен прав, то весь наш мир под угрозой, миллионы людей в опасности, а меня беспокоит только один мальчик. По мне — так пусть лучше этот мир разлетится вдребезги, лишь бы малыш остался невредим.

— Но ведь это не просто мальчик. Это Джеффи, твой малыш, мальчик, важнее которого нет ничего в целом мире. Не стыдись того, что для тебя он на первом месте, — так и должно быть. Это его законное место.

— Но ведь речь идет о судьбе целой планеты, Алан. Как же я могу сказать «нет»? — Сильвия почувствовала, что ее снова охватила паника. — И как могу я сказать «да»?

— Мне бы очень хотелось дать тебе совет, Сильвия, но я сейчас не могу. Ты должна все взвесить. Допустим, Глэкен прав. И тогда, если он не сможет заполучить *Дат-тай-вао* для своего фокусирующего устройства, Джеффи не выжить, как и всем остальным. Неизвестно, сможет ли он извлечь *Дат-тай-вао* из Джеффи, не навредив ему. Но если благодаря Глэкену мы избавимся от всего этого ужаса, Джеффи будет жить в более безопасном мире.

— А если Джеффи вновь погрузится в аутическое состояние?

— Здесь существуют две вероятности: Глэкен побеждает, а Джеффи возвращается в свое прежнее состояние, в котором пребывал несколько лет назад. Мы пытаемся лечить его и надеемся на прорыв в той области медицины, которая занимается аутизмом. Или Глэкен терпит неудачу несмотря на то, что мы принесли Джеффи в жертву.

— Тогда жертва будет напрасна.

— Вовсе нет. По крайней мере, состояние аутизма защитит мальчика от того кошмара, который предсказывал Глэкен. Может, это и к лучшему.

Сильвия еще плотнее прижалась к Алану:

— Как бы я хотела, чтобы на моем месте сейчас оказался кто-то другой!

— Знаю. Хуже всего, что он еще недостаточно взрослый, чтобы самому решить свою судьбу.

Вдруг Сильвия почувствовала, что по телу Алана прошла судорога. Взглянула вниз и увидела, что у него трясется левая нога. Потом ногу стало дергать. Алан попытался унять дрожь рукой, но как только убрал руку, нога снова стала дрожать. Алан улыбнулся:

— Я чувствую себя как Роберт Клейн, проделывающий свой старый трюк, — не могу остановить свою ногу.

— Что с тобой?

— Спазмы. Они начинаются, когда я слишком долго стою на ногах. Обычно это происходит с обеими ногами, но сейчас только с левой. Если у меня не получается как у Роберта Клейна, может быть, получится как у Элвиса?

— Перестань! Элвиса больше никто не слушает.

— А я слушаю. Но только его доармейские вещи.

Сильвия улыбнулась. Алан тряхнул стариной. После комы один из видов терапии заключался в том, чтобы восстановить его коллекцию ду-воп. Это давало фантастические результаты по восстановлению памяти.

— Садись скорее!

Он с облегчением опустился в кресло, и нога сразу перестала дергаться.

— Ох, — сказал Алан, похлопав себя по ноге, — начинается моя новая жизнь.

Сильвия наклонилась к нему, обвила рукой его шею.

— Я говорила, что люблю тебя?

— Сегодня еще не говорила.

— Я люблю тебя, Алан. И спасибо тебе.

— За что?

— За то, что ты поднялся на ноги и стал мне опорой, когда я так в этом нуждалась. И еще за то, что все мне объяснил. Кажется, я знаю, что делать дальше.

— Миссис?

Это был голос Ба, и Сильвия обернулась. Сейчас ей было досадно, что он вошел бесшумно, как кошка. Ба стоял перед ней, сжимая в руке новую битую, которую он смастерил взамен той, что подарил Джеку. Она тоже была утыкана крошечными зубами, похожими на алмазы.

— Слушаю вас, Ба.

— А где мальчик?

Сильвия задохнулась, будто ей сдавила горло чья-то железная рука.

— Я думала, он с вами.

— Сначала он был со мной в гараже, потом захотел выйти на воздух. Я знал, что миссис и доктор не-подалеку, так что... — Ба понизил голос и стал осматривать участок.

— А может быть, он на заднем дворе?

Сильвия бросилась на задний двор. Она никогда не отпускала Джеффи одного к воде. Его преследовал один и тот же кошмар: они обшаривают дно залива в поисках его тела...

— Нет, миссис. Я видел, как он побежал к фасаду.

— Может быть, он в доме?

— Его там нет, миссис.

Сильвии показалось, что на нее наплзают длинные тени. Солнце уже превратилось в раскаленный шар и просвечивало сквозь ивы, собираясь исчезнуть за западной стеной. Беспокойство женщины постепенно переросло в панику. Казалось, невидимые пальцы, схватившие ее за горло, сжимаются все сильнее. По лужайке к ней приближался Руди.

— Мы закончили, — сказал он, улыбаясь.

— Вы не видели Джеффи? — спросила она. — Моего малыша?

— Такого светловолосого? Видели, но давно, несколько часов назад. Правда, в это время мы были заняты лишь одним — как бы вовремя закончить работу. А теперь, что касается денег...

— Я заплачу вам все, но только завтра. Сейчас нам нужно найти Джеффи.

Алан сказал:

— Я осмотрю все места около воды, а вы, Ба, посмотрите в кустах вдоль стены. Сильвия, ты не хочешь проверить дорогу?

Алан и Ба направились каждый в свою сторону. Сильвия поспешила по дороге, ведущей к воротам. Она выбежала на улицу и остановилась, озираясь по сторонам и стараясь рассмотреть хоть что-нибудь в тусклом свете.

Какой дорогой он мог пойти?

Прибрежная дорога повторяла все изгибы залива, поворачивая на восток, в центральную часть города, и ответвляясь на запад, в сторону Латтингтауна и Глен-Коув. По какому-то наитию она пошла на восток, так что луна — светящийся в предзакатной полутьме диск — все время была впереди. Излюбленными местами Джеффи были магазины игрушек и видеосалоны вдоль пристани. Если он вышел на прибрежное шоссе, то наверняка пошел в эту сторону. Сделав несколько шагов, Сильвия остановилась в нерешительности.

«Попробую поставить себя на место Джеффи. Куда бы я пошла?»

Она медленно обернулась и посмотрела на второй возможный путь. В ту сторону, где солнце заходило за горизонт. В ту сторону, где находился Манхэттен.

Манхэттен... Там живет Глэкен... Вот куда устремились Джеффи и сила, живущая в нем...

И Сильвия побежала в западном направлении. Сердце бешено колотилось, казалось, вот-вот выскочит из груди, будто человек, страдающий клаустрофобией, из тюремной камеры. Она внимательно изучала дорогу по обеим сторонам и прилегающее к ней пространство. Обширные земельные участки, тянущиеся

вдоль побережья не были огорожены, как Тоад-Холл. От дороги их отделяли кусты, и Джеффи мог погнаться за какой-нибудь птичкой или за белкой и незаметно забрести на один из этих участков.

Он мог быть где угодно. Она замедлила шаг. Во что бы то ни стало нужно его найти. Слева притормозил красный грузовик. Из окна высунулся Руди. Пока рабочие объезжали его на своих автомобилях, он подкатил к Сильвии и спросил:

— Вы что-нибудь узнали о мальчике?

Сильвия покачала головой:

— Нет. На всякий случай имейте в виду, что он светловолосый и зовут его Джеффи. Если встретится по дороге...

— Конечно, я отвезу его домой. Удачи вам.

Руди поехал дальше, а Сильвия продолжила поиски, все чаще поглядывая на быстро исчезающее за горизонтом солнце. Оно зашло раньше, чем она успела пройти квартал.

Господи. Господи, думала она, солнце зашло. Наверняка эти страшные насекомые уже вылетели из новой трещины, появившейся на Устричной Отмели, и направляются сюда.

Если прямо сейчас она не приведет Джеффи домой, они растерзают его на куски. То же самое может случиться и с ней, если она задержится.

Что же делать?

Из передачи радио FM-диапазона:

«Итак, официально подтверждено сообщение: солнце зашло в 18.44, раньше на час и тридцать девять минут, чем положено. Советую вам поспешить домой и настроиться на вашу любимую старую радиостанцию».

Манхэттен

Из лифта Кэрол покатила наполненную доверху двухколесную тележку в коридор. В ней лежало столько консервов и пюре, сколько можно было увезти. Плюс еще вода. Но сегодня Кэрол никуда больше не пойдет. Уже темнеет.

К тому же она сильно устала. Она не привыкла к таким походам в магазин, но с физической усталостью могла легко справиться. Она старалась держаться в хорошей форме, регулярно занималась гимнастикой, соблюдала диету и в свои пятьдесят выглядела моложе некоторых тридцатилетних, сохранив стройность и изящество. И сейчас она ощущала не столько физическую, сколько моральную усталость, как при стрессе.

А стрессовых ситуаций за сегодняшний день было немало.

Она надеялась, что Хенк уже дома. Не в его характере оставаться на улице после наступления темноты, но в этот день в его поведении появилось что-то маниакальное. Никогда раньше она не видела его таким. Он без конца сновал туда-сюда с пятилитровыми канистрами воды, коробками батареек, газовыми баллонами для плиты, а главное, с едой. Кэрол теперь всякий раз подходила к дверям с опаской.

Но сегодня ей не пришлось открывать. Дверь открылась, еще когда она шла через коридор. Напряженное выражение на лице Хенка сменилось улыбкой.

— Слава богу! — воскликнул он. — А я уже стал беспокоиться. — Он вышел в коридор и сам покатил ее тележку. — Проходи. Посмотри, что я приобрел во время последнего захода.

Он обнял ее и закрыл дверь. Кэрол остановилась и стала разглядывать комнату. Ее с трудом можно было узнать: коробки с консервами стояли штабелями вдоль стен. Комната больше походила на склад, чем на жилое помещение.

— Хенк, что это?

— Мне пришла в голову прекрасная мысль, — сказал он, сияя. — Сразу после твоего ухода. Зачем мелочиться? И я решил поехать на склад. Взял напрокат фургон, нашел оптовика и запасаюсь как следует. Привез все это сюда и поднял наверх вот этой штукой. — Он потрогал рукой прислоненную к стене ручную тележку. — Но это еще не все. — Он направился в другую комнату. — Сейчас я тебе покажу.

— Хенк, неужели и в спальне то же самое? — Ее покорило при мысли о том, что придется спать среди коробок с макаронами.

Хенк тотчас же вернулся, неся в каждой руке по увесистому рюкзаку.

— Не знаю, куда их спрятать, — сказал он, поставив рюкзаки на пол. При этом внутри что-то звякнуло. — Каждый футов на пятьдесят тянет.

— А что в них?

— Четыре тысячи серебряных монет, отчеканенных до 1964 года. Чистое серебро. Я купил их за шесть «штук» в магазине нумизматов на Пятьдесят шестой авеню. И представь, взял их в кредит! Расплатился кредитными карточками! — Глаза его горели.

— Хенк, а нам это по карману?

— Конечно. Мы просто обязаны были все это купить. Сумма не имеет никакого значения. Кто станет принимать кредитные карточки, когда наступает вечная темнота и все рушится? Серебряные монеты будут цениться как золото, как бриллианты. Я тебе уже говорил: если сбудутся предсказания Глэксена, бумажные деньги ничего не будут стоить. Тогда каждая монета будет все равно что сейчас пятьдесят долларов. Золото, серебро, драгоценные камни полностью заменят выпускаемые государством бумажки. Но знаешь, что будет дороже любого металла? Продукты, Кэрл. Золотом и серебром не наешься. Человек с набитой продуктами кладовой будет чувствовать себя королем. У нас уже есть огромные запасы еды, а завтра они увеличатся.

Кэрл с изумлением смотрела на своего обычно спокойного, уравновешенного мужа.

— Хенк, ты в порядке?

— Как никогда, Кэрл. Мне кажется, я покорию весь мир. Ты же знаешь, всю жизнь я гнул спину за каждый лишний цент в моем кармане и только смотрел, как другие вкладывают деньги в рынок ценных бумаг, в акции или в облигации и добиваются грандиозного успеха. Все, кроме меня. Если я пытался делать то же самое, то либо опаздывал, либо вкладывал совсем незначительные суммы. И обстоятельства всегда складывались не в мою пользу. Но теперь

все будет по-другому. Настал мой час. Я наконец добьюсь своего. — Он окинул взглядом запасы еды. — Кэрол, я знаю, что такое голод и не хочу больше голодать.

— Разве ты когда-нибудь голодал?

— Голодал? — Он пристально посмотрел на нее. — Я ничего про это не говорил.

— Нет, ты сказал. Сказал, что не хочешь больше голодать.

— Неужели? — Он присел на коробки с консервированной свиной с бобами «Кэмпбел», уставившись в пол. — Я уже перестал себя слышать.

Кэрол подошла и положила руку ему на плечо. Маниакальный блеск в его глазах стал пропадать. Надо вывести его из этого состояния.

— Зато я тебя слышу. Что ты имел в виду? Когда ты мог голодать?

Он вздохнул:

— В детстве. Мне было тогда семь лет. Мой отец был механиком по высокоточным станкам. После войны, когда стали сворачивать оборонную промышленность, он остался без работы, как и остальные механики. Но многие нашли себе другую работу. Многие, но не отец. Он был механиком, и никакая другая работа его не устраивала. Мы тогда долго сидели без денег. Все, что я помню из того периода жизни, — это голод. Постоянное чувство голода.

— Но ведь существовали всякие пособия, фонды социальной помощи...

— Я в этом не разбирался. Ведь мне было всего семь лет. Потом уже я узнал, что отец и слышать не хотел о том, чтобы «жить с протянутой рукой», как он это называл. А в то время я знал лишь, что хочу есть, а еды недостаточно. Я ложился голодным, просыпался голодным. В общем, чувство голода ни на минуту не покидало меня. В школе я воровал завтраки у других ребят. И еще мне запомнилось чувство страха. Я боялся, что все мы умрем от голода. В конце концов отец нашел работу, и мы могли есть досыта. — Хенк медленно покачал головой. — Но, скажу тебе, мы пережили страшное время.

Кэрол погладила его по плечу, провела рукой по седеющим волосам, стараясь представить себе Хенка голодным, испуганным мальчиком. Только теперь она поняла, как мало знала о человеке, за которого вышла замуж.

— Ты никогда не рассказывал мне об этом.

— Честно говоря, не хотел вспоминать, хотел вычеркнуть эти годы из памяти. Худшие годы в моей жизни. Не помню, когда последний раз думал об этом.

— Может быть, ты упрятал эти воспоминания не так глубоко, как тебе казалось? Оглянись вокруг, Хенк.

Он посмотрел на стеллажи, заставленные продуктами. Затем поднялся.

— Это совсем другое дело, Кэрол. Я сделал это просто для того, чтобы выжить. Мы вкладываем деньги в наше будущее.

— Хенк...

— Знаешь, что я должен сделать? Провести инвентаризацию. Да. Составить список того, что у нас есть. А завтра восполним пробелы.

— Хенк, а разве мы не будем обедать?

Он посмотрел на нее:

— Хорошая мысль. Я, пожалуй, проголодался. Только возьми скоропортящиеся продукты. Мы их прикончим в первую очередь. Консервы пока не трогай.

Кэрол в растерянности смотрела, как Хенк с карандашом и блокнотом в руках расхаживает по квартире, составляя список продуктов. Что случилось с ее надежным, разумным Хенком? Она вдруг почувствовала себя одинокой, хотя муж был в каких-то нескольких футах от нее. Одинокой в обществе незнакомого ей маньяка.

4. КРЫЛЬЯ В НОЧИ

— Вот они!

Билл Райан навел бинокль на трещину на Овечьем Пастбище. Великолепный полевой бинокль. Люди внизу казались в пределах досягаемости. Но сейчас они мало интересовали его.

— Как раз вовремя, — сказал Глэкен, стоявший у него за спиной.

Билл видел, как, трепеща крыльями, насекомые скапливаются под стальной решеткой, закрывающей трещину, и напирают на нее. Им противостояла команда ликвидаторов, облаченных в тяжелые защитные костюмы и маски. В руках они держали шланги, подведенные к цистернам с насосами высокого давления. По какому-то невидимому сигналу все шланги пришли в действие, разбрызгивая жидкость золотистого цвета.

— Что они распыляют? — спросил Глэкен.

— Похоже, какой-то инсектицид.

Глэкен что-то сердито пробормотал и отвернулся.

— Никакие яды не причинят вреда этим существам. Было бы намного лучше, если бы они попробовали бензин и спички. — Он включил телевизор. — Все это показывают. Отсюда даже лучше видно.

Билл подвинулся поближе к телевизору и стал смотреть прямой телерепортаж. Глэкен оказался прав. При показе с близкого расстояния было видно, что инсектициды не оказывают ни малейшего воздействия на насекомых, которых становится все больше под стальной решеткой. Они намокали — и этим дело ограничивалось. Он обернулся, чтобы посмотреть на Ника. Тот сидел на кровати, уставившись в стену.

— Как вы считаете, решетка выдержит всю ночь? — спросил Билл.

— Это не важно, — сказал Глэкен с мрачной уверенностью.

Билл покачал головой. Возможно, в таком пессимистическом подходе было больше реализма, но он не мог погасить в себе проблеск надежды, появившийся, когда увидел, что эти чудовища из трещины оказались в ловушке, попав за стальную решетку.

— Почему не важно? Мы ведь их поймали.

— Все равно остаются еще трещины в Куинсе, Стейтен-Айленде и на Лонг-Айленде. Они извергнут тех же самых насекомых.

— Потом мы справимся и с ними.

— А на смену им придут твари покрупнее, — сказал Глэкен. — Эти маленькие насекомые вылетели

первыми, потому что они самые быстрые. За ними появятся более медлительные. Потом наступит время ползающих гадюк.

Ползающие... От одного этого слова у Билла по телу забегали мурашки.

— Значит, они лишь выиграют время, — уныло произнес Билл, снова теряя надежду.

— Ничего они не выиграют. Сейчас готовится кое-что. Левиафаны уже на подходе.

Билл хотел расспросить про это поподробнее, как вдруг услышал доносившийся из парка вой, настолько громкий, что его было слышно через закрытые окна. На экране он увидел, как ликвидаторы и все, кто наблюдал за ними, попятились назад. Струи из шлангов теперь хлестали им прямо в лица.

— Что-то случилось.

Он снова повернулся к окну с биноклем. Внизу, на Овечьем Пастбище, свирепствовал ветер ураганной силы, вырывавшийся из трещины. Он швырял насекомых на решетку, заставляя ее выгибаться кверху.

— Такое впечатление, будто трещина хочет слудть с себя эту крышку.

Глэкен подошел к нему сзади.

— Нет, — сказал он мягко, — кто-то идет. Кто-то очень большой.

Билл снова прильнул к биноклю, а между тем ветер выл все громче. Ликвидаторы снова развернули свои шланги, но продолжали пятиться назад. Он взглядел, что часть стальных опор, на которых держалась решетка, уже вырвана из земли. Край решетки стал раскачиваться, и целая туча насекомых вылетела на поверхность. На Овечьем Пастбище началась страшная паника.

— Большой? — переспросил Билл. — Кто?

И тут это случилось. Что-то вырвалось наружу из трещины. Что-то не просто большое. Что-то чудовищно большое, заполнившее собой всю трещину диаметром двести футов, что-то темное, настолько темное, как дно Марианской впадины. Оно прошло сквозь стальную решетку, словно скорый поезд че-

рез паутину, и продолжало подниматься вверх — чудовищное нагромождение чего-то продолжало разворачиваться в ночном небе во всю свою чудовищную длину.

Билл опустил бинокль и наблюдал, как чудовище вылезло из трещины и стало подниматься вверх. Онемевший от ужаса, он следил за его движениями, прижавшись лицом к оконному стеклу, пытаясь представить, в какой момент оно потеряет равновесие и опрокинется на землю, с ужасом думая, что случится с городом, если на него упадет нечто размером с неболышой небоскреб.

Постепенно оно замедлило свое движение вверх и наконец остановилось. На какой-то момент застыло неподвижно — гигантская колонна, вертикально зависшая в воздухе. Потом накренилось и начало падать на землю, все время изменяясь. Огромные крылья, похожие на полотнища флагов, развернулись в небе, загораживая звезды, занимая собой большую часть неба. Расположившись горизонтально, чудовище плавно поплыло в воздухе. Пролетев над парком, оно взяло восточное направление и исчезло из вида.

Потрясенный, Билл обернулся к Глэкену:

— Это и есть левиафан, о котором вы говорили?

Глэкен кивнул:

— Да, один из них. Потом придут другие.

— Но как собирается эта тварь пролезть обратно в трещину перед восходом солнца?

— А ей это не нужно. Она может перемещаться по небу, все время оставаясь в полосе ночи, опережая восход солнца. А в дневное время может прятаться в грозовых тучах. — Он посмотрел на звезды. — Вы знакомы с расположением созвездий?

— Не очень. Если только с ковшом Медведицы.

— А я знаком. Оно изменилось. Сегодня звезды уже не те, что были прошлой ночью.

Снаружи вновь раздалось завывание, исходившее из трещины.

— Вот и еще одно чудовище, — сказал Глэкен.

Одна часть существа Билла очень хотела сейчас задернуть шторы, выключить телевизор и заползти под

кровать. Но другая не могла оторваться от страшного зрелища. Билл пододвинул стул к окну и с любопытством, смешанным со страхом, стал ждать, что будет дальше.

Из сообщений радио АМ-диапазона:

«Поступают сообщения из многих районов земного шара, особенно из Европы, о том, что ночь там приходит на несколько часов раньше, чем у нас. Все возникшие за последнее время трещины выбрасывают на поверхность тучи насекомых, подобных тем, которые причинили столько бедствий нашему городу прошлой ночью. Репортеры сообщают, что появились еще два вида насекомых, кроме тех, что мы видели здесь. Согласно некоторым местным репортажам, нашествие насекомых особенно заметно на Лонг-Айленде».

Монро, Лонг-Айленд

Дрожа всем телом, Сильвия торопливо шла в сгущающихся сумерках и громко, во всю силу своих легких, звала Джеффи. Но лишь слабое эхо вторило ее голосу. Она задыхалась от напряжения.

Внезапно впереди промчался красный грузовик. Руди и... Господи, кем же еще мог быть этот светловолосый мальчик, высунувшийся из пассажирского окна! Сильвию, когда она бросилась вперед, чуть не сбила машина, притормозившая у обочины.

— Надеюсь, это он, миссис Нэш? — сказал, усмехаясь, Руди, вылезая из кабины и направляясь к капоту. — Иначе меня привлекут к ответственности за похищение ребенка.

— Да, это он, — сказала Сильвия, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги и слезы облегчения подступают к горлу. Она распахнула дверцу и протянула руки к Джеффи. — Я даже не знаю, как вас благодарить.

— Он шел вниз по дороге с таким видом, будто спешил по очень важному делу.

Сильвия обняла мальчика, прижала к себе:

— О, Джеффи, как ты меня напугал!

— Я хочу к Глэкену, — сказал он.

— Мы не можем поехать к нему прямо сейчас, мой дорогой. Нам надо торопиться домой, чтобы скрыться от этих зубастых жуков.

— Но я нужен Глэкену...

Сильвия еще крепче сжала его руку. Было что-то странное в том, как мальчик тянулся к этому старику.

Руди расхохотался:

— Ох уж эти дети! И что с ними делать? А кто такой Глэкен? Его маленький приятель? Уж очень, видно, ему приспичило увидеться с ним. Ей-богу, я еле запихнул его в грузовик. Думал, вы воспитали в нем...

В этот момент что-то зажужжало рядом с ними. Руди отпрянул назад:

— Что это, черт возьми?

Сильвия съежилась от страха и прижала Джеффи к себе.

— Мамочка, это зубастый жук! — завопил мальчик.

Еще одно насекомое подлетело к ним. Руди увернулся, но недостаточно проворно. Жук сдвинул его кепку набок. Он снял кепку и остолбенел, увидев, что от нее оторван кусок.

— О господи!

— Джеффи, бежим! — закричала Сильвия. — Нам нужно скорее вернуться домой!

Но прежде чем они тронулись с места, Руди схватил ее за руку:

— Полезайте ко мне в грузовик. Я отвезу вас.

Сильвия затолкала Джеффи в кабину грузовика с включенным двигателем, залезла сама, захлопнула дверь и подняла стекло. Руди запрыгнул на водительское сиденье и нажал на газ. Машина тронулась.

— Поплотнее закройте окно, Руди.

Руди ответил с улыбкой:

— Это стекло не поднимается.

— Тогда на ночь вам лучше остаться у нас.

— Вот еще! Чтобы из-за каких-то несчастных жуков я не вернулся домой? Да будь они хоть самыми огромными в мире — что в них страшного, черт побери?

Он немного сбавил скорость. Они уже подъезжали к Тоад-Холлу, когда заметили какую-то колышущуюся поперек шоссе массу. Скопление чего-то непонятного. Эти существа напомнили Сильвии шарообразных жуков, с которыми ей пришлось столкнуться прошлой ночью, но эти были намного крупнее — каждый величиной с футбольный мяч. Они колыхались в воздухе, словно воздушные шары. Сбоку у них были крылья, двойные, как у дракона; спереди длинные серые усики. Они чем-то напоминали португальские пиратские корабли, взлетевшие в воздух.

Руди свернул направо, стараясь объехать этот рой насекомых, но твари метнулись вслед за грузовиком. Правое переднее колесо соскочило на обочину. Сильвия и Джеффи подскочили на сиденьях, и машину вынесло прямо на насекомых.

Машина буквально врезалась в них, с шумом порвались мешочки, крылья сломались, и брызнула серая жидкость.

— Вот так, — кричал Руди, — сейчас я им покажу!

Он включил дворники, но они не сдвинулись с места из-за застрявших в них раздавленных насекомых.

— Проклятие, — выругался он, — ничего не видно!

Он перевел грузовик на самую медленную скорость и, высунув руку в окно, дотянулся до переднего стекла.

— Нет! — кричала Сильвия. — Руди, не надо!

Вопль Руди заглушил ее собственный крик. Он отдернул руку, но к ней уже прилипли серые хоботки. Они извивались, сворачивались кольцами, ползли по руке к плечу Руди, тянулись к его лицу. С такого близкого расстояния Сильвия рассмотрела, что у этих полупрозрачных жуков есть щупальца с присосками, как у осьминога, с той лишь разницей, что по краям каждой присоски росли зубы, а внутри виднелся язычок. Зубы вгрызались в тело, а язычки слизывали сочившуюся кровь. Руди посмотрел на Сильвию широко раскрытыми от боли и ужаса глазами. Приоткрыл рот — то ли хотел что-то сказать, то ли просто кричать. Сильвия так и не узнала этого, потому что целый рой насекомых хлынул в кабину. Жуки облепили его голову, залезали в рот, в нос. Она в послед-

ний раз увидела его выпученные глаза, когда его, отбивающегося, выволокли из окна машины.

Крик ужаса, который издал Джеффи, смешался с ее собственным, грузовик замер на месте. Сильвия рванула на себя ручку и ударила по дверце ногой. Когда дверца распахнулась, с крыши посыпались сплетения щупальцев и сломанные крылья. Пролетая мимо, щупальца попытались вцепиться в нее, но она вовремя увернулась. Схватив за руку Джеффи, она вместе с ним выпрыгнула из машины, и они укрылись за передним колесом.

Ночной воздух просто кишел насекомыми, тонкий писк крыльев раздавался повсюду. Они вихрем проносились над грузовиком.

Сильвия осторожно приподнялась, чтобы посмотреть, что стало с Руди. Она похолодела при виде огромной бесформенной колышущейся массы, медленно поднимающейся вверх с другой стороны капота. Дюжина, а может быть и больше, стервятников сцепившихся вместе, с хлопающими друг о друга мешочками, с щупальцами, обвивающими...

Сильвия бессильно застонала, когда заметила ботинки Руди и ноги в джинсах, высовывающиеся из этого клубка, — его ступни зависли в трех-четырех футах от земли. Голова и туловище скрылись в этом жадном клубке щупалец. Пока она наблюдала за всем этим, ноги Руди дернулись, потом еще раз и, наконец, застыли, безжизненно повиснув в воздухе.

Руди! О господи! Бедный Руди!

Колыхаясь на ветру, бесформенная масса медленно поползла по освещенной фонарями улице.

Сильвия лихорадочно озиралась по сторонам в поисках убежища, раздумывая, не лучше ли им снова укрыться в кабине грузовика. В темноте можно было различить стену Тоад-Холла. Всего каких-то двести футов отделяли их от металлических ворот, еще не закрытых.

Джеффи так и лежал ничком, спрятавшись за переднее колесо. Она рывком поставила его на ноги и подтолкнула вперед:

— Беги, Джеффи! Беги к стене!

Наклонившись над ним, прикрывая его как щит, она подталкивала его, заставляя бежать вперед, через улицу, а потом к воротам, держась ближе к стене. Шарообразные и зубастые жуки летали вокруг, появилась и еще одна разновидность, тоже шарообразные, но с головой, напоминающей острие копья. Почти все они летели в направлении Тоад-Холла. Очевидно, в тени, отбрасываемой стеной, насекомые не видели Сильвию и Джеффи.

Но стоит им добраться до ворот, положение изменится. Особенно когда придется бежать от ворот до плакучих ив по хорошо просматриваемому участку. Но не надо сейчас думать об этом. Потом, когда настанет этот момент, она найдет какой-нибудь выход. Сначала нужно дойти до ворот.

Боковым зрением она заметила какое-то шевеление и посмотрела вправо. Три «корабля» летели по противоположной стороне улицы с какой-то своеобразной грацией, грацией убийц, алчно вытягивая и сворачивая свои хоботки.

Их заметили!

Подавив крик, Сильвия схватила Джеффи под мышки и понесла, держа перед собой, напрягши всю свою силу и волю. Она должна добежать до ворот прежде, чем эти твари отрежут им путь. Внезапно шарообразный жук спикировал ей на лицо. Она увернулась, споткнувшись, снова вскочила на ноги и побежала дальше.

Но «корабли» все приближались. Они двигались медленнее, чем она бежала, но в любую минуту могли срезать угол. Сильвия тихо застонала, когда поняла, что ей их не опередить.

«Только трое вернутся домой живыми».

Эти слова всплыли у нее в памяти. Неужели это правда? Неужели ей не суждено вернуться живой? И Джеффи тоже?

Она содрогнулась при мысли, что ее ожидает такой же конец, как и Руди, и побежала быстрее. Удары сердца отдавались в руках, легкие обжигало огнем, ноги отказывались повиноваться, но она заставляла себя бежать.

Почти у цели!

Но «стервятники» были уже совсем близко. Она чувствовала исходящий от них отвратительный запах гнили. Хоботки развернулись в воздухе и потянулись к ней. Вскрикнув от ужаса и отчаяния, Сильвия собрала силы для последнего рывка, увернулась и забежала за ворота, всего лишь на несколько дюймов опередив насекомых.

Стон облегчения вырвался у нее из груди, но в тот же момент насекомое повисло у нее на волосах, второе вцепилось в спину. Она подтолкнула Джеффи вперед, крикнув:

— Беги домой, Джеффи!

Он подчинился, но, пробежав немного, обернулся:

— Мапочка, он поймал тебя!

— Джеффи, беги домой, пожалуйста!

Но мальчик стоял как вкопанный, парализованный ужасом.

Сильвия дотянулась рукой до спины и тут почувствовала, что в волосах копошатся скользкие щупальца, стараясь добраться до кожи. Они обвили ее пальцы, вонзили в них свои острые зубы и стали водить шершавыми языками по коже, прежде чем она успела отдернуть руку. Она видела, как к ней со всех сторон слетаются «пираты» и с жадностью тянут к ее лицу свои хоботки. Вдруг она представила себя болтающимся в воздухе трупом, каким видела Руди.

«Это я, — подумала Сильвия, — я стану одной из четверых, кто не вернется домой».

Она уворачивалась от насекомых, все теснее бравших ее в кольцо. Голову обожгло болью, когда вцепившаяся в волосы тварь добралась до кожи. Щупальца других тварей были всего в нескольких дюймах от ее лица. Сильвия хотела сбить их рукой, но они переплелись между собой в клубок и намертво вцепились в нее. Напрасно она билась и делала отчаянные усилия, чтобы освободиться. Боль от укусов была нестерпимой, сочившуюся из ран кровь слизывали язычки. Но Сильвия сдержала готовый вырваться крик. Она не позволит этим тварям заползти ей в рот, как они сделали это с Руди. Но вот щупальца добра-

лись до руки, и в глазах Сильвии потемнело. Казалось, земля уходит из-под ног...

Вдруг она услышала хруст, и щупальца, вцепившиеся ей в правую руку, разжались. Сильвия выдернула руку и в изумлении огляделась.

Чудовище плелось по асфальтовой дорожке с распоротым животом, сломанные крылья бессильно повисли. Лишь теперь Сильвия поняла, что она здесь не одна.

— Ба!

Он возвышался над ней в темноте, в порванной одежде, с кровоподтеками, размахивая своей битой с острыми, как бритва, зубами. Снова послышался хруст, и щупальца, вцепившиеся в ее левую руку, дернулись и отпустили ее.

— Не шевелитесь, миссис, — проговорил Ба и взмахнул битой рядом с ее головой. В третий раз послышался хруст, и щупальца отпустили ее волосы. Ба подтолкнул Сильвию вперед. Долго уговаривать ее не пришлось. Она схватила Джеффи и бросилась бежать.

Воздух просто кишел жужжащими, жалящими тварями. Теперь, обнаружив их с Джеффи, все насекомые слетелись сюда. Они задевали крыльями ее лицо и волосы, шелкали зубами, подлетая совсем близко. Если бы не Ба, у нее не осталось бы никакой надежды. Он стал прокладывать путь битой, подзадоривая насекомых, провоцируя их нападать на себя, размахивая своим оружием направо и налево, а Сильвия ухватила за его плечи и шла за ним, поражаясь его невероятной реакции, размаху рук и способности ориентироваться в темноте. Возможно, он наносил удары на звук. Так или иначе, но он сумел проложить им дорогу среди крылатых чудовищ.

Они почти у дома. Еще футов двадцать — и дверь. А что, если она заперта?

Где Алан? Господи, если он снаружи, то в своем инвалидном кресле превратится в беззащитную мишень.

В этот момент один из жуков со свистом промчался мимо ее щеки и вцепился в плечо Ба. Тот тихо застыл от боли, но не остановился и не перестал размахи-

вать битой, расчищая путь. Преодолев отвращение, Сильвия, которая обеими руками несла Джеффи, высвободила левую руку и старалась пальцами раздавить зубастого жука. Туловище хрустнуло, челюсть разжалась, и по ее руке заструилась холодная жидкость.

Ба обернулся и кивнул в знак благодарности, но в этот момент щупальца, свившись в клубок, схватили его за шею. Он споткнулся, но не потерял равновесия и продолжал двигаться вперед. Вот она, дверь! Наконец-то! Сильвия пыталась оторвать щупальца, вцепившиеся Ба в шею. Если дверь заперта, они обречены на гибель прямо здесь, на крыльце Тоад-Холла.

Но дверь отворилась раньше, чем Ба взялся за ручку. Свет из дома хлынул наружу. Она увидела Алана в инвалидном кресле, распахнувшего перед ними дверь. Неверными шагами они вошли в коридор, и дверь за ними захлопнулась. Ба выронил биту и упал на колени, стараясь оторвать от себя чудовище, сдавившее ему горло щупальцами. Сильвия отпустила Джеффи, собираясь помочь Ба, но подъехавший в кресле Алан опередил ее.

— Ба, опустите руки, — попросил он, и когда тот выполнил его просьбу, Алан занес руку над головой.

В руке у него была бита. Размахнувшись, он ударил по «пирату», сделав надрез вдоль всего туловища и распоров брюхо. Щупальца разжались, и Ба смог оторвать насекомое и швырнуть на пол. Оно все еще пыталось добраться до Джеффи, передвигаясь ползком по мраморному полу, пока Алан не наехал на него. Он сделал это дважды, и насекомое замерло.

Джеффи рыдал, стоя у Сильвии за спиной. Фемус, неизвестно как выбравшийся из подвала, зашелся в надрывном лае.

Ба поднялся на ноги. На его шее зияла рана, изодранная в лохмотья одежда была в крови. Он подошел к Сильвии, задыхаясь и покачиваясь от усталости.

— С вами и мальчиком все в порядке, миссис?

— Да, Ба. Но только благодаря вам. Вы нуждаетесь в срочной медицинской помощи.

— Пойду умоюсь, — сказал он и направился в ванную комнату.

Сильвия перевела взгляд на Алана. У него по щекам текли слезы. Губы дрожали.

— Я уже думал, вас нет в живых, — сказал он. — Я знал, что вы там, что вам нужна помощь, но ничего не мог сделать. — Он потрогал свои ноги. — Черт бы их побрал, от них никакой пользы!

Сильвия снова взяла Джеффи на руки, подошла к Алану и устроилась у него на коленях, посадив Джеффи к себе. Алан обнял их. Джеффи снова заплакал. Только сейчас, впервые за весь день, Сильвия почувствовала себя в безопасности. В душе ее словно прорвало плотину. Она заплакала навзрыд, так, как не плакала никогда в жизни.

И теперь они плакали втроем.

Киноафиша:

Кинотеатр под открытым небом Джо Боба:

«Кровавый кошмар в ночи» (1969), «Хоук интернэшнл»

5. КАТАКЛИЗМЫ

Мауи

Моана пука появилась ближе к вечеру.

Калабати и Моки стояли на ланаи и смотрели, как солнце необычайно рано опускается в Тихий океан. Было всего четверть шестого. В то же время они поглядывали в сторону аэропорта. Никогда еще там не было так многолюдно.

— Посмотри на них, — сказал Моки с ухмылкой, обнимая ее за талию, — они все в панике оттого, что день становится короче. Видишь, как резво удирают.

— Мне тоже страшно, — сказала Калабати.

— Не надо поддаваться страху, — ответил он. — Если японские малихини уберутся к себе на остров, а хаолы на континент — желательно в Нью-Йорк, где они провалятся в трещину, образовавшуюся в Центральном парке, это будет замечательно. Тогда нашим островом полностью завладеют гавайцы.

Новость о таинственной дыре на Овечьем Пастбище в Нью-Йорке потрясла Калабати. Она хорошо знала эти места. В свое время у ее брата Кусума была квартира с видом на Центральный парк.

— Я тоже не гавайка.

Он еще крепче обнял ее:

— Гавайка. Во всяком случае, с тех пор, как ты со мной.

Но почему-то его ласка не успокоила Калабати. Еще какое-то время они понаблюдали за аэропортом, потом Моки убрал руку и облокотился об ограду, переводя взгляд с долины на небо.

— Что-то должно произойти. И очень скоро. У тебя нет такого чувства?

Калабати кивнула:

— У меня уже несколько дней такое чувство.

— Что-то прекрасное!

Прекрасное? Неужели он и в самом деле так думает? С тех пор как ветры задули в другую сторону, ее не покидал страх.

— Нет, совсем не прекрасное. Напротив, что-то ужасное.

Его ухмылка стала жестокой.

— Ужасное для других, но для нас прекрасное. Подожди, скоро сама все увидишь.

Последнее время Калабати просто не знала, как быть с Моки. С прошлой среды, когда рана на его руке зажила, у него появились какие-то странности. К примеру, он каждый день наносил себе рану, желая убедиться, что чудодейственная сила по-прежнему с ним, и рана заживала все быстрее. И всякий раз дикий блеск в его глазах становился все заметнее.

Когда стемнело, Калабати собралась уйти, но Моки схватил ее за руку:

— Подожди. Что это там?

Он смотрел в восточную сторону, на Кахулуи и дальше. Калабати тоже посмотрела в том направлении. Что-то необычное происходило на воде. Она была белого цвета, взболтанная, пузырящаяся. Произошли какие-то гигантские катаклизмы. Чувствуя, как поднимается в

ней недоброе предчувствие, Калабати сняла с крючка бинокль и навела на воду.

Сначала она увидела, что вода пенится и бурлит, образуя какие-то немыслимые водовороты. Но постепенно углядела в этом хаосе определенную закономерность и устойчивые формы. Вода теперь завихрялась в одном направлении, против часовой стрелки, вращаясь вокруг центральной точки. Потом этот центр вращения стал уходить под воду, превратившись в подобие огромной пасти, которая все всасывала в себя.

— Моки, смотри. — Она протянула ему бинокль.

— Я и так вижу, — проговорил он, но бинокль все-таки взял.

Пока он наводил окуляры, Калабати наблюдала за выражением его лица.

— Думаю, что дело тут не в подводных течениях — слишком близко от берега. Должно быть, на дне океана образовалась трещина. Погоди, погоди! — Он опустил бинокль и взволнованно посмотрел на нее. — Дыра! Не просто трещина на дне океана, а такая же дыра, как в Центральном парке. Теперь у нас есть своя собственная дыра!

Они вместе наблюдали, как расширяется водоворот и все начинает вращаться в одном направлении. Моки с нескрываемым волнением, а Калабати — с нарастающим чувством страха. Происходившие в остальном мире несчастья докатились и до их рая. Им не избежать бедствий. Они наблюдали за происходящим до самой темноты, а затем пошли в дом и включили телевизор, чтобы послушать выпуск новостей. Все ученые сходились на том, что дно океана дало трещину — наподобие того феномена, который произошел в Центральном парке. Туземцы уже дали ей название: моана пука — дыра в океане.

Моки больше не мог сдерживать охватившего его волнения. Возбужденно жестикулируя, он стал расхаживать по комнате.

— Понимаешь, что происходит, Бати? Бездонная пропасть будет затягивать в себя воду. Океан обмелеет. И знаешь, что будет потом?

Калабати молча покачала головой. У нее появилось непреодолимое ощущение, что это начало конца.

— Сейчас объясню. Великий Мауи возродится. — Он подошел к двери и показал рукой куда-то в темноту. — Молокаи, Ланаи, Кахулава, даже маленький Молокини — все это были составные части Мауи, в доледниковый период связанные с нашим островом сушей и не разъединенные, как ныне, морскими протоками. Я предвижу, что сейчас все идет к тому же самому, Бати. Они воссоединятся, вновь станут одним целым после столетий раздельного существования. Единый кусок суши размером с Большой остров. А может быть, еще крупнее. И я сыграю свою роль в будущем, которое ждет Великий Мауи.

— Какое будущее? — переспросила Калабати, подойдя к нему. — Если уровень воды в Тихом океане так сильно упадет, это будет всеобщим концом!

— Нет, Бати. Не концом. Началом. Началом нового мира.

В этот момент небо озарилось огнем, как будто зажегся факел. На противоположной стороне острова Калабати ясно, как днем, разглядела побережье Лахаина, долину Иао на западе Мауи и остров Ланаи, отделенный протоком. Потом ревущий поток раскаленного воздуха с мелкими осколками промчался, как смерч, у них над головами, дует в разные стороны, в то время как они с Моки оставались в прохладной тени, защищенные огромным массивом Халеакалы.

— Шива, что же ты делаешь! — воскликнула она на бенгальском диалекте, на котором говорила в детстве.

Вдруг пол закачался и стал уходить у нее из-под ног, а ночная тишина взорвалась глухим ревом, который пронзил все ее тело до самых глубин естества.

Калабати упала и, распластавшись на полу, услышала еле слышный голос Моки:

— Землетрясение!

Он подполз к ней, накрыл своим телом, защитив от ломающихся полок, разбивающихся вдребезги лампочек и статуэток.

Казалось, прошла целая вечность. Калабати никак не могла понять, как до сих пор держатся подпорки, на которых установлен дом. В любой момент они могли рухнуть, и тогда дом покатился бы по склону. Единственный раз в своей жизни, когда Джек одолжил у нее на несколько часов ожерелья и прожитые сто пятьдесят лет разом опустились всей своей тяжестью ей на плечи, она так близко ощущала гибель.

Подземные толчки не прекращались, но стали слабее. Моки отпустил ее, и Калабати вскочила на ноги.

— Пехеа ое?

— Кажется, я в порядке, — ответила она, но не на гавайском.

Они ухватились друг за друга, словно матросы при качке на палубе. Калабати огляделась. Просторная комната была завалена обломками. Везде валялись разбитые скульптуры Моки и сломанные постаменты из лавы.

— О, Моки, твои работы!

— Скульптуры теперь никому не нужны, — сказал он, все крепче прижимая ее к себе. — Это все в прошлом. Я бы и сам их разбил. Разве ты не видишь, Бати? Это начало того нового, о котором я тебе говорил. Вот оно!

Он потащил ее на сотрясающуюся ланаи. Там они облокотились об ограду и стали всматриваться в темнеющую массу Халеакалы, туда, где виднелась его верхушка в ореоле огня.

— Смотри, Бати, — сказал он, указывая рукой в направлении склона. — Халеакала жив! После целых столетий он пробудился к жизни. Ради меня! Ради нас!

Калабати вырвалась из его объятий и метнулась в дом. Несколько раз щелкнула выключателем, но свет не зажегся. Она пробралась между обломками к телевизору, однако включить его так и не смогла. Электричества не было.

— Бати! — воскликнул Моки. — Хеле маи. Полюбуйся вместе со мной на Халеакалу. Обитель солнца возродила его пламя! Она зовет нас домой!

Калабати стояла среди обломков, зная, что время отпущенное ей на спокойную жизнь, подошло к концу, что теперь уже ничего не будет как прежде. Это стало страшно.

— Это было не просто извержение Халеакаль Моки, — сказала она, и голос ее задрожал, как под ногами. — Случилось что-то еще, более жестокое, чем возрождение к жизни старого вулкана. Настоящая катастрофа.

«Конец света», — подумала Калабати.

Охваченная этим предчувствием, она не могла унять дрожь, и древнее ожерелье покачивалось у нее на груди. Казалось, сам воздух зашелся в крике, обретая облегчение во внезапной насильственной смерти, покончившей с мучениями.

Халеакала проснулся, но что случилось еще? Что именно?

Боль схлынула. Только состояние экстаза не проходило. Ночные чудовища метались над ним в вышине. Своим пробуждением они вызывали в нем страх и тоску.

Потом он забился в конвульсиях в объятиях смерти и ужаса, когда возродились к жизни тихоокеанские вулканы. Напряжение стало почти невыносимым.

Поступательный ход перемен набирал скорость. Он стал таким огромным, что гранитное обиталище, едва вмещавшее его, стало расширяться, роняя обломки вниз сквозь трещину, образовавшуюся на дне пещеры. Она тоже была бездонной, как и все остальные на земном шаре, только вела в другое место, туда, где полыхает ледяное пламя. Даже сейчас слабые отблески этого пламени были различимы в глубинах пещеры.

И началось перерождение... Его конечности стали толще и затвердели, как камень. Голова утонула в туловище, и все его естество вместилось в мягком, имеющем форму луковицы кусочке плоти, оказавшемся центре колеса с четырьмя спицами.

Он распространял свои невидимые корни все дальше и дальше в поисках подпитывающих его соков. Он ни когда не насытится до конца.

Воскресенье

1. ВОСКРЕСЕНЬЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Из телепередачи:

«Доброе утро. Вы смотрите специальный выпуск передачи «Воскресное утро». Сегодня солнце взошло в 7.10, и мы увидели, что не только опустошенный Нью-Йорк, но и весь мир содрогнулся от событий прошлой ночи».

Манхэттен

Вот это ночь.

Джек стоял, позевывая, в предрассветной прохладе возле дома Джии. Он озяб и подтянул «молнию» на куртке повыше.

Уже июнь на дворе, подумал он. Неужели так и не потеплеет?

С того берега Ист-Ривер, над районом Куинс, быстро поднималось красное солнце. Казалось, можно проследить за его движением. Саттон-сквер никогда еще не выглядел так ужасно. В пятницу квартал городских домов уцелел, но в последнюю ночь ему здорово досталось. Стекла со стороны шоссе были разбиты, разодранные сетки свисали с окон.

Зубастые и шарообразные жуки улетели, но пришли более крупные твари. К счастью, деревянные ставни на окнах дома Джии были не только декоративными. Они крепились на прочных карнизах и полностью закрывали окна. Ночь была долгой и напряженной, до самого рассвета слышалось алчное жужжание, но Джия и Джек провели ее в безопасности. Чего нельзя было сказать о других людях.

Джек как раз размышлял, не нуждается ли в помощи кто-нибудь из соседей, как вдруг заметил нечто, повисшее на угловом фонаре. Что-то большое и обмякшее.

Он подошел ближе и остановился, поняв, что перед ним труп. Кажется, женщины, но настолько истерзанный, что это трудно было определить.

Как он там очутился? На высоте двадцати футов? Неужели твари из трещины способны летать с такой ношей?

Положение ухудшалось быстрее, чем он ожидал.

Джек проверил девятимиллиметровую «ламу», висевшую у него на плече в кобуре, и запасные обоймы в карманах, потом вернулся и осмотрел «Ральф». Черный брезент был сверху разодран, антенна обгрызена и согнута почти пополам. Краска на капоте пузырилась словно от кислоты. Переднее стекло залеплено зловонными пятнами. Джек вытер их тряпкой из багажника.

Ну и ну! Что случилось с «Ральфом»?

Джек оглянулся и увидел на крыльце дома Вики, одетую в джинсы, фланелевую рубашку и жакет. С маленьким чемоданчиком в руке она выглядела настоящей провинциалкой, приехавшей к родственникам в большой город. В ее голубых глазах отразились удивление и испуг, когда она увидела изуродованный верх машины.

— Это все твари из трещины, — сказал Джек и помахал ей рукой, стараясь отвлечь ее внимание от висевшего на фонаре трупа. — Поэтому я и хочу увезти вас с мамой отсюда.

— Мама пока не хочет уезжать.

— Я знаю, Вики. Знаю, черт возьми.

Джия не хотела покидать город, полагая, что они с Вики вполне могут переждать опасность здесь, в кирпичном доме на Саттон-сквер. Но Джек так не думал. Он считался с ее желаниями, но до тех пор, пока не убедился, что ей угрожает опасность. Прошлой ночью он был непреклонен, стараясь уговорить ее, и в конце концов она согласилась уехать из города с Эйбом, как только наступит рассвет.

— Вы из-за этого ночью ссорились с мамой?

— Мы не ссорились. Просто... у нас выявились некоторые разногласия.

— Да? А я думала, вы здорово поссорились.

— Я — с твоей мамой? Поссорился? Никогда! Давай, Вики. Устраивайся поудобнее в «Ральфе».

В этот момент появилась Джия. На ней были джинсы и свитер с вырезом поверх белой водолазки. Глаза,

также отливавшие голубизной, как и у Вики, широко раскрылись, когда она оглядела улицу. Она провела рукой по светлым волосам:

— О господи!

— Это еще что, — сказал Джек. — Ты увидишь, что творится в остальных частях города. — Он приложил указательный палец к губам и молча показал на висевшее на фонаре тело.

— О боже!

— Ты все еще считаешь, что здесь вы в безопасности? — спросил Джек.

— Прошлую ночь мы провели нормально.

До сих пор упрямится.

— Но дальше будет хуже.

— Ты уже тысячу раз это говорил.

— Две тысячи раз. Я дорого заплатил за то, чтобы быть уверенным в этом.

— А ты уверен, что в том месте, куда мы уедем с Эйбом, будет лучше?

— Там вы будете как в крепости.

Она пожала плечами, но сказала:

— Ну хорошо, я уже собрала вещи. Как обещала. Но по-прежнему считаю, что эта поездка — безумие.

Джек поспешил в дом, чтобы вынести чемоданы, прежде чем она передумает. Он уложил часть вещей в багажник, остальное поставил на заднее сиденье рядом с Вики. Не переставая ворчать, Джия с явной неохотой уселась впереди. Ветер трепал изодранный верх машины, когда он вырулил к Пятьдесят седьмой улице, а потом выехал на длинную автостраду, ведущую к Пятой авеню.

Все было скверно, но не так скверно, как вчера. На острове Манхэттен только ранним утром, в воскресенье, царит тишина, но в это воскресенье здесь было еще меньше машин, чем обычно. И главным образом полицейские, или аварийные, или что-нибудь в этом роде. Мостовые поблескивали осколками стекла. Там и сям валялись сморщенные оболочки, некогда вмещавшие в себя человеческую плоть. Несколько таких болтались, за что-то зацепившись, как будто из них все высосали, а потом сбросили вниз. Джек то и дело беспокойно по-

глядывал на сидевшую сзади Вики, но она была поглощена чтением одной из книг из серии Нэнси Дру и не замечала ничего вокруг.

Хорошо. Он продолжал поглядывать на Джию, замечая, как по мере продвижения вперед ее лицо становится все напряженнее и бледнее. У Мэдисон-авеню оно приобрело пепельно-серый оттенок. Выбрав момент, когда Джек притормозил на красный свет, Джия посмотрела на него, еще шире раскрыв глаза, и заговорила едва слышно:

— Джек... Я... что?..

Потом умолкла и стала смотреть куда-то вдаль.

Джек ничего не ответил, но теперь был уверен, что его идея покинуть город больше не вызовет возражений.

Внезапно справа от них раздался звон разбитого стекла, когда дисплей от компьютера полетел в единственное уцелевшее окно ювелирного магазина.

Парень с блестящими глазами, с сальными волосами каштанового цвета, в грязной рубаше и рваных джинсах вылез в образовавшуюся дыру и захохотал, спрыгнув на мостовую. Он был белокожий, но по количеству висевших на нем золотых цепочек и ожерелий вполне мог сойти за негра-контрабандиста. Обилие колец пальцы почти не сгибались. Второй парень, покрупнее, одетый как и первый и тоже увешанный украшениями, покинул магазин более традиционным способом — через дверь. Оба подняли вверх растопыренные пятерни, как принято у металлистов, и направились к «корвейеру».

— Эй, гляди-ка! — сказал один. — Вот и попутка!

Тот, что покрупнее, крикнул, вторя ему:

— Эй, хотите заработать золотишко? Мы можем подкинуть немного, если отвезете нас в Даунтаун. У нас его навалом.

Джек не сдержал улыбки:

— Отлично! Может, я даже дам вам свой кошелек подержать, пока будем ехать.

Обезоруживающие улыбки на лицах мародеров сменились гримасами ярости, когда Джек завел мотор и поехал на красный свет. Тот, что потишедушнее, по-

бежал вслед за ними, что-то выкрикивая. На какой-то момент Джеку показалось, что парень может их догнать. Автомобиль перегружен, двигатель старый и маломощный, а к Пятой авеню идет подъем. Но мощности двигателя оказалось достаточно, чтобы оторваться от одурманенного наркотиками мародера.

Хуже то, что Вики оторвалась от книги и сосредоточила внимание на происходящем вокруг. Разглядев мародера через поцарапанное стекло, она просунула голову между передними креслами и спросила:

— Почему ты не стал его подвозить, Джек?

— Потому что это плохой человек, Вики. Таких называют мародерами.

— Но он хотел, чтобы его подвезли.

— Вряд ли это так, Вики. Видела мокриц в ванной комнате?

— Да, — поморщилась Вики.

— Ну так вот. Мародеры — еще более мерзкие твари. Когда хорошие люди борются с огнем или помогают пострадавшим от землетрясения, мародеры вползают в каждую щель, чтобы утащить то, что плохо лежит. Этим ребятам не нужно было, чтобы их подвезли. Им нужна была наша машина.

— Но ведь это нечестно!

— О честности они заботятся меньше всего, Вики.

— Смотри! — показала она налево, когда машина ехала по Пятой авеню. — Там еще мародеры!

Она оказалась права. Группки людей сновали через окна туда и обратно вдоль всей Пятой авеню, пробираясь в предрассветной мгле, неся на себе ювелирные украшения, кожу — все, что можно было унести. Кто-то открыл багажник автомобиля, поставленного перед витриной «Бергдорфа» и нагружал его одеждой. Проезжая мимо, Джек заметил человека с бородкой профессорского вида, выходившего через пустой проем выбитой витрины из магазина «Даблдей», покачиваясь под тяжестью стопки книг толщиной фута в два, прижатой к твидовому пиджаку.

— Всем нашлось дело, — сказал он. — Куда только смотрит полиция, черт возьми?

— Это анархия, Джек, — сказала Джия, и голос ее дрогнул от страха.

— Пока нет. Ведь полиция еще не перестала функционировать, где-то она обязательно есть — есть и электричество, и бензин для заправки полицейских машин. А с восходом солнца эти гады заползут в свои норы.

— А что будет, когда бензин и электричество кончатся? — спросила она, обернувшись и взяв Вики за руку.

— Тогда эти гады станут хозяевами улиц. И воцарится настоящая анархия.

— Все это началось всего два дня назад. Я бы никогда не подумала... — Она не договорила.

— О чем? Что события будут развиваться с такой стремительной скоростью? Город — это клоака, Джия. Весь мусор со всей страны сейчас собрался здесь. Я годами наблюдал за ними. Налет цивилизации на них так же тонок, как гальваническая позолота на украшениях, в поисках которых они рыщут по улицам. Стоит немного потерять их о джинсы, и проступит металл, из которого они сделаны.

— А как же чувство общности и привычка поддерживать друг друга в трудные времена?

— Возможно, это так и было в Иове, где ты выросла, возможно, даже здесь найдется горстка таких людей, но их будет слишком мало, чтобы повлиять на события. Достойных людей начнут травить, а всякая нечисть будет творить все, что ей заблагорассудится.

— Я не верю во все это. Просто не хочу верить. И в отчаянии от того, что ты веришь.

Джек пожал плечами:

— Работа вынуждает меня общаться со всякой мразью. Ты...

— О господи! — вскрикнула Джия, вытянув шею и стараясь рассмотреть что-то через стекло.

Джек сбавил скорость и присмотрелся. Что-то светилось в небе. Притормозив, он высунул голову из окна.

Вики последовала его примеру.

— Ой, мамочка! — вскрикнула она.

— Джек! — закричала Джия. — Что происходит? Что это?

— Похоже на многоэтажный дом, — произнесла Вики.

На высоте примерно в полмили где-то в районе автострады, проходящей по Вест-Сайду, или мидтаунского пирса, виднелось нечто, от чего захватывало дух... Плывущее по воздуху огромное здание. Оно зависло, словно подвешенное на невидимых тросах, со слегка скошенной в восточную сторону крышей и искореженной нижней частью, чуть наклоненной на запад. Оно медленно поворачивалось. В нескольких уцелевших оконных стеклах играли солнечные блики. Выломанный фундамент плыл вместе со зданием. Высовывающиеся из окон крохотные фигуры размахивали полотенцами и рубашками, отчаянно пытаясь привлечь внимание полицейских вертолетов, облепивших здание, словно мухи мертвое тело.

— Боже! — воскликнул Джек, следя за медленно перемещающейся в воздухе громадой. — Оно все набирает высоту.

Эти несчастные, находящиеся в здании, обречены, если только не смогут пересесть в вертолеты.

По крайней мере, теперь он знал, куда девались все полицейские.

— Давайте выбираться отсюда, — сказала Джия.

Джек нажал на газ, и они снова поехали в западном направлении. Он воздержался от фраз типа: «Я вас предупреждал!» — пока гнал машину, невзирая на красный свет, по направлению к Амстердам-авеню, а потом помчался в Аптаун, к магазину спортивных товаров. Эйб находился снаружи, ожидая их возле своего фургона, припаркованного у разбитой витрины. Поглощенный видом плывущего по воздуху здания, Эйб вряд ли заметил их появление. Джек притормозил футов за шесть от него.

Только так они смогли привлечь его внимание.

— Гевальт! — воскликнул Эйб, отпрянув назад. — Ты что, раздавить меня хочешь?

На нем был черный пиджак, чистая белая рубашка и галстук без единого пятнышка. Очевидно, он еще не завтракал.

— Ну что, готов ехать? — спросил Джек, высаживая из машины Вики и снимая с заднего сиденья чемодан.

— Конечно, — ответил Эйб, обнявшись с Джией и поцеловав Вики в макушку. — Неужели я заставил бы ждать этих двух очаровательных леди? Пойдемте со мной. У меня есть для вас кофе, апельсиновый сок и относительно свежие булочки.

Он открыл задние дверцы фургона, усадил Джию и Вики вперед и вернулся к Джеку, укладывающему чемоданы в багажник. Затем указал дрожащим пальцем на плывущий по воздуху дом:

— Случилось то, что ты предсказывал, не так ли? — Его обычный акцент куда-то бесследно исчез. — От законов, установленных Богом и людьми, остался... пшик!

Джек поднял голову и заметил, что дом поднялся намного выше. Когда же он прекратит движение? И прекратит ли?

— Дважды пшик! — сказал Джек и кивнул в сторону разбитых витрин: — Мародеры?

Эйб пожал плечами:

— Все цело. Скорее всего, это летающие твари. Я не видел ни одного грабежа.

— В районах для состоятельных людей они случаются сплошь и рядом. Просто до этих мест еще не дошли.

Эйб полез в карман и вытащил связку ключей. Потом вложил их Джеку в ладонь:

— Вот. Это от арсенала. Без этих ключей туда не войти. Разве что с пушкой. Если понадобится, можешь воспользоваться.

Джек положил ключи в карман. Арсеналом служил подвал магазина спортивных товаров «Ишер», где хранилось оружие — приобретенное незаконно или законно, но торговал он им незаконно. Там было все — от дубинок до противопехотных мин «клеймор». Совсем неплохо иметь доступ к такому широкому ассортименту.

— Возможно, я перееду сюда.
— Будь моим гостем. У тебя есть своя волна?
— Да. Настрой на нее приемник. Я буду слушать тебя в семь утра и семь вечера. Не забывай подавать сигнал.

— Об этом не волнуйся.

— Каким путем ты поедешь? До Линкольна?

Эйб кивнул:

— После того что ты рассказал, ясно: чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше.

— Ну что ж, ты все понял. Что-нибудь захватил с собой?

Эйб похлопал себя по оттопырившемуся карману пиджака:

— А как же!

— Отлично. Я все-таки провожу вас немного, на всякий случай.

— Ты разве не веришь, что я смогу защитить твоих женщин?

— Сомневайся я в этом, не отпустил бы их с тобой.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Мне кажется, что сейчас нужно произнести что-нибудь этакое значительное, — сказал Эйб. — Именно сейчас, когда на глазах двух старых друзей наступает конец света.

— Ты у нас образованный. Тебе и карты в руки.

Эйб опустил глаза, потом улыбнулся и протянул руку:

— До скорой встречи, Джек.

Джек улыбнулся в ответ и пожал протянутую руку.

— Ну все, хватит, — сказал Джек, — садись в машину, а я пойду попрощаюсь с девушками.

Джек крепко обнял Вики, потом заключил в объятия Джию.

— Береги себя, Джек, — прошептала она ему на ухо. — И спасибо тебе.

— За что?

— За то, что уговорил нас покинуть город. Думаю, ты прав. Здесь становится все ужаснее. И смотри, будь осторожен.

Он улыбнулся:

— Я ужаснее самого ужасного города, какой только можно себе представить.

— Я не об этом — а о ней.

— А...

Накануне вечером он рассказал ей, что собирается разыскать Калабати и взять у нее ожерелья для Глэке-на. Джия кое-что знала о Калабати, но Джек ни разу не проговорился, что у них был короткий роман.

— Не акай, пожалуйста. Ты когда-то путался с ней, и она чуть не погубила тебя.

— Я тогда сам сделал свой выбор.

— Да, и она бросила тебя умирать, Джек. Как бы на сей раз не довела дело до конца.

— Но сейчас все по-другому. Я знаю, что она из себя представляет. И буду осторожен. У меня есть множество причин вернуться.

Она запечатлела на его губах прощальный долгий поцелуй и села на переднее сиденье фургона с уже заведенным мотором. Джек поспешил к своему «корвейеру». Он проехал за фургоном Эйба до Вест-Энда, потом в сторону Даунтауна.

Светофоры мешали им ехать вместе. То и дело Джек вырывался вперед, потому что Эйб каждый раз останавливался на красный свет. Причина Джеку была ясна. В его багажнике наверняка хватало оружия, чтобы устроить переворот в банановой республике. Поэтому он не хотел, чтобы его останавливали и обыскивали.

Это случилось в том районе Вест-Энда, который называется Одиннадцатая авеню. Когда Эйб в очередной раз притормозил на красный свет, из подъезда выскочили три парня и бросились к фургону. Двое побежали к водителю, а один запрыгнул наверх и потянулся к окну с другой стороны.

У одного парня в руке был огромный охотничий нож, у другого — обрезок свинцовой трубы. Как только Эйб тронулся с места, он начал колотить по стеклу. Джек уже разогнал машину, когда стекло раскололось и парень замахнулся трубой на Эйба.

Второй парень, с ножом, заметил приближение Джека и отскочил в сторону. Джек промчался почти

вплотную к фургону, зацепив парня с трубой и с силой ударив его по ногам. Тот задергался между двумя автомобилями и грохнулся на мостовую, взыв от боли. Тут Джек наехал на второго, ударив его спереди бампером. Но скорость автомобиля была недостаточной, чтобы отшвырнуть его в сторону. Парня подбросило вверх, после чего он перекатился по капоту и переднему стеклу и приземлился на брезентовом верхе. Его наверняка поранило, но он еще был способен действовать, просунул нож в один из порезов в брезенте и, не глядя, хотел ткнуть им в Джека. Но Джек увернулся и схватил его за запястье. Вырвал нож, на секунду остановился, не зная, что делать дальше. И тут услышал, как вскрикнула Вики.

Джек вывернул парню руку и воткнул нож — заточенной стороной вниз — ему в ладонь, пропихнув между двумя косточками, так, что он вышел с другой стороны. Парень орал и дергался, стараясь высвободить руку, но мешал воткнутый в ладонь нож, который все глубже врезался в тело, и парень захлебнулся в крике.

Джек выпрыгнул из машины и увидел Эйба. Тот левой рукой держался за окровавленную голову, сжимая в правой автоматический пистолет 45-го калибра и наклонившись к дверце со стороны пассажирского сиденья. Рядом с ним сидела Вики и плакала. А где же Джи? Дверца со стороны пассажирского сиденья была распахнута.

Джек огляделся и увидел другого парня с ножом, приставленным к горлу Джи.

— Нам нужен только фургон, — сказал он, тяжело дыша. В шерстяной безрукавке, бежевых слаксах, белых носках и кроссовках его можно было бы принять за студента, если бы не наколки на руках. — Отlayте фургон, и мы никого не тронем.

— Мы? — переспросил Джек, вытаскивая «ламу» из кобуры и медленно, плавно взводя затвор. Он должен был проделать все это с большой осторожностью. — Нам? Эти слова «мы» и «нам» теперь потеряли смысл. Твои приятели уже вышли из игры.

Он сделал паузу, дав парню возможность оценить по достоинству крики и стоны его дружков по другую

сторону фургона и вид автоматического пистолета калибра 9 мм. Парень всячески старался спрятаться за Джию.

— Думаешь, это поможет тебе улизнуть? — мягко спросил Джек.

— Да мне что угодно может помочь. Никаких правил больше не существует. Ты разве не видишь? — Он взглянул на небо. — У нас теперь дома и люди улетают в космос средь бела дня, а ночью чудовища пожирают все, что им попадается на пути. Я дважды прошел через тюрягу, но такого еще не приходилось переживать, даже когда меня растянули как жевательную резинку. Всему конец, парень. Школа закончилась!

— Только не для моего класса, — возразил Джек. — Отпусти ее.

Парень прижал нож к горлу Джии, и она вскрикнула.

— Или фургон, или я ее зарежу, парень! Клянусь Господом Богом, перережу ее свинячьей глотку!

Джек почувствовал, как заколотилось сердце у него в груди. Джия устремила на него полный мольбы взгляд. Он ободряюще кивнул ей, стараясь не выдать своего волнения. Нужно действовать хладнокровно. Не торопясь.

Но если этот ублюдок хотя бы кожу ей поцарапает...

Джек взялся обеими руками за пистолет и медленно поднимал его, пока не нацелил парню на правый глаз, видневшийся из-за уха Джии.

— Ты посмотрелся разных фильмов, чудак, — сказал Джек мягко. — Но в жизни все совсем иначе. У меня пушка, у тебя нож. Зарежешь ее, потеряешь свой шит. — Джек сделал шаг по направлению к ним. — Ты и твои дружки ранили моего хорошего друга, напугали девочку, которая мне как родная дочь, коснулись женщины, которую я люблю. — Он сделал еще шаг. — Я очень зол. Но хочу с тобой поговориться. Брось нож, и я отпущу тебя.

Парень рассмеялся деланым, вибрирующим смехом, снова показываясь из-за плеча Джии.

— Не вешай мне лапшу на уши. Твоя сучка у меня в руках. Мой нож приставлен к ее горлу. Я заказываю музыку!

Какая-то проезжающая мимо машина притормозила, потом поехала дальше. Джек снова сделал шаг вперед.

— Может быть, я неясно сказал? Могу повторить. Отпусти ее, и ты останешься жить. А прольешь хоть каплю ее крови, умрешь медленной смертью. Сначала я прострелю тебе правую коленную чашечку, потом левую, потом правый локоть, потом левый. Потом ты получишь пулю в живот. Потом твоим же ножом я буду отрезать от тебя по кусочку и скормить тебе.

— Джек, прошу тебя! — воскликнула Джия.

— Прости, но я хочу, чтобы этот парень понял, в какую историю влип.

— Хочешь меня испугать? — Парень снова выглянул. — Тогда смотри!

Он еще сильнее прижал к горлу Джии нож, и в этот момент Джек выстрелил ему в глаз. Голова парня откинулась назад, а из затылка брызнул красный фонтанчик, руки бессильно повисли, и парень, покачнувшись, рухнул на мостовую.

Джек бросился к Джие и заключил ее в объятия.

— Не смотри туда, — сказал он, увидев через ее плечо, как расползается кровавое пятно по голове парня.

Но Джия не удержалась, бросила короткий взгляд и тут же отвернулась. Джек повел ее к фургону, и они вместе несколько минут успокаивали Вики. Потом мать и дочь прижались друг к другу, и Джек вспомнил о Эйбе.

— Ты можешь вести машину?

Эйб кивнул:

— Меня лишь слегка поцарапало. А тот парень, который взобрался к тебе на крышу, что с ним?

— Ах да, — спохватился Джек, — совсем забыл о нем.

Он подошел к своей машине и увидел лежащего на ней грабителя, бледного, вспотевшего, измученного.

Джек постарался представить, как вел бы себя этот парень или его дружки, поменяйся они с Джеком местами. Пощадили бы его? Но потом решил, что такие сравнения ни к чему. Он нырнул в автомобиль и увидел, что заднее сиденье залито кровью.

— Ты всю машину мне перепачкал! — закричал Джек.

Через порванную крышу он услышал, как парень захныкал, и с отвращением выдернул нож из его руки. Парень издал гнусавый крик и, выдернув руку из прорезанного брезента, скатился на мостовую. Еще две машины проехали мимо, пока Джек завернул за угол, бросил нож в канализационную яму и вернулся к фургону. Он обнял Джию и Вики и захлопнул дверцу.

— Ну, поехали. А то машин становится все больше.

— Джек, — позвала его Джия, когда он пошел к своей машине.

Лицо ее было бледным, на щеках виднелись следы слез.

— Если бы он бросил нож, ты отпустил бы его? Ты так смотрел на него! Я однажды видела у тебя такой взгляд! И знаю, что он означает. Ты отпустил бы его, как обещал?

— Да, — ответил Джек, — разумеется.

Он старался говорить убедительно, хотя не верил в собственные слова. Перед тем как уехать, Джек еще раз взглянул на место, где разыгрались события, через боковое стекло. Один из нападавших лежал в луже крови, неподвижно уставившись в небо, другой корчился на мостовой, держась за раненую руку, третий полз к обочине, волоча переломанные ноги. Вопрос Джии все еще стоял у него в ушах, не давая покоя на всем пути до туннеля Линкольна.

Она слишком хорошо его знала, черт возьми. Иначе не задала бы этот вопрос. Неприятно было думать об этом. Да и зачем? Парень мертв. В Джеке, казалось, уживались двое совершенно разных людей. Один радовался, выбив парню мозги, но Джек научился отделять себя от этого человека и не хотел сейчас разделять его радость, даже признавать его существование где-то в темных закоулках его души.

Отпустил бы он того парня? Эйб истекал кровью, Вики едва не умерла от страха, Джии хотели перерезать горло. Разве можно такое простить? Позволить негодяю уйти безнаказанно? Джек не мог поручиться, что сделал бы это. Дал бы возможность ублюдку, причинившему вред его друзьям, разгуливать по улицам, не оставив даже царапины на его теле? Нет, он должен был его проучить так, чтобы тот запомнил на всю жизнь и даже не помышлял о чем-либо подобном.

Но ведь он обещал парню отпустить его, если тот бросит нож! Так должен был он сдержать свое слово? Или не должен?

Никаких законов не осталось!

Нет. Нет, неправда. Некоторые, по крайней мере те, которые Джек сам для себя установил, остаются в силе.

Он зевнул. Ночью ему почти не пришлось спать, и долгие размышления его утомили.

Прежде чем фургон скрылся в туннеле, Джек помахал Эйбу, Джии и Вики рукой и поехал в Алтаун, к Вальту Дюрану. Он надеялся, что тот пережил эту ночь. И работу выполнит в срок. В противном случае Джек его поторопит.

Из телепередачи:

(Ведущая — Алиса.)

«Дамы и господа! Мы прерываем наш специальный репортаж из Центрального парка, чтобы сообщить о катастрофе, происшедшей в центральной части Тихого океана. Острова Гавайского архипелага больше не существуют. Чуть меньше часа назад гряду из восьми островов, составляющих пятидесятый американский штат, потряс взрыв чудовищной силы. В тот же момент всякая связь с Гавайями, или с Большим островом, как его называют, была прервана. Эта загадка быстро разрешилась».

(Крупным планом фотография Гавайев.)

«Так Большой остров выглядел еще час назад. Райский уголок, покоившийся на площадке из застывшей лавы площадью четыре тысячи квадратных миль, где находился один из старейших в мире действующих вулканов. Но сейчас...»

(Видеорепортаж из Гонолулу.)

«Как вы видите из трансляции, осуществляемой из нашего корреспондентского пункта в Гонолулу, Оаху, Большого острова больше не существует. Чуть менее часа назад кратер действующего вулкана Килауеа, а также вулканы Мауна-Лоа и Мауна-Кеа, которые считались потухшими, исчезли в Тихом океане, и все, что осталось от острова, — это клокочущая лава, извергающая пламя и окутанная облаком пара. Метеорологи сейчас занимаются подсчетами, через какое время облако пепла нависнет над Западным побережьем. Несомненно, оно повлияет на погоду на всем земном шаре.

Мы не можем сейчас вам показать гигантский водоворот, возникший на Мауи, к северу от того места, где находился Большой остров. Этот водоворот предположительно возник в результате появления на дне океана, на глубине девятнадцати тысяч футов под водой, трещины, аналогичной трещине в Центральном парке. Пока остается только гадать, находится ли этот водоворот в какой-нибудь взаимосвязи с катастрофой, уничтожившей Большой остров.

Пламя, которое вы сейчас видите на экране слева, вырывается из другого вулкана. Сообщения о том, что вулкан Халеакала, считавшийся потухшим, стал снова действующим, подтвердились. Хотя большая часть его лавы потекла по восточному склону, где нет населенных районов, нам сообщили, что прекрасный городок Хана больше не существует. Прошлой ночью его смело с лица земли потоком лавы».

(Снова на экране Алиса.)

«А тем временем в Манхэттене ситуация стремительно ухудшается...»

Глэкен в полной растерянности почти не следил за изображением, только внимательно слушал, стараясь не пропустить ни одного свежего сообщения о Мауи. Но когда на экране появился специалист по геологии и стал рассуждать о том, как разрыв канала, соединяющего Гавайи и Мауи, дестабилизировал «горячую точку», которая веками определяла облик Гавайских островов, Глэкен отключил звук.

Очевидно, сосредоточившись на телевизоре, он не слышал звонка, потому что в комнату вошли Билл и Джек.

— Джек! Я вижу, за ночь с вами ничего не случилось. Вам удалось сделать то, что вы собирались?

Джек кивнул, довольно уныло, как показалось Глэкену:

— Да. Я обо всем позаботился.

Билл ушел на кухню помочь Нику с завтраком, а Джек устроился в кресле.

— Могу я что-нибудь для вас сделать? — спросил Глэкен.

Джек покачал головой.

— Я отправил кое-кого из города. Очень хотелось бы, чтобы они добрались до места без приключений. Город просто разваливается на глазах.

— Я слышал об этом. Национальная гвардия приведена в состояние боевой готовности, но менее половины гвардейцев удалось собрать по тревоге.

— Это неудивительно. Они, наверно, решили остаться дома и защитить самих себя. Кто может их за это винить?

— Лучше бы вы спрятали своих близких здесь. Я всегда готов их принять.

— Я тоже подумал об этом, уже после их отъезда, но полагаю, чем дальше от города, тем безопаснее. Кстати, несколько моих друзей, очень хорошие люди, хотели бы укрыться у вас. Для них найдется место?

— Дом практически пустой.

— Почему? Ведь место первоклассное.

— Я очень тщательно подбирал соседей.

— Да, но... — Глаза Джека округлились. — Вы хотите сказать?..

— Да, этот дом принадлежит мне. — Джек потер глаза, а Глэкен продолжал: — Я думаю, вы слышали, что случилось с Мауи?

— Нет. А что?

Глэкен вкратце рассказал ему о сообщениях.

— Как вы думаете, она еще жива?

Глэкен кивнул:

— Вполне возможно. Она жила на северо-западном склоне, и если в тот момент находилась дома... — Тут он задал вопрос, который постоянно его волновал: — Когда вы отправляетесь, Джек?

— Завтра.

— Нет, необходимо отправиться сегодня. Каждая минута на счету.

— Это невозможно. Поддельные ожерелья будут готовы не раньше завтрашнего утра. А без них нет смысла ехать. Вот в чем загвоздка.

Глэкен с минуту подумал. Ситуация ухудшается так стремительно, что завтра может быть уже поздно. Но выбора нет. Он не может заставить Джека отправиться сегодня.

— Обещаю вылететь завтра с первым же рейсом — как только ожерелья будут готовы.

— Это может оказаться делом нелегким. Многие авиакомпании отменили полеты.

— Почему? Пилоты не являются на службу?

— Это только одна из причин. Не все самолеты долетают до места. Исчезают в пути. Взлетают, но не приземляются.

— Черт возьми! Что же происходит? Дыры в воздухе?

— Нет. В небе действуют левиафаны. Они уничтожают самолеты. Сбивают их.

Джек ничего не ответил. Снова сел и скептически посмотрел на Глэкена.

— Это правда, — сказал Билл, выводя из кухни Ника.

Он опустился в кресло, на которое падали лучи утреннего солнца. Ник тупо уставился в стену.

— Я видел их, — продолжал Билл. — Они медленно плывут в ночном небе. Каждый величиной с целый город.

— Хорошо, что хоть день в нашем распоряжении, — сказал Джек, — пусть даже он сокращается. Расалом, пожалуй, допустил ошибку, дав нам такую поблажку.

— Вовсе нет. Дневное время пробуждает все худшее, что в нас есть. Постоянная угроза сплотила бы нас, выявила бы наши лучшие качества. А дневная

передышка позволяет воспоминаниям об ужасах ночи прошедшей и страхам перед ночью предстоящей овладеть нами. Позволяет страху деморализовать нас. Страх — вот ключ к могуществу Расалома. Страх — та сила, которая разъединяет людей. Все зло, начиная от войн и расизма вплоть до самых обыденных пороков — таких, как жадность и обжорство, — берет свое начало в страхе. А что в конечном счете есть религия, если не ответ на страх — страх перед смертью, страх перед превратностями судьбы и случайностями, которыми пронизана вся наша жизнь? — Он показал рукой в направлении окна: — Сейчас там властвует страх. Он разъединяет нас, уродует, пробуждает худшее в каждом из нас. И готовит всем нам конец. — Он обернулся к Джеку: — Вот почему вы отправляетесь на Мауи, чтобы вернуть эти ожерелья.

— Я найду способ это сделать, — сказал Джек мягко. — Всегда можно что-нибудь придумать.

Глэкен был уверен, что Джек что-нибудь придумает и вернет ему ожерелья. Но что будет дальше? Он почувствовал напряжение в груди, потом в руках и ногах. Чтобы снять его, он сжал пальцы, пораженные артритом. В самом деле, что же будет дальше? Зная о происхождении металла, из которого сделаны эти ожерелья, он боялся даже находиться в одной комнате с ними. Что будет, если он до них дотронется? Или хотя бы близко подойдет? Остается лишь надеяться, что с ним ничего не случится. Но он не может рисковать. Он должен держаться на некотором расстоянии от них.

Тут Джек заговорил:

— Знаете, раз дело принимает такой оборот, хорошо бы иметь в пути помощника.

— Я могу отправиться с вами, если хотите, — сказал Билл.

Глэкен вначале сильно удивился, услышав предложение Билла. Взглянул на бывшего священника и прочел в его глазах отчаяние. В чем дело? И вдруг Глэкена осенило. Билл чувствовал себя потерянным, оторванным от корней, жителем той далекой страны, в которую скоро переселятся почти все. Бедняга. Его

разыскивает нью-йоркская полиция, как находящегося в бегах подозреваемого в убийстве. Он порвал с Церковью, все члены его семьи мертвы, а единственный уцелевший друг сидит здесь, то выходя из состояния ступора, то снова в него впадая. Что же касается Кэрол Трис, то к ней, подозревал Глэкен, Билл питает чувства куда более глубокие, чем готов признать.

Неудивительно, что ему сейчас море по колено.

Глэкен надеялся, что у Джека хватит здравого смысла не принимать это предложение.

— Ммм... Не имею ничего против вас, Билл, — замылся Джек, — но мне нужен кто-нибудь, кто хоть немного знаком с приемами рукопашного боя.

— Будь я чуть помоложе... — сказал Глэкен не без зависти.

Он мог припомнить времена, когда проклинал годы, проведенные в телесной оболочке тридцатилетнего возраста. Теперь у Глэкена, сбросившего с себя бремя вечности, бывали моменты, когда он мечтал о крепких мускулах, подвижных суставах и гибкой спине.

— Да, — сказал Джек улыбаясь, — мы составили бы неплохую пару, мне кажется. Но со вчерашнего дня я не перестаю думать об огромном вьетнамце. Подходит ли он для этого дела?

— Ба? Не знаю. Сомневаюсь, что он согласится оставить миссис Нэш без защиты, но попытка не пытка. Если хотите, позвоню ему.

— Пожалуй, лучше я сам с ним переговорю. Возможно, он не сможет устоять против моего неотразимого обаяния.

Билл громко рассмеялся. Джек искоса посмотрел на него:

— Что тут смешного, приятель?

Билл ухмыльнулся:

— Сначала я не мог разобраться, что ты за человек, но сейчас вижу — ты парень что надо.

— Кому какое дело до твоих личностных оценок? Ни одна из них не верна.

Глэкен дал Джеку координаты Тоад-Холла и пообещал предупредить по телефону о его приходе.

После ухода Джека Глэкен потянулся к пульту телевизора, но не успел включить звук, как заговорил Ник своим обычным, невыразительным голосом:

— Их будет недостаточно.

Билл сел перед ним и заглянул ему в глаза:

— Что ты сказал, Ник? Чего будет недостаточно?

— Ожерелий. Они не исправят положения. Для этого вам понадобится что-то еще. Кусочки чего-то другого. Остальные кусочки.

— Что ты имеешь в виду, Ник? Какие кусочки?

Но Ник снова отключился.

— Вы догадались, о чем он говорит?

Глэкен застыл, почувствовав слабость и неотрывно глядя на Ника.

— Боюсь, что да.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Итак, новости поступают одна хуже другой. По сообщениям Мидвеста и равнинных штатов, прошлой ночью поголовью скота был причинен большой урон. Приняты меры для его защиты, но никто не может сказать, окажутся ли они эффективными. Мой вам совет: наслаждайтесь бигмаками сегодня, потом будет поздно. А сейчас продолжаем нашу воскресную передачу «Рок-н-ролл по заявкам», послушайте Марвина Гая, который поет песню с очень злободневным названием».

(Звучит песня «Что происходит?».)

— Пойдем, Кэрол, — поторапливал Хенк, — у нас времени в обрез.

— В нашем распоряжении целый день, — возразила Кэрол, с трудом скрывая свое раздражение.

— Но дни уже не те, что были раньше. Пойдем скорее!

Кэрол догнала его на лестничной площадке, когда он вызывал лифт.

— Куда мы сейчас отправимся? — спросила она, как только захлопнулись двери лифта.

— Ты не забыла взять список?

— Нет. — Она тяжело вздохнула, нащупав в кармане плаща листок бумаги.

- Мы поделим его пополам.
- Не думаю, что это самая удачная мысль.
- Это просто необходимо, я много думал и пришел к выводу, что это самый эффективный способ все закупить.

Его глаза горели лихорадочным блеском. Почти всю ночь он составлял список того, что нужно сегодня купить. Он то и дело поднимался на верхний этаж проверить, плотно ли закрыты окна. Несколько раз обнаруживал насекомое той или иной разновидности, вцепившееся в сетку, но в целом ночь прошла спокойно.

Однако по радио и по телевизору передавали предупреждения...

Лифт остановился на четвертом этаже. Двери открылись, и к ним присоединилась еще одна супружеская чета с чемоданами в руках. Оба бледные, измученные, потрясенные. Женщину Кэрол узнала — они несколько раз встречались с ней в коридоре.

— Съезжаете? — спросила она, чуть отступив назад, чтобы впустить их.

Женщина мрачно кивнула:

— У моей сестры есть жилье в Кэтскилз. Поживем у нее, пока все не уладится.

— А что у вас произошло?

— Мы пережили ужасную ночь. Так же как и большинство жильцов на нижних этажах. Эти твари влетали через окна квартир и гонялись за нами по комнатам. Остаток ночи мы провели, запершись в туалете. Эти чудовища постоянно находились снаружи, грызли, царапали дверь, рвались внутрь.

— Какой ужас! — воскликнула Кэрол.

Только теперь она поняла, какое счастье жить на верхнем этаже. Простой ночью их не тронули. Но что сулит грядущая ночь?

— Это еще не ужас, — возразил мужчина, — а вот у Хонигсов из двенадцатого номера на четвертом этаже Джерри остался без руки, а их маленькую дочку унесли насекомые.

Женщина не выдержала и расплакалась:

— Бедняжка Кэрри!

Кэрол не была знакома с Хонигсами, но всем сердцем сочувствовала их беде.

— Может быть, мы можем что-то сделать для них — я хочу сказать, если им понадобится еда...

Хенк толкнул ее локтем и, когда она посмотрела на него, чуть заметно покачал головой.

— Хенк!..

— Я потом тебе объясню.

Лифт остановился на первом этаже. Их попутчики взяли вещи и вышли из лифта. Кэрол вцепилась в руку Хенка:

— Не хочешь ли ты сказать, что мы не поделимся жратвой с соседями, если они будут в ней нуждаться?

— Кэрол, пожалуйста, говори тише, — прошипел Хенк, оглядываясь в безлюдном коридоре. — Никто не должен знать про наши запасы. Никто! Ты расскажешь одному, тот расскажет еще двум, а те двое еще двум. Оглянуться не успеешь, как все в этом доме, да что в этом доме — во всем Ист-Сайде узнают про наши запасы. И будут стучаться к нам в дверь, прося подаяния. Дадим одному, придется дать и другим. Так и отберут все до крошки, нам ничего не оставят. А не захотим отдавать, выломают дверь, убьют нас, а потом начнут убивать друг друга, чтобы завладеть едой.

Пораженная Кэрол пристально смотрела на него.

— Господи, Хенк, что с тобой?

— Со мной? Лучше скажи, что с тобой? Неужели ты не можешь понять, что все рушится и наши запасы, «наша жратва», как ты говоришь, спасут нас от голодной смерти?

Она продолжала в изумлении смотреть на него, когда мимо с воем сирен промчалась полицейская машина.

Выживание? Просто выживание? Какой ценой? Она не могла представить себе, что отбросит все свои гуманные соображения и ценности ради туго набитого желудка. И тут неразрешимый вопрос промелькнул в ее мыслях: неужели голод — настоящий голод — изменит ход ее мыслей?

Оставалось только надеяться, что ей никогда не придется отвечать на этот вопрос. Но сейчас перед

ней совсем другой Хенк. Станный какой-то. Может быть, на него действуют логические доводы?

— Но, Хенк, ведь на всю жизнь не запасешься.

— Нет! Нет! — воскликнул он, и страх промелькнул на его лице. — Рано или поздно все придет в норму. Тогда мы сможем выменивать то, что имеем, на другие необходимые вещи, и будем настоящими королями.

— Великолечно, Хенк. Но чтобы достичь всего этого, придется шагать по трупам друзей и соседей. Ты сможешь быть счастлив при этом?

— Черт возьми, Кэрол. При чем тут счастье? Я говорю о выживании!

Он с отчаянием подумала, что перед ней глухая стена, а не человек.

— Хорошо, Хенк. Будем думать о выживании. Но мне необходим глоток свежего воздуха.

Она прошла через коридор и вышла на улицу.

— Не забудь про список! — донесся до нее голос Хенка. — К вечеру надо закупить все!

Кэрол с досадой подумала, что надо было захлопнуть за собой дверь.

Из передачи Си-эн-эн:

«Продолжаем еженедельный обзор новостей. Репортаж из Белого дома. Президент объявил чрезвычайное положение во всей стране. Все армейские резервисты уже задействованы. Конгресс собрался на чрезвычайную сессию».

Монро, Лонг-Айленд

Сильвия сразу же узнала по телефону голос старика. И не могла сдержать нахлынувшую на нее враждебность.

— Надеюсь, вы звоните не для того, чтобы предложить нам перебраться в город? — сказала она, стараясь сохранять спокойствие. — Вы ничего не добьетесь, оказывая на меня давление, мистер Вейер. Так быстро я никогда не сдаюсь.

— Я это знаю, миссис Нэш. И пожалуйста, называйте меня Глэкеном. Это мое настоящее имя.

Но Сильвия не хотела его так называть. Не хотела, потому что это означало бы стать с ним накоротке. Поэтому она промолчала.

— Я не собираюсь давить на вас, — сказал он после короткой паузы, — хотел только узнать, как прошла последняя ночь.

— Мы провели ее спокойно. Спасибо. — *Но не вам.*

Она подавила в себе желание рассказать ему, что странная привязанность, которую Джеффи к нему питал, едва не стоила мальчику жизни — так же, как и Ба, так же, как ей самой, что если бы Джеффи не был постоянно сосредоточен на нем, он бы не ушел прошлой ночью из дому. В глубине души она понимала, что Глэкен может свести на нет все ее претензии одним-единственным доводом — хорошая мать должна знать, где находится ее сын. Всю ночь она мучилась, корила себя за то, что позволила Джеффи уйти. Будь она заботливой матерью, Руди остался бы жив, а нашее Ба не осталось бы дюжины кровоточащих ран.

— У нас старый, прочно сделанный дом, — сказала она, — с металлическими ставнями, которые мы вчера сделали, он стал неприступной крепостью.

Прошлой ночью атака была неистойвой. До самого рассвета твари не переставали биться о ставни. Наглухо запершись, они лишь по наступившей тишине узнали, что взошло солнце. Она встретила новый день с облегчением, но совершенно измученная.

— Прекрасно, — сказал Глэкен, — очень рад был об этом узнать. Надеюсь, вы и впредь будете так же успешно отражать все атаки. Но я позвонил еще и по другому поводу. Хочу предупредить, что Джек, тот самый парень, который вчера проводил вас ко мне, собирается сегодня нанести вам визит.

— Я же предупредила, что не нужно на меня давить.

— Вам нечего опасаться, миссис Нэш. Он придет не к вам. Ему надо поговорить с Ба.

— Ба? А зачем ему понадобился Ба?

Она смутно вспомнила мускулистого, темноволосого, темноглазого человека, о котором говорил Глэкен, — с виду самого заурядного. Он стоял рядом с

Ба в глубине комнаты, полушепотом переговариваясь с ним. Это было так необычно для Ба — говорить с незнакомым человеком, а она не помнила, чтобы они раньше встречались.

— Пожалуй, будет лучше, если Джек сам все объяснит, — ответил Глэкен. — Всего хорошего, миссис Нэш.

Джек приехал, когда утро уже переходило в день. Сильвия слышала, как он подъехал, и наблюдала, как он выходит из своего автомобиля с порванным откидным верхом. Поскольку Ба ушел, чтобы проверить, нет ли снаружи уязвимых мест в их обороне, а Алан перекидывался мячом с Джеффи, ей самой пришлось спуститься вниз, чтобы впустить Джека. Но он не пошел к входной двери, а обогнул дом с той стороны, где работал Ба.

Что могло быть общего у этих двух людей? Сильвия не находила ответа на этот вопрос. Она едва поборола в себе желание на цыпочках подкрасться к одному из окон и подслушать их разговор. Зачем? Скоро она и так все узнает.

Как бы в подтверждение ее слов, несколькими минутами позже Ба провел Джека в дом через черный ход. За ними катился в своем кресле Алан, а замыкал шествие Джеффи, на ходу перебрасывающий мяч из одной руки в другую.

— Здравствуйте, миссис Нэш, — поздоровался Джек, протягивая ей руку, — мы виделись с вами вчера.

Она коротким движением пожала протянутую руку.

— Да, помню.

— Могу я с вами поговорить?

Алан посмотрел на Сильвию и удивленно пожал плечами.

— Почему бы нам не пройти в дом? — сказал он.

Сильвия отправила Джеффи наверх мыть руки, а сама уселась так, чтобы видна была лестница. Больше она не допустит, чтобы он разгуливал где попало.

Она твердо решила ни на минуту не выпускать его из виду.

Джек сел напротив нее. Ба остался стоять рядом с Аланом. Она почувствовала скрытую напряженность в огромном вьетнамце и постаралась на лице прочесть его мысли, но оно, как всегда, оставалось бесстрастным.

— Вы помните, как вчера Глэкен рассказывал о двух ожерельях? — спросил Джек.

Сильвия кивнула:

— Те, в которые якобы был переплавлен металл второго фокусирующего устройства.

— Именно так. Так вот, он установил, что они сейчас на Мауи, и завтра я отправляюсь за ними, чтобы доставить их сюда.

— Ну хорошо. — сказала Сильвия, — а какое отношение все это имеет к Ба?

— Я хотел бы взять его с собой.

— А что ответил Ба? — Она догадывалась об ответе, но желала убедиться, что не ошиблась.

— Он отказался. Сказал, что не может оставить вас без защиты.

Сильвия обернулась к вьетнамцу:

— Благодарю вас, Ба.

Ба отвесил ей свой обычный короткий поклон.

— Я уважаю ваши чувства, — продолжал Джек, — но считаю, что вы поступаете недальновидно. Когда день окончательно сойдет на нет, вы не сможете справиться с ситуацией. Вас буду атаковать непрерывно. У вас не будет возможности выйти наружу и укрепить слабые места. И как бы ни был прочен ваш дом, миссис Нэш, рано или поздно они ворвутся внутрь.

Она взглянула на Алана, и тот кивнул в знак согласия. Почему бы и нет? Логика неопровержимая.

— Разве вы не можете выполнить эту миссию один?

— Раньше, возможно, и смог бы. Я привык действовать в одиночку. Но сейчас ситуация изменилась. Времени в обрез. — Он поднял забинтованную руку. — Мне приходилось сталкиваться с этими тварями в темноте. И Ба, как я вижу по его шее, тоже от них пострадал.

— Так же как и я, — добавила Сильвия.

Джек удивленно вскинул брови:

— Правда? Ну, тогда вы должны понимать, что значит оставить спину без прикрытия.

Сильвия вспомнила щупальца, копошащиеся у нее в волосах, и, поежившись, спросила:

— А как долго вы знакомы с этим Глэкеном?

— Несколько дней.

— И вы нисколько не сомневаетесь в нем?

Он пожал плечами:

— Я повидал немало подонков. Сам разделался с несколькими. Но это человек стоящий. Кроме того, сейчас все летит к чертям со скоростью ста пятидесяти миль в час. После всего, что я повидал за последние три дня, поневоле поверишь ему.

С большой неохотой Сильвия созналась самой себе, что и она во все поверила.

— Когда вы отправляетесь?

— Завтра утром. Если все сложится удачно, я верну его вам во вторник. Но в любом случае не позже четверга.

— Значит, два дня, не больше? Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверен. Либо я смогу заполучить ожерелья, либо нет. Я узнаю это вскоре после прибытия на место.

— Две ночи, — сказала она задумчиво. — Ба, может быть, вы передумаете?

— Нет, миссис, — ответил он, — слишком опасно оставлять вас одну.

Краешком глаза она заметила, как напрягся Алан, — едва заметно дернулась его спина. Посторонний наблюдатель не обратил бы на это внимания. Но Сильвия слишком хорошо знала Алана. Знай Ба, как больно задел Алана своим отказом, он пришел бы в отчаяние, никогда бы себе этого не простил.

— Предложение Глэкена по-прежнему остается в силе, — сказал Джек, — перебирайтесь в город. Живите у него. Он оказался прав — его жилище не тронули. Ни один жук не побеспокоил его.

— Этот вопрос я вообще не собираюсь обсуждать, — отрезала Сильвия. — Алан и я способны справиться с

ситуацией. Этим тварям не удастся нас выжить из дома. — Она повернулась к Ба: — Здесь мы будем в безопасности, Ба. Прошлой ночью вы в этом убедились. Запрем двери, опустим ставни, и все будет в порядке. Так было нынешней ночью и так будет все последующие.

— Миссис, я в этом не уверен.

— Я тоже, Ба. Мы больше ни в чем не можем быть уверены. Пожалуй, лишь в том, что дела наши будут все хуже и хуже, пока мы все не сойдем с ума или не погибнем.

— Я клянусь защищать вас, миссис. Что бы ни случилось.

— Я знаю, Ба, — сказала она мягко.

У Сильвии потеплело на сердце от его неослабевающей преданности. Но такая преданность — не только подарок судьбы, но и тяжелая ноша. Приятно чувствовать себя под защитой, но не всегда легко ею пользоваться.

А как страшно вылезти из кокона, остаться, хотя бы временно, без защиты — это все равно, что в бурю оставить открытыми настежь все окна. К тому же Сильвия понимала, что ставит Ба в трудное положение. В общем, проблема оказалась почти неразрешимой.

— А какую пользу принесут ожерелья? — спросила Сильвия Джека.

Он пожал плечами:

— Только Глэкен это знает. Надеюсь, с их помощью все можно будет привести в порядок. Матушка-природа сошла с ума. Не исключено, что, используя их, мы сможем заставить ее пройти курс шоковой терапии.

— Если все это правда, Ба, если ожерелья помогут положить конец этому кошмару, возможно, вам надо последовать за этим человеком, чтобы до конца выполнить свою клятву.

Все взгляды обратились к Ба. Он помолчал несколько мгновений, потом сказал:

— Миссис... — В глазах его отразилась мука.

— Давайте сделаем так, — предложила Сильвия, уже все решившая для себя. — Посмотрим, как пройдет эта ночь. Если мы с Аланом почувствуем, что нам

необходима ваша помощь, попросим вас остаться. Если же окажется, что мы способны справиться сами, тогда, я думаю, вам стоит отправиться вместе с Джеком.

— Хорошо, миссис, если вы действительно этого хотите.

«Я сама не знаю, что хочу, — подумала Сильвия, — зато уверена, что нельзя провести всю жизнь заперевшись в Тоад-Холле».

— Да, — сказала она.

— Вот и хорошо, — обрадовался Джек, поднявшись и хлопнув в ладоши, — завтра ранним светлым утром я буду здесь.

— Вряд ли оно будет светлым и наверняка не будет ранним, — заметил Алан.

Джек подошел к Ба и протянул ему руку.

— Я уважаю принципы, по которым ты живешь, великан, но, поверь мне, для нас это единственный шанс найти какой-то выход, повернуть вспять все, что сейчас происходит, или остановить, сделать так, чтобы все мы смогли вернуться к нормальной жизни. Неужели ради этого не стоит рискнуть, потратив два дня?

Ба пожал его руку.

— Я поеду с тобой.

— Постарайся пока попридержать свой пыл, хорошо? — улыбнулся Джек.

Он помахал всем рукой и направился к двери. Когда он вышел, Ба повернулся к Сильвии:

— Прошу прощения, миссис. Мне нужно сделать кое-какую работу на улице.

— Конечно, — сказала Сильвия.

Когда Джек уходил, у нее перехватило дыхание от всплывшей в памяти фразы: *«Только трое из вас вернутся живыми»*.

— Что-нибудь не так? — спросил Алан.

Теперь, когда они остались одни, он неотрывно смотрел на нее своими мягкими карими глазами.

— А разве что-нибудь «так»? — спросила она в свою очередь.

— У тебя был испуганный вид.

— Я вспомнила слова того лунатика в квартире Глэкена и подумала: не посылаю ли я Ба на верную гибель? Что, если его там убьют? Вина полностью будет на мне.

— Никогда не верил, что можно предсказать будущее, — ответил он, — что касается вины, то это игра заведомо проигрышная. Ведь он может погибнуть и здесь, и виновата будешь опять-таки ты. Но фактически виноватых не найдешь ни в одном, ни в другом случае. Это всего лишь ловушка для ума.

— Пожалуй, ты прав. Я принимаю на веру какой-то бред сумасшедшего, словно все это непременно должно случиться. Наверное, я такая же сумасшедшая, как и он. — Она наклонилась и поцеловала Алана. — Спасибо, ты так добр ко мне.

Он ответил на поцелуй.

— И тебе спасибо.

— За что?

— За то, что сказала: «Алан и я способны справиться с ситуацией». Это было очень важно.

Значит, замечание Ба все-таки больно его задело.

— Ба совсем не имел в виду ничего такого.

— Я знаю.

— Ба уважает тебя, ты вызываешь в нем восхищение. И он перед тобой в неоплатном долгу за ту заботу, которую ты проявлял о Нун Тхи до самой ее смерти. Он занес тебя в свой список хороших людей.

— Не хотел бы я угодить в его список плохих людей.

— На самом деле нет никакого списка. Люди, которых он считает плохими, просто исчезают. И если он поймет, что обидел тебя, будет очень расстроен.

— Я не обиделся.

Сильвия посмотрела ему в глаза:

— Скажи правду, Алан.

— Ну хорошо, — ответил он, отводя глаза, — все эти разговоры о том, что он не хочет оставлять тебя одну, и в самом деле задели меня. И я задумался: что же я собой представляю в действительности — комнатное растение? Да, я передвигаюсь в кресле, но я не беспомощен.

— Ну конечно, не беспомощен. И Ба хорошо это знает. Но поскольку все эти годы оберегал меня он, по собственной инициативе, ему теперь кажется, что никто больше не справится с этим делом. Даже авианосец, если бы его разместили неподалеку от нашего дома.

— Просто смешно, — снова заговорил Алан, уставившись в пол, — то и дело слышишь жалобы женщин, что их считают слабым полом, не дают возможности проявить свою компетентность, способности, а может быть, и превосходство над мужчинами в бизнесе или на производстве. Но они не видят оборотную сторону медали. Мужчины скованы по рукам и ногам мужской этикой. Мы должны быть тверды, должны справляться абсолютно со всем, сохранять хладнокровие в любой ситуации, не отступать, не сдаваться, не сознаваться, что нам причинили боль, и Боже нас упаси заплакать. Все это нелегко выполнить, даже будучи в отличной форме, но скажу тебе, Сильвия, ноша становится непосильной, если сваливает тебя с ног. А иногда... иногда она бывает просто невыносимой.

Сильвия ничего не сказала, просто взяла его руку в свою. И надеялась, что этим сказано все.

Из телепередачи:

«К а м е р о н: Скажите, доктор Сапир, как вы получили эти цифры?»

С а п и р: Я просто нанес на график время восхода и заката солнца и количество дневных часов за период, начиная со среды. Эти цифры образовали кривую, которая сейчас перед вами. Мне осталось только продолжить ее.

К а м е р о н: И она показывает...

С а п и р: Вам осталось лишь проследить за ней. Сегодня мы располагаем примерно одиннадцатью часами светлого времени, завтра, в понедельник, их будет чуть меньше десяти, примерно восемь часов и сорок минут во вторник, около семи часов в среду и — вы видите, как резко вниз пошла дальше кривая, — четыре часа и сорок две минуты светлого времени в четверг.

К а м е р о н: А в пятницу?

С а п и р: А в пятницу света не будет совсем.

К а м е р о н: Совсем?

С а п и р: Именно так. Если кривая вычерчена правильно, то солнце зайдет в четверг в 3.01 пополудни и больше не взойдет. В пятницу рассвета не будет».

Манхэттен

Билл Райан сидел, потрясенный, в кабинете Глэ-кена. Он включил телевизор, надеясь, что Ник, увидев своих прежних коллег, вернется в реальный мир. Но вместо этого сам оказался в шоке.

В пятницу рассвета просто не будет. Это казалось невозможным, но доктор Сапир всемирно известный физик из Колумбийского университета.

— Ник, — повернулся Билл к молодому человеку. — Ты последнее время делаешь разные предсказания. Что же будет дальше?

Ник не ответил. Он тупо разглядывал обои на стенах.

Билл вздохнул и в который раз за последнее время стал рассматривать книги на полках, на любой вкус. Но Билла ни одна не заинтересовала. Его вообще сейчас ничего не интересовало — ни книги, ни фильмы, ни телепередачи. И что меньше всего ему хотелось — слушать выпуски новостей, они только его угнетали.

Впрочем, его все угнетало. Особенно Ник. Стоило Биллу на него посмотреть, как на память приходили люди, пострадавшие из-за близости к нему, или же от того, что он проявлял заботу о них. Его родители, маленький Дэнни Гордон, Лизл, а теперь и сам Ник. Все они или погибли, или сошли с ума. Но в чем причина? Кто-то хотел его изолировать? Заставить усомниться в самом себе? Сделать так, чтобы он ни с кем не дружил, ни о ком не заботился?

«Эй, ты, там, внизу! — мысленно произнес Билл, глянув в окно на дыру на Овечьем Пастбище. — Ты же наверняка это понимаешь. Понимаешь, что твой метод срывает».

Какая от него польза, черт возьми? В том числе и Глэкену. Ведь он приносит одни несчастья. И зачем только старик его здесь держит?

Вопросы, на которые невозможно ответить. Тем более, что Глэкена здесь сейчас нет. Он ходит по дому, помогая разместиться в пустующих квартирах друзьям Джека. Билл рад был бы помочь им — двигательная активность позволила бы ему стряхнуть с себя оцепенение, но кто-то должен остаться с Ником. Он чувствовал за Ника ответственность.

В дверь позвонили.

«Странно, — подумал он. — Кто бы это мог быть? Ведь без ключа сюда не попадешь».

Он остолбенел, увидев на пороге женщину.

— Кэрол! Я не знал, что ты собираешься прийти.

Оцепенение Билла смыло теплой волной, обдавшей его при виде Кэрол. Настроение сразу поднялось.

— Я сама этого не знала, — сказала она, — Глэкен отправил меня наверх.

Он сразу понял, что у Кэрол что-то не так. Всмотревшись в ее лицо, он заметил на нем морщинки. Кэрол всегда выглядела моложе своих лет, но сейчас ей можно было дать ее настоящий возраст.

— Проходи. — Он выглянул на лестницу. — А где Хенк?

— Откуда мне знать...

— Ты об этом хочешь поговорить?

— Да, — ответила она, но тут же тряхнула головой, — нет, я хочу сказать... — Она села на край дивана. — Знаешь, Хенк так странно себя ведет, я даже не знаю, как быть.

Она рассказала, что Хенк сильно изменился, запасает еду, составляет списки, в общем, о его навязчивых идеях.

— Я понимаю, как ты расстроена, — неожиданно для себя сказал Билл. — Ты пробовала с ним говорить обо всем этом?

Сам того не осознавая, он снова вошел в роль проповедника и доверенного лица семьи. Но тут же одернул себя. Ведь перед ним сейчас не прихожанка, перед ним — Кэрол. Женщина, которую он знает. Не просто

знает — теперь он вынужден сознаться себе, — а любит вот уже сорок лет. И было бы глупо сейчас сохранять в отношениях с ней какую-то дистанцию. Все равно не получится.

— Конечно, я пробовала, но это все равно что разговаривать со стеной. Может быть, у него срыв — как ты думаешь?

Билл вздохнул:

— Не знаю, подходит ли здесь слово «срыв». Ведь в поведении его нет ничего иррационального; все, что он делает, вполне разумно, даже мудро, с позиции самосохранения. Он напуган и потрясен, так же как и большинство людей.

К Биллу вернулось подавленное состояние.

— Я знаю, он не делает ничего плохого, никому не причинил зла. Хороший человек. По-настоящему хороший. Но теперь у него такой сумасшедший взгляд...

— Ты любишь его, Кэрол?

Слова вырвались как-то произвольно, и он тут же пожалел. Хотел было сказать, что она может не отвечать, но тут же подумал, что она и сама это знает. Поэтому решил оставить все как есть. Этот вопрос мучил его уже несколько месяцев, с тех пор как он вернулся сюда. Он хочет это знать, черт возьми.

— Да. По-своему. Не так, как любила Джима. Со-всем не так. Но он хороший человек, мягкий и добрый, по крайней мере, всегда был добрым. Но теперь он просто... я не знаю...

— Почему ты вышла за него замуж?

Ему не верилось, что он задает ей эти вопросы. Но здесь, в полумраке, когда в угасающем свете виден был лишь силуэт Кэрол, все казалось возможным. Он не стал включать лампу. Чтобы сохранить возникшую в полумраке особую атмосферу.

— Наверное, потому, что чувствовала себя одинокой, Билл. Я никого не знала в Нью-Йорке, когда приехала сюда. В основном это соответствовало моим желаниям. Я собиралась все начать заново. Возвращаться в Монро и разыскивать старых друзей не хотелось. Слишком много прошло времени. Они лишь напоминали бы мне о Джиме и нашей с ним жизни. Начались

бы расспросы: где я была все эти годы, почему тогда уехала, и еще про... ребенка. А я не хотела переживать все заново. Хотела создать новую Кэрол.

— Понимаю. Очень хорошо понимаю.

— Неужели?

— Да. Я поступил точно так же, когда жил в Северной Каролине. Даже имя изменил на Уилла Райерсона. Только совсем по другим причинам. Правда, странно? Мы были в тысячах миль друг от друга, но почти в одно и то же время хотели переделать себя.

— Значит, ты понимаешь, как может быть одиноко человеку. Но с тобой, по крайней мере, твоя вера в Бога.

Билл в раздумье покачал головой:

— Была со мной. А теперь ушла. — *Как и все, кто был мне дорог в этой жизни.* — Продолжай, пожалуйста.

— В этом городе непросто обзавестись знакомыми. По крайней мере, женщине моего возраста. Мужчины помоложе рассчитывали на легкую связь со мной, полагая, что из благодарности за проявленное внимание я немедленно лягу в постель с любым из них. Те, кто постарше, которым уже дважды не повезло с женитьбой, о браке и не помышляли, а просто искали женщину, которая ухаживала бы за ними. А вот Хенк оказался совсем другим. Ни на кого не похожим.

— Чего же он искал?

— Ничего. Он прожил долгую холостяцкую жизнь и умел сам о себе позаботиться. Не рисовался передо мной, так же как и я перед ним. Нам было очень уютно вдвоем. И легко. Как бывает настоящим друзьям.

Билл никак не отреагировал на ее слова. Что касается брака, то ему приходилось слышать и не такие причины.

— Дружба привела к... более близким отношениям, и в конце концов мы стали жить вместе. А через какое-то время решили узаконить наши отношения. — Он услышал, как она усмехнулась в темноте. — Сюжет, не подходящий для захватывающего любовного романа, но нас все это устраивало. До настоящего момента.

— Мне очень хотелось бы дать тебе какой-нибудь умный совет, Кэрол. Но все, что я могу тебе сказать, — слова застревали у него в горле, — оставь пока все, как есть. Сможет Глэкен выиграть для нас хоть немного времени, Хенк, возможно, придет в норму. Не сможет... Тогда ты сама будешь рада своим запасам еды.

— Оставить все, как есть, — повторила она, — это нелегко, но именно так я и собиралась поступить. Это мой долг. Мне просто нужно было выговориться. — Она посмотрела в окно и переменялась в лице: — О боже, уже почти стемнело! Мне пора уходить. — Она вскочила, Билл тоже поднялся. Казалось, день только начинается.

Кэрол направилась к выходу. Билл пошел следом за ней. Но выйти она не успела. Дверь открылась, и на пороге появился Глэкен. С ним был Джек.

— Кэрол? — спросил он. — Вы все еще здесь?

— Да, я задержалась. Теперь мне нужно спешить. Солнце почти зашло.

— Не почти, а уже зашло, — поправил он. — Теперь вам уже не удастся добраться до противоположной стороны парка, а значит, и попасть к себе домой.

— Но я должна быть дома. Хенк будет волноваться.

— Позвоните ему, — посоветовал Глэкен. — Когда я последний раз снимал трубку, телефоны работали. Скажите, что с вами все в порядке и сегодняшнюю ночь вы проведете здесь, в безопасности.

Билл проводил ее к телефону. Он понимал, что Кэрол расстроена, потому что не может вернуться домой, но не мог не испытать радости, что все так получилось.

Из передачи радио АМ-диапазона:

«Еще одна новость: Департамент исправительных учреждений города Нью-Йорка сообщает о массовом побеге заключенных с Райкерс-Айленда, случившемся несколько часов назад. Чуть ли не восемьдесят пять процентов надзирателей третьей смены не вышли на работу, сославшись на болезнь, а надзиратели второй смены отказались от платы за сверхурочную работу и покинули тюрьму.

Полицейский комиссариат сообщает об аналогичных проблемах в большинстве районов города».

Хенк начал работать час назад. С помощью кусачек выравнивал по длине металлические прутья и теперь гвоздями крепил их к оконной раме в ванной комнате. Забив последний гвоздь, он отступил немного, чтобы оценить свою работу.

— Вот так, — произнес он. — Теперь им не залезть сюда.

Не исключено, что эти чудовища нынешней ночью доберутся до верхних этажей. Поэтому Хенк решил подготовиться к их появлению. Даже если они прорвут москитные сетки и разобьют стекла, все равно ни один жук величиной больше двух дюймов в окружности не сможет пролезть через это ограждение. Не менее важным, чем эта решетка, была заслонка на двери. Он закрепил на дверной коробке стальные скобы — тяжелые, негнушиеся, способные держать дубовую заслонку размером четыре на четыре. Ни одна тварь теперь не сможет проникнуть сюда.

Хенк не мог не признать, что все это суший кошмар. Кэрол с ума сойдет, когда увидит.

Кэрол!

Он подошел к окну и посмотрел на улицу. Солнце садилось. Скоро воздух наполнится этими чудовищами. Пора бы ей уже вернуться домой. Где же она?

В этот момент зазвонил телефон. Хенк побежал снимать трубку и, услышав знакомый голос, испытал облегчение.

— О, Хенк! — воскликнула она. — Я так рада, что ты уже дома.

— Где ты сейчас? Неужели не видишь, что почти стемнело?

— Поэтому я и звоню. Я у Глэкена. Со мной все в порядке, но домой попасть не могу.

— Ах, вот оно что, — сказал он. Теперь, узнав, что с ней ничего не случилось, он испытал раздражение. — Ты все купила по своему списку?

— Нет.

— Как? Ты ведь знала, что я на тебя рассчитываю!

— Завтра куплю.

— Завтра не купишь! Тут теперь как в джунглях. Утром, когда я ходил за покупками, магазины рас-

продавали буквально все. Сейчас полки пустые. Черт возьми, Кэрол, не могу же я один все делать!

Она подвела его. Он старался подавить обиду.

— Мне нужно было поговорить с кем-нибудь. Я хотела увидеться с Биллом.

— Поговорить? — Его сердце забилося сильнее. — И о чем ты с ним говорила?

— О нас. Хотела кое-что для себя прояснить.

— А ты рассказала ему о... наших запасах?

— Да. Но я только...

— Кэрол! Как ты могла? — Хенку словно нож в сердце вонзили. — Разве я не просил ничего никому не рассказывать? Ведь все это для нас!

— Хорошо, Хенк. Хорошо. Поговорим, когда я вернусь. С самого утра отправлюсь домой.

— Вот и хорошо! — сказал он, чувствуя холодок на сердце. — А сейчас желаю тебе хорошо провести время со своим другом-священником. Наговориться всласть. Спокойной ночи!

Он швырнул трубку, подождал несколько секунд, потом снова поднял и не стал класть на рычаг. Затем он подошел к двери и вставил в скобы заслонку.

Из трубки доносились гудки. Хенк накрыл ее подушкой.

Кэрол... как она могла так поступить с ним? Зачем разболтала всему городу об их запасах? Зачем стремится сорвать все его планы? Бред какой-то! Ведь он заботится не только о себе, но и о ней. Как и подобает мужу. Это его обязанность.

Но, как видно, Кэрол на все это наплевать. Хуже, чем наплевать, — она активно ему мешает. Ее длинный язык все испортит. И не в его силах ее остановить.

Или попробовать?

Пусть пойдет и всем скажет, что она говорила неправду. Что все это выдумки. Но это ничего не даст. Ей никто не поверит.

Единственное, что ему остается, — это увезти куда-нибудь все продукты.

Да, так он и сделает. Увезет их на побережье Джерси. До женитьбы Хенк каждое лето снимал бунгало в

таких местах, как пляж Чедвик или Приморские Возвышенности. Чаще всего это были бараки из фанеры, но он знал два довольно прочных домика, со ставнями, способными выдержать ураган, и системой отопления. Сейчас они пустуют, потому что на пляжах никого нет и уже никогда не будет. Очень выгодное местоположение. Надо немедленно перенести все к двери и уложить в стопки высотой в четыре фута — ровно столько, сколько он может увезти за один раз на своей ручной тележке. Он прикроет каждую стопку простыней и свезет к арендованному им грузовику, который по-прежнему стоит внизу.

Хенк расстелил одеяло между штабелями провианта и стал дожидаться рассвета.

Кэрол раз двенадцать набирала номер, одновременно наблюдая, как в другом конце комнаты оживленно беседуют Глэкен и Джек. Джек приехал чуть раньше, в приподнятом настроении, потому что услышал по коротковолновой рации, как какая-то женщина по имени Джия рассказывала, будто они с дочерью Вики нашли надежное убежище где-то в Пенсильвании. В общем, что-то в этом роде. Сейчас Джек и Глэкен, разговаривая между собой, время от времени бросали взгляды в ее сторону, но она понимала, что смотрят они не на нее, а на Билла, и это ее смущало.

Она без конца набирала свой домашний номер. Занято, занято, занято. Она готова выместить всю свою злость на аппарате, словно это он не давал ей дозволиться. Необходимо поговорить с Хенком, внести ясность. Сама мысль о том, что он проведет эту ночь в квартире один, просто невыносима. Ведь он считает, что она его бросила. Кэрол попробовала дозволиться до коммутатора, но там тоже никто не отвечал. Видимо, все управление телефонной компанией теперь осуществляют компьютеры. Интересно, сколько они продержатся? Она положила трубку и посмотрела на Билла.

— Все время занято. Как ты думаешь — что-нибудь случилось?

— Возможно, он на тебя обиделся. Но это пройдет.

— Надеюсь. Никак не могу смириться с этим его нынешним поведением. Как ты думаешь — с ним все будет в порядке?

— Уверен, что он придет в норму. Хотелось бы, чтобы он так же заботился о тебе, как ты о нем.

«А ведь Билл прав, — подумала Кэрол. — Почему Хенк не позвонит, чтобы узнать, как я тут?»

Джек подошел к ней и положил руку на телефон.

— Можно я позвоню?

— Пожалуйста, — ответила она. — Я все равно не могу дозвониться.

Они с Биллом отошли в сторону, уступив Джеку место. Их влекло к окну, выходящему на Овечье Пастбище. Кэрол заметила внизу огни и мелькавшие фигуры.

— Что там происходит?

— Точно не знаю, — ответил Билл. Он взял со стола бинокль и навел на то место, где горели огни. — Днем они сбрасывали туда какие-то глубинные бомбы. А сейчас, кажется, снова поливают их инсектицидами. — Он передал ей бинокль. — Посмотри.

Овечье Пастбище оказалось в фокусе бинокля. Кэрол вспомнила, что нечто похожее она уже видела во вчерашнем вечернем выпуске новостей и тогда все закончилось кровавым кошмаром.

— Даже не верится, что они снова собираются делать то же самое, — сказала она. — Эти люди или отчаянные храбрецы, или просто сумасшедшие.

— Рискну предположить, что ни то ни другое, — заметил Билл. — Они просто делают свое дело. Все остальные могут отчаяться, опустить руки, сказать, что уже ничто не имеет значения, что мир катится ко всем чертям, что можно на все плевать, все себе позволить и при этом не нести никакого наказания, как это бывало раньше. Что можно пьянствовать, одурманивать себя наркотиками, насиловать, грабить, убивать, разрушать, сжигать, сровнять все с землей, если заблагорассудится. Но всегда найдутся и такие, которые постараются выполнить свой долг до конца, ответственные за свое дело люди, призванные поддерживать обычный поря-

док вещей, невзирая на вопли о конце света и не сворачивая с пути. Они понимают, что признать повседневную жизнь притворством, а всех людей лицемерами, играющими на публику, — это безумие. Так же как заявить: «Все, что мы делали до сих пор, — ложно. Только сейчас мы на верном пути». Они не сдадутся Расалому, хоть их и мало, чтобы он ни обрушил на их головы. Некоторые из них сейчас там, возле этой проклятой трещины.

Кэрол вдруг обнаружила, что заворуженно смотрит на Билла. К горлу подступил комок, на глазах выступили слезы. *Я знаю, ты один из них.* Ее размышления прервали аплодисменты. Она обернулась. Джек и Глэкен хлопали в ладоши.

— Бьюсь об заклад, вы великолепно читали проповеди, — сказал Джек.

Билл выглядел несколько смущенным:

— Простите, я, кажется, увлекся.

— Не стоит извиняться. Просто из ваших слов стало ясно, почему Расалом так сильно вас ненавидит. Те люди, о которых вы говорили, — единственная угроза его господству. Но их, к сожалению, мало. А будь побольше таких, кто держится до последнего, не поддается страху, способному отнять все, ради чего они жили, во что верили, у Расалома не осталось бы ни единого шанса. Увы! Такие люди встречаются редко. Разнузданность и анархия, зреющие на улице, подпитывают власть Расалома, помогают ему укорачивать дни, а страх и безумие, охватившие почти всех, придают Расалому силы. Так все и будет идти по кругу, пока он не окажется победителем.

Вспышка света привлекла внимание Кэрол. Она посмотрела в окно.

— Ой, поглядите!

Все подошли к окну, а Кэрол навела бинокль и увидела, как люди, собравшиеся на Овечьем Пастбище, поливают огнем чудовищ, вылетающих из недр земли.

— Будь я проклят! — воскликнул Джек. — Это же огнеметы! Огромные, как Кинг-Конг!

— Кажется, они делают свое дело, — сказал Билл.

И действительно, огонь делал свое дело. Насекомые, вылетающие из трещины, попадали под перекрестный огонь. Языки пламени струились в горловину трещины со всех сторон. Подпитываемое бензином из цистерн с помощью насосов, бушующее во всех направлениях пламя взяло трещину в огненное кольцо, которое поглощало насекомых, старающихся укрыться в ночной темноте. Облитые бензином или каким-то другим горючим, хлещущим из шлангов, насекомые вспыхивали и исчезали в темноте, извиваясь, корчась, кувыркаясь, пытаясь взлететь и снова падая, словно последние искры затухающего костра, поднятые ветром в воздух.

Радостное возбуждение овладело Кэрол. Эти твари подымают! С ними можно справиться! Как они ждали этого момента! Ведь появился проблеск надежды!

— Вы понимаете, что это значит?! — воскликнула Кэрол, опустив бинокль и повернувшись к остальным. — Если установить огнеметы вокруг каждой трещины...

— Ой, что там происходит? — перебил ее Джек.

Кэрол снова навела бинокль. Языки пламени становились все тоньше, они то всхлипывали, то гасли и исчезали в трещине. Или меняли направление, удалялись от нее, горящая жидкость залила всю траву вдоль оград. Вскоре Кэрол поняла, что происходит.

— Нет! — закричала она.

В бинокль ей удалось рассмотреть каких-то новых чудовищ, формой напоминавших луковицу. Туловища у них были массивные, лоснящиеся, со множеством ног, длиной с человека, а диаметром с человеческое бедро — они вылезали из трещины, извиваясь и скользя, ползли по траве, набрасывались на людей с огнеметами и разрывали их на части.

Кэрол отложила бинокль. Джек взял его, с минуту наблюдал за происходящим, потом передал бинокль Биллу.

— Каждую ночь появляются какие-нибудь новые чудовища, — сказал он хриплым, слегка дрожащим голосом.

— И каждая ночь длиннее предыдущей, — подхватил Глэкен. — Но давайте отойдем от окна. Надо кое-что обсудить.

Кэрол охотно отошла от темного окна. Она села рядом с Биллом, почти прижавшись к нему. В комнате было тепло, но ее бил озноб. Хотелось, чтобы Билл обнял ее. Сегодня ей было так одиноко.

Джек уселся напротив, Глэкен остался стоять.

— Завтра Джек отправляется в центральную часть Тихого океана с жизненно важной для всех нас миссией. Но если даже он привезет ожерелья, боюсь, этого окажется недостаточно. Есть еще один необходимый компонент. И чтобы добыть его, надо отправиться в противоположном направлении. Джек не успеет выполнить обе миссии — времени мало. Кто-то должен взять на себя эту задачу. — Все взгляды устремились на Билла, и у Кэрол внутри все замерло.

— А далеко ехать?

— В Румынию.

Кэрол стиснула руку Билла. Нет!

— Но как я туда доберусь? Ведь авиалинии...

«Он уже все решил, — подумала Кэрол. — Еще до того, как к нему обратились».

— Я знаю пилотов, — сказал Джек, — это — два брата. Они мои должники. Однажды кое-что сделал для них. Они входят в летный состав на Лонг-Айленде.

— Они все еще делают вылеты?

Джек улыбнулся:

— О таких, как они, вы как раз только что говорили. Да, они занимаются своим делом. Несмотря ни на что. Братья Эш — Фрэнк и Джо, никогда не идут на пятую — полагаю, они просто не способны на это.

— Фрэнк и Джо, — повторил Билл, — прямо как братья Харди. Но они ваши должники. Возьмут ли они на борт меня?

Джек кивнул:

— Да, за хорошую цену. Я только что переговорил с ними. Они не в восторге от перспективы лететь в Восточную Европу, но за кругленькую сумму золотом готовы это сделать.

— Золотом? — переспросил Билл. — Но у меня нет...

— У меня его навалом, — сказал Глэкен. — Вы согласны лететь?

— Конечно, — ответил Билл.

— Билл! — воскликнула Кэрол, еще крепче сжав его руку. — Подумай хорошенько!

— О чем тут думать? — Он посмотрел на нее своими чистыми, спокойными голубыми глазами. — Кто-то должен это сделать. Почему не я? Я устал чувствовать себя пятым колесом в телеге. Хочу сделать что-нибудь полезное. А здесь, черт возьми, это невозможно.

«Ты мне нужен», — подумала Кэрол и сама удивилась, как много чувства вложила в эти слова.

— Ведь тебя могут убить.

— Нас всех рано или поздно убьют, если мы не примем необходимых мер. Когда я вылетаю и когда доберусь туда? — Он повернулся к Глэкену.

— Вы отправитесь завтра утром...

«Только не завтра!» — Кэрол еле сдерживалась.

— ...И вы найдете в горном ущелье кусочки металла — обломки меча, разлетевшегося вдребезги полстолетия назад.

— Все до единого?

— Нет, только несколько. Нужен лишь образец.

От прогремевшего взрыва задрожали стекла. Кэрол бросилась к окну вслед за Глэкеном, Джеком и Биллом.

Внизу, на Овечьем Пастбище, пламя взвилось в самое небо. Взорвалась цистерна с горючим. В свете огня Кэрол даже без бинокля рассмотрела ползающих тварей. Они покрыли улицы поблескивающим, волнистым ковром.

Кэрол подняла голову. Над крышами домов поднялась огромная оранжевая луна. Сегодня она была какой-то особенной...

— Что случилось с луной? — спросила Кэрол.

Все подняли вслед за ней головы. Но только Джек понял, что произошло:

— Профиль — человеческий профиль исчез с поверхности Луны. Боже праведный — даже Луна изменилась!

— Луна не изменилась, — раздался вдруг бесстрастный голос у нее за спиной.

Кэрол вскрикнула от удивления, когда, обернувшись, увидела перед собой Ника. Его взгляд был прикован к Луне.

— Она осталась прежней, — продолжал он. — Только повернулась. Сейчас вы видите так называемую обратную сторону Луны.

Кэрол со смутным страхом наблюдала за этим извечным символом романтической любви.

Даже Луна отвернулась от нас.

— Возьмите меня с собой, — попросил Ник Билла. — Без меня вы все равно ничего не найдете.

От Кэрол не ускользнуло, как внимательно смотрит на Ника Билл, и она вопросительно взглянула на Глэкена.

Немного помедлив, Глэкен прибавил:

— Думаю, он прав. Он ускорит ваши поиски. А любой выигрыш во времени сейчас очень важен.

Кэрол снова повернулась к окну, опершись на руку Билла. Озноб не проходил, наоборот, стал еще сильнее. Она смотрела на незнакомые очертания лунного рельефа, и вдруг у нее перехватило дыхание. Что-то отвратительное, темное, огромных размеров плыло по небу, заслонив лунный свет. Оно продвигалось медленно, похожее на темный саван, простирая на все свою гигантскую тень, потом вдруг исчезло, и луна снова стала видна.

Кэрол поежилась и почувствовала на своем плече руку Билла. Но даже это не смогло унять бившую ее дрожь.

Киноафиша:

Кинотеатр под открытым небом Джо Боба, специальный выпуск:

«Исторгнутые из глубин» (1969), «Нью уорлд»

«Полет» (1958), «XX век-Фокс»

«Возвращение из полета» (1959), «XX век-Фокс»

«Курс воздушного корабля» (1965), «Липперт/XX век-Фокс»

«Ночные чудовища» (1962), «Хаммер юниверсал»

«Неземные» (1965), «Элайд артистс»

2. ЦЕРЕМОНИИ

Мауи

— Бати, это дар специально для нас! Сама Пеле подает нам знак!

Голос Моки был едва слышен в сотрясающем землю реве вулкана. Одетый только в мало, он стоял около руин туристического центра, расположенного на краю проснувшегося вулкана Халеакала. Его покрытое потом тело блестело в красноватом свете мерцающих внизу огней. Крепкое, мускулистое, оно было отчетливо видно на фоне темного неба — все, вплоть до мельчайших изгибов.

Два желтых камня в его ожерелье горели каким-то внутренним огнем. Оно и понятно. Эти ожерелья изрядно поработали на Моки. Совсем недавно он вылез из кратера с ожогами второй степени по всему телу. Но волдыри тут же стали уменьшаться, обгоревшая кожа шелушилась и отслаивалась, а под ней открывалась чистая, свежая.

Калабати отошла назад, не выдержав жара, и с беспокойством подумала о Моки. Как он изменился! Это был уже совсем не тот человек, которого она любила и с которым прожила последние несколько лет. Какой-то чужой, с расстроенной психикой, черпающий свои навязчивые идеи из окружающего их сумасшествия.

Еще вчера она за него боялась. Но сегодня уже боялась его самого. Катаклизмы, уничтожившие Большой остров и вернувшие к жизни Халеакалу, видимо, помutilи его разум.

Было и еще одно чувство, примешивающееся к страху, усугубляющее ее тоску, — гнев. Почему? Почему именно сейчас? Почему природа выбрала именно это время, чтобы сойти с ума? Было ли это совпадением? Или роком? Неужели то непосильное бремя, которое заключала в себе ее карма, — а она прекрасно отдавала себе отчет, насколько ее карма отягощена совершенными ею за сто пятьдесят лет поступками, — неужели это бремя в конце концов обрушилось на нее?

— Что все это значит, Моки? — спросила она, иронизируя над ним. — Что за знак посылает тебе богиня огня?

— Она больше не хочет, чтобы я покидал Мауи и собирал лаву на Килауеа, потому и разрушила Килауеа и послала огонь на подступы к моему жилищу.

Калабати в растерянности покачала головой. Маниакальные идеи Моки перешли уже границы. Сколько тысяч людей погибло на Большом острове во время взрыва? А сколько нашло свою смерть здесь, на Мауи, в районах, не защищенных от извержения Халеакалы? Халеакала собрала страшный урожай жертв. Хана была стерта с лица земли, Семь Священных озер погребены под тоннами пепла и грязи, выброшенными во время извержения и залитыми потоками лавы, которые заполнили долину Кипахулу, затопили долину Вахой и вылились в море. Согласно выпускам новостей, все южное побережье острова, от трещины Каупо до Нануалеле, представляло собой резервуар, заполненный жидкой лавой.

Значит, все это для того, чтобы Моки не покидал Мауи?

К счастью, лава потекла по старым руслам. Но если бы она устремилась в восточном направлении, густонаселенная центральная долина превратилась бы в огромную братскую могилу. Однако Моки и этому нашел объяснение: Пеле соблаговолила пощадить Моки и его вахине.

Да, Моки преобразился, но и в себе самой Калабати стали подмечать перемены. Внутреннее равновесие и душевный покой были нарушены, и она уже чувствовала, как разбегаются мысли по старым, проторенным тропкам, и она опять становится расчетливой и холодной.

Калабати поехала на ветру. Она стояла на высоте почти двух тысяч миль над уровнем моря, где было холодно, защищенная от жара вулкана. Ей хотелось бежать, но куда? Новости с материка пугали ее. Не исключено, что на островах будет гораздо безопаснее, но только не с Моки. Он стал опасен по-

добно взрывчатке, способной в любой момент сдетонировать и разнести в клочья все вокруг.

Но сейчас она не может его оставить. До тех пор, пока на нем ожерелье. Оно принадлежит ей, и она без него не уйдет.

Но как вернуть ожерелье? Как незаметно стащить колокольчик у кошки? Может быть, потихоньку снять с него ожерелье во сне? Но на это она не решалась. С тех пор как безумие овладело Моки, он почти не спал. И если очнется от своего короткого забытья и заметит пропажу, бросится в погоню за ней. И тогда сделает то, чего она больше всего боится. Сорвет с ее шеи ее собственное ожерелье и будет наблюдать, как обрушатся на нее ее сто пятьдесят лет. Сам он не очень состарится без ожерелья, потому что носил его всего несколько лет. Калабати превратится в дряхлую старуху прямо у него на глазах.

Она не может так рисковать. Поэтому она набралась терпения и ждала подходящего момента.

Вдруг Калабати поняла, что они не одни на краю кратера. К ним присоединилась группа мужчин разного возраста, в традиционных гавайских одеждах. Предводимые своим алии, пожилым человеком с прической вождя и в головном уборе из перьев, они приближались к тому месту, где, глядя на огонь, стоял Моки. Алии обратился к нему, и тот обернулся. До нее доносились обрывки традиционной гавайской речи, но смысл сказанного она не смогла разобрать.

Окончив разговор, Моки повернулся и пошел к ней, вниз по склону. Остальные остались у края.

— Бати. — Голос его звучал глухо, на губах блуждала идиотская улыбка, глаза лихорадочно бегали. — Ты видела их? Это последние из исконных гавайцев. Они приплыли сюда из Ниихау в поисках Мауи.

— Они нашли его, — сказала Калабати, — вернее, то, что от него осталось.

— Я говорю не про остров — они ищут Мауи-бога. Ты же знаешь эту легенду?

— Да, конечно.

Однажды, давным-давно, Мауи, озорной полинезийский полубог, забрался на вершину Халеакалы,

обиталища солнца, чтобы выполнить свой сыновний долг. Его мать пожаловалась, что дни слишком коротки и она не успевает готовить, наводить чистоту и просушивать одежду из тапы, и Мауи решил что-то придумать. Как только первый луч солнца достиг вершины, Мауи заарканил его с помощью лассо. Солнце молило его освободить, но Мауи сделал это, лишь когда солнце пообещало удлинить день, замедлив свой ход по небосклону.

— Ниихаусцы говорят: дни стали короче, потому что солнце нарушило свое обещание, и они пришли помочь Мауи, когда он будет снова ловить солнечный луч. Они спрашивают, не видел ли я Мауи.

Калабати посмотрела в ту сторону, где стояли мужчины в убранстве из перьев и с копьями, и почувствовала к ним жалость.

— И что же ты им ответил? — спросила Бати.

— Пока ничего. Я просто не знал, что сказать. Но теперь знаю.

Калабати не понравился его взгляд.

— Я боюсь тебя спрашивать, что ты собираешься им сказать.

Он еще шире улыбнулся:

— Я собираюсь сказать, что я — Мауи.

— Ох, Моки, не надо с ними играть. Ведь и так все идет хуже некуда.

— А кто играет? Я ощущаю внутри у себя какую-то странную силу. Мне кажется, я могу быть Мауи, или по крайней мере его человеческим воплощением. Говорю тебе, Бати, — это не случайно, что я оказался в этом месте именно сейчас. Возможно, мне подадут знак.

Калабати схватила его за руку и попыталась увести.

— Моки, нет. Возвращайся домой. Работай над скульптурой, которую ты начал.

— Потом. — Он высвободил руку. — Сначала скажу им, кто я такой.

Она смотрела, как он идет к краю кратера, поворачивается к мужчинам лицом, как бьет себя в грудь и указывает вниз, на пламя, потом вверх, на ночное

небо. Гавайцы понялись и стали шептаться. Потом алии подал знак одному из мужчин помоложе, тот шагнул вперед и вонзил в грудь Моки копье.

Калабати закричала.

Сознание его замутнено, но он по-прежнему контролирует себя.

Расалом растворился. Все его ткани — кости, мозг, внутренние органы, нервы — превратились в жидкость. То, что раньше было Расаломом, теперь покоится в оболочке, подвешенной к втулке колеса с четырьмя спицами — его бывшего тела. Спицы становятся толще, длиннее, каменное чрево расширяется, чтобы вместить его выросшее тело. Теперь это пещера. Она простирается бесконечно далеко вниз, туда, где полыхает холодное пламя. Ледяное мерцание обдает холодом оболочку, в которой растет его тело и рождается новая плоть. Затвердевшие колонны, образующие арку посреди пещеры, служат каналами, по которым с поверхности земли всасываются страх, насилие, боль, муки, насыщающие его, формирующие его.

Его новая плоть должна быть готова в пятницу, к вечеру.

Но сейчас настало время сделать следующий шаг — лишить их возможности видеть солнце.

Часть вторая СУМЕРКИ

Понедельник

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Из теленовостей:

«Для тех, кто еще не слышал, сообщаем, что мы с вами стали свидетелями глобального краха рынка ценных бумаг во всем мире. Биржа «Никкей» развалилась. Повсюду — в Гонконге, Европе, включая Лондон, — курсы ценных бумаг находятся в состоянии свободного падения. Нет никаких оснований ожидать, что Нью-Йоркская биржа, после открытия торгов сегодня утром, окажется в более благоприятной ситуации. Мы переживаем величайший финансовый катаклизм в истории».

Но с драгоценными металлами положение совершенно иное. В Гонконге в самом начале торгов на золото установилась цена 1251 доллар за унцию и впоследствии резко пошла вверх, превысив все мыслимые пределы. Невиданно высокая цена на серебро — 80 долларов за унцию, — зафиксированная в самом начале, продолжает расти. Похоже, никакая цена на эти металлы не может теперь показаться высокой».

Манхэттен

Хенк внезапно проснулся. Его разбудил шум в ванной. Звук бьющегося стекла. Жуки — в основном копьеголовые, бились об окна, стараясь выломать рамы. Они ворвались бы в квартиру и съели Хенка живьем, если бы не решетка на окнах. Он слышал, как они

безуспешно пытались сокрушить железные прутья, а потом улетели прочь в поисках кровавой добычи.

Раньше ни одна ночь не казалась Хенку долгой. Он клал голову на подушку и не успевал опомниться, как из будильника, встроенного в радио, уже гремела по спальне мелодия «Имус по утрам».

Теперь ночи тянулись невыносимо долго. Сначала его, измученного, сморил сон, когда он сложил коробки у двери, и теперь он попытался заснуть снова, с головой укутавшись одеялом. Несколько раз за ночь до него доносились крики из соседних квартир и топот в коридоре. Какая-то женщина барабанила в его дверь, крича, что жуки влетели в коридор, и умоляла впустить ее. Первым побуждением Хенка было откликнуться на ее просьбу — он уже потянулся было к заслонке, — но затем подумал, что это, возможно, ловушка, что кто-то выследил его, когда он делал запасы, и теперь обманым путем хочет проникнуть в квартиру. Поэтому он замер на месте, зажав ладонями уши и прикусив губу, ожидая, пока женщина уйдет. Внезапно он услышал душераздирающий крик и отнял ладони от ушей. Никто больше не кричал, доносились только мычание и булькающие всхлипы, от которых кровь стыла в жилах, потом что-то стукнуло об пол и наступила тишина.

Потрясенный Хенк уже собирался ползком добратся до одеяла, когда увидел, что через дверь просачивается кровь и собирается в лужицу у порога. Сдерживая позывы на рвоту, он побежал в ванную.

Чуть позже, очистив желудок, Хенк сварил себе кофе и включил телевизор, сделав самый тихий звук. Изображение на экране прыгало, но не пропадало совсем. А на этот случай у него был припасен переносной телевизор на батарейках. В передачах не было ничего, кроме выступлений проповедников и новостей, сообщающих об очередных катастрофах.

Президент ввел чрезвычайное положение в стране, но армия оказалась малоэффективной в борьбе с противником настолько многочисленным и настолько перемешанным с населением, которое она была призвана защищать. Те, у кого были жены, дети, родители, остались дома, чтобы защищать своих близких. Остав-

щихся катастрофически не хватало. Потому что на месте каждой дыры, которую уничтожали взрывчаткой, — в том случае, если применение взрывчатки было безопасно, — появлялись две новые. Люди быстро теряли веру в то, что правительство способно контролировать ситуацию. Весь социальный организм разваливался.

Выпуски новостей еще больше укрепили Хенка в мысли с первыми лучами солнца уехать из города. В самом деле, зачем ждать, пока окончательно рассветет? Небо светлеет. И эти твари уже должны быть на пути к трещине. Пожалуй, можно начинать загрузку фургона.

Первая часть клади уже была приготовлена и лежала на ручной тележке. Хенк отодвинул заслонку и осторожно выглянул в коридор.

Слева, около лифта, кто-то неподвижно лежал, повернутый на бок. Поблизости никого не было. Хенк вышел в коридор, запер за собой дверь, потом торопливо спустился к лифту, следуя за засохшим ручейком крови, тянувшимся от его двери к мертвому телу.

Лишь с трудом можно было определить, что это женщина. Хенк заставил себя посмотреть на нее, но узнать не смог. Тело было сморщенное, усохшее и совершенно бескровное, изгрызенная кожа висела клочьями. Он тут же заглушил голос совести, говоря себе, что не должен был открывать ночью дверь, иначе мог бы сейчас оказаться мертвым, как и эта женщина. Он твердил себе это, пока стоял в ожидании лифта, повернувшись к трупу спиной.

Хенк вздрогнул, услышав жужжание, доносившееся слева, с другого конца коридора. Обе лампочки на потолке были разбиты, и в коридоре было темно. Он не смог ничего разглядеть, но хорошо знал этот звук. Крылья. Сдвоенные драконовы крылья. Он не раз слышал этот звук за прошедшие ночи. И тут слышался другой звук — шелканье челюстей, какое издают насекомые с осиным туловищем.

Ужас схватил его за горло железной рукой. Слишком рано! Он слишком рано покинул свою квартиру!

Первым побуждением было бежать обратно, но, представив, как он стоит у запертой двери, шаря по карманам в поисках ключа, а тем временем одно из на-

секомых вцепляется ему в горло, Хенк остался на месте, продолжая отчаянно нажимать на кнопки «вверх», «вниз», только бы вызвать лифт.

Жужжание становилось все более громким и злобным, раздавалось все ближе. Потом он увидел, как жук летит по коридору, на высоте футов пяти прямо на него. Застыв от страха, подавляя крик, Хенк наблюдал за его приближением.

В этот момент он услышал, как открылись двери лифта. Хенк вскочил в кабину, заташил за собой тележку и нажал кнопку закрытия дверей. Насекомое бросилось было на него, но опоздало. Оно врезалось в край двери и упало на пол с поврежденным крылом. Оно билось на полу, металось, отделенное от Хенка пространством шириной в напольный ковер, пока тот лихорадочно нажимал кнопку первого этажа. Когда двери почти закрылись, насекомое расправило крыло и снова попыталось влететь в кабину. Хенк пригнулся, но двери сомкнулись раньше, чем жук успел до них долететь.

Стараясь обеими руками унять дрожь в животе, Хенк сидел в кабине на корточках, в изнеможении привалившись спиной к задней стенке, чувствуя, как тело покрывается липкой испариной. Ему не хотелось двигаться. Может, остаться в этой металлической коробке без окон до наступления дня? Но он заставил себя подняться на ноги. Надо выбираться из города. Загрузить в грузовик все припасы до того, как уцелевшие жильцы дома начнут снова туда-сюда.

Свет в лифте стал совсем тусклым, потом кабина дернулась и остановилась. Неужели он застрял?

Но чуть погода лифт тронулся.

Теперь все сомнения отпали. Нужно выбираться сейчас. Кто знает, отключат ли электричество?

Когда двери открылись на первом этаже, Хенк взглянул из кабины и осмотрелся. В коридоре было темно. Все лампы или разбиты, или вывинчены. Справа, в слабом свете забрезжившего рассвета, он разглядел, что толстое стекло при входе и все оконные стекла разбиты, а пол усеян осколками. У покореженной двери что-то лежало.

Уже достаточно рассвело, чтобы Хенк мог рассмотреть еще одно мертвое тело. Он прислушался. Нет, жужжания не слышно. Все спокойно. С тяжелым вздохом он покатиł тележку к входной двери. Проходя мимо трупа, замедлил шаг. Это был мужчина, снаружи мало искусанный, но совершенно обескровленный. Его он тоже не узнал. Только теперь Хенк обнаружил, что мало кого знал из соседей. Может быть, это и к лучшему. Он содрогнулся, посмотрев в широко раскрытые остекленные глаза трупа.

Как вам умиралось, мистер?

Отвернувшись, он услышал какой-то странный звук — что-то среднее между щелчком и бульканьем. Казалось, этот звук исходил от трупа. И вслед за этим звуком задвигались челюсти и кадык. Но он не может быть живым — в его глазах смерть!

Тут он увидел, как рот мертвеца открылся и в нем что-то зашевелилось и стало выползать наружу. За плоской, широкой головой с клешнями, коричневой и блестящей, со следами крови, появилось извивающееся туловище длиной футов в шесть и толщиной с банку колы, с бесчисленными ножками, тонкими, похожими на резиновые, с которых тоже капала кровь.

Какая-то гигантская сороконожка, выползшая из трупа и оказавшаяся теперь справа от него. Двигалась она достаточно проворно!

Хенк заорал и попятился по коридору. Он пятился, пока не уперся ногами в стоявший у стены диван, вскочил на него и стал карабкаться на стену. Но тварь нисколько им не интересовалась. Она по битому стеклу подползла к двери и стала выбираться наружу. Наверняка чтобы поползти к ближайшей дыре.

Никогда в жизни Хенк не видел подобного существа. Это была какая-то новая модификация, ничуть не похожая на уже знакомые ему ночные чудовища.

Почувствовав себя старой девой, испугавшейся мыши, Хенк соскочил с дивана, добежал до двери и выглянул на улицу.

Был понедельник. Небо уже посветлело. Наступало утро. Еще не рассвело окончательно, но на ули-

цах уже должны быть такси, частные автомобили и фургоны, развозящие товар. Однако никакого движения не был. И вдруг Хенк заметил, как за угол, в направлении Центрального парка, поползал какой-то жук величиной с мусорный бак, вытянув здоровенные клешни, и несколько тварей застрекотали в воздухе — они тоже летели в западном направлении. В остальном улица была пустынна. Куда делась гигантская сороконожка? Как ей удалось так быстро скрыться за углом?

Впрочем, сейчас это не важно. Нужно действовать. Он быстро вернулся в коридор, скользя по крошащимся под ногами осколкам стекла, и покатил тележку к фургону. Быстро вывалил груз в багажник и поспешил к лифту. Нужно поторапливаться. Придется сходить много раз туда и обратно, пока он загрузит в фургон все свои запасы.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Д ж о: С вами в эфире Джо и Фредди. Знаю, это время для нас необычно раннее, но, кроме нас, в студии никого не осталось. И никто не знает, куда подевались остальные.»

Ф р е д д и: Те, кто поумнее, отправились в горные районы.

Д ж о: Да, а мы вот не такие умные. По сути дела, мы переехали в студию и будем оставаться в эфире, пока нам позволят. А поскольку никого поблизости не видно, это, может быть, продлится долго.

Ф р е д д и: Да. С вами круглые сутки будут Джо и Фред.

Д ж о: Вот именно. Так что давайте начнем. Сегодня 22 мая, понедельник. Сейчас утро. Солнце, в полном соответствии с кривой Сапира, взошло в 7.40 утра и должно зайти в 5.35 после полудня, предоставив в наше распоряжение всего девять часов и пятьдесят пять минут солнечного света.

Ф р е д д и: Так что давайте поторопимся, потому что вскоре пора будет возвращаться по домам. И будьте осторожны. Помогайте друг другу. Это единственное, что нам остается».

— Разве солнце еще не взошло? — спросил Билл, выглядывая в окно. Небо уже посветлело, а солнца почему-то не было видно — лишь какой-то странный желтоватый свет.

— Похоже, небо затянуто облаками, — сказал, подходя к нему, Джек.

— Облаков нет, ни единой тучки. Выглядит так, как будто... Даже не знаю, на что это похоже. Как будто все небо залили какой-то желтой жидкостью.

— Что бы это ни было, — сказал Джек, — но мы прождали достаточно долго. Жуки спрятались до следующей ночи, и нам пора ехать. Вы готовы?

— Мне нужно только отвезти Кэрл домой.

— Хорошо. Я еще заеду в несколько мест, а потом вернусь, чтобы забрать вас с Очаровашкой Крескином, и мы отправимся на летное поле к братьям Эш.

— К тому времени я буду готов.

— Только не задерживайтесь. У нас осталось не так много времени. — Он уже собирался уйти, но снова повернулся к Биллу: — На чем вы поедете?

— На машине Глэкена.

Джек вытащил из-за пояса автоматический пистолет и протянул Биллу:

— Возьмите на всякий случай.

Билл в изумлении посмотрел на пистолет. Темная металлическая поверхность поблескивала в проникающем через окно свете. Пистолет казался каким-то чужеродным телом, он совершенно не вязался с атмосферой, царившей в квартире.

— Пистолет? Но я не умею им пользоваться.

— Я вас научу. Сначала...

— Но я не смогу им воспользоваться, Джек. Честное слово.

— На улицах сейчас небезопасно, Билл. Люди годами называли этот город джунглями, еще до того, как открылась трещина. Но они не представляли, что такое настоящая опасность. Здесь, поблизости, относительно спокойно — всякие гнусные типы вовсе не горят желанием околачиваться около дыры, как и любой другой человек, но стоит вам отъехать подальше, и вы можете угодить в места, по сравнению с которыми джунгли по-

кажутся вам подходящим местом для воскресного пикника. Возьмите с собой пистолет. Хотя бы для того, чтобы помахать им, если понадобится.

— Хорошо, — согласился Билл. Он взял пистолет и удивился: какой тяжелый. — А как же вы?

Джек усмехнулся:

— Там, где я его взял, их еще много. Кроме того, я никогда не хожу с одним.

После ухода Джека Билл засунул пистолет за брючный ремень и сверху натянул свитер. Затем пошел в кабинет, в котором провела ночь Кэрол. Он застал ее у телефона. Она опустила трубку, лишь когда он вошел.

— Все еще занято, — сказала она, — и я по-прежнему не могу дозвониться до телефонной станции.

— Я отвезу тебя домой. Уверен, с ним ничего не случилось.

В призрачном бледно-желтом свете, в котором предметы не отбрасывали тени, Билл провел машину вдоль южной окраины парка и поехал по городу в восточном направлении. Заторов на дороге не было, и вообще почти не было движения. Полицейских Билл тоже не видел, и все это ему не понравилось. Он доехал до Первой авеню и уже собирался повернуть в сторону Аптауна, но в этот момент его внимание привлек мост Куинсборо.

— Кэрол, — сказал он, со скрипом притормозив, — посмотри на мост.

— О боже, — прошептала она.

Центральный пролет моста был выломан и сейчас завис в воздухе, удерживаемый лишь крепежными тросами.

— Гравитационная дыра, — сказала Кэрол, — а какой был прекрасный мост.

— Инженеры годами твердили, что состояние мостов очень плохое. А мы даже не подозревали, насколько они правы.

Он вырулил на Первую авеню и поехал посередине улицы. Казалось, оконные стекла разбиты все до единого, кроме окон в доме Глэжена, а рамы расщеплены или вообще исчезли.

Заметив впереди, у бакалейного магазина, толпу, он стал держаться левой стороны и прибавил скорость.

— Мы с Хенком ходили сюда за покупками несколько дней назад, — сказала Кэрол.

Сейчас никто ничего не покупал. Просто грабили. В открытую. Проникали в магазин через выломанные двери, через выбитые витрины в поисках чего-нибудь съестного. Но грабить больше было нечего. Разъяренная толпа крушила пустые полки и выбрасывала их на улицу. Трое мужчин ожесточенно спорили из-за банки каких-то рыбных консервов, кажется тунца.

Дальше по улице, усеянной осколками стекла, им попадались группки людей с застывшими, напряженными лицами и затравленными, полными страха глазами. Они нервно озирались вокруг. Билл заметил трех женщин, рыдавших у парадного, из которого выносили завернутое в простыню тело. Люди напоминали призраков.

— Все рушится, — сказала Кэрол, съежившись, словно от холода, — все именно так, как предсказывал Хенк.

Когда на Шестьдесят третьей авеню Билл, исключительно по привычке, притормозил на красный свет, в них кто-то выстрелил. Пуля пробила заднее стекло и боковое на вылете. После этого Билл прибавил газу и помчался в Аптаун, не обращая больше внимания на светофоры.

Он припарковал машину у дома, где жили Хенк и Кэрол, и пошел с ней к изуродованной парадной двери.

— Фургона нет, — сказала она, оглядевшись.

— Какого фургона?

— Того, который Хенк арендовал.

— Может быть, он поставил его в другое место?

Билл сомневался, что Кэрол в это поверит, да он и сам не верил. У него было плохое предчувствие: Кэрол придется испытать этим утром жестокую обиду.

Они торопливо прошли внутрь. Кэрол вскрикнула, увидев мертвое тело на полу. Кто-то накрыл его занавеской, снятой с выломанного окна.

— Как ты думаешь, это не?... — спросила она Билла, посмотрев на него полными ужаса глазами.

— Сейчас посмотрю.

Он опустился перед трупом на колени и приподнял уголок ткани. Потом быстро опустил ее, увидев бескровное лицо с застывшей на нем предсмертной мукой, открытым ртом и пустыми глазами.

— Это не Хенк. — Он взял ее за руку и повел дальше.

Лифт поднимался медленно, рывками, будто мотор работал из последних сил. Как только он остановился на их этаже, Кэрол выскочила из кабины и побежала по коридору. Билл заметил какие-то бурые пятна на ковре и такого же цвета след, тянувшийся к ее двери, но ничего не сказал ей. К тому времени, когда Билл нагнал ее, она уже открыла дверь. Он вошел вслед за ней.

Он чуть не наткнулся на нее, когда она застыла как вкопанная на пороге.

— Пусто! — закричала она. — Его здесь нет!

— Пусто? — переспросил Билл.

Он осмотрелся. Хенка действительно нет, но комната пустой не выглядит. За исключением решетки на окне, все осталось так же, как было, когда он последний раз заходил сюда. Та же мебель, и ничего не...

— Нет провизии и всего остального из его драгоценных запасов! Все исчезло! — Судя по голосу, она была близка к тому, чтобы зарыдать. — Он ни за что не уехал бы без всего этого. Он все забрал и бросил меня!

Билл обошел квартиру. На туалетном столике в спальне нашел записку:

«Дорогая Кэрол!

Я взял все наши запасы и поехал искать безопасное место. Одно такое я, кажется, знаю. Пока не могу тебе сообщить, где оно, но, как только устроюсь, вернусь за тобой.

Любящий тебя Хенк».

Любящий. Да, это уж точно.

Прочтя записку, Кэрол почувствовала себя подавленной. Билл знал — вовсе не потому, что Хенк сбе-

жал со всеми запасами. Еда сейчас не имела для нее никакого значения. Все дело в том, что Хенк без колебаний избавился от нее, когда она перестала вписываться в его планы. Билл обнял ее за дрожащие плечи, прижал к себе.

И все-таки, черт возьми, он был рад тому, что Хенк уехал. Исчез один из барьеров, разделяющих его с Кэрол. Он ненавидел себя за эти мысли. Но он желал ее. Господи, как он желал ее...

Он заставил себя чуть отстраниться и взял ее за руку:

— Пойдем. Нам пора возвращаться.

— Нет, Билл. Я останусь здесь и буду ждать вестей от Хенка.

— От Хенка? — сказал он с неожиданным для себя самым гневом. — Хенк не позвонит. — Он подошел к кровати, вытащил из-под подушки телефонную трубку и помахал ею перед Кэрол: — Вот как сильно желает Хенк поговорить с тобой!

Кэрол как-то вся сникла, повернулась и вышла.

Билл швырнул трубку на пол. Теперь он уже злился на самого себя. Он побежал вслед за ней и догнал ее в лифте.

— Прости меня, — сказал он. — Мне не следовало этого делать. Но я ненавижу его за то, что он сбегал от тебя. И не только от тебя. От нас тоже.

Кэрол удивленно посмотрела на него полными слез глазами.

— От нас?

— Ото всех нас. Настало время, когда всем нужно держаться вместе, помогать друг другу пережить это бедствие. А те, кто поступает как Хенк, делают Расалома еще сильнее. Он прибавил еще один кирпич в стену, разъединяющую людей. Разве ты не видишь, что происходит? Связывавшие нас узы распадаются. Любовь, доверие, родство, общность, товарищество, добрососедство. Все то, что отличает человека от животного и объединяет нас, все простые человеческие понятия улечучиваются, как дым.

— Это все из-за страха, Билл. Все боятся. Повсюду смерть. Все перевернуто вверх дном — ни в чем нельзя быть уверенным.

— Это все внешняя сторона, — возразил Билл. — Расалом разрушает то, что снаружи. И не оставит камня на камне. Но внутри человек остается таким, какой он есть, связанным узами с остальными людьми. Все эти узы берут начало здесь. — Он постучал себя по груди. — Расалом не может проникнуть внутрь, пока его не впустят. Поддавшись страху, ты рвешь эти узы. И это начало конца. Потому что без них мы ничтожные, подозрительные людишки. Мы собираемся в группки, враждующие между собой, а эти группки, в свою очередь, вырождаются в скопище волков-одиночек, готовых вцепиться друг другу в спину.

— Хенк никогда бы...

— Прости меня, Кэрол, но я считаю, что тебе вонзили нож в спину. И на рукоятке этого ножа остались отпечатки пальцев Хенка. По моим понятиям, сбежать вот так — значит помочь врагу.

— Он еще позвонит, Билл.

Билл удержался от того, чтобы сказать прямо все, что он об этом думает, бросил лишь:

— У Глэкена тебе будет безопаснее. Хенк знает его номер телефона. Он найдет тебя там.

Кэрол не стала с ним спорить. Двери лифта открылись. В полном молчании они спускались вниз и почти не разговаривали в машине на обратном пути. На улице появился кое-какой транспорт, хотя и немногочисленный. Билл ехал по Семьдесят второй авеню в западном направлении, к парку. На Мэдисон-авеню, когда он сбавил скорость, чтобы пропустить грузовик, к машине подошли с мрачным видом трое негров, то ли накурившиеся наркотиков, то ли пьяные, то ли и то и другое вместе.

— «Мерседес», — сказал один из них, самый здоровенный, заплетающимся языком, — мне всегда хотелось иметь «мерседес».

Билл вытащил пистолет и через стекло навел его на одного из негров, надеясь, что этот блеф пройдет. Он знал, что не сможет нажать на спусковой крючок. Громила по-идиотски улыбнулся, поднял руки, и все трое побрели дальше. Билл заметил на себе пристальный взгляд Кэрол.

— Пистолет? — удивленно спросила она. — У тебя?

— Это была идея Джека, — ответил Билл, — я даже не умею стрелять.

Кэрол протянула руку:

— Зато я умею. Я пятнадцать лет скиталась по югу с... тем мальчиком.

Она взяла пистолет, сняла с предохранителя, шелкнула затвором и оставила его на виду.

Билл молча вел машину. На обратном пути никаких происшествий не было.

Из передачи радио АМ-диапазона:

«Дейв: А вот еще один звонок от слушателей нашей передачи из Бруклина. Что вы хотите нам сказать, Рик?»

Рик: Здравствуйте, Дейв. Я хочу сказать, что спонсоры отложили все матчи на неопределенное время.

Дейв: Какие же у вас возражения, Рик?»

Рик: Это нечестно по отношению к «Метсам». У них сейчас играет один из самых сильных составов. Они уверенно шли к призу в Пеннантах. Думаю, тут что-то грязные интриги. И знаете что...»

Шоссе Нью-Джерси

Ехать было отлично. Машины почти не встречались и все шесть полос, ведущих на юг, оказались в распоряжении Хенка.

Он удивился было, почему так мало машин, но потом догадался, что с горючим теперь совсем плохо — районы, которые он проезжал, выглядели опустошенными. Да и куда было ехать? Судя по выпускам новостей, повсюду творится черт знает что. Где гарантия, что не угодишь в еще более ужасное место? А что, если темнота настигнет в пути? Лучше заползти в какую-нибудь щель и постараться сохранить хотя бы то, что имеешь.

В дороге он не переставал думать о Кэрол. Странно, нужна была катастрофа апокалиптических масштабов, чтобы понять, насколько они с Кэрол разные и насколько поверхностными были их отношения. Жаль, что это не случилось много лет назад.

И все-таки нельзя сказать, что он ее бросил. Он верен ей так, как только можно быть верным. Он приедет за ней, когда найдет подходящее место на побережье. Но что это за место, она узнает, лишь когда приедет туда. Чтобы не болтала первому встречному. Он заметил указатель поворота номер 11 — на лесопарковую полосу. Именно сюда ему и нужно. По этой дороге он спустится к побережью, в приморский горный район. Немного погодя он увидел еще один указатель — «Станция техобслуживания Томаса А. Эдисона». Под ним, на обочине, была установлена фанерная дощечка с надписью от руки:

*«Имеется горючее для автомобилей
и дизельное топливо».*

Ну и орфография у вас!

Хенк проверил, сколько у него бензина, — осталось полбака. Один галлон здесь стоит, пожалуй, столько, что вместе с деньгами руку отхватят. Но где еще он сможет заправиться?

Он заметил впереди потрепанный фургон, свернувший с основной дороги к автосервису, и решил ехать за ним.

Приближаясь к заправочной станции, он видел, как один из двоих служащих в спецовке склонился к окну фургона, потом выпрямился и жестом показал водителю, чтобы тот проезжал дальше.

«Наверное, денег не хватило», — подумал Хенк.

Он улыбнулся и потрогал ботинком брезентовый мешок под креслом. У него есть кое-что получше, чем деньги. Серебряные монеты. Драгоценный металл. Вещь, которая всегда имеет цену, а в тяжелое время ценится особенно высоко. Тем выше, чем хуже становится жизнь.

Он сбавил скорость, достал из мешка пригоршню монет, сыпал их в карман, проверил, заперты ли двери, и поехал к заправочному пункту.

Оба служащих, крепкого телосложения, не старше тридцати, были аккуратно подстрижены и чисто выбриты. Один из них, светловолосый, подошел к машине Хенка.

— У вас есть бензин? — спросил Хенк, на пару дюймов опустив стекло.

Парень кивнул:

— А у тебя есть что-нибудь кроме пластмассы и бумаги?

Хенк вытащил монеты:

— Вот это наверняка подойдет. Они все отчеканены до 1964 года — чистое серебро.

Блондин взглянул на монеты и сказал своему темноволосому напарнику:

— Рэй! У него серебро. Возьмем?

Рэй подошел к машине с правой стороны.

— Не знаю, — сказал он через стекло. — А что еще у тебя есть?

— Больше ничего, — ответил Хенк.

— А что в багажнике? — спросил светловолосый.

Хенк догадался, что угодил в ловушку, и уже приготовился нажать на газ.

— Ничего.

Он так и не успел этого сделать. С обеих сторон окна разлетелись вдребезги, осыпав его осколками, вслед за тем в кабину с левой стороны ворвался один из парней и нанес ему кулаком удар в челюсть, от которого зарыбило в глазах. Дверца открылась, Хенка схватили за волосы и за плечо, выволокли из водительского кресла и швырнули спиной на мостовую.

Боль пронзила все тело, когда, распластавшись на спине, он судорожно хватал ртом воздух. Будто сквозь пелену, он видел, как один из заправщиков залезает в машину, выключает двигатель, достает ключи и отпирает заднюю дверцу.

— Мать честная! — послышался голос Рэя. — Гарри! Посмотри-ка! Этот парень капитально загрузился!

Хенк делал усилия, чтобы подняться на ноги. Одолеваемый страхом, он хотел бежать. Но куда? Зачем? Чтобы быть застигнутым темнотой под открытым небом? Или чтобы умереть от голода, если даже он сможет найти укрытие? Нет! Он должен вернуть свои запасы.

Хенк доковылял до машины и постарался захлопнуть заднюю дверцу.

— Это мое! — закричал он.

Светловолосый, тот, которого звали Гарри, повернулся к нему, весь красный от злости, и заработал своими пудовыми кулаками так часто, что Хенк даже не мог понять, откуда исходят удары. Еще секунду назад он стоял на ногах, а теперь голову и живот пронзила невыносимая боль, и он упал, ударившись лицом об асфальт.

Он заплакал:

— Это нечестно. Это все мое!

Хенк поднял голову и сплюнул кровью. Постепенно он стал видеть отчетливее и заметил машину белого цвета, ехавшую из лесопарка прямо сюда. Он прищурился. Сверху на машине виднелась мигалка. А на дверце красовался государственный герб. Полиция штата Джерси.

Слава богу!

Постанывая, Хенк с трудом приподнялся и, встав на колени, принялся размахивать руками.

— Помогите! Сюда! Помогите! Грабят!

Полицейская машина притормозила за его фургоном, и высокий сидящий полицейский с непокрытой головой, молодцевато выглядевший в своей серой униформе, с поблескивающей портупеей, выскочил из машины и подошел к заправщикам, склонившимся над задними окнами фургона.

— О, капитан! — воскликнул Рэй. — Погляди-те, что мы нашли.

— Да это просто супермаркет на колесах, — вторил ему Гарри.

Полицейский стал рассматривать штабеля коробок.

— Это впечатляет, — сказал он, — такая рыбка раз в жизни ловится.

— Офицер, — обратился к нему Хенк, все еще не веря своим ушам, — эти люди хотели меня ограбить.

Полицейский обернулся и посмотрел на Хенка испепеляющим взглядом:

— Мы конфискуем твои припасы.

— Значит, вы с ними заодно?

— Нет. Это они со мной заодно. Я ими команду. Я провожу операцию по отлову мешочников и маро-

дерев. Сегодня ты первый удостоился чести попасть в наши руки.

— Я купил все это! — закричал Хенк, встав на ноги и раскачиваясь, словно тростинка на ветру. — Вы не имеете права!

— Нет, — сказал офицер спокойно, — имею. Это у мешочников нет никаких прав.

— Я буду жаловаться на вас.

На лице у полицейского появилась холодная улыбка.

— Вали отсюда, мелочь. Здесь я — последняя инстанция. Скажи спасибо, что не пристрелил тебя. А жратву мы поделим между теми, кто в ней нуждается. С ней мы продержимся до тех пор, пока можно будет наводить порядок.

Хенк не мог поверить в случившееся. Надо что-то сделать, к кому-то обратиться.

И тут он увидел, как Гарри достает из коробки целлофановый пакет.

— Эй, смотрите! Вермишель, моя любимая.

Что-то оборвалось у Хенка внутри. Размахивая руками, он бросился на Гарри с криком:

— Это мое! Убери руки!

Но так и не успел ничего сделать. Капитан шагнул к нему и ударил в лицо. Хенк отлетел назад, схватившись за разбитый нос.

— Беги отсюда, мелочь, — сказал капитан твердым, бесстрастным голосом, — беги, пока можешь.

— Я не могу, — сказал Хенк, теперь смертельно напуганный, — мне некуда идти! Мы среди пустыни. У меня под передним креслом два мешка с серебряными монетами. Берите их. Только отдайте машину. Пожалуйста!

Капитан потянулся к кобуре. Не раздумывая ни секунды, он вытащил револьвер, прицелился и взвел курок.

— Так ты еще не понял меня?

В его глазах не было никаких чувств, когда он нажал на спусковой крючок. Хенк не успел пригнуться. Голову обожгла боль, мир вокруг него взорвался, ослепив его вспышкой, и наступила непроницаемая темнота.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Держитесь подальше от воды. Лучше вообще к ней не приближаться. В реках тоже завелись чудовища. Но они не прячутся днем. Только что мы получили подтверждение сообщения о том, что рыболова на Кони-Айленде стащили с пристани в воду и съели живьем на глазах у потрясенной семьи.

Так что не подходите к воде».

Манхэттен

— Что с машиной, приятель?

Какой-то пьяный, который бред, спотыкаясь, по усыпанному стеклянными осколками тротуару, направился к «корвейеру» Джека, когда тот притормозил у входа перед домом, в котором жил Вальт Дюран.

— Пришлось иметь дело с жуками, — ответил Джек, вылезая из машины.

Незнакомец рассматривал порванный верх. Это был тучный, лет пятидесяти мужчина, небритый, но в отличном сером костюме, правда, сильно испачканном. В руке он сжимал бутылочку «Паккарди лайт». В желтоватом свете лицо его казалось мертвенно-бледным.

— Разорвали, — сказал он. Лицо его исказила гримаса, и он зарыдал. — Вот так же они разорвали мою Женни.

Джек не знал, что делать. Что можно сказать плачущему пьянице? Он положил ему руку на трясущееся плечо.

— Подожди здесь. Может быть, я смогу тебе помочь.

Мужчина покачал головой и побрел дальше, не переставая плакать. Джек по ступенькам взбежал на крыльцо. Он нажал кнопку звонка, но звонок молчал. Стекло во входной двери было разбито. Звонок, скорее всего, испорчен. Джек просунул руку в образовавшийся проем и повернул ручку двери с другой стороны, после чего поспешил на третий этаж.

Он долго стучался в дверь, но Вальт так и не отозвался. Джек заволновался, вытащил из заднего кар-

мана кусочек пластмассы, просунул между дверью и косяком и отжал язычок замка. Дверь распахнулась.

— О господи! — воскликнул Джек, увидев следы разгрома в квартире.

Первая комната была усеяна осколками стекла, обивка изодрана, мебель искорежена. Пробираясь среди обломков, Джек направился в ванную — там он прошлой ночью расстался с Вальтом. Пусто, черт возьми. Оставалась лишь маленькая спальня, и он пошел туда.

Кровь. Кровь на простынях, на полу, на осколках стекла, оставшихся в оконной раме.

— Ох, Вальт, — сказал Джек с мягким укором, глядя на коричневые полосы на стекле. — Ну почему прошлой ночью ты не возвратился вместе со мной? Почему не заперся, как я тебе советовал?

Раздосадованный и опечаленный, Джек не знал, что предпринять, и снова побрел в ванную. Инструменты, которыми Вальт работал по металлу, были разложены на ржавом корыте. Но где ожерелья? Скорее всего, он не закончил их, но Джек, по крайней мере, узнал, что он начал работать.

Что теперь делать без дубликатов?

И тут он разглядел в корыте под металлической пластиной для работы что-то серебристое, змеиобразное. Опустился на колени, потрогал: ожерелье.

Джек взял его в руки, рассмотрел повнимательнее. Изогнутые в виде полумесяца звенья, таинственные надписи, два топаза с темной сердцевинкой. Такого же вида, такого же веса... Воспоминания, в основном неприятные, нахлынули на него. Особенно отчетливо он вспомнил ночь, когда на нем было настоящее ожерелье, сохранившее ему жизнь, когда он должен был умереть, и еще вспомнил, как едва не умер, сняв его.

Он прогнал воспоминания и, подумав о том, кто сделал это ожерелье, почувствовал, как комок подступил к горлу.

— Вальт, — прошептал он. — Тебе не было равных.

Он пошарил по корыту, отыскал второе ожерелье, но, рассмотрев его, тихо простонал. Работа была сдела-

на наполовину. Звенья с левой стороны были без подписей. Вальт не успел их выгравировать до того, как с ним что-то случилось. А одним ожерельем он не обойдется. По его замыслу, чтобы заполучить одно настоящее ожерелье, ему нужны два поддельных. Придется теперь придумывать что-то другое.

Выйдя на улицу, он огляделся по сторонам в поисках пьяницы и заметил его сидящим на краю тротуара на углу улицы. Джек подозвал его, но тот был всецело поглощен созерцанием канализационной решетки у него под ногами. Джек подошел к нему.

— Эй, привет! Я отвезу тебя в безопасное место, и там ты сможешь поплакать.

Мужчина поднял на него глаза.

— Там внизу кто-то есть, — сказал он, указывая на решетку, — их не видно, но я слышу, как они там шевелятся.

Джек подумал, что это, должно быть, люди, которые прячутся в канализационной сети от ночных чудовищ.

— Может быть. Но ты вряд ли пролезешь туда, так что...

— А можно им плеснуть, — сказал мужчина и влил немного рома через решетку.

Что-то сверкнуло внизу, и тут же вылез наружу кто-то длинный, тонкий, коричневый, схватил мужчину за шею и швырнул лицом на решетку, едва не сломав ему позвоночник. А потом стал затягивать внутрь. Не медленно, не постепенно, а рывками сумасшедшей силы, сопровождаемыми брызгавшими во все стороны фонтанчиками крови и отчаянными, но тщетными попытками мужчины отбиться. Джек даже опомниться не успел, прийти в себя от шока и шагнуть на помощь — мужчина исчез. Все, что от него осталось, — лужи крови и бутылка рома, из которой содержимое вытекало и лилось сквозь решетку вниз, туда, где только что скрылся ее владелец.

Джек попятился, потом развернулся и побежал к своему «Ральфу». Оказывается, не люди прячутся в канализационной сети от ночных чудовищ, а, наоборот, чудовища прячутся там от дневного света.

«Неужели я и тебя потеряю?» — думала Кэрол, стоя рядом с Биллом в его спальне и помогая ему собирать маленький дорожный саквояж со сменами белья.

Почему ее всегда оставляли? Джим покинул ее, хотя и не по своей воле, — он погиб. Ее сын — в этот момент она подумала о нем как о сыне, — оставил ее. Прошлой ночью от нее сбежал Хенк, а теперь вот Билл готовится улететь в Румынию.

— Есть у тебя хоть какие-нибудь шансы вернуться?

— Не знаю, — ответил Билл, — но думаю, что шансы у меня — не блестящие.

— О... — только и смогла произнести Кэрол.

— Мой голос звучит достаточно мужественно? — спросил Билл, выпрямляясь и глядя на нее. — Мне бы очень хотелось этого. Потому что особой храбрости я не ощущаю. Конечно, я готов выполнить эту задачу, но умирать не хочу, так же как и испытывать боль. Но должен же я что-то сделать.

— Могу я поехать с тобой?

Она готова на что угодно, лишь бы не быть покинутой, особенно теперь, когда ей осталось только сидеть и ждать звонка от Хенка. Звонка, которого, теперь она это знала, никогда не будет. И это причиняло ей боль. Между ней и Хенком не было ничего похожего на историю неувядающей любви, о которой слагают легенды, и все-таки — собрать вещи и удрать...

Даже если он позвонит, она не вернется к нему. Не станет жить с человеком, который поступил с ней подобным образом. К тому же этот безумный блеск в глазах... Она больше не верит Хенку.

— В Румынию? — переспросил Билл, удивленно взглянув на нее. — Это слишком опасно.

— А где сейчас безопасно?

Даже днем нельзя чувствовать себя в безопасности. Недавно вернулся Джек и, потрясенный, рассказал о чудовищах, которые прячутся в канализационных трубах и системе шлюзов.

— Пожалуй, только здесь. Да и Глэкен вряд ли захочет тебя отпустить.

— Зачем я ему нужна? Разве затем, чтобы ухаживать за Магдой? Я, конечно, не против, но это так мало.

— Не знаю. Может быть, ты — составная часть какого-то его замысла. Не хочу делать вид, будто понимаю, зачем он поступает именно так, а не иначе. Но он единственный, на кого можно положиться. Раз он считает, что нам необходимы кусочки металла из Румынии, я попытаюсь их добыть. И если он утверждает, что они важны для спасения мира, не стану ему возражать. Он еще ни разу нас не подвел.

— «Составная часть замысла», — словно эхо повторила Кэрол, с трудом выговаривая эти слова. — Я стала составной частью чьего-то замысла с тех пор, как забеременела и произвела на свет крохотное тельце, которое дало возможность этому... этому чудовищу вернуться в наш мир. — Голос ее дрогнул. — Он отнял у меня ребенка, Билл! Он выбросил все, что должно было стать моим малышом, и вселился в его тельце. А теперь хочет забрать еще и тебя!

Билл обнял ее и прижал к себе. От его фланелевой рубашки слегка пахло пятновыводителем, а когда она коснулась щекой жесткой ткани, то невольно подумала, что ему следует пользоваться смягчающим составом. Она еще крепче прижалась к нему. Еще немного, и ему поздно будет ехать, тогда, по крайней мере, она не потеряет его.

Только сейчас она поняла, как сильно хочет его. Но не так, как раньше, в далеком 1968-м, когда у нее возникло нелепое желание соблазнить Билла, заставить его нарушить свой обет безбрачия. То была похоть, голая похоть. А теперь совсем другое. Это была любовь. Давняя любовь. Она проделала долгий, тернистый путь от почти детского увлечения до настоящего глубокого чувства. По сути дела, она всегда любила Билла. И теперь, покинув церковь и отказавшись от своей прежней веры, он вылез из кокона священника и предстал перед ней настоящим, из плоти и крови. Ей хотелось поведать ему о своем желании, но воспоминания о той постыдной попытке соблазнить его много лет назад снова всплыли в памяти, помешав это сделать. Но если она не скажет всего сейчас, то когда еще предоставится такая возможность?

Голос Джека прозвучал в решающий момент:

— Нам пора, Билл. По пути еще надо будет сделать остановку в Монро.

Монро... город, где она выросла. И Билл тоже. Город, где Расалом проник в тело ее ребенка еще при его зачатии. Поток воспоминаний прервался, и Билл высвободился из ее рук.

— Мне нужно ехать, Кэрол. — Он хотел поцеловать ее в лоб, но Кэрол в порыве чувств подняла голову и поцеловала его в губы. И по тому, как Билл отпрянул назад и посмотрел на нее, Кэрол поняла, что Билл тоже не забыл 1968 год.

— Возвращайся ко мне, Билл, — сказала она мягко, — я не хочу потерять и тебя.

Он проглотил подкативший к горлу комок и кивнул.

— Хорошо, — голос был хриплый, — я вернусь. У нас будет время поговорить.

Он взял саквояж и направился к двери, потом вдруг остановился и повернулся к ней:

— Я люблю тебя, Кэрол. И не могу представить себе, как мог жить без этой любви.

Потом он ушел. Но последние сказанные им слова все еще витали в воздухе, и Кэрол переполняли самые противоречивые чувства — ей хотелось смеяться, но вместо этого она села на край кровати и заплакала.

Из передачи радио FM-диапазона:

«...А тем временем в море затерялась QE2. Последний раз ее сообщение приняли в воскресенье вечером. Есть опасения, что она затонула. Если бы она попала в зону гравитационных аномалий, то передала бы по радио сигнал бедствия. Единственный направленный в тот район самолет с экипажем спасателей не обнаружил оставшихся в живых людей».

Лонг-Айленд

Дорога до Монро заняла у Джека времени больше, чем он рассчитывал. Слишком оживленным было движение по главной островной магистрали, проходящей через Лонг-Айленд. Может быть, кому-то казалось, что

дела на острове обстоят получше. Впрочем, угром он разговаривал по телефону с доктором Балмером и понял — ничуть там не спокойней.

Теперь он мчался на предельной скорости, и ветер посвистывал и хлопал наверху брезентовым полотнощем. Ник сидел сзади неподвижно, словно бомби, глядя прямо перед собой. В обществе Билла было нешамного веселей. Он молча сидел слева от Джека, созерцал вид за окном, погруженный в свой собственный мир. Джек терялся в догадках — что же происходит между ним и миссис Трис? Муж бросил ее и сбежал — а теперь, выходит, Билл займет его место? Большую часть жизни он прожил как священник. И потерял немало времени, которое необходимо наверстывать. Поэтому Джек не мог его осуждать. Она весьма привлекательна, хотя лет на десять, а то и пятнадцать старше Билла. Но Джек чувствовал, что здесь нечто большее, чем просто желание воспользоваться случаем. Их отношения, видимо, имеют долгую предысторию.

В общем, приходилось развлекать себя с помощью радио. Многие станции куда-то пропали — на их частотах была полная тишина, — но несколько информационных станций оставались в эфире, передавая музыку, выпуски новостей, стараясь по возможности сообщать обо всем, будь то проверенный факт или просто пущенный кем-то слух. Нужно отдать им должное. В них оказалось силенок побольше, чем он мог ожидать.

Он выключил радио. Сейчас он был не в том настроении, чтобы слушать музыку.

— Ну что, Билл, — спросил он, показывая рукой на заднее сиденье, — как вы собираетесь управляться с нашим Эдгаром Кейси?

Билл отвернулся от окна и осуждающе посмотрел на Джека:

— Не надо над ним смеяться. Он мой старый друг и, подобно многим другим, стал жертвой обстоятельств.

Джек не любил, когда его поучали, и уже хотел ошесгиниться, но потом понял, что Билл прав.

— Прошу прощения. Я не знал его до того, как он спустился в эту дыру.

— Он был очень умен. И надеюсь, ум вернется к нему. Мозг его работал как компьютер, а сам Ник был при этом наделен добрым сердцем.

— У вас слишком большая разница в возрасте. Как вы сошлись?

— Много лет я был для него отцом.

Заметив удивление на лице Джека, Билл рассказал ему еще о иезуитском приюте в Куинсе и о том, как из-за смерти одного мальчика ему пришлось пять лет провести в бегах. История эта захватила Джека. Последнее время он каждый день виделся с Биллом, но даже не представлял себе, что это за человек и сколько ему пришлось пережить. Как же могло такое случиться? Казалось, Билл воздвиг вокруг себя стену, всячески подчеркивая свою заурядность.

Но теперь, когда Джек нашел шелку в этой стене, он решил, что Билл Райан ему нравится.

Кроме того, рассказ Билла помог им скоротать время. И вот они уже в Монро, на Прибрежном шоссе.

Наверняка Ба высматривает их у одного из окон. Как только они подъехали к крыльцу, Ба вышел с одной лишь дорожной сумкой. Вместе с ним вышли миссис Нэш, доктор Балмер и Джеффи, словно верные соратники, отправляющие своего восточного героя на войну.

— Лучше я пересяду назад, — сказал Билл, — он не поместится там.

Пока Билл устраивался на заднем сиденье, Джек вышел из машины и, махнув Ба рукой, подошел к крыльцу.

— Глэкен просил, чтобы я еще раз настоятельно — это его слово — посоветовал вам переселиться в город, к нему. Он считает, что положение здесь скоро намного ухудшится.

— С нами все будет в порядке, — заверил Джека доктор, — мы сможем себя защитить.

Джек бросил взгляд на стальные ставни. Дом сейчас напоминал крепость.

— Может, и так, — согласился он, — но я обещал передать его просьбу.

— Вы сдержали обещание, данное Глэкену, — мягко произнесла миссис Нэш, и Джеку показалось, что в глазах у нее блеснули слезы. — А теперь обещайте, что привезете Ба обратно, хорошо? — Голос ее дрогнул. — Живым и здоровым. Слышите?

— Я слышу вас, миссис Нэш, — ответил Джек, глубоко тронутый этим проявлением чувств.

Без сомнения, она по-настоящему волновалась за Ба. Была очень к нему привязана. Может быть, он ошибался. И она совсем не та «штучка», за которую себя выдавала.

— Либо мы вернемся вдвоем, — добавил он, — либо не вернемся вообще. Даю вам слово.

— Надеюсь, вы выполните свое обещание. — Сильвия посмотрела на него своими синими с сероватым оттенком глазами.

Торопливо идя к машине, Джек думал, что лучше бы ему привезти Ба обратно целым и невредимым.

На ангаре сверху висела табличка, где размашистыми красными буквами было написано: «Авиакомпания «Близнецы». Дорога была залита грязью, и по мере приближения к этому месту на душе у Билла становилось все тревожнее. Сейчас они где-то в стороне от шоссе Джерико — вот все, что он знал.

А братья Эш? Кто они такие? Он никогда раньше о них не слышал, а теперь сядет в самолет, доверив одному из них перевезти его через Атлантику. И все почему? Потому что парень по имени Джек, который уже успел сменить дюжину имен и старательно избегает полиции и всего, что с ней связано, который носит с собой два-три пистолета и еще бог знает какое оружие, который называет свой «корвейер» «Ральфом» и водит его словно маньяк, сказал, что братья Эш — «отличные ребята».

«Ну, Глэкен, старина, — мысленно обратился он к Глэкену, когда Джек притормозил у ангара, — надеюсь, поездка себя оправдает».

Навстречу к ним вышли двое мужчин — голубоглазые, худые, лет тридцати пяти, с прямыми волосами до плеч, как две капли воды похожие друг на друга. Только один носил жесткую бороду, а другой длинные обвислые усы. Оба были в обтрепанных джинсах так низко сидящих на бедрах, что, казалось, они вот-вот свалятся. На бородатом была красная майка, заправленная в ремень. Усатый поверх майки носил куртку из оленьей кожи.

— Джек, они словно вылезли из шестидесятых годов, — сказал Билл мягко, чуть шевеля губами.

— Все в порядке. Они просто вообразили себя братьями Олмен. Понарошке, конечно. Я хочу сказать, Дюан мертв и все такое. Но они, как говорится, родственные души. Родились в штате Джорджия, любят блюз, но поверь — нет на земле аэропорта, где бы они не побывали.

То, что Билл услышал, не прибавило ему доверия к этим парням.

Джек представил их ему как Фрэнка и Джо. Джо звали бородатого, с пряжкой Жи Ди, с ним и должен был лететь Билл. Но полет Билла, видимо, считался делом второстепенной важности. Основной задачей было как можно скорее отправить Джека и Ба. После того как мешок с золотыми монетами перекочевал из переднего багажника «корвейера» в сейф братьев Эш, Джо оставил Билла с Ником в маленьком кабинете и ушел помочь брату взлететь на своем «гольфстриме». Двадцатью минутами позже Билл услышал, как заработал двигатель и самолет с ревом взмыл в небо.

— Не стоит ли и нам поторопиться? — спросил Билл у Джо, когда тот вернулся в офис.

— Да, пожалуй, — сказал он, растягивая слова, — но для нас это не так важно, как для них. Если Фрэнк проявит расторопность, у них появится шанс лететь при дневном свете до самых Гавайев. А у нас такого шанса не будет. Мы летим на восток — прямо в темноту. В Румынии сейчас шесть часов вечера. Солнце уже зашло.

Судя по выражению лица, эта мысль не доставляла ему удовольствия.

— А как вы поделили нас между собой?

.. Бросили монету.

.. И вы проиграли.

Джо Эш пожал плечами:

— Не все ли равно? На обратном пути Фрэнк полетит в восточном направлении, а мы в западном. Наши шансы, пожалуй, четыре к шести. У нас на обратном пути будет меньше светлого времени. — Он добавил ворчливым тоном: — Черт. Опять я вытянул короткую спичку. Фрэнку всегда удавалось обвести меня вокруг пальца. Мой брат-близнец для меня сущее наказание.

«Час от часу не легче, — подумал Билл, — мне еще и неудачник попался».

— Вы рассчитываете лететь обратно? — спросил Билл, почти надеясь на «да».

Джо Эш усмехнулся:

— Еще бы. Я своему слову хозяин. Если только ты сам не передумаешь.

Билл покачал головой:

.. Боюсь, нам друга от друга никуда не деться.

— И я так думаю. Только вот как быть с твоим другом? На мой взгляд, выглядит он неважно.

— Он... Ему последнее время нездоровилось.

— Тоска. Может, тебе лучше оставить его здесь? А то во время этой прогулки нам, возможно, туговато придется.

— Знаю. И я сам хотел бы его оставить, но он может мне там понадобится.

Джо изучающе посмотрел на ничего не выражающее лицо Ника, потом обернулся к Биллу:

— На кой черт он тебе сдался?

— Пока не знаю. *Хотя Глэкен уверяет, что Ник мне понадобится.*

Джо тихонько присвистнул сквозь зубы:

— Ну что же, приятель. Теперь ты босс. Значит, летим. План полета у меня весь расписан. Займет он десять—одиннадцать часов, разница во времени между этим местом и Плоешти — семь часов.

— Плоешти? А я думал, мы полетим в Бухарест.

— Плоешти немного севернее Бухареста, ближе к Альпам, через которые проходит нужная тебе дорога. На моих картах я ее не нашел.

Билл отдал Джо пакет, который взял у Глэкена:

— Здесь ты ее найдешь.

— Отлично. Я сверюсь с этими картами в пути. И расшевели своего друга. Настало время танцевать рок-н-ролл.

Киноафиша:

Кинотеатр под открытым небом Джо Боба, специальный выпуск:

«Начало конца» (1957), «Рипаблик»

«Последние дни человека на земле» (1974), «Нью уорлд»

«Разгул монстров» (1965), «Голливуд стар»

«Ужас в ночи» (1947), «Парамаунт»

«Террор кровавых монстров» (1970), «ИИП»

«Монстры разрушают все» (1969), «Тохо/АИП»

«Я пью вашу кровь» (1976), «Селектед»

«Ночь с кровавыми чудовищами» (1958), «АИП»

«День, когда рыба всплывает» (1967), «Интернэшнл классикс»

«Цель — земля» (1954), «Элайд артистс»

«Сосущие кровь» (1971), «Шеврон»

Над Атлантикой

Ночь наступила особенно быстро, потому что они летели на восток. Когда их окутала тьма, свод неба стал чистым, словно хрустальным, и сквозь него четко просвечивала изменившая свой облик луна, расположенная среди невиданных раньше созвездий.

Билл оставил Ника спать в пассажирском салоне и пошел в кабину пилота, чтобы занять место рядом с Джо. Поглядывая на ночное небо, он радовался, что облаков совсем мало и луну так хорошо видно. Он не мог отыскать ни малейших признаков того, что где-нибудь поблизости находятся левиафаны, которые в субботу вечером, он видел это собственными глазами, вылетали из дыры в Центральном парке. В воздухе не было абсолютно никого, но вода, над которой они пролетали, казалась обитаемой. По ней пробегали тени, и время от времени она озарялась вспышками.

Он снова стал смотреть на звезды, изучая их, стараясь найти в их расположении какую-то закономерность или отыскать знакомые очертания.

Интересно, где мы находимся? — спросил он, как бы рассуждая вслух.

— Над Атлантикой, — ответил Джо.

— Большое спасибо. Но я имел в виду — в какой точке космического пространства мы находимся. Солнце постепенно угасает. Луна повернулась к нам другой стороной. А звезды образовали новые созвездия.

— Не просто новые созвездия, — сказал Джо, задрав голову и поглаживая бороду, — ты заметил, что звезд стало меньше? Их становится меньше с каждой ночью. Не удивлюсь, если однажды я выгляну в окно и обнаружу, что звезд вообще не осталось.

«А звезд действительно стало меньше», — подумал Билл.

— Можно подумать, что наша планета переместилась в другую часть Вселенной.

— Неплохо придумано, мужик, — сказал Джо, округлив глаза, — может, так оно и есть.

— Нет, — сказал Билл, — такое объяснение было бы слишком логичным и приемлемым, в отличие от того, что происходит на самом деле.

— Северный магнитный полюс тоже переместился, — заметил Джо, — последние два дня стрелка компаса перемещается так, как ей вздумается.

— Неужели? Впервые слышу. — И тут Билла осенило: — Если созвездия изменились и компас больше не указывает на юг, откуда ты знаешь, в каком направлении мы летим?

— По радиомаяку. Я настроился на радиосигнал, который передают с английского побережья. Он находится на нашем маршруте, хотя летим мы не в Англию.

— Куда нас занесло, Боже праведный!

Билл посмотрел вправо — там он заметил то, что вначале принял за одинокое облачко на пустынном небе. Но поразило его не само облако, а то, что находилось под ним.

Джо облокотился о его плечо, всматриваясь в темноту.

— Черт! Что там за дерьмо?

Вдали, на юге, из моря поднялась огромная колонна из какого-то серого вещества. Она слабо поблескивала в лунном свете и озарялась чем-то похожим на магнєвые вспышки. Билл прикинул, что шириной она сотни две футов, а в высоту тянется на тысячи футов, а может быть, и на мили, и верхушкой своей уходит в темное облако, растворяясь в нем.

У Билла перехватило дыхание, настолько огромной, нереальной выглядела эта колонна.

Наверное, Джо почувствовал то же самое.

— Кажется, будто небо подпирает, — произнес он вдруг охрипшим голосом. — У нас хватит горючего на тот случай, если придется?.. — поинтересовался Билл.

— Это исключено, приятель! — Джо выпрямился в кресле и проверил приборы. — Даже если бы у нас было полно горючего, я не рискнул бы приблизиться к этой штуковине. Тем более, что нет такой необходимости. Так что благодарю покорно.

Они продолжали лететь на восток, а Билл все еще не мог оторвать взгляда от гигантской колонны. Увеличивающее ее темно-серое облако продолжало расти, оно обволакивало колонну, и вскоре она стала почти неразличимой.

— Будь я трижды неладен! — воскликнул Джо. Билл повернулся к нему и увидел, как тот показывает рукой на север. — Вон там еще одно!

Билл мысленно посетовал на то, что луна недостаточно яркая и он не может рассмотреть эту штуку получше.

И тут, словно по заказу, луна выглянула на несколько секунд.

— Что это было? — спросил Джо.

У Билла пересохло во рту.

— Что-то огромное.

— Да? Ну какое примерно?

— Необъятных размеров. Шириной сотни в две футов, а в крыльях вместе с поверхностью — несколько квадратных миль.

Джо вскинул брови и стал вглядываться в ночное небо.

— Теперь и я вижу, — сказал он немного погодя, — точнее — не вижу звезд, которые оно заслонило. Оно... черт! Оно движется к нам!

Джо так резко повел «гольфстрим» на снижение, что Билла вдавило в кресло. А потом все померкло из-за того, что нечто промчалось в воздухе, в том самом месте, где их самолет пролетел несколько секунд назад. Самолет подбросило обратным потоком воздуха, вызванного взмахом огромных крыльев. Билл вертел головой, пытаясь отыскать чудовище. Тем временем Джо продолжал идти на снижение. Наконец Билл заметил чудовище с южной стороны, оно разворачивалось в воздухе, чтобы сделать очередной заход.

— Никогда в жизни не видел такой огромной штуковины, — сказал Джо.

Он все еще не вывел самолет из штопора. Под ним мерцала темная вода.

— Джо, — сказал Билл, — ты теряешь высоту.

— Необходимо продолжать снижение, — ответил тот.

И лишь когда Билл уже собирался закричать от страха, что они рухнут в океан, Джо выровнял самолет и они полетели всего в каких-нибудь пятидесяти футах над поверхностью воды.

— Ты видишь его? — спросил Джо.

Билл нервно огляделся.

— Да. Вижу его правое крыло. Чудовище нацелилось на хвост самолета и быстро приближается. О боже, оно уже совсем близко!

— Когда оно будет совсем рядом, скажешь. Только, ради бога, в тот самый момент, когда убедишься, что оно сейчас шарахнет по самолету — ни раньше, ни позже.

Ждать долго не пришлось. Чудовище двигалось быстрее, чем «гольфстрим». Только Билл успел подумать, как это такое огромное существо может летать с такой быстротой, как оно уже нависло над ними.

— Уже, Джо! Уже! Уже!

Внезапно «гольфстрим» резко вильнул влево, и Билла бросило вперед так, что он повис на своем ремне безопасности. В тот же момент океан под ними взорвался белыми брызгами.

— Что там случилось? — спросил Билл.

— Чудовище врезалось в воду, — ответил Джо, усмехаясь. — Это азбучное правило аэродинамики, приятель. Если хочешь резко повернуть во время полета, тебя обязательно занесет. А если крылья такого размаха, то нижнее крыло обязательно заденет за поверхность. Пусть оно теперь покатается.

Билл откинулся в кресле и почувствовал приступ рвоты. Но сдержался, сглотнув слюну, и протянул руку Джо.

— Ты водишь самолет как дьявол.

Джо хлопнул по протянутой руке:

— С этим я спорить не стану.

— А когда наступит день? — спросил Билл.

Джо посмотрел на часы:

— Теперь уже скоро. Солнце взойдет в 7.21 по Гринвичу. Думаю, на обратном пути мы захватим кусочек дневного времени. Но совсем мало.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Фредди: Уже 5.15, ребята. Через двадцать минут зайдет солнце.

Джо: Да, всем пора по домам».

Хенк не знал, сколько времени находился в полубытьи, то приходя в себя, то снова теряя сознание. Наконец он нашел в себе силы двигаться. В голове стучало, и Хенку казалось, что она распухла, став раза в три больше. Пульсация была невыносимой, но он заставил себя приподнять голову и огляделся. Это усилие отдалось волной невыносимой боли в левой стороне головы, перед глазами все поплыло. Он подавил подступивший к горлу приступ тошноты и остался лежать неподвижно, закрыв глаза. И, пребывая в этом неподвижном состоянии, постарался вспомнить все, что с ним произошло.

Он восстановил в памяти то, как загружал фургон, как ехал вниз по шоссе в направлении главной магистрали, как свернул с дороги, чтобы заправиться.

О боже! Полицейский. Пистолет. Выстрел.

Хенк осторожно потрогал голову с левой стороны. Глубокая кровоточащая рана чуть повыше уха и множество ссадин с запекшейся кровью по всей голове и на шее.

Но все-таки он жив. Пуля попала в голову по касательной, оставив глубокий след с наружной стороны черепа. Он чувствовал слабость, его подтащивало, голова кружилась, боль была такая, какой он раньше никогда не испытывал, но все-таки он был жив.

Хенк снова открыл глаза. Сгусток спекшейся крови виднелся на мостовой в нескольких дюймах от его носа. Не отрывая взгляда от этого сгустка, он подался всем телом вперед, поджал колени и выпрямился. Голова снова закружилась, его шатало из стороны в сторону, но чуть погодя это прошло и он начал приходить в себя.

По обе стороны от него стояли зеленые металлические контейнеры для мусора. В стороне, примерно в ста футах от него, он рассмотрел бездействующие заправочные насосы. Теперь около них никого не было. «Липовые» заправщики больше не зазывали водителей. Слева от него тянулся оштукатуренный фасад здания. В нем были размещены рестораны «Здоровяк Боб», «Рой Роджер», «Тэ-Эс-Би-Ай».

Должно быть, его оттащили в сторону, туда, где его не было видно, и оставили умирать, поджидая других незадачливых путешественников.

Стиснув зубы, преодолевая боль и тошноту, он поднялся на ноги и побрел в сторону насосов. На станции царило запустение. Главная магистраль, открывающаяся за ними, была спокойна и пуста. Машины, стоявшие там раньше, уехали.

В том числе и его фургон.

Хенку хотелось кричать. Его ограбили. И не кто-нибудь, а полицейские — государственные служащие. Боже! Что случилось с этим миром! Люди-монстры, которые хозяйничают днем, ничуть не лучше, чем чудовища, выползающие ночью.

Ночь! Он посмотрел на небо. Боже праведный! Ведь уже темнеет. Еще немного, и все эти твари, летающие

и ползучие, начнут выбираться из недр земли. Он не может оставаться под открытым небом.

Хенк потрогал боковую дверь ресторана. Заперта. Тогда он направился к главному входу. Двойные стеклянные двери были закрыты на цепь изнутри. Он всмотрелся через стекло. Внутри был полный разгром. Видимо, здесь побывали мародеры и все перевернули вверх дном. Не важно. Сейчас еда меньше всего его волновала. Все, что ему нужно, — это укрытие.

Он осмотрелся, стараясь найти в сумерках что-нибудь, чем можно разбить стекло, — например, булыжник или мусорный бак. И тут заметил тяжеленный бак для мусора. Но поднять не смог.

Охваченный паникой, Хенк обошел всю станцию, лихорадочно ища выход из положения. Он уже возвращался к тому месту, откуда начал поиски, когда рядом с его головой что-то застрекотало и послышалось щелканье челюстей. Потом еще раз. Он не видел их в темноте, но и так знал, что это осовидные жуки. Они уже здесь. Низко пригнувшись, Хенк побежал к контейнерам с другой стороны здания. Может быть, он сможет спрятаться в одном из них — залезет внутрь и закроет за собой крышку. Может быть, среди отбросов он даже найдет какие-нибудь крохи еды. Но когда он подбежал к контейнерам, то увидел, что крышки у них сорваны с петель. Что же делать?

Опустившись на корточки, он почувствовал, как нога соскочила в какое-то углубление в мостовой. Это был колодец сточных вод. Он стоял одной ногой на его ржавой решетке.

«Надо попробовать!» — подумал он, наклонившись, чтобы потянуть решетку на себя. Это был металлический квадрат два на два фута. Если он сдвинет его, то вполне сможет залезть в колодец.

Еще один жук просвистел мимо — так близко, что взъерошил его волосы. Это был копыеносец.

Стараясь не обращать внимания на пульсацию в голове, которая стала просто невыносимой от физического перенапряжения, он собрал все свои скудные силы, пытаясь сдвинуть решетку. Раздался скрежет

металла, и решетка сдвинулась на четверть дюйма, потом на полдюйма, потом выскочила из углубления. Хенк сдвинул ее в сторону и через открывшийся лаз скользнул вниз, в темноту. Спустившись фута на четыре, он ощутил под ногами какое-то жидкое месиво. Ничего страшного. Лужа неглубокая — не больше дюйма. Хенк дотянулся до решетки и попробовал закрыть лаз. Когда же она окончательно встала на место, Хенк с трудом распрямил спину и посмотрел на небо.

Там все-таки было посветлее, чем здесь. В тот момент, когда он разглядывал одиноко мерцающую сквозь дымку звезду, на решетку, прямо у Хенка над головой, опустился здоровенный шарообразный жук и попытался протиснуться внутрь. Мешочек с кислотой вдавился в решетку, выпирая через прутья с другой стороны, но он был слишком велик. И жук улетел прочь со злобным жужжанием.

Казалось, теперь, найдя безопасное пристанище, Хенк должен был почувствовать облегчение. Но вместо этого он обнаружил вдруг, что плачет. Ну и что? Все равно никто не увидит. Он здесь один, израненный — кровь все еще шла потихоньку, — замерзший, усталый, голодный, без еды, без денег, без машины. В канализационном колодце с грязной, затхлой водой, просачивающейся сквозь подошвы ботинок. Он в буквальном смысле оказался на дне.

Хенк заставил себя рассмеяться, и смех этот гулким эхом прокатился по всему колодцу. Единственное, что ему оставалось, — это утешать себя мыслью, что все могло быть и хуже.

Что-то промелькнуло справа от него.

Хенк похолодел и застыл на месте, прислушиваясь. Что это, о боже, что это? Крыса? Или кое-что похуже — намного хуже? Он вытащил ноги из воды, осторожно вытянул их и уперся в противоположную стену. Если в воде кто-то есть, то он теперь проползет, не задев его. Он всматривался в темноту справа от себя, напрягая зрение и слух, стараясь обнаружить что-то живое.

Но там ничего не было.

Зато с левой стороны раздалось негромкое шуршание, оно слышалось все ближе, потом раздались причмокивающие и царапающие звуки, и какое-то существо — нет, какие-то существа! — с тысячами ног стали переползать на него с бетонной стены.

Теперь и справа что-то зашевелилось, послышались многочисленные, торопливые всплески, в них чувствовались нетерпение, жадность, бешеные всплески, все чаще, чаще и ближе от него. Колодец ожил — он наполнился движением и звуками, и вся эта активность была обращена на Хенка.

Хенк завыл от страха, спрыгнул обратно в воду, уперся ладонями в решетку и приподнял ее. Но прежде чем ему удалось сдвинуть ее в сторону, пара клешней обхватила его правую ногу. Он вскрикнул, чувствуя ужас и отчаяние, но продолжал толкать решетку. Еще пара клешней вонзились в икру левой ноги. Потом его дернули за ноги, и он упал на колени в загхлую воду.

И тут сквозь решетку пробился слабый свет, и он рассмотрел их. Огромные сороконожки с клешнями, наподобие той, которую он видел в вестибюле своего дома выползающей у трупа изо рта. Колодец кишел ими, разными по величине — в пять, шесть, восемь, десять футов длиной. Те, что были ближе к нему, вытягивали свои головы и щелкали клешнями. Хенк бил их наотмашь, стараясь прогнать, но они сумели вцепиться холодными, как лед, клешнями в его руки и плечи. Боль и чувство страха были невыносимы. Его крик эхом отдавался по колодцу, а тем временем его уже опрокинули навзничь. Руки оказались запрокинутыми над головой, ноги вытянуты вперед. Холодная вода просачивалась сквозь одежду, струилась по спине. Все больше и больше тварей наваливалось на него, царапая тело своими бесчисленными когтистыми лапами. Они вцепились в его одежду, срывая ее, словно оберточную бумагу, пока не осталось последнего лоскутка, и теперь он лежал холодный, мокрый, обнаженный, словно еретик, растянутый на дыбе.

А потом они попятились назад, кроме тех, которые держали его, лежащего в воде. Шум в колодце стих.

Хлюпанье, всплески, скребущий звук множества лап — все пропало куда-то, и теперь единственное, что Хенк слышал, было его прерывистое дыхание.

Что им нужно? Что они...

Вдруг раздался еще какой-то звук — что-то тяжелое проползло у него под ногами. Звук этот становился все громче, и Хенк завопил от страха. Он бился в воде, отчаянно стараясь освободиться, но клешни все крепче сжимались на его руках и ногах, все глубже вонзались в его истекающее кровью тело.

Когда лунный свет стал ярче, Хенк увидел, что это сороконожка. Такая же, как остальные твари, только гораздо крупнее. Голова ее была размером с туловище Хенка, а тело, шириной в два фута, заполняло собой половину колодца.

Хенк все понял и закричал. Остальные чудовища, поменьше, были чем-то вроде рабочей силы. Они захватили его и теперь удерживали для своей королевы! Он снова предпринял отчаянную попытку высвободиться, не обращая внимания на невыносимую боль в конечностях. Он должен освободиться!

Но сделать этого он не смог. Карабкаясь по телам своих подданных, королева проползла между извивающимися ногами Хенка и положила голову ему на плечо, неотрывно глядя на него своими большими черными глазами. Онемевший от ужаса Хенк видел, как похожие на буравчики клешни выдвигаются из ее челюсти. Подняв голову, она вонзила их Хенку в живот. Хенк захлебнулся в крике, чувствуя, как буравчики все глубже вонзаются в тело.

Обжигающая жидкость проникла внутрь через отверстие в животе и разлилась по всей грудной клетке, по рукам и ногам, лишая их силы.

Яд! Он хотел крикнуть, но нейротоксичное вещество уже достигло голосовых связок и лишило его этой возможности. Наконец перестали действовать руки. После этого он лежал в воде, но не ощущал влаги. Последнее, что он увидел, прежде чем провалиться в темноту, была королева чудовищ. Она приникла к его плоти и жадно высасывала из него кровь.

Из выпуска новостей Си-эн-эн:

«Сообщение из НАСА: Прерваны контакты с большинством находящихся на орбите спутников. Функционируют только спутники связи. Иначе вы не смотрели бы сейчас нашу передачу. Остальные бесследно исчезли».

Над Тихим океаном

На аэродроме Бейкерсфилд они прошли техническое обслуживание в рекордно короткий срок. По крайней мере, так утверждал Фрэнк. Джеку оставалось лишь принять его слова на веру, но, несомненно, все прошло очень быстро. Главной причиной тому было незначительное число обслуживаемых в этот день самолетов — не более полудюжины.

На самом деле они взлетели не с самого Бейкерсфилда, а с небольшой взлетной полосы за его пределами. Фрэнк, казалось, знал абсолютно всех, здесь работало не так уж много народу, и то, что он до сих пор продолжает летать, произвело сильное впечатление. Особенно поразило то, что распоряжения насчет дозаправки для обратного полета он делает здесь.

— Учти, обратно тебе придется лететь в темноте, — сказал старик, ведавший заправкой.

Старику также причитались за горючее золотые монеты Глэкена. Морщинистый и седой, он был так стар, что вполне мог когда-то летать вместе с Билли Рикенбекером в эскадрильи Лафайета.

— Я знаю, — сказал Фрэнк, сидевший в пилотском кресле. С наушниками плеера на шее, он поигрывал кончиком своих обвислых усов.

Джек сидел позади него в пилотской кабине, которую он называл кубриком, пока его не поправили, а Ба — на одном из пассажирских кресел, вставляя в свою биту зубы чудовищ.

— Сколько самолетов исчезло в ночном небе в эти дни, Фрэнк. Взлетели и так и не приземлились.

— Да, я слышал об этом.

— Некоторые исчезают даже днем. Днем! Поэтому никто не летает, только ненормальные. Очень хотелось бы, чтобы ты, Фрэнк, вернулся.

— Спасибо, отец, — ответил Фрэнк. — Я тоже этого хочу.

— А где Джо?

— Он уже вылетел в Бухарест.

— В Венгрию?

— В Румынию.

— Один черт. Что за дерьмо? Да что это с вами случилось? Очень нужны деньги? Так я могу одолжить...

— Эх, отец, — вздохнул Фрэнк, — я ведь не ради заработка лечу. Я — летчик. Летаю, куда скажут. Это моя работа. И я не собираюсь менять занятие. Даже из-за жуков. Кроме того, я обещал этому парню доставить его, куда бы он ни попросил. Усек?

— Да нет, что-то я никак не пойму, к чему все это. А куда вы летите?

— Он хочет слетать на Мауи и обратно.

Старик через голову Фрэнка посмотрел на Джека, да так, словно тот был лунатиком. Джек улыбнулся и помахал ему рукой в стиле Оливера Харди.

— Хочу провести мою девчонку. У нее скоро день рождения.

У старика от удивления округлились глаза, и он отвернулся.

— Да... ну и погодка тут у вас, — сказал Фрэнк, глядя на серое облако, зависшее над их головами.

— Все это дерьмо принесло с Гавайев. — Старик провел пальцем по фюзеляжу и показал на слой серой пыли, приставшей к нему. — Все просто, как твое имя, Фрэнк. А ты собираешься лететь в самое пекло. Уже залили двадцать. Посмотри на приборы.

— Годится.

Старик направился к хвостовой части, чтобы проверить, как идет дозаправка. А несколькими минутами спустя они взлетели. Джек принюхивался к воздуху, просочившемуся в кабину на небольшой высоте.

— Пахнет горелым.

— Так оно и есть, — ответил Фрэнк, — смесь пара, дыма и мельчайшего вулканического пепла. В нормальных условиях это привело бы к солнечным затмениям по всей планете, но сейчас... кто знает? Ка-

жется, солнце больше не заходит так, как ему положено.

Джек почувствовал себя запертым, когда они оказались внутри серой бесформенной массы, обволакивающей иллюминаторы. Теперь невозможно было даже определить, двигаются они или нет. Оставалось довериться Фрэнку.

Возможно, еще и по этой причине он не любил летать самолетом. Он привык контролировать ситуацию. А здесь всецело зависел от Фрэнка. Он не знал, куда они летят, а случись что-нибудь с Френком, не имел ни малейшего понятия, как посадить самолет. Поэтому испугался, когда Фрэнк перевел управление с ручного на автопилот и прогулялся в хвост самолета. Хотя он не очень там задержался, Джеку показалось, что его не было целую вечность.

Вдруг серый цвет снаружи сменился черным, словно на самолет опустили занавес, и началась болтанка.

— Что это? — спросил Джек, как мог спокойно.

— Пока не знаю, — ответил Фрэнк.

— Меньше всего мне хотелось бы услышать это от своего пилота.

Джек изо всех сил вцепился в подлокотники кресла и подумал, что ногти у него наверняка побелели.

— Все будет в порядке, — сказал Фрэнк.

— Ну вот, эти слова мне больше по душе.

— Успокойся, Джек. Просто мы попали в какой-то воздушный поток, вот и все.

Облако посветлело и снова стало серым, так же неожиданно, как до этого черным. Джек перевел дух. Он прильнул к иллюминатору, вглядываясь в безграничное серое пространство, пока самолет на короткое время вошел в светлую полосу. И тут у него снова перехватило дыхание и пальцы опять вцепились в подлокотники, потому что он увидел под крылом какую-то широкую, плоскую поверхность, черную и гладкую, похожую на свежий асфальт, которая простиралась во всех направлениях, уходя краями в серый туман. Он хотел крикнуть Фрэнку, что они сейчас разобьются, но в это время увидел глаз.

Справа, вдалеке от них, примерно в четверти мили, на черной поверхности мерцал огромный, величиной с собор, с желтым пористым зрачком глаз — он разглядывал их, как разглядывают под микроскопом микроба. Джек откинулся в кресле и снова стал задыхаться.

— О господи, Фрэнк! — воскликнул он срывающимся голосом. — Что это?

Фрэнк проследил за взглядом Джека:

— Ты о чем?

Джек снова повернулся в ту сторону. Глаз закрылся. Теперь не было видно ничего, кроме серой пелены.

— Там ничего нет.

Джек вспомнил, что Глэкен упоминал о серых крылатых левиафанах с крыльями, огромных, как город, которые летали в небе, но, по его словам, они всегда держались в той части неба, которая была погружена в ночную темноту. Похоже, он ошибся. По крайней мере, один из них устроился как дома в густом тумане, пришедшем с Гавайев. А может быть, и не один.

Во рту у него пересохло.

— И как скоро мы выберемся наверх из этой дряни?

— Это может произойти в любую минуту.

И действительно, минуты через две они уже летели в чистом воздухе. Но не было ни малейших признаков солнца. Все небо являло собой как бы затемненный фильтр, и его матовые линзы не пропускали прямые солнечные лучи. Но это сейчас не очень беспокоило Джека, главное, что они уже выбрались из тумана и были вне досягаемости для страшного существа, распростершегося в облаках под ними.

Он посмотрел вниз. В небе, насколько хватает глаз, не было ничего, кроме гладкой серой поверхности облаков. В них уместилась бы целая куча левиафанов. Фрэнк сказал, что они летят над Тихим океаном, но с таким же успехом можно было бы утверждать, что они возвращаются в Нью-Йорк.

Кабина пилота вдруг показалась Джеку слишком тесной, и он решил сходить в салон посмотреть, чем занимается Ба.

— Тебе принести что-нибудь? — Он похлопал Фрэнка по плечу.

— Сигаретка с марихуаной потолще пришлась бы сейчас очень кстати. У меня тут есть немного травки...

— Фрэнк, даже не шути на эту тему.

— А кто шутит? Иначе просто невозможно летать. Помню, как я летал над Гималаями. Накурился и, когда приземлился в Катманду, был хорош. Это было...

— Прошу тебя, Фрэнк. Сейчас не надо.

Находиться в самолете на высоте шести миль над Тихим океаном с пилотом, накурившимся наркотиков... Это никак не соответствовало представлениям Джека о безмятежных небесных просторах.

Фрэнк усмехнулся:

— Ну ладно, дружище. Тогда сделай мне еще один кофе.

— Тебя еще не клонит в сон?

— Пока нет. Я тебе скажу, когда захочется спать. Тогда ты поведешь самолет.

— Два кофе сделаю тебе прямо сейчас! Уже бегу!

Джек провел вместе с Ба четыре часа, стараясь получше его узнать. Вьетнамец рассказал кое-что о Сильвии, после чего она предстала перед Джеком в несколько ином свете, о ее покойном муже, Греге, — «сержанте», как Ба его называл, — сержанте спецназа, который прошел весь Вьетнам, а потом его угрозило выйти вечером за сигаретами, и он был убит вооруженным бандитом, когда хотел помешать мелкому ограблению магазина.

Узнал он кое-что и о Джеффи, мальчике, некогда страдавшем от аутизма, и о *Дат-тай-вау*, которое на некоторое время вселилось в доктора Балмера, а потом превратило его в инвалида и которое теперь дремало в Джеффи, чего-то выжидая. Он узнал о необыкновенной любви, связавшей Сильвию и доктора Балмера, о том, что они не законные муж и жена, а просто любовники, но при этом их карма настолько переплетена, что они не мыслят жизни друг без друга.

Только про Ба Джек узнал совсем немного — что тот вырос в деревне среди полунищих вьетнамских рыбаков и безгранично предан жене сержанта, кото-

рую называл просто «миссис», и что эта преданность распространялась на всех, кто ей дорог.

Когда все вопросы были исчерпаны и наступило молчание, Джек вспомнил слова, сказанные Ником Квинном Алану Балмеру: *«Только трое из вас вернутся»*. Он стряхнул с себя это воспоминание. Может быть, Ник и вправду встретился в дыре с этим таинственным Расаломом, но он пока еще не доказал, что обладает даром предвидения. Просто говорит загадки. И все.

Тут Джек заметил, что самолет накренился влево, и отправился в переднюю часть узнать, что происходит.

— Мы что, уже долетели? — спросил он, заходя в кабину.

Фрэнк приплясывал, сидя в кресле, слушая музыку в наушниках. Музыка была включена настолько громко, что Джек даже издали узнал мелодию — это был «Стетсборо блюз». Он принялся. Наркотиками не пахло. Он тронул Фрэнка за плечо и, когда тот снял наушники, повторил свой вопрос.

— Это место уже позади, — ответил Фрэнк, — осталось только сделать разворот, чтобы подлететь с западной стороны.

Джек опустился в кресло второго пилота и выглянул в иллюминатор. Облако исчезло. В чистом воздухе просматривалась нежная голубизна Тихого океана. А справа, за приподнятым крылом самолета, голубизна перемежалась с сочной зеленью, сквозь которую в середине виднелись горы, а по краю — белый песок и пена прибоя.

— Мауи? — спросил Джек.

Фрэнк покачал головой:

— Оаху. А вон там Пёрл-Харбор. Смотри. Подлетаем к Мауи.

Через несколько секунд самолет пошел на снижение, и появились три острова.

— Вот они. Слева Молокаи, справа Ланаи, а прямо перед нами — Мауи.

Джек просматривал карты, которые им дал Глэкен. Сейчас они приближались к острову с северо-запад-

пой стороны. Молокаи выглядел обычно, и отели для туристов на побережье Каанапали стояли неповрежденные, хотя и пустые. Горные вершины в глубине острова, на западе, были скрыты под шалкой грозовых туч.

Когда Фрэнк полетел в юго-западном направлении, Джек обнаружил, что от древнего китобойного поселка Лахайна не осталось ничего — все сгорело, обуглилось, сровнялось с землей. Справа вся южная окраина Ланаи была охвачена огнем и дымилась. И тут у Джека внутри что-то оборвалось. Нет, не от того виража, который делал самолет, а от того, что он увидел перед собой. У него вдруг возникло ощущение, что он попал на один из двенадцати доисторических островов из сериала «Затерявшийся континент Земля, забытая временем».

И вот показался Мауи, такой же зеленый, как и Оаху, но окаймленный горами, с плоской долиной посередине. А самая большая гора, занимавшая почти всю восточную часть острова, сейчас извергала в воздух пламя и клубы темно-серого дыма. Но по обе стороны древнего вулкана — по крайней мере, насколько было видно Джеку — сохранилась пышная растительность.

И где-то на склоне горы — этого дьявольского дымохода — находится сейчас Калабати со своими ожерельями.

Джек рассматривал открывшийся ему вид, понимая, в какой ад вверг сам себя. Мауи выглядел невероятно хрупким, казалось, он мог быть сметен в любой момент. Так же как и все остальные Гавайи.

— Фрэнк, — попросил он, — можем мы облететь весь остров? Я хотел бы познакомиться с ландшафтом до того, как приземлимся.

— Не знаю, Джек. Время позднее. А чтобы рассмотреть что-нибудь, надо лететь на небольшой высоте. Воздушные потоки с той стороны бывают очень коварны, я имею в виду разницу температур океана, лавы, облаков, и мы можем попасть в горячие потоки. А это ни к чему, когда летишь по намеченному курсу.

— Ну что же, — бросил Джек небрежно, — если не можешь, я найду кого-нибудь, кто поднимет меня в воздух, когда мы приземлимся в аэропорту.

Фрэнк усмехнулся:

— Ты несносный, зловредный, презренный пижон, я тебя ненавижу. Чтоб твоя карма почернела и провалилась в тартарары. Полетели.

Фрэнк круто развернул самолет и, огибая западный склон ожившей Халеакалы, полетел на южную окраину острова. Пейзаж стал совсем другим — изумрудная зелень сменилась обуглившейся чернотой, словно по этим местам прошелся гигантский огнемет. А восточный склон напоминал сцену из «Ада» Данте. Жидкая лава низвергалась вниз через брешь, открывшуюся около вершины гигантского конуса; по застывшей черной корке, не переставая, сбегали красные огненные волны и, впадая в океан, поднимали в воздух огромные клубы пара.

Несколько миль Фрэнк летел по краю облаков. Справа, в том месте, где раньше находился Большой остров Гавайского архипелага, океан образовал гигантский бурлящий, пузырящийся котел — он был одним из источников облака, покрывшего большую часть восточного тихоокеанского района.

Фрэнк повернулся к Джеку:

— Ты уверен, что хочешь облететь все?

Джек кивнул:

— Да, обязательно все.

— Ну ладно. Тогда держись и не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Он резко свернул влево и направил самолет прямо туда, где клубился пар. По иллюминаторам струилась вода, словно лил дождь, самолет подбрасывало воздушными потоками и небольшими вихрями, но Фрэнк вел его, стиснув зубы, с выражением железной решимости на лице. Когда они снова пробились к свету, Фрэнк позволил себе чуть ослабить контроль за приборами и повернулся к Джеку:

— Проскочили! Совсем не туда попали. Давай попробуем еще раз. Может быть, получится... Господи Иисусе!

У Джека внутри все дрожало. Он слышал репортажи в выпусках новостей, смотрел фотографии, но все равно не был готов к тому, что увидел собственными глазами и что было похоже на земной пуп.

Водоворот. Крутящаяся, заворачивающаяся масса воды, с поверхностью в десять миль, которая медленно двигалась по периметру — там, где упиралась в залив Кахулуи, но быстро набирала скорость по мере приближения к завихряющемуся центру, а там ее засасывало в черную дыру, в самые глубины океана.

Джек и Фрэнк смотрели в немом изумлении в иллюминаторы во время двух первых заходов. Постепенно Джек стал различать кое-какие детали.

— Фрэнк! — воскликнул он, глянув вниз, когда они делали третий заход. — Там что-то похожее на...

Он схватил подвешенный к потолку бинокль и навел на разноцветные пятнышки, то прыгавшие по краю водоворота, то устремляющиеся к его завихряющемуся центру, а потом обратно.

— Что это? — спросил Фрэнк.

— Виндсерфинги. Там, внизу, компания каких-то чудаков катается на виндсерфинге по краю водоворота!

— Это ведь залив Хоокипа, Джек, мировая виндсерфинговая столица. Эти пижоны живут ради такой ерунды. Я их понимаю. Мне кажется, ты тоже.

— Да, я в это врубаюсь, — сказал Джек, кивнув. «Господи, я начинаю изъясняться, как Фрэнк!» — Но ведь одно неверное движение — и человека нет.

— Да, зато какая смерть! — произнес Фрэнк мечтательно. — Если мне суждено погибнуть, я хотел бы, чтобы это произошло прямо здесь, в самолете. Накуриться до чертиков и сигануть вниз, чтобы, когда мы долбанемся о землю, меня и самолет так перекорежило, что никто не разобрался бы, где Фрэнк Эш, а где его самолет, и чтобы нас вместе похоронили. А еще лучше — лететь вниз в одну из этих дыр, пока не кончится горючее или пока во что-нибудь не врежешься. Вот это будет полет! Можно попробовать хоть сейчас. Что скажешь?

— Сначала высади меня, — ответил Джек, — время не раннее. Думаю, нам пора идти на посадку.

Фрэнк ухмыльнулся:

— Ну надо же! Как раз тогда, когда мы начали вселиться!

Он запросил по радио метеосводку из аэропорта в Кахулуи; ему ответили, что на западе ветры стихли и посадочная полоса для него расчищена. Все в порядке, нужно поторопиться с посадкой, потому что с наступлением темноты ангары закроют.

— Посадочная полоса расчищена? — переспросил Фрэнк у Джека, идя на снижение. — Что это значит?

Они поняли, о чем шла речь, когда приземлились и открыли люки. Издалека, с востока, доносился монотонный гул — низкие раскаты бурлящей воды, неисчислимые тонны которой засасывало в глубины океана. С другой стороны светилась Халеакала, которая гремела и выпускала клубы дыма. Не прекращающий дуть бриз был теплым, влажным и зловонным.

— Черт! — воскликнул Джек, ступив на гудроновую полосу.

Запах гнили, тухлятины ударил в нос, сдавил спазмой горло. Он приладил на плечо ремень сумки и стал разглядывать заброшенные летные полосы и пустующие здания, стараясь понять, в чем дело.

— Что это?

— Дохлая рыба, — сказал Ба, выбираясь из самолета вслед за ним, — я помню этот запах по поселку, в котором вырос.

— Немного погоды вы привыкнете к пилау, — сказал водитель тягача, который подъехал, чтобы отвезти их самолет в ближайший ангар.

— Только не надо мне говорить, что на Гавайях всегда такой запах!

— Конечно нет, черт возьми. Вам разве не рассказывали? Последние две ночи здесь шел рыбный дождь.

— Рыбный?

— Ну да. Чего там только не было: тунец, скат, крабы, голубая рыба, махи-махи. Даже несколько дельфинов. Они падали с неба. И теперь каждое утро я начинаю с того, что бульдозером расчищаю взлетные полосы. Не знаю только зачем. Последние дни никто не летает — все туристы возвратились домой.

— Но откуда берется рыба?

— Из моана пука. Ночью она выбрасывает воду.

С этими словами водитель запрыгнул в кабину тягача и повез самолет в ангар, оставив Джека озадаченным: как это водоворот может выбрасывать воду — ведь это же не сливной бачок в туалете. А может быть, именно так оно и есть?

Фрэнк повел их в терминал.

— Давай-ка попробуем достать для вас машину.

Главный терминал был похож на легендарную Атлантиду, поднявшуюся из глубин моря. Стекла в окнах были выбиты, на крыше, на стенах повисла гниющая рыба и водоросли. Внутри было еще хуже.

— Черт! — выругался Фрэнк, помахивая рукой перед носом. — Воняет так, будто на рыбном базаре кончился лед.

Они пошли по вселяющему уныние заброшенному зданию, стараясь отыскать хоть кого-то, и наткнулись наконец на смуглого толстого мужчину средних лет, торопливо спускающегося по лестнице им навстречу. На его нагрудной табличке было написано: «Фред». Судя по внешности, в нем была гавайская кровь.

Джек помахал ему рукой:

— Где тут дают машины напрокат?

— Нигде. Все закрыто.

— Нам нужна машина.

— Тогда, боюсь, вам не повезло.

Джек посмотрел на Ба:

— Похоже, придется ждать до утра. Что ты на это скажешь, Ба?

Ба покачал головой:

— Мы находимся слишком далеко от миссис.

Джек кивнул: он знал, что Ба сейчас так же остро чувствует время, как и он сам, а может быть, и еще острее. Он схватил за руку мужчину, который уже собирался улизнуть.

— Ты не понял нас, Фред, нам действительно нужна машина.

Фред попытался высвободиться, но Джек еще крепче сжал его дряблую руку. Ба подошел ближе и смерил Фреда взглядом.

— Ничем не могу помочь вам, мистер, — пробормотал тот, съежившись, — уже начало пятого. Через полчаса начнет темнеть. Мне пора возвращаться домой.

— Отлично, — согласился Джек, — но мы здесь чужаки, в отличие от тебя. И поскольку никого больше нет поблизости, то мы выбрали тебя, чтобы ты помог нам найти машину. И если ты не поможешь нам ее найти, мы заберем твою. Так где они держат машины?

Фред перевел взгляд с Джека на Ба, потом на стоящего позади них Фрэнка. Джеку было немного жаль парня, но сейчас не до правил хорошего тона.

— Ну ладно, — сказал наконец Фред, — я помогу вам. Покажу, где стоят машины для проката. Но где ключи от гаража, я понятия не имею...

— О ключах я сам позабочусь. От тебя требуется только проводить нас туда.

— Ладно, — сказал Фред, подняв голову и глядя сквозь разбитое окно на крыше, — только нам нужно поторопиться.

Им не пришлось ехать далеко. Гаражи с машинами напрокат находились всего ярдах в двухстах от склада. Джек достал свой «цеммерлинг» 45-го калибра и выстрелом выбил звено из цепочки на двери гаража. Протухшая рыба валялась там повсюду — на машинах, между машинами, в проходе, — и вонь была нестерпимая. Они ехали прямо по рыбе на машине Фреда, и, когда под колеса попадала особенно гнилая, внутренности разлетались в разные стороны. Он подвез их к джипу «ларедо». Джек подумал, что ему снова придется поработать, но на этот раз обошлось. Ключи были на месте. Машина легко завелась. Бак с горючим был заполнен больше, чем наполовину, но меньше, чем на три четверти. Этого должно хватить. Джек вернулся к машине Фреда, где его ждали Ба и Фрэнк. Он развернул карту Мауи и нашел на ней помеченный крестиком город Кула.

— Как лучше всего выехать вот сюда, на шоссе Пали?

— Вы что, собираетесь ехать в верховья? Подняться на Халеакалу? — поразился Фред. — Вы, наверное, разыгрываете меня?

— Фред, — сказал Джек, пристально глядя на него, — мы знакомы с тобой всего несколько минут. Но посмотри на меня повнимательнее. Разве человек с таким лицом может шутить?

— Хорошо, хорошо. Я никогда не слышал о шоссе Пали, но то место, которое указано на карте, расположено где-то между дорогами Крейтер и Виаполи. Вы сначала поедете по Тридцать седьмой авеню, она начинается справа от аэропорта. Оттуда вы сможете попасть в верховья. После Кулы повернете налево, доедете до дороги Виаполи, а потом вам где-то нужно будет свернуть направо. Но там сейчас никого нет, кроме пупуле кахуна и его ведьмы.

Джек снова сжал его руку:

— Ведьма? С темной кожей? Похожая на индианку?

— Да, именно так она выглядит. А вы что, ее знаете?

— Да. Как раз с ней нам и нужно встретиться.

Фред покачал головой:

— Много странных историй происходит в горах. И меня не очень радует, что вы берете у меня машину. Вряд ли вы вернетесь.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил Джек.

Когда Фред увез Фрэнка, который собирался провести ночь в кабине самолета, Джек открыл сумку и стал раскладывать свое снаряжение.

— Ну, Ба, что ты предпочитаешь?

Он выложил биту, утыканную зубами, которую ему подарил Ба, пистолет 45-го калибра 1911-й модели, девятимиллиметровый пулемет Токарева, пару девятизарядных пистолетов «ТТ» того же калибра, два пистолета Макарова и две автоматические винтовки «Спаз-12» с укороченными прикладами и увеличенными магазинами.

Ба не стал раздумывать. Он взял пистолет 1911-й модели и одну из автоматических винтовок. Джек кивнул в знак одобрения. Хороший выбор. У самого Джека уже был с собой «цеммерлинг», к нему он добавил биту, пулемет Токарева и вторую автоматическую винтовку. Он протянул Ба коробку с патронами и сказал:

— С автоматом будешь сидеть ты.

Ба проверил затвор, оттянув его назад, и вернул автомат Джеку.

— Нет, — сказал он со своим обычным непроницаемым выражением лица. — Я лучше тебя вожу машину.

— Неужели? — спросил Джек, сдерживая улыбку, потому что это была самая длинная спонтанная фраза, которую ему удалось извлечь из Ба за весь день. — С чего же ты это взял?

— Видел, как ты утром вел машину в аэропорт.

Джек схватил автомат.

— Ладно, садись за руль, — сказал он и добавил: — Только постарайся по дороге не отвлекать меня разной болтовней, это выбивает меня из колеи.

Они проехали с полдюжины миль по Тридцать седьмой авеню — на некоторых указателях она называлась «шоссе Халеакала», — ехать приходилось по скользкой из-за валявшихся рыб дороге. Уже показались Пукалани, окраины города, когда Джек обернулся и посмотрел на оставшиеся позади низины. К этому времени почти стемнело, кое-где мерцали отдельные огни, аэропорт поглотила темнота. Джек посмотрел на луну странных очертаний, нависшую над океаном, потом на сам океан, и сердце его учащенно забилося.

— Послушай, Ба, — он тронул вьетнамца за плечо, — посмотри внимательно на водоворот. Я что-то ничего не понимаю.

Ба посмотрел через плечо Джека.

— Водоворота больше нет, — сказал он.

— Благодарю. Значит, я не сумасшедший.

Он пожалел, что нет бинокля и нельзя хорошенько рассмотреть это место, но даже с такого расстояния при скудном освещении было видно, что водоворота с белой пенящейся водой, расположенного до того в океане неподалеку от отмели Кахулуи, больше нет.

Неужели трещина в океане сомкнулась?

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, — хотя тут и понимать нечего. Все ясно.

Он уже собирался сказать Ба, чтобы тот ехал дальше, но вдруг заметил, как на месте водоворота появился участок пенящейся бурлящей воды. Бурление все усиливалось, а потом произошло нечто, похожее на взрыв. Это не было вулканическое пламя с клубами пара, просто в воздухе образовалась огромная колонна из воды, несколько сот футов в поперечнике, бьющая из океана подобно гейзеру, с невероятной скоростью мечущая в океан струи воды. Эта грохочущая колонна поднималась все выше и выше — на десять, на пятнадцать, на двадцать футов вверх, пока не скрылась в облаках.

Она продолжала выбрасывать в небо струи воды — десятки тысяч тонн.

— О господи! — только и смог выдавить из себя Джек перед лицом этого невероятного зрелища.

— Все именно так, как говорил тот парень, — сказал Ба, — ночью водоворот выбрасывает все обратно.

Он нажал на газ и покатил по шоссе. Нужно было ехать дальше.

Когда они проделали еще три-четыре мили вверх от Пукалани, на землю вокруг них стали падать тяжелые капли морской воды. Моросящий дождик превратился в ливень, и Джек поднял окна, а Ба сбавил скорость.

Несколькими минутами позже зеленовато-голубая рыба-попугай шлепнулась об капот машины. Потом светло-желтая рыба баттерфляй, и, наконец, их просто завалило дарами моря. Они падали на капот, отлетали от брезентового верха и завалили впереди весь путь. Некоторые рыбы остались живы, и в свете фар видно было, как они прыгают на шоссе. Огромный скат свалился прямо на дворники, заслонив дорогу, а когда сполз вниз, Ба едва успел резко свернуть вправо, чтобы избежать столкновения с мертвым дельфином не меньше шести футов в длину, лежавшим поперек дороги.

Немного погодя в воздухе, кроме рыбы, стали появляться осовидные жуки, копыеносцы, шаровидные

жуки, «пираты» и еще несколько разновидностей, которых Джек раньше не встречал. Ба прибавил скорости. Джеку было не по себе от того, что они мчались с такой скоростью под дождем из падающей с неба рыбы, по незнакомой дороге, скользкой от мертвых или умирающих обитателей моря. Но большая скорость и свет фар, видимо, вызывал замешательство у ночных хищников, и Ба то и дело сбивал машиной тех, что не успели отлететь в сторону.

Когда они проехали Кулу, Джек рассмотрел поворот номер 377. Ба лихо, как бывает только в кино, круто повернул на ответвление шоссе и помчался вниз по склону.

Джеку пришлось признать, правда про себя, что Ба действительно водит машину лучше, чем он.

Поворот на шоссе Виаполи возник так скоро, что они проскочили мимо, но Ба в считанные секунды развернул машину и вернулся обратно, а потом свернул на шоссе. И вот тут-то им пришлось по-настоящему туго. Асфальтовая дорога перешла в грунтовую, петлявшую по крутому склону. А когда они сбавили скорость, ночные чудовища стали биться о стекла и грызть брезентовый верх.

«Я правильно сделал, что выбрал джип», — подумал Джек. Вскоре фары высветили написанный от руки указатель: «Шоссе Пали». Ба снова сделал поворот, и от дороги остались просто две колеи. Они проехали по этим залитым водой колеям до самого конца, пока не уперлись в стену дома, обрамленного кедрами, возвышающегося над долиной. Ба притормозил и навел фары на узкую дверь в бетонном проеме.

Джек включил в салоне свет и сверился с картой.

— Это он. Как ты думаешь, кто-нибудь есть там?

Ба всмотрелся через переднее стекло:

— Свет горит.

— Стоит, пожалуй, зайти.

В этот момент жук-копыеносец пробуравил брезентовый верх и едва не ужалил Джека в голову. Сквозь дыру тут же просунулись жадные язычки. Когда они убрались, через отверстие стали просачиваться капли морской воды.

— Пойдем, — сказал Джек, — что мы с тобой прихватим — биты и винтовки?

Ба кивнул и взялся за второй «Спаз-12».

— Значит так, встретимся у переднего бампера и будем пробираться к дому спина к спине. Стреляем только в случае необходимости. Пошли.

Джек пинком отворил дверцу, выскочил навстречу потокам дождя и метнулся к бамперу. Какой-то жук прострекотал рядом с его головой, и он не глядя махнул битой, утыканной острыми зубами. Раздался хруст, что-то шлепнулось на землю. В свете фар он увидел Ба и встал спиной к его спине. Копьеголовый жук подлетел на небольшой высоте, метя Джеку в пах, и одновременно жук-брюхо прицелился ему в лицо. Морская вода разъедала рану на руке, оставшуюся после первой встречи с жуками. В этот раз он решил не подпускать их слишком близко. Ударил копьеголового жука, раздробив ему крылья, проткнув дулом винтовки мешочек с кислотой.

— Двигаемся, — сказал Джек, — я пойду впереди.

Они стали продвигаться к двери, похожие на сросшихся спинами сиамских близнецов. При этом Джек расчищал дорогу битой и винтовкой, а Ба отмахивался сзади, защищая тылы. Когда они достигли двери, Джек сначала постучал по ее прочным доскам, но потом решил, что ждать некогда. Он отдал Ба свою биту и достал из кармана кусочек пластмассы, мысленно хваля себя за то, что взял Ба с собой. Сейчас, в свете фар, было хорошо видно, как великан вьетнамец, держа в каждой руке по бите, косит жуков направо и налево. К счастью, здесь их было не столько, сколько в Нью-Йорке, но все равно, если бы не Ба, его бы просто съели живьем на пороге дома.

Джек довольно быстро подцепил задвижку, и они ворвались в кухню. Он успел рассмотреть раковину и стиральную машину, потом дверь захлопнулась, и они оказались в темноте, в полной безопасности, задыхающиеся и промокшие до нитки.

— Ты в порядке?

— Да, — ответил Ба, — а ты?

— Я так просто отлично. Пойдем взглянем, кто...

Внезапно лампа на потолке зажглась. На пороге появился высокий темнокожий человек с каштановыми волосами, в набедренной повязке и головном уборе из перьев, и Джек расхохотался бы от такого зрелища, если бы не направленный на них «марлин» 33б-го.

— Кто вы такие? — спросил он.

Джек поднял руки.

— Мы всего лишь путешественники, ищем, где укрыться от непогоды.

— Здесь не дают приют малихини. — Он сделал шаг вперед и поднял ружье. — Убирайтесь вон. Хеле аки ое!

— Подождите, — сказал Джек, — мы разыскиваем миссис Бхакти, Калабати Бхакти. Нам сказали, что она живет здесь.

— Понятия не имею, кто это. Убирайтесь!

Хотя человек этот и бровью не повел, услышав имя Калабати, висевшее у него на шее ожерелье ничем не отличалось от того, что лежало у Джека в кармане. Ясно, он лжет!

Вдруг Джек услышал, как кто-то произнес:

— *Джек!*

Калабати спустилась на первый этаж вслед за Моки посмотреть, кто пришел, и осталась стоять в темном коридоре, наблюдая за происходящим. Внизу стояли двое, промокшие, в рваной одежде. Один — азиат огромного роста, второй — до боли знакомый, среднего роста, темноволосый, темноглазый, с белым цветом кожи, похожий на кавказца. Но лишь когда он произнес ее имя, она узнала его окончательно. Не может быть!

Несмотря на прилипшие ко лбу мокрые волосы, несмотря на то что усталость делала его старше, это не мог быть никто другой. Сердце едва не выскочило у нее из груди.

Женщина бросилась к Джеку, протягивая к нему руки. Никогда еще она не была так рада чьему бы то ни было появлению.

— Джек! Я думала, тебя нет в живых! — Она обвила руками его шею и прижалась к нему.

Джек тоже обнял ее, но без особого энтузиазма.

— Да, это я, — сказал он сдержанно. — Вот приехал узнать, как ты живешь.

Она чуть отступила назад, все еще изумленно глядя на него:

— Но когда я оставила тебя, ты был...

— Я залечил раны — сам.

Калабати почувствовала, как Моки приближается к ней сзади. Обернувшись, она с облегчением увидела, что он опустил ствол винтовки. Она выдавила из себя улыбку:

— Моки, это Джек. Мой старый, хороший друг.

— Джек? — переспросил он, метая взгляды то в нее, то в пришельца. — Тот самый Джек, которого ты любила и который погиб в Нью-Йорке? Тот самый?

— Да. — Она в замешательстве посмотрела на Джека. — Как видишь, я ошиблась, считая его погибшим. Разве это не замечательно? Джек, это Моки.

У Калабати перехватило дыхание. Реакцию Моки невозможно предугадать. Он вообще стал непредсказуемым, точнее сказать, неуравновешенным, с тех пор как в нем стали происходить все эти перемены.

Моки, улыбаясь, протянул Джеку руку:

— Алоха, Джек. Рад приветствовать тебя в своем королевстве.

Калабати заметила, как напряглись мышцы на лбу Моки, когда он сжал руку Джека, и как тот слегка поморщился, прежде чем улыбнуться.

— Благодарю, Моки. А это мой хороший друг, Ба Тху Нгуен.

Теперь настала очередь Моки морщиться, когда вьетнамец пожимал ему руку.

— Вы как раз вовремя, — сказал Моки, — мы собирались отправиться на церемонию.

— Может быть, нам лучше остаться дома? — спросила Калабати. — Тем более, что к нам пришли.

— Чепуха! Они пусть идут с нами. Я просто требую этого.

— Уж не собираетесь ли вы выйти наружу? — поинтересовался Джек.

— Конечно. Мы должны подняться в горы, туда, где горят огни. Ночные твари не помешают нам. Тем более, что они избегают высокогорных районов. Вы удостоены чести наблюдать церемонию ножа.

Моки уже рассказал ей о церемонии, которую придумал вместе с ниихаусцами. Она должна была стать повторением кровавой драмы, происшедшей накануне. У Калабати не было ни малейшего желания участвовать в этой церемонии, и приход Джека явился хорошим поводом, чтобы остаться.

— Моки, — сказала Калабати, — почему бы тебе не сходить одному? Наши гости замерзли и промокли.

— Да, — поддержал ее Джек, — а как быть с дождем? Мы немного...

— Ерунда! Возродившийся к жизни огонь Халеакалы высушит вашу одежду и вернет вам силы.

— Отправляйся один, Моки, — сказала Калабати, — без нас церемония вполне может состояться, а вот без тебя ничего не получится.

В глазах Моки легко можно было прочесть: «Оставить тебя здесь, с твоим бывшим любовником? Ты за дурака меня считаешь?» Он обернулся к Джеку:

— Если вы не пойдете, я это сочту оскорблением.

— Гостям не пристало оскорблять хозяина, — сказал огромный вьетнамец.

Калабати заметила, как Джек и Ба быстро переглянулись между собой, потом Джек повернулся к Моки:

— Мы не можем отказаться от такой чести. Веди нас.

Калабати тряслась в «исуцу-трупере», который вел Моки к освещенной пламенем вершине Халеакалы.

— А что это за церемония? — спросил Джек, сидевший позади Калабати.

— Скоро сами увидите, — ответил Моки.

— Это традиционный обряд или что-то другое?

— Не совсем традиционный, — ответил Моки, — хотя и с элементами традиционных обрядов — древние гавайцы часто приносили жертвы в честь Пеле. Но этот обряд я сам придумал.

Оборачиваясь назад, Калабати видела лишь силуэты Джека и его немногословного спутника.

— Пеле? — переспросил Джек.

— Это гавайская богиня огня, — пояснила Калабати, — повелительница вулканов.

— Что же будем там делать? Бросать в пропасть ананасы и кокосовые орехи?

Моки рассмеялся, поворачивая машину:

— Пеле не нужны ни фрукты, ни кокосы. Она требует настоящие жертвы — людей.

Джек хмыкнул.

— Он не шутит, — сказала Калабати.

Джек ничего не ответил, но даже в темноте женщина почувствовала на себе его взгляд. Она понимала его немой вопрос: как могла она дойти до такого? Ей хотелось все объяснить, но при Моки это было невозможно.

По мере приближения к Красной горе и обсерватории дорога становилась все лучше. Моки остановил машину примерно в четверти мили от вершины, и они вчетвером пошли пешком к кромке кратера, освещаемые холодным светом какой-то странной луны.

А там, примерно милей ниже, бушевало пламя. Бурлящий центр кратера — конечная точка, куда по каким-то неведомым каналам доставлялась расплавленная начинка земли, — находился в постоянном движении. Пузыри вздымались и лопались на его подернутой рябью поверхности, разбрызгивая во все стороны жидкую лаву.

Гейзеры лавы били вверх, словно фонтаны воды, выбрасываемые китом, образуя в воздухе оранжевые арки высотой в тысячи футов. И среди этого хаоса, среди вакханалии всеобщего разрушения неизменным оставался только вливающийся в океан раскаленный поток.

Даже здесь, на высоте тысячи футов, несмотря на холодный ветер, дующий в спину, их обдавало жаром вулкана. Калабати наблюдала, как Джек согревает руки, вытянув их перед собой, как поворачивается мокрой спиной к пламени. Он, должно быть, совсем

закоченел. Азиат тоже поворачивался в разные стороны, просушивая одежду.

— Я понял, почему Пеле стала вести себя так хуху, — говорил Моки, стараясь перекричать гул Халеакалы, — она увидела, как ее народ отходит от древнего образа жизни и становится малихини по отношению к своим собственным традициям. Она подает нам знак.

Джек не отрываясь смотрел на огонь.

— Я бы сказал, что она весьма чувствительная дама.

— О! — воскликнул Моки, посмотрев вправо. — Вот и остальные участники церемонии прибыли. Теперь можно начинать.

Он пошел навстречу ниихаусцам. Старший из них — алии — приподнял свой головной убор из перьев, и все преклонили колени перед Моки.

Калабати почувствовала, как чья-то холодная ладонь сжала ее руку. Это был Джек.

— Он ведь просто валяет дурака, когда говорит о человеческих жертвоприношениях, правда? Полагаю, сейчас будет представление с участием Боба Хопа, Бинга Кросби и Дороти Ламор.

Калабати трудно было выдержать его взгляд.

— Очень жаль, но он говорил все это вполне серьезно. Эти люди в убранстве из перьев — последние чистокровные гавайцы с запретного острова Ниихау, ведущие традиционный образ жизни. Прошлой ночью Моки вышел к ним и объявил, что он — Мауи.

Джек посмотрел на нее широко раскрытыми глазами:

— Он что, считает себя островом?

— Нет. Он, конечно, безумен, но не до такой степени. Мауи — это бог, который пришел сюда много веков назад, изловил солнце и заставил его удлинить день. Когда Моки сказал им, что он — Мауи, ниихаусцы не поверили. И один из них проткнул ему грудь копьем.

Джек посмотрел в ту сторону, где стоял Моки, беседуя с ниихаусским алии.

— Ты хочешь сказать, пытался проткнуть ему грудь?

— Нет. Копье вошло глубоко, вот здесь.

Она дотронулась до того места, где у Джека находилось сердце. Ей с самого начала хотелось потрогать его, чтобы убедиться, что он действительно жив и находится здесь. Это оказалось правдой.

Джек бросил на нее быстрый взгляд, потом снова стал наблюдать за Моки.

— Это из-за ожерелья?

Калабати кивнула.

— Когда я носил его, оно не действовало таким образом.

— Оно никогда так не действовало, кто бы его ни носил. Что-то с ним произошло. Его силу стимулировали, заставили действовать активнее, только я не знаю, каким образом.

— Зато я знаю, — сказал Джек, не сводя глаз с Моки.

— Ты знаешь? Откуда ты можешь знать?..

— Вот за этим я сюда и приехал. Там, в Нью-Йорке, есть один человек, которому, может быть, удастся вернуть наш мир в нормальное состояние. Но чтобы это сделать, ему нужно ожерелье.

Калабати передернуло от мысли, что ей придется отдать какому-то незнакомцу второе ожерелье. Она отвернулась, посмотрела на Моки, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела, как ниихаусец средних лет поднялся и стал приближаться к Моки с поднятым ножом. Моки стоял не дрогнув, не выказывая ни малейшего страха. Он даже жестом звал этого человека. Ниихаусец подошел совсем близко, он молниеносным движением поднял нож и вонзил его в грудь Моки.

— Боже Иисусе! — вскрикнул Джек, в то время как Ба, с застывшим лицом, что-то пробормотал.

А там, на краю пропасти, Моки отступил на шаг и выпрямился. Он взялся за рукоятку ножа обеими руками и медленно, спокойно, несмотря на то что его тело сотрясилось в конвульсиях, вытащил из груди окровавленное лезвие. Ниихаусец смотрел на него в немом изумлении, приоткрыв рот, воздев руки к небу. Моки подождал с секунду, а затем поразил его ножом, с которого капала кровь, в самое сердце.

Когда человек зашелся в предсмертном крике, Джек отвернулся. Калабати продолжала смотреть. Человеческие жертвоприношения были в детстве неотъемлемой частью ее жизни. Она родилась от жреца и жрицы храма, где людей регулярно отдают на растерзание ракшасам, и это становится обыденной вещью. Необходимостью. Потому что ракшасы должны быть сыты. Но то, что происходит сейчас, отвратительно, поскольку служит лишь одной цели — подпитывает бредовые идеи, вынашиваемые Моки.

Она как раз наблюдала, как Моки поднял тело нии-хаусца и швырнул его в пламя, принеся в жертву вероломной богине Пеле, когда Джек обернулся к ней:

— Какого черта ты связалась с этим маньяком?

— Это долгая и грустная история, Джек. Поверь мне, он был совершенно другим до тех пор, пока солнце и небеса не предали нас.

Сейчас она мысленно оплакивала того Моки, которым он был раньше, того Моки, который — она чувствовала это — безвозвратно потерян для нее.

— Что же, верю тебе на слово, — сказал Джек, — но сейчас его нужно остановить. И единственный способ сделать это — забрать у него ожерелье.

— Это легче сказать, чем сделать, когда перед тобой человек, который залечивает свои раны.

— У меня есть один план. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Поможешь мне?

Она кивнула:

— Да, конечно.

Только не думай, что тебе удастся завладеть ожерельем и скрыться, когда мы отберем его у Моки.

Вторник

ПУТЕШЕСТВИЯ

Из передачи радио FM-диапазона:

«Д ж о: Привет. Вот мы и снова с вами. Вы, наверное, подумали, что мы убежали с тонущего корабля, как и большинство жителей города, правда? Нет, не убе-

жали. Просто на какое-то время остались без электроэнергии. Как и весь город. Вы, разумеется, знаете, что весь город погрузился в темноту.

Фредд и: Да, но у нас есть генератор, и теперь он заработал, так что мы остаемся с вами, как и обещали.

Джо: Жаль только, что новостей совсем немного. Газеты теперь выпускать невозможно, телеграфное и телефонное сообщение прервано. Но мы по-прежнему остаемся в эфире и сделаем для вас все, что в наших силах.

Фредд и: Да. Мы друг без друга не можем».

Дорога Дину, Румыния

— Думаю, что мы заблудились, Ник, — сказал Билл.

Они со скрипом, скрежетом, кренясь в разные стороны, медленно волочились по просеке, которая в этих местах считалась дорогой, и Биллу приходилось постоянно сражаться с рулем вездехода румынского производства. Он был ржавым, шкала одометра показывала в километрах, руль заедало, тормоза отказывали, выхлопная система давала сбой. Но при этом он оказался почти неуязвимым, и его толстые стекла были не по зубам жукам, которые роились над ними в окрестностях Плоешти. Правда, в этих местах жуков было не так уж много. Наверное потому, что поблизости почти не было людей или животных, которыми можно было бы поживиться.

Билл всматривался в пространство перед собой. Отвесные горы громоздились с обеих сторон. В темноте, прорезаемой светом, слева, с близкого расстояния, можно было рассмотреть появившиеся бреши. Хорошо, что скоро утро. Передвигаясь на восток, они, правда, несколько укоротили себе ночь, но Билл все равно устал от темноты. Его мучила головная боль, вызванная повышенным содержанием в воздухе карбоно-монооксида, шея ныла от напряжения, левую ногу и правую руку жгло из-за постоянной войны с заедающим переключением скоростей и упрямым тормозом, и он был уверен, что они проехали очень важный поворот, оставшийся километрах в десяти позади.

И тогда он начал разговаривать с Ником. Ник пока не способен был ему отвечать, но при звуке собственного голоса у него появилось ощущение, что он не совсем одинок на этой пустынной горной дороге, пролегающей через самое сердце благословенной страны, в которой он не мог произнести ни слова на местном языке.

— Нам никогда не суждено найти дорогу обратно, — сказал он, — и мы не вернемся домой — разве что в ящиках из сосновых досок.

Вместе с Джо Эшем они перелетели через Атлантику и Северную Европу в рекордно короткое время, на протяжении всего полета попадая в попутные потоки воздуха. Аэродром в Пloedшти был пуст, там никого не было, за исключением восточноевропейских пилотов — друзей Джо. Очевидно, братья Эш пользовались сетью, раскинутой по всему миру, состоящей из родственных им по духу людей, которые приготовили для них этот повидавший виды вездеход. Они считали, что Биллу стоит подождать до утра. Но до рассвета, если судить по предыдущим дням, оставалось еще часа три. А три часа сейчас казались Биллу вечностью. Да, сейчас было 6.02 до полудня по местному времени, но часы внутри Билла различали только полночь. Он был слишком перевозбужден, чтобы спать, так почему бы не провести это время с пользой? Вездеход, с виду достаточно прочный, скорее походил на модернизированный мини-танк, чем на машину, и вот Билл усадил Ника на сиденье для пассажиров и уехал в темноту.

До чего глупо! Теперь Билл это понял. Он посмотрел на часы. Восемь. За два часа они преодолели расстояние в тридцать миль, проехав большую часть из них по шоссе, ведущему на север от Пloedшти, а последние несколько миль ползли по этой каменистой дороге. В соответствии с кривой Сапира, рассвет должен был наступить в 7.31, после чего у них будет восемь часов и тридцать восемь минут светлого времени. Что на полчаса меньше, чем в самом коротком дне в году — во время декабрьского равноденствия, после которого дни начинают увеличиваться.

Билл поежился. Настала невиданная до того зима. Зима, когда замерзает душа.

— Я знаю, что ты собираешься мне сказать, Ник, — продолжал он, — ты скажешь: «А я тебя предупреждал». Может быть, ты и вправду меня предупреждал, а я не прислушался. Хотя сейчас это не имеет значения. Мы застряли здесь, посреди дороги, ведущей в никуда, и нам остается только ждать, пока рассветет и встретится кто-нибудь, кто сможет показать дорогу к замку.

Но Ник, как всегда безукоризненно вежливый, воздержался от «Я тебя предупреждал».

Билл огляделся в поисках ровного места, где можно было бы поставить машину, и вдруг заметил, что дорога становится шире. Замечательно. Он может свернуть на обочину и подождать до утра. Вдруг впереди что-то забелело. Это оказались маленькие домики. Целый ряд. Деревня.

— Может быть, все-таки есть Бог на свете, Ник. — Но Ник был неверующим. Так же как Билл.

Билл почти желал, чтобы вернулись прежние дни, когда он верил. Он обратился бы сейчас с мольбой о помощи к Господу, чтобы Тот указал им верную дорогу и управлял его руками, лежащими на руле.

Но те дни прошли. Его Бог мертв. Заклинания не помогут. И сейчас он будет делать все так, как делал всегда, — рассчитывая только на себя самого.

Проезжая по дороге, петляющей между домами, он по-прежнему остро ощущал одиночество. То, что они издавна приняли за деревню, на деле оказалось не более чем скоплением хибар, ветхих и заброшенных. Когда фары высветили их, Билл увидел, что с покореженных стен облупилась штукатурка, заметил дыры на крышах домов. Тяжелые времена настали для жителей этих мест. Биллу не потребовалось заходить в дома. Он и так знал, что жители покинули деревню.

— Вот теперь мы действительно заблудились, — сказал он Нику. Усталость обволакивала его подобно ветхому одеялу. — Потерялись посреди дороги в никуда. Если и есть Бог, то он покинул это место.

А потом они увидели огонь. Он горел на другом конце деревни, его прерывистое пламя слабо мерцало в на-

чинающем светлеть небе. Это было похоже на костер. Он поехал на огонь, постепенно набирая скорость.

Значит, не все потеряно. Они выберутся отсюда. Может быть, у них еще есть надежда благополучно закончить эту поездку.

Но впереди не оказалось ничего — ни дороги, ни травы, ни земли, — сплошная пустота. Он нажал на тормоза так, что Ник стукнулся о приборный щиток, а вездеход лязгнул и резко остановился на самом краю обрыва. Дыра, черт возьми! Еще одна!

Хотя нет. Слева смутно вырисовывался какой-то старинный мост, с каменными опорами, уходящими вниз. От огня их отделяло каменное ущелье — он уже рассмотрел, что это ущелье, а не дыра — шириной в две сотни футов. Кроме того, подъехав ближе, они увидели, что костер не на открытой местности. Пламя виднелось за высокими распахнутыми воротами в массивной каменной стене, которая, казалось, вырастала прямо из горы. Билл разглядел силуэты людей, обступивших костер, и заметил, что некоторые смотрят на них. С внешней стороны над стеной возвышалась толстая, мощная башня высотой в сорок—пятьдесят футов. Сооружение напоминало игрушечный замок или крепость. Лицо Билла озарила улыбка — когда же он последний раз улыбался?

Он доехал. Он нашел это место.

Замок.

Билл издал радостный крик и постучал по рулю.

— Мы смогли это сделать, Ник! — Потом, подражая Вальтеру Кронките, понизил голос: — А они говорили, что нам это не под силу!

Он снова завел машину и поехал к мосту. Но когда фары осветили старые, ветхие доски, остановился, сомневаясь, стоит ли идти на такой риск.

— Что скажешь, Ник?

Вопрос был чисто риторическим, но Биллу показалось, что поведение Ника стало более осмысленным. Может быть, на него подействовал удар о приборный щиток? Или здесь что-то другое?

Не исключено, что все дело в жуках, роившихся вокруг замка. Воздух уже кишел ими. Наверное, потому,

что все люди вдоль этой дороги собрались сейчас здесь у костра. Но почему открыты ворота? И почему жуки не ворвались в замок и не сожрали всех?

Одно Билл знал совершенно точно — переехать сейчас мост невозможно. Через первые же пятьдесят футов жуки их сожрут. Можно, разумеется, подождать. Но ожидание для Билла невыносимо, даже минута. Он проделал такой долгий путь в темноте не для того, чтобы теперь, когда цель почти достигнута, ждать рассвета. Черт с ними, с жуками. Он переедет через ущелье. Сейчас.

— Ну что же, Ник, — сказал он, — здесь нам нечего делать.

Он ехал медленно, не отрывая взгляда от настила моста. Это было не так просто, тем более что жуки все чаще ударялись о машину.

Они двигались рывками, но все-таки более плавно, чем по грунтовой дороге, по которой добирались сюда. Люди впереди, у ворот, следили за их приближением.

— Остановите. — Это сказал Ник.

Билл нажал на тормоз. Ник прижался лицом к боковому стеклу. Голос его был бесстрастный, как всегда, но все же Билл уловил в нем эмоции — почти волнение.

— Что такое, Ник? Что-нибудь не так?

— Я вижу их. Там внизу. Маленькие осколки меча.

Он показал вправо, на основание башни, туда, где примерно на пятьдесят футов ниже она срасталась с каменным ущельем. Билл с трудом мог рассмотреть дно. Как же Ник смог увидеть маленькие кусочки металла?

— Я ничего там не вижу, Ник.

— Вон там. Они излучают голубое свечение. Вы что, слепой?

Билл напряженно всматривался, но не видел внизу ничего, кроме темноты.

«Может быть. Но раз один из них видит, возможно, что-то получится».

Билл уже радовался, до чего легко оказалось выполнить миссию, как вдруг заднее стекло хрустнуло

и вдавилось внутрь, после того как здоровенный жук камнем ударился в окно. Стекло пока не рассыпалось, но сколько еще оно продержится? Жуки устроили им настоящий «блицкриг», предприняли последнюю неистовую попытку сожрать их. Они царапали, грызли вездеход, бились о него с размаху, атакуя каждый квадратный дюйм поверхности машины, — словно в предчувствии близкого рассвета, когда им придется снова вернуться в дыру, исторгшую их.

Билл перевел мотор на первую скорость, но не отпуская сцепления. Он ничего не видел. Осовидные и шарообразные жуки, копьеголовые «пираты» и другие твари настолько густо облепили переднее и все остальные стекла, что теперь мир за окном представлял собой колыхающуюся массу, слепленную из грызущих челюстей, извивающихся щупалец и мешочков с кислотой. Ему придется ехать вслепую. И если вездеход занесет на тридцать футов вправо или влево, они полетят в пропасть глубиной в пятьдесят футов с моста без перил.

Тут заднее стекло еще глубже вдавилось внутрь под натиском, и он понял, что у него не осталось выбора. Уж лучше свалиться с моста, чем оставаться здесь и ждать, пока стекло не выдержит и их просто съедят живьем.

Набрав в легкие воздуха, Билл отпустил сцепление, и машина тронулась с места. Он обнаружил, что через боковое стекло с его стороны, если смотреть вниз, можно время от времени видеть край моста. И он стал ориентироваться на этой край.

Когда они подъезжали к замку, шум, сначала слабый, невнятный, усилился. Теперь уже можно было различить голоса — эти голоса их подбадривали. Да, подбадривали. И этот звук, проникавший сквозь стекла вездехода, растрогал Билла, согрел ему душу. Теперь он уже двигался на этот звук, словно на радиомаяк, прибавив скорость.

И вдруг — словно они миновали облако, из которого лил дождь, — жуки исчезли. Куда-то пропали — все до единого. И в вездеходе наступила тишина. Если не считать доносившихся голосов. Жуков вок-

руг машины сменили ликующие люди. Женщины и мужчины, не очень молодые и пожилые, с простыми деревенскими лицами, в грубой одежде, рукавицах из овчины, вязаных шапках. Они распахнули дверцу вездехода и помогли им выйти, пожимая руки и хлопая по спине. Улыбаясь в ответ, отвечая на рукопожатия, Билл обернулся и посмотрел на мост. Жуки плотной массой повисли в воздухе над аркой ворот, но ни один не залетел внутрь.

Он снова повернулся к людям, заметил, что среди них есть дети, увидел бродивших вокруг ягнят. Потом посмотрел вверх — там, на стенах из каменных плит, виднелись кресты. Сотни крестов. Тысячи крестов.

Что же это за место? И почему у Билла такое чувство, словно после долгих странствий он вернулся домой?

С наступлением дня жуки скрылись в темноте, в которой обитали, и крестьяне покинули замок. Взяв с собой детей и домашних животных, они перешли через мост, возвращаясь к тому, что осталось от прежнего, настоящего мира, в котором они жили, оставив Билла и Ника с их машиной у пепелища ночного костра.

Билл понимал, что им с Ником нужно спуститься в ущелье на поиски разрозненных осколков меча, но у него не хватало сил отсюда уйти. Только не сейчас. Замок завладел его сознанием, не отпускал, словно окружил своими стенами.

Он знал, что дело в крестах. Удивительно — тридцать лет он был проповедником, но ни разу не видел сразу столько крестов. Не унылые, навевающие тоску латинские кресты, похожие на крылья ветряной мельницы, а необычные — широкие, с медным основанием и никелевой поперечиной, расположенной высоко, почти у конца основания. Что-то похожее на крест, который назывался еще крестом святого Антония.

Но не все жители деревни ушли. С ними остался седобородый старик не моложе восьмидесяти, по имени

Александру. Он владел английским в той же степени, что Билл — румынским, но они нашли общий язык — немецкий. Билл учил его в школе и в колледже, мог даже читать «Фауста» в подлиннике. И теперь обнаружил, что помнит его достаточно хорошо, чтобы общаться с Александром.

Старик показал им все сооружение. Его отец, тоже Александру, присматривал за замком перед Второй мировой войной. Сейчас о замке тоже не мешало бы позаботиться — и не одному человеку, а целой команде. Снег, ветер, дождь, засуха, стужа, зной — все это оставило на замке свои отметины. Верхние этажи разрушены, остался лишь гигантский каменный цилиндр, заваленный щебнем. И все равно от замка веет необычайной силой.

— Раньше об этом месте шла дурная слава, — сказал Александру, — но теперь нет. Наоборот. Маленькие чудовища не залетают сюда. Только мечутся вокруг.

Он подошел к воротам и жестом показал направо. Билл следил за его рукой. Там темнела среди окружающей зелени какая-то овальная поверхность, в несколько сотен футов диаметром.

Дыра.

— Оттуда и пришли эти маленькие чудовища.

— Я знаю, — сказал Билл, — такие дыры теперь повсюду.

Потом Александру провел Билла в подвал замка и показал лаз в каменном полу. Он рассказал, что весной 1941 года немецкие солдаты встали в замке на постой и почти разрушили его. Они потревожили какое-то чудовище, которое перебило всех солдат и хотело скрыться, но в последний момент было уничтожено.

Александру посмотрел на Билла своими водянистыми голубыми глазами.

— По крайней мере, мы так думали. Но теперь я в этом не уверен.

— А как его уничтожили?

— Кто-то рыжеволосый поразил его волшебным мечом...

...Волшебным мечом...

— ...потом он ушел, хромая, с одной еврейской женщиной из Бухареста, и мы его больше не видели. Не знаю, что с ним случилось потом.

— Он сейчас старый и седой, как вы, — сказал Билл, стараясь себе представить Глэкена в молодости. Наверняка он был великолепен. — Он и эта женщина до сих пор вместе.

Александру кивнул и улыбнулся:

— Я рад. Он очень храбрый, но в гневе был страшен.

С помощью Александру и записей Глэкена, при свете фонарика, Билл провел Ника через темный коридор под подвалом в самую нижнюю часть башни. Крутая винтовая лестница привела их к фундаменту, где в одну из каменных плит было вделано металлическое кольцо. Билл потянул за него. Часть стены сдвинулась и ушла внутрь. Свет хлынул в подвал башни. Билл подумал о том, сколько веков назад солнечный свет падал на эти камни.

— Ну вот, Ник, — сказал он, входя в открывшийся проход, — теперь делай свое дело. Где они?

Ник стоял, щурясь от яркого света. Худой, еще бледней, чем обычно, он выглядел просто ужасно. И он снова замкнулся в себе.

Билл обшарил глазами землю в поисках осколков, о которых говорил Ник. Внизу было что-то напоминающее выложенное галькой речное дно величиной с кулак, по которому неторопливо бежал водный поток. Билл посмотрел вправо, наверх, туда, где возвышались пронзающие небо горы. Весной, когда тает снег, ущелье наверняка заливают водой. Уже прошло столетия с тех пор, как здесь были рассыпаны осколки меча. Что могло от них остаться? И есть ли надежда отыскать осколки, если даже они уцелели?

— Ну, Ник, — спросил он, — где же они?

Ник молчал, неотрывно глядя перед собой.

В отчаянии Билл опустился на колени и стал шарить среди камней и гравия. Это невозможно. Так он их никогда не найдет.

Он выпрямился и отряхнул руки. Ник мог видеть осколки раньше, в темноте, когда они мерцали «голубым светом».

Может быть, он видит их только ночью?

— Проклятие!

Он рисковал их жизнями ради того, чтобы быстрее попасть сюда, а потом как можно скорее вернуться в Плоскости и полететь домой в светлое время. А теперь придется ждать наступления темноты.

Он обернулся и пнул гранитную стену башни. Но замок — темный, нависший над ним монолит — вряд ли это заметил.

Билл завел Ника обратно в башню, такую же темную и мрачную, как и его настроение. Новая задержка означала, что он попадет к Кэрол только в среду. А ему так хотелось знать, что сейчас с ней и есть ли известия от Хенка.

Куда, в конце концов, он сбежал?

Киноафиша:

Кинотеатр под открытым небом Джо Боба, специальный выпуск:

«Съеденные живьем» (1976), «Нью уорлд»

«День кошмара» (1965), «Хертс-Лион»

«Ночные крылья» (1979) «Коламбия»

«Сырое мясо» (1972), «АИП»

«Дьяволы в ночи» (1965), «ХХ век-Фокс»

«Шупальца» (1977), «АИП»

«Фаза 4» (1973), «Парамаунт»

«Космический террор» (1958), «Юнайтед артистс»

«Они пришли из космоса» (1967), «Амикус»

«Последние дни планеты Земля» (1974), «Тохо»

«Пожиратели плоти» (1964), «СДА»

«Они пришли из недр» (1975), «Транс-Америка»

«Земля умирает с криком» (1964), «Липперт/ХХ век-Фокс»

Шоссе Нью-Джерси

Хенк не мог понять, сон это или явь. Как будто бы явь.

Он мог различить звуки вокруг, кисловатый запах спертого воздуха и свет, который становился все ярче и проникал через отяжелевшие веки. Он не чувствовал

своего тела. Казалось, у него вообще не было тела. Где она находится? Что...

Тут он вспомнил все: сороконожки, их королева... Крик заклокотал в горле, но так и не вырвался наружу. Как тут закричишь, если губы не шевелятся?

Нет. Все это сон: дыры, крылатые чудовища, запасы еды, уход Кэрол, стоянка, полицейский, пистолет, пуля, сороконожки — какой-то долгий, мучительный кошмар. Но теперь, наконец, все позади. Он проснется, откроет глаза и увидит на потолке знакомые трещины. Страхнет с себя весь этот кошмар, дотронется рукой до Кэрол.

Глаза. В них все дело. Огромным усилием воли он заставил себя приподнять веки, но самого движения не ощутил. только увидел узкую, словно лезвие ножа, полоску света, совсем бледного, какой бывает перед восходом солнца.

Ободренный, Хенк еще больше поднял веки. Полоска становилась все шире, по мере того как веки, склеившиеся от чего-то вязущего, раздвигались все больше и больше, пока не разлепились совсем. Нет, это не похоже на первые лучи солнца — свет какой-то тусклый, рассеянный. Когда Хенк, наконец, полностью открыл глаза, они стали различать очертания и цвета. Очертания какие-то расплывчатые. А цвета — маловыразительные, в основном сероватого оттенка. Хенк шурился, стараясь сфокусировать взгляд.

Скользнул глазами по телу. Он лежал на кровати поверх простыней совершенно голый. Теперь он уже смутно ощущал свое тело. Слава богу! Все это оказалось сном. Попробовал повернуть голову — налево, к свету, но не смог. Почему он не может пошевелиться? Ведь он уже проснулся. В чем дело? Он скосил взгляд влево. Окно спальни находится прямо над ним. Если бы только он мог...

Стоп!.. Стены — круглые. Потолок — выпуклый. Из бетона. Везде сплошной бетон. Он еще на миллиметр открыл глаза. Никаких окон — свет проходил через решетку, вделанную в бетонный потолок.

Это не спальня. Это колодец, канализационный колодец. Значит, все это ему не приснилось. А случилось на самом деле. На самом деле!

Справившись с первым приступом паники, Хенк попытался порассуждать. Он жив. Об этом нужно помнить. Он жив, и скоро наступит день. Твари из трещины днем бездействуют. Они прячутся от света. Он должен пораскинуть мозгами и что-нибудь придумать. Это он хорошо умеет. Строить планы на будущее.

Он снова посмотрел на свое тело. Сейчас очертания уже не были такими расплывчатыми. Он увидел, как плавно поднимается и опускается его умеренно волосатая грудь, а ниже, на животе, разглядел кровоточащую рану в том месте, где сороконожка пробуравила отверстие и ввела туда нервно-паралитический яд. Действие невротоксина, очевидно, продолжает парализовать его двигательные мышцы, но при этом сердце и легкие продолжают функционировать. Паралич не полный. Он ведь может шевелить веками. Может двигать зрачками, разве нет? Чем еще он может пошевелить?

Хенк отвел взгляд от живота и стал осматривать свои руки. Они неподвижно лежали вдоль туловища, ладонями кверху. Затем посмотрел на ноги. Они были целы и вывернуты носками наружу. Глядя на Хенка, можно было подумать, что он загорает. Тело находилось в абсолютно расслабленном состоянии... от паралича. Он снова окинул взглядом руки — от плеча до кисти. Если бы он смог пошевелить пальцем...

Вдруг он заметил, что весь окутан густой паутиной, похожей на марлю. Казалось, ее сплел огромный паук. Длинные нити обвили руки и ноги Хенка и тянулись к стенам колодца, уходя концами в прилепленный к бетону желеобразный шарик. Оглядевшись, насколько это было возможно в его положении, Хенк понял, что не лежит, а подвешен в гамаке из паутины поперек колодца.

Хенк сам удивился спокойствию, с которым оценил создавшуюся ситуацию. Он в ловушке — не только парализован, но к тому же и тщательно, накрепко связан. Однако гамак имеет некоторые преимущества.

При длительном соприкосновении с бетонным полом его тело не сохранило бы нормальную температуру, к тому же паутина защищала его от воды. По крайней мере, тело оставалось сухим.

Так что, можно сказать, он оставался на высоте и вышел сухим из воды, хотя при этом был связанным, бессловесным и парализованным.

Он подвешен, словно кусок мяса.

Эта внезапно пришедшая в голову мысль оглушила его, словно удар молота. Его будут жрать эти ненасытные твари. Они ввели в его тело консерванты и складировали его живьем, чтобы не разлагался. И когда пища на земле иссякнет, они спустятся сюда и полакомятся им в свое удовольствие.

Он подавил поднимающийся в нем ужас. Страх — плохой советчик. Чудовища парализовали его тело. И если парализуют еще и мозг, положение станет безвыходным.

Мозг сверлила одна-единственная леденящая душу мысль: «Меня сожрут».

Этот мерзавец, лейтенант полиции, посмеялся бы вволю: запасал еду, а теперь сам стал едой. Возможно, даже Кэрол оценила бы горькую иронию случившегося.

«Но я жив! — говорил он себе. — И возможно, смогу справиться с этими тварями». Он уже изучил их повадки. Очевидно, они погружаются в спячку днем, а в ночные часы выползают на поверхность поохотиться. Тогда-то он и освободится.

Но сначала нужно выйти из состояния паралича. Он уже может двигать зрачками и веками. Теперь на очереди руки. Они нужны больше всего. Особенно если он попробует освободиться. Пальцы. Он начнет с указательного на правой руке, вложит в него всю силу, всю энергию и заставит пошевелиться. Потом перейдет к следующему, и так, пока не будет в состоянии сжать кулак.

После этого он займется левой рукой.

Хенк прищурился и стал разглядывать указательный палец, в котором для него сейчас сосредоточился весь мир.

И палец пошевелился.

Или это ему показалось? Просто он увидел то, что очень сильно хотел увидеть?

И все-таки палец пошевелился. Это только начало. Постепенно все его тело станет управляемым, и он сможет отсюда выбраться.

Немного воспрянув духом, Хенк удвоил усилия, не оставляя палец в покое.

*Радио АМ-диапазона.
(В эфире молчание.)*

Монро, Лонг-Айленд

Алан возвращался с заднего двора к парадному входу и катил свое кресло по бетонным дорожкам, которые, переплетаясь между собой, опоясывали Тоад-Холл. Слева, с запада, над деревьями поднимался дым. Не здесь, поблизости, в районе Прибрежного шоссе, а где-то вдалеке. Скорее всего, на нижней окраине Монро. Ему рассказывали о бродящих по городу бандах, которые грабили, поджигали, насиловали. Здесь они еще не появлялись, но, возможно, это был лишь вопрос времени.

Как странно все получается. Он всегда думал, что если мир погрузится в пучину анархии, то хаос, безумство толпы — крики в темноте, языки пламени, взрывающиеся в ночное, невидящее небо, — все это будет только ночью. Но, судя по нынешней ситуации, люди теперь творят насилие днем, а ночью его совершают другие существа.

Алан повернулся спиной к клубам дыма и стал осматривать Тоад-Холл. Старый особняк выдержал прошлой ночью еще одну безжалостную атаку, но выстоял, как и подобает бесстрашному, нестигаемому воину.

Правда, количество ранений у него увеличивалось со скоростью, вызывающей тревогу. Бока его обколоты, расщеплены, помяты, на голове сквозь кровлю проступают залысины. Глаза — окна все еще открыты для скудеющего солнечного света. По крайней мере, большинство из них.

Поэтому Алан сейчас и приехал сюда. Две ставни сегодня утром не раскрылись. Даже находясь внутри, Алан понял, что на них остались глубокие вмятины, намного глубже, чем могли оставить жуки, во всяком случае, те из них, которых он до сих пор видел.

Вполне возможно, что теперь под луной ходит кто-то более крупный, чем его проклятые предшественники, и соответственно более опасный для маленькой крепости, в которую превратился Тоад-Холл. Вьехав на передний двор, Алан остановил кресло.

Вмятины на ставнях были гораздо глубже, чем он себе представлял. И остались от чего-то достаточно тяжелого и острого вроде металлического прута.

Но еще больше его встревожили рододендроны под окнами.

Они были расплющены.

Алан подъехал ближе, чтобы лучше все рассмотреть. Это были многолетние, полувековые родосы с мощными стволами и крепкими ветвями, которые благодаря Ба каким-то таинственным образом сохраняли густую зеленую листву. Дерево очень прочное. Алан помнил это с тех времен, когда обрезал ветви родоса вокруг своего старого дома, до того как он сгорел.

Но ветви, которые он видел сейчас перед собой, были не обрезаны, а сломаны, так же как стволы, и вдавлены в землю. Кто-то огромный, тяжелый, и не один, побывал здесь сегодня ночью, царапая окна, ударяясь об них.

Главное, что они так и не смогли пробраться внутрь.

Когда Алан развернулся и снова въехал на дорожку, он заметил вмятину на лужайке. У него екнуло сердце. Он впервые увидел ее. Он был слишком занят, рассматривая ставни и сломанные родосы. Но с того места, где он сейчас находился, ее невозможно было не заметить.

В свежей весенней траве, которую давно следовало постричь, появилась проплешина. Она тянулась от ворот, мимо ив, и подходила к самому дому. Алан пытался представить существо, которое могло оставить подобный след, но на память не приходило ни-

чего, кроме шара для кегельбана диаметром в тридцать футов. И скорее всего, с зубами. Множеством зубов.

Он поежился и поехал дальше. С каждой ночью положение становилось все тяжелее. Недалеко то время, когда оборона Тоад-Холла будет прорвана. Это неизбежно. Алан молил Бога о том, чтобы ему удалось уговорить Сильвию переехать, прежде чем это произойдет, или чтобы Глэкен помог собрать те кусочки, которые ему были нужны. Тогда он сможет попросить о помощи.

Всем им потребуется помощь. Алан нутром чувствовал это. Много помощи. И в самое ближайшее время. Если кривая Сапира вычерчена верно, у них осталось два рассвета. А потом солнце зайдет последний раз — завтра, в два часа дня. И наступит бесконечная ночь.

Мауи

Даже кофе имел привкус рыбы. Джек знал, что вода чистая, — видел, как Калабати наливала ее из холодильной установки, — но привкус рыбы все-таки был. Может быть, потому, что все вокруг пропахло рыбой. В воздухе стоял настолько густой запах мертвых обитателей моря, что Джек мог поклясться — ощущал этот вкус, даже когда дышал.

Он стоял на ланаи, через силу допивая кофе, поглядывая на долину внизу и гигантский водоворот, начинающийся от Кахулуи. От его красоты замирало сердце, но все портило зловоние. Из дома позади него, из гостиной, доносились визг пилы, удары молотка — там что-то резали и строгали.

К нему подошла Калабати, тоже с чашкой кофе в руке, и облокотилась о перила. Она была укутана в светлое, с цветами муумуу, которое непостижимым образом не скрывало, а подчеркивало ее изящную фигуру. Джек не отрывал глаз от ожерелья. Он старался казаться беззаботным, но это было нелегко. Вот она, одна из двух причин, заставивших его совершить столь рискованное путешествие, в двух футах от него. Достаточно протянуть руку и...

— Мои серебристые цветы погибли, — сказала Калабати, глядя на сад с поникшей зеленью, начинающийся за крыльцом, — морская вода убила их. А я надеялась увидеть, как они зацветут.

— Мне очень жаль.

Она показала чашкой на огромный водоворот:

— В этом нет никакого смысла. Он весь день засасывает воду и рыбу, а ночью выплевывает их на мили вверх.

— Смысл, — повторил Джек, вспоминая то, что объяснял ему Глэкен. — В нем и не должно быть никакого смысла, разве что внести смятение в наши умы, заставить нас почувствовать себя слабыми, бессильными, бесполезными. Чтобы мы обезумели от страха и неопределенности, чтобы боялись неизвестного.

От Джека не ускользнуло, что Калабати, когда он произнес слово «обезумели», украдкой через плечо бросила быстрый взгляд в сторону дома.

— Уж если говорить о смысле, — сказал он, — то какой смысл в поведении Моки? Как ты вообще могла связаться с таким человеком? Это не твой тип мужчины, Бати.

Насколько Джек понимал, Моки вообще не мог быть чьим-то типом мужчины. Он не выходил не только к ленчу, но также и к завтраку, обеду и ужину. Жаждающий убийств, одержимый манией величия безумец, который уверовал, что он бог или, по крайней мере, в него вселился бог Мауи — полинезийский Прометей, который добыл для человечества огонь и извлек Гавайские острова со дна океана с помощью своей удочки. Когда церемония была закончена, они вчетвером вернулись в дом, и Джек с Ба провели ночь в гараже, единственном месте, где можно было спрятаться от жуков. Моки и Бати жуки не трогали — еще одно подтверждение божественного происхождения Моки. Он заставил их бодрствовать большую часть ночи, делясь планами относительно будущего «великого Мауи» и всего, что осталось от Гавайских островов. Но под всем этим Джек почувствовал подспудный поток ненависти и ревности, готовый излиться из него. Моки смотрел

на Джека как на угрозу, на соперника, претендовавшего на проявление нежных чувств со стороны Калабати. Но Джек и не помышлял об этом. Он только прикидывал в уме, как можно использовать это чувство ревности, чтобы заполучить ожерелье, которое носил Моки, но ему ничего не приходило на ум, кроме как всадить ему пулю в голову.

— Откуда ты знаешь мой тип мужчины? — спросила Калабати, сверкая глазами и раздув ноздри. — Что ты вообще обо мне знаешь?

Джек изучающе посмотрел на ее лицо. Калабати изменилась. Он только не знал, в лучшую или худшую сторону. Ее большие, темные, с продолговатым разрезом глаза, вытянутое широкоскулое лицо, полные губы, безупречно гладкая кожа — все было таким, как и прежде. Может быть, дело в волосах? Они стали длиннее, ниже плеч, и, словно черная грива, развевались на ветру. И все-таки дело не в волосах. Здесь что-то другое, идущее изнутри.

«Хороший вопрос, — подумал он. — И вправду, что я знаю о ней?»

— Насколько мне известно, ты быстро расстаешься с людьми, у которых взгляды не совпадают с твоими.

Она обернулась и посмотрела на долину.

— Это не настоящий Моки — во всяком случае, не тот, с которым я делила жизнь еще неделю назад.

Делила жизнь? Джек готов был расхохотаться при мысли, что она, стопятидесятилетняя женщина, способна чем-нибудь делиться, но тут заметил капельку жидкости в уголке ее глаза, капелька увеличивалась, потом пролилась на веко и скатилась вниз по щеке.

Слезинка. Слезинка, которую пролила Калабати.

Джек не знал, что сказать. Он посмотрел за дверь, за которой работал Моки, работал лихорадочно, как сумасшедший, впрочем, он и был сумасшедшим. Но над чем он работает? И спит ли когда-нибудь? Он несколько часов разглагольствовал перед ними, потом бросился на верхний этаж, где приступил к работе над разбросанными по комнате осколками скульптур, чтобы создать из них новую, огромную, единую скульптуру. В углу сидел Ба, потягивая чай

и наблюдая за ним, молча, захваченный этим зрелищем.

— Он был замечательным, — сказала Калабати.

Джек снова посмотрел на нее. Слезинка все еще не исчезла. Напротив, к ней присоединились новые.

— Ты любишь его?

Она кивнула:

— Люблю, только такого, каким он был прежде. — Она повернулась к Джеку и вытирала слезы, бегущие по щекам, но на их месте появлялись все новые и новые. — Ах, Джек, и ты полюбил бы его, если бы знал раньше. Он был мягким, был полон жизни, он был неотъемлемой частью этого мира, этих островов. Гений, подлинный гений, который не кичился своей исключительностью, потому что считал ее чем-то само собой разумеющимся. Никогда ни перед кем не рисовался, стараясь произвести впечатление. Оставался таким, как он есть. И он хотел быть со мной, Джек. Я любила. Я думала, что обрела на земле нирвану, и хотела, чтобы все это продолжалось вечно. Так оно и было бы. Ты это знаешь, Джек.

Джек покачал головой:

— Ничто не длится вечно. — Он протянул руку и дотронулся до ее ожерелья. — Даже с этим.

— Но так быстро? У нас все только началось.

Он внимательно посмотрел на нее. Вот в чем перемена. То, что казалось невозможным, произошло. Калабати — холодная, высокомерная, занятая лишь собой, безжалостная Калабати, которая отправила Джека убить ее родного брата Кусума, чтобы отнять у него ожерелье, а Джека, истекающего кровью, оставила умирать в кресле, потому что он отверг предложенное ею бессмертие... Калабати Бхакти полюбила, и это изменило ее. Быть может, навсегда.

Поразительно — она зарыдала, надрывно всхлипывая, и от ее страданий Джеку стало не по себе. Он ожидал, когда летел сюда, встретить прежнюю — холодную, расчетливую Калабати и приготовился к встрече с ней. Но эта, новая Калабати, застала его врасплох.

Он поборол искушение обнять ее. Нет нужды говорить, на что способен Моки Неуязвимый, если за-

станет Калабати в объятиях Джека. Поэтому Джек ограничился тем, что прикоснулся к ее руке.

— Чем я могу помочь? — спросил он. — Что можно сделать, чтобы это остановить?

— Если бы только я знала.

— Может быть, все из-за ожерелья. Может быть, ожерелье — одна из причин? И если его снять...

— И заменить на подделку? — Ее глаза сверкнули, когда она опустила руку в карман и вынула ожерелье, точь-в-точь такое, как было на ней. — На это, да?

Поскольку на Калабати было сейчас настоящее ожерелье, а второе носил Моки, то в руке она явно держала подделку.

Джек растерялся:

— Где ты его взяла?

— В твоей дорожной сумке. — Взгляд ее потяжелел. — Так каков был твой план? Украсть ожерелье брата и заменить подделкой? Тебе просто не пришло в голову, что я могу отдать его кому-то еще, верно?

«Настало время брать быка за рога, — подумал Джек. — Надо ей все рассказать».

— Ожерелья Кусума недостаточно, — сказал он, выдержав ее взгляд. — Нужны оба ожерелья.

Она вздрогнула и отступила назад, схватившись рукой за шею.

— Мое? Ты хотел украсть мое?

— Говоря по правде, это не было бы воровством. Я просто вернул бы его прежнему владельцу.

— Не шути со мной так, Джек. Люди, которые делали ожерелья, умерли много веков назад.

— Я знаю. Я сейчас не на них работаю. А на человека, у которого они украли металл. Он все еще жив. И ждет, пока ему вернут его. Целиком.

Калабати испытующе смотрела на него широко раскрытыми глазами:

— Ты ведь не шутишь, нет?

— Думаешь, я смог бы сочинить что-либо подобное?

— Тогда годы обрушатся на меня всей своей тяжестью. Я умру. И ты это знаешь.

— Как раз об этом я и собирался тебя попросить.

— А если бы я отказалась?

Он пожал плечами:

— Я надеялся тебя уговорить.

На самом деле он прилетел сюда без определенного плана. И хорошо сделал. Такой, как Моки, не мог присниться ему даже в самом страшном сне.

Калабати не отнимала руки от шеи, словно защищая ожерелье. Было не похоже, что она согласится его снять.

— Ты пугаешь меня, Джек. Еще больше, чем Моки.

— Я знаю, что это звучит чертовски банально, — ответил он, — но сейчас судьба всего мира зависит от того, сможет ли человек по имени Глэкен получить обратно ожерелья и восстановить их первоначальную форму.

Калабати показала рукой на испускающую зловоние долину, потом на водоворот.

— Он сможет все это переменить? Вернуть всему первоначальный вид?

— Нет. Но он сможет остановить силу, которая все это сотворила, которая и старается разрушить все, что мы сейчас видим. Здесь еще не так плохо, Бати. Вполне терпимо. Потому что на островах не много людей. Но там, на материке, в крупных и мелких городах, люди готовы перегрызть друг другу глотку. Все напуганы, напуганы до смерти. Лучшие прячутся ночью от чудовищ, а днем от своих собратьев. А худшие делают то, что делали всегда. Но ужаснее всего среднестатистические Джо и Джейн. Те из них, кто не парализован страхом, мечутся по улицам в исступлении, и самые гнусные из них грабят, жгут, убивают. И в твоих силах остановить это безумие, повернуть все вспять.

— Я не верю, что все так уж плохо. Этого не может быть. Я прожила полтора столетия. У меня на глазах английский офицер застрелил моих родителей, я видела восстание сипаев в 1850 году, две мировых войны, большевистскую революцию и, что ужаснее всего, — зверства, совершаемые в Пенджабе, когда одни индийцы убивали других. Ты даже представить себе не можешь, чего я насмотрелась.

— То, что творится сейчас, — гораздо хуже, — сказал Джек. — В это вовлечен весь мир. А после четверга над землей опустится ночь. Навсегда. И некуда будет убежать. Да, так случится, если ты ничего не предпримешь.

— Я?.. — повторила она очень тихим, отсутствующим голосом.

— Ты.

Джек выждал паузу, чтобы дать ей возможность снова посмотреть на остров, который она, видимо, очень любила, и еще раз почувствовать зловоние, предвещавшее его скорую гибель. А потом задал ей вопрос. Ему никогда не пришло бы в голову спрашивать о таком прежнюю Калабати, ту, с которой он много лет назад был знаком в Нью-Йорке. Но перед ним была новая, изменившаяся к лучшему женщина, сумевшая полюбить мужчину, полюбившая этот остров. Может быть, эта Калабати досягаема.

— Что ты скажешь на это, Бати? Я не прошу тебя снять его и отдать мне. Но я прошу тебя вернуться со мной в Нью-Йорк и поговорить с Глэкенем. Он единственный на земле старше тебя. Да ты, черт возьми, просто новорожденный младенец по сравнению с ним. Ты побудешь с ним и согласишься.

Она повернулась и облокотилась на перила, через дверной проем заглядывая в гостиную.

— Дай мне все хорошенько обдумать.

— Времени думать не осталось.

— Ну хорошо, — проговорила она медленно. — Я согласна встретиться с человеком, о котором ты говоришь. Но это все, что я тебе обещаю.

— И это все, о чем я тебя просил. — Он почувствовал, как расслабляются его перенапрягшиеся мышцы. Это было начало. — А что касается Моки...

Она резко вскинула голову и посмотрела на него.

— Он не умрет, — поспешно добавил Джек, — и даже не очень постареет, если кто-то заменит его настоящее ожерелье на подделку. — Тут неожиданная идея пришла Джеку в голову. Это прозвучит нелепо, но, возможно, поможет сделать Калабати еще более надежным своим союзником. — Кто знает? Может быть, ожерелье

и делает его безумным. Надо снять его, и тогда он снова станет самим собой.

Прежде чем Калабати успела ответить, в доме загремел голос Моки:

— Бати! Хеле маи! И приведи с собой своего бывшего любовника. Посмотрите, что сотворил ваш Бог!

Калабати, закатив глаза, сделала шаг вперед. Джек осторожно взял ее за руку.

— Так каков твой ответ?

— Я подумаю.

Она высвободила руку и опустила фальшивое ожерелье к себе в карман. Джек пошел за ней.

И остановился, остолбенев, на пороге.

Гостиная преобразилась. Все дерево и куски лавы, которые оставались от старых фигур, были переделаны, подобраны друг к другу и сложены в одну огромную скульптуру, занявшую пространство от стены до стены. В тех местах, где не хватало остатков прежних скульптур, Моки воспользовался обломками мебели, добавив их в общее нагромождение. Все эти куски выбеленного, протравленного дерева были сложены так, словно росли из деревянной панели стены, образуя четыре спицы гигантского овального колеса, и эти спицы, причудливо изгибаясь, сходились в общем центре. Сердцевине из лавы. Моки каким-то образом соединил все осколки черно-красной лавы — среди этой беспорядочной массы поблескивала проволока и виден был еще не застывший эпоксидный клей — в единое целое: какой-то зубчатый, нелепый конгломерат, не имеющий определенной формы, ассиметричный, без всякого проблеска разума, но с ярко выраженными элементами угрозы и неприкрытой хищности.

— Что вы скажете о шедевре, который создал Мауи? — спросил Моки, стоя посреди комнаты, уперев руки в бока и ухмыляясь, похожий на карикатуру Берта Ланкастера.

Ба примостился на корточках в углу, словно огромный Будда, молчаливый, созерцающий.

— Это... оглушает, — сказала Калабати.

— Вот именно! — Моки захлопал в ладоши. — Блестяще! Она и должна оглушать. Как всякое подлинное

искусство. Вы так не думаете? Искусство должно бросать вызов всем вашим привычным представлениям, опрокидывать их так, чтобы вы увидели всю их подноготную.

— Но что это? — спросил Джек.

Моки перестал улыбаться, и впервые за все это время Джек заметил на его лице замешательство.

Он сам не понимает, что сотворил.

— Ну... это образ, — быстро оправившись от растерянности, сказал Моки, — который не раз вставал передо мной, а в последние дни просто меня преследует. Это... — В его глазах вспыхнуло воодушевление. — Это Мауи! Великий Мауи! Да! Четыре разрозненных острова — Молокаи, Ланаи, Кахулави и сам Мауи — вернулись к тому, чем должны быть — слились в единое целое. Образуя в центре монолитную безликую массу!

Джек в изумлении смотрел на конструкцию, слишком нелепую, слишком угрожающую. Она не походила ни на острова, ни на новое образование из островов. Это было что-то другое, но даже сам ваятель не обладал ключом к ее пониманию.

— Пойдем, — обратился Моки к Калабати, схватив ее за руку. — Мауи устал. Ему нужен отдых перед вечерней церемонией. И еще его женщина. — Он с вызовом посмотрел на Джека: — Женщина, которая когда-то любила тебя, а теперь любит бога. Она никогда не вернется к тебе. Никогда! Разве не так, Бати?

Калабати улыбнулась:

— Конечно, мой бог.

Джек внимательно посмотрел на нее. Калабати была не из тех, кто позволяет так с собой обращаться. Никто еще не повелевал этой женщиной.

Когда Мауи выводил ее из комнаты, она обернулась, бросила взгляд на Джека и дотронулась до кармана своего муумуу. Того самого кармана, в котором лежало фальшивое ожерелье.

Джек кивнул. Вот это была настоящая Калабати, которую он знал.

— Ну, детки, порезвитесь вволю, — сказал он, когда они вышли.

Он смотрел им вслед, пока они не скрылись в спальне, затем подошел к Ба, сидевшему на корточках.

— Ну, что скажешь, великан? — спросил он, прислонившись к стене рядом с ним. — Ты же видел, как он все это делал?

— Это — зло.

Джек ждал, что Ба еще что-то скажет, но тот не произнес больше ни слова. И Джек прошелся вокруг скульптуры, залез под спицы, ложась на пол, вставая на цыпочки, выискивая какой-нибудь новый ракурс, угол зрения, под которым может раскрыться ее секрет. Но чем больше смотрел, тем сильнее недоумевал. Почему? Ведь перед ним были всего лишь дерево и лава. И ничего определенного. Если она что-то и напоминала, то «Человека в окружности» Леонардо да Винчи — с той лишь разницей, что вместо человека здесь был изображен не то какой-то уродливый эмбрион, не то амеба.

— Посмотри вниз, Ник. На землю. Видишь что-нибудь?

Наступила ночь. Время жуков. Воздух кишел ими. Стоя у подножия башни, Билл мог рассмотреть их причудливые, разнообразные очертания, видел, как они с жужжанием роились в воздухе всего футах в шести от него, не дальше.

Но они с Ником были в безопасности, хотя и стояли под открытым небом. Жуки соблюдали дистанцию. Как только стемнело, Билл отвел Ника обратно, вниз, к тяжелой двери в каменной стене, и они стали всматриваться в беспросветную, казалось, готовую поглотить их тьму.

— Давай, Ник, — подбадривал он, — посмотри хорошенько. Видишь мерцание, такое же, как прошлой ночью?

Он кивнул и указал прямо перед собой:

— Вон там.

Днем в Нике стали происходить некоторые перемены. Он казался собранным, живее реагировал на происходящее. Означало ли это, что он постепенно приходит в себя после шока?

— Ну что же. — Билл внутренне напрягся. — Значит, они там.

Он обернулся к селянам, составлявшим чертову дюжину, вооружившимся факелами, которые ожидали, остановившись позади него у подножия башни. Тринадцатым был Александру, стоявший особняком.

Через Александру Билл объяснил остальным, что рыжеволосый человек, побывавший в этих местах в 1941 году, до сих пор жив, что он сейчас в Америке, и, если сумеет заполучить часть осколков «магического меча», разбросанных здесь среди камней, ему удастся закрыть трещину неподалеку отсюда и вернуть солнце. В послеполюденное время селяне помогли ему осмотреть прилегающее к подножию башни место, но их попытки оказались столь же бесплодными, как и его собственные сегодня утром. Поэтому пришлось прийти сюда ночью.

Билл ожидал, что его сочтут сумасшедшим и выскочкой или, по крайней мере, грубо оборвут его речь. Но вместо этого жители деревни собрались вместе и выразили готовность помочь ему. Женщины принялись сплести прутья, пока мужчины готовили факелы. Теперь на них была многослойная одежда, с плетеными кольчугами, закрывающими бедра и ноги, толстые перчатки и рукавицы из овечьей кожи. Казалось, они могут выдержать снежный буран, но приготовились эти люди к совсем другому стихийному бедствию.

Билл кивком подал мужчинам знак. Пора. На их лицах почти ничего нельзя было прочесть, но Билл заметил, как они обменялись короткими взглядами, услышал, как участилось их дыхание. Они испытывали страх, и немудрено. Совершенно незнакомый человек попросил их совершить отчаянный поступок, поставить на карту свои жизни. Это было равносильно тому, чтобы зайти в реку, полную пираний, имея с собой лишь сеть для ловли крабов и копье для защиты. И если бы они сейчас развернулись и ушли вверх по каменной лестнице, ему не в чем было бы их упрекнуть.

Но они не сделали этого. С поднятыми щитами и факелами они образовали полукруг, защищая встав-

ших внутрь него Билла и Ника. Когда Билл и Ник отошли от крепостной стены, людское кольцо за их спиной замкнулось.

Жуки бросились на них тучей. Люди, из которых состояло кольцо, закричали, со страхом и ненавистью одновременно, заслоняясь от бросающихся на них жуков щитами, обжигая факелами. Под аккомпанемент стрекочущих крыльев и шипящих в огне тел, они шаг за шагом продвигались вперед.

Билл шел, пригнувшись, за Ником, прикрываясь руками, втянув голову в плечи. Он крикнул Нику в самое ухо:

— Где, Ник? Покажи мне, где?

Ник продолжал идти, глядя под ноги, осматривая каменистую почву, но ничего при этом не говорил. Билл вдруг испугался, подумав о том, что из-за факелов Ник может не заметить сияния. Ведь днем оно не видно. Не случится ли сейчас то же самое из-за факелов?

Как бы отвечая на этот непрозвучавший вопрос, Ник сказал:

— Здесь один из них.

И показал пальцем место на земле, примерно на два дюйма дальше своего левого ботинка.

Билл крикнул остальным, чтобы остановились, отвел в сторону факел и свободной рукой стал шарить между камнями. Он почувствовал, как сжимается вокруг него кольцо из-за того, что жуки теснят обступивших его людей. Но под камнями он не нашел ничего, кроме комков грязи.

— Тут ничего нет, Ник!

Но Ник продолжал указывать в том же направлении:

— Там, там, там...

— Да где, черт возьми?

— Сияние. Вон там.

Ник говорил с уверенностью. В отчаянии Билл принялся руками разрывать влажную землю. Сомнительно, но, может быть, за эти десятки лет дожди похоронили в глубине один из осколков и сейчас он излучает сияние, прикрытый слоем земли. Их вылаз-

ка могла окончиться ничем, потому что времени оставалось совсем мало, учитывая все возрастающую ярость, с которой их атаковали жуки, и он хотел попробовать...

Пальцы Билла наткнулись на что-то твердое и узкое, с неровными краями, нечто, выделяющееся среди песка и камней. Он с силой погрузил пальцы еще глубже в грязь, ухватил это «что-то» и вытащил наружу.

На ладони лежал ржавый, грязный, с зазубринами кусок металла. Билл поднял его перед собой:

— Вот это, Ник?

— Разве ты не видишь сияние?

Билл вертел кусок железа в руках. Никакого сияния. Просто обломок.

— Не вижу. А еще есть?

— Конечно. — Он показал на место слева от Билла. — Вон там.

Билл снова принялся рыть землю. Один из селян что-то крикнул ему. Билл не знал их языка, но значение слов понял.

Скорее!

Билл положил на камни свой факел и стал разрывать землю тем осколком, который уже достал, разбрасывая ее во все стороны. Он услышал слабое позвякивание металла и просунул руку в выкопанную ямку, чтобы нащупать второй кусочек, но в этот момент жук пролетел между ног одного из сопровождавших и вонзил свои игольчатые зубы в его руку. Не раздумывая, Билл полоснул по нему зажатым в руке осколком.

На мгновение он был ослеплен вспышкой света. Перед глазами появились разноцветные пятна, а когда они исчезли, он увидел бьющегося на камнях осовидного жука, скрежещущего зубами в бессильной ярости, с глубокой дымящейся раной на спине.

Билл секунду смотрел в изумлении на осколок, который держал в руке. Сила, заключавшаяся в клинке, не ушла даже за долгие годы.

Он продолжал рыть в поисках второго обломка. Почти сразу же он нашел его и вытащил наружу.

— А вот этот, Ник? Скажи скорее! Он тоже излучает сияние?

— Да, — кивнул Ник.

— Отлично. Теперь все в порядке. А где...

В этот момент один из селян с криком обрушился на спину Биллу, едва не сбив его с ног. Билл подумал вначале, что, должно быть, жуки прорвались через заслон и тучей бросились на него.

Но на самом деле все обстояло еще хуже.

Что-то свисало с ноги этого человека, что-то похожее на черный канат вырисовывалось в темноте, но только живое, сужающееся книзу, извивающееся и сильное. Падение одного человека разрушило круг, и жуки ринулись в образовавшуюся брешь, нападая теперь не только снаружи, но и изнутри. Остальные пытались снова сомкнуть круг, но сбивались в кучу. Некоторые старались поднять упавшего, но жуки почти набрасывались на них, и каждому приходилось защищать самого себя. Билл с ужасом видел, как жуки уволокли в темноту не перестававшего кричать человека и накинулись на него.

Еще одно такое же черное существо, похожее на змею, появилось из темноты и утатило другого человека. Третья тварь ухватила за Ника и швырнула его на землю. Не издав ни единого звука, Ник упал на камни. Билл обхватил его руками, но тварь стала растаскивать их в разные стороны. Билл видел, как что-то огромное, черное высвечивается в темноте факелом и понял, что это не змеи, а длинные, гладкие щупальца огромного чудовища. И Биллу показалось, будто он слышит сказанные Глэкенем при прощании слова: *«Большие чудовища более медлительны; они будут добираться дольше, но в конце концов все равно окажутся здесь»*.

Билл понял по той непреодолимой силе, с которой чудовище тянуло Ника, что ему с ним не сладить.

В отчаянии он дотянулся до щупальца, обвившего руку Ника, и полоснул по нему обломком меча. Снова полыхнула вспышка. Внезапно щупальце разжалось и стало биться как сумасшедшее на земле, подобно обезглавленной змее.

Кольцо из человеческих тел было к этому времени окончательно разрушено, селяне сбились в кучу, беспорядочно размахивая в воздухе щитами и факелами.

— Идите назад! — крикнул им Билл. — Назад к крепости.

Он поставил Ника на ноги и почти понес на себе к основанию башни, ступая по неровному грунту, помахивая в воздухе осколками меча, чтобы расчистить себе путь. В конце концов несколько человек, оказавшихся впереди, а за ними и все остальные проскочили через открытые ворота в крепость, туда, где в воздухе не было ни единой твари. Искусанные, с кровоточащими ранами, обожженные огнем, люди в изнеможении падали на мраморный пол, казавшийся им после каменистой дороги чуть ли не мягким. Только старик Александру остался стоять там, где его оставили.

— А где остальные? — спросил он, обводя взглядом пришедших. — Что случилось с Георгием? А с Ионом? С Михаилом и Николаем?

Билл, наконец, поднял голову и посчитал. Из двенадцати, которые пошли с ним, вернулись только восемь. Он подошел к двери и выглянул наружу. Четыре факела дымились в ущелье. Тех, кто их нес, нигде не было видно. Оставшиеся в живых плакали, и Билл почувствовал, как комок подступает к горлу. Четыре храбреца отдали свои жизни за то, чтобы незнакомец смог выкопать несколько кусочков старого металла.

Билл перевел взгляд на обломки, лежавшие на ладони, потом снова на чадающие факелы.

Это не должно быть зря, черт возьми.

Снаружи что-то черное и огромное нависло горой над ущельем.

Билл приготовился к отъезду. Оба осколка были надежно убраны в карман, Ника усадили в пассажирское кресло, а на место выломанного заднего стекла в вездеходе селяне гвоздями прибили доску.

— Ник, я не могу оставить тебя здесь. Я должен вернуться, и ты можешь понадобиться нам дома. Но когда все это кончится, я опять привезу тебя сюда.

Ник заплакал:

— Вы обещаете мне, отец Билл?

Билл едва сдерживался, чтобы тоже не заплакать, и сжал руку Ника.

— Хорошо, Ник. Обещаю.

Ему было очень тоскливо, но он старался не показывать виду и помахал рукой Александру и остальным.

— Скажи им, что я вернусь, — сказал он по-немецки старику. — Когда все это кончится, все дыры закроются и все чудовища уйдут восвояси, я вернусь. А еще я расскажу всему миру о храбрости вашего народа.

Александру тоже помахал ему рукой, но без улыбки. В глазах стояли слезы. Билл разделял его скорбь не только по погибшим, но и по маленькой общине. Для такой приходящей в упадок, умирающей деревни это была чрезмерная цена — потерять четырех мужчин в расцвете сил.

— Я вернусь, — снова сказал он. — Я не забуду вас.

Он говорил искренне. Если только он переживет все это, если останется жив.

Он выжал первую скорость и, выехав за ворота, повел машину к мосту. Жуки носились вокруг них. Он уже проехал половину расстояния, когда фары высветили щупальце. Оно вытянулось вдоль настила и, приподняв суженный конец, не то разглядывало Билла, не то обнюхивало.

Билл остановился и рассмотрел в темноте, как остальные щупальца вытягиваются вперед, присоединяясь к первому. Вскоре весь мост буквально кишел ими. Билл нащупал на полу слева от сцепления кнопку дальнего освещения и нажал на нее.

И когда увидел, что ожидает его на другом конце моста, охнул и инстинктивно отпрянул назад, откинувшись в кресле. Фары дальнего освещения высветили огромную, гладкую, аморфную, поблескивающую черную тушу в тридцать футов высотой и не менее чем в сто шириной. Он старался разглядеть, где у нее глаза и рот, но так и не разобрал. Сплошная

слизкая черная масса. Огромное глистообразное существо с щупальцами.

И эти щупальца старались дотянуться до него, подползая все ближе.

Билл хотел объехать чудовище, но оно своей огромной массой полностью загородило выезд с моста. Даже если он проедет на вездеходе по щупальцам, все равно упрется в это неподвижное, как стена, туловище.

Внезапно щупальце показалось с другой стороны капота, обвилось вокруг него и дернуло машину на себя. Билл дал задний ход и проехал назад футов двенадцать. Щупальца неотрывно следовали за ним.

— Проклятие, я в ловушке! До самого утра!

В бессильной ярости, доведенный до безумия, Билл колотил руками по рулю. Он добыл осколки, за которыми отправлялся сюда, но не может доставить их Глэкену, не может тронуться в обратный путь до Пюешти, пока не наступит утро. Снова потеряно время. И еще одну ночь он не увидит Кэрол. А он так хотел этого! Каждая минута, проведенная с ней, была дорога. Сколько еще таких минут им отпущено?

С помощью зеркала заднего обзора он провел машину обратно в замок и остался сидеть у руля, стараясь унять волнение, разрывающее грудь, всматриваясь в темноту. Ему хотелось плакать.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Ф р е д д и: Джо решил немного вздремнуть — ему это необходимо, но я по-прежнему с вами и боюсь, настало время всем расходиться по домам. Сейчас 4.48. Десять минут до захода солнца. Так что не ищите приключений на свою задницу».

Манхэттен

Кэрол смотрела, как опускается на город темнота, и думала о том, какое это счастье, что у них в здании есть генераторы. Она вспомнила о Билле. Она не забывала о нем с тех пор, как он уехал вчера утром, но сейчас, с наступлением темноты, мысли о нем не покидали ее ни на минуту.

— Где он? — спросила Кэрол у Глэкена.

Он в этот момент проходил мимо нее с пустым подносом, который нес из комнаты Магды. Глэкен остановился у нее за спиной.

— Думается, он еще в Румынии.

Кэрол взглянула на часы. Скоро четыре. Значит, у них там около одиннадцати. Скоро наступит среда.

— Но он уже должен вернуться.

— Мог бы вернуться, но вот что касается «должен»... — Он покачал головой. — Я так не думаю. — Он ласково положил ей на плечо свою исполосованную шрамами руку. — Не стоит пока волноваться. По крайней мере до завтра. Вот если завтра к этому времени он не вернется, тогда другое дело. Тогда и я буду волноваться вместе с вами.

Оставив ее одну, он направился в кухню.

Кэрол снова стала смотреть в темнеющее небо, теперь она подумала о Хенке. И эта мысль причиняла ей боль, словно от удара ножом. Он бросил ее. Как мог он так поступить? Странно — злости она не чувствовала. Но куда он исчез?

*Радио АМ-диапазона.
(В эфире тишина.)*

Шоссе Нью-Джерси

К ночи Хенк совершенно обессилел, но заснуть не было возможности.

Какой тут сон?

С наступлением темноты колодец ожил. Сначала послышалось какое-то эхом разносящееся шипение, потом оно переросло в целую какофонию — шелканье клешней сливалось с шуршанием ног по бетону, потом возникли зловещие очертания, смутно различимые в пробивающемся сквозь решетку лунном свете, кто-то извивался, хлюпал по воде, ползал по потолку; те, что поменьше, были величиной с руку Хенка, а самые крупные — шириной с расстояние между его бедрами. Они не обращали на Хенка никакого внимания и ползали друг по другу с какой-

то медлительной грацией, вселяющей отвращение и ужас и отрицающей, казалось, закон земного тяготения. Они переплелись в клубок на фоне бледно-серого бетона и напоминали горгону, загораживая собой луну время от времени, когда проползали по решетке.

Он услышал царапанье по металлу, потом скрип и лязг. Это означало, что решетку сдвинули с места. С сороконожками произошла внезапная перемена. От ленивой неторопливости их не осталось и следа, ее сменило голодное нетерпение, и они, царапаясь и проползая друг через друга, наперегонки устремились вверх, чтобы принять участие в ночной охоте.

Через какое-то время все до единого вылезли наружу. Снова засиял лунный свет, и Хенк остался один.

Нет... не один. Кто-то приближался к нему. Кто-то большой. Он понял это, даже не глядя. Прошло еще несколько минут, и он увидел большую голову с клешнями, которая, покачиваясь, нависала над ним.

Опять! Только не это! О господи, только не это!

Он дотемна работал не переставая, чтобы сделать управляемыми свои конечности, что оказалось делом почти безнадежным. Как ни старался он, сколько ни прилагал усилий, тело оставалось неподвижным.

Наконец, когда стало темнеть, появились кое-какие результаты. В руках и ногах, в брюшной полости зашевелились некоторые мышцы. То ли заканчивалось действие яда, то ли усилия Хенка увенчались успехом. Сейчас это не имело значения. Главное, что тело опять становилось управляемым.

Но все пойдет прахом, если это чудовище введет ему новую дозу нервно-паралитического вещества. Пока чудовище не делало никаких движений, нависло над Хенком. Неужели оно что-то заподозрило?

О боже, о боже, о боже, о боже!

Хенк потратил весь день, чтобы привести мышцы в движение, а теперь молил Бога о том, чтобы они застыли в неподвижности. Стоит дернуться или вздрогнуть, и чудовище снова пробуравит ему своим жалом живот и вернет его в исходное состояние.

Чудовище наблюдало за ним, казалось, целую вечность, потом зашевелилось.

Нем!

Голова его приблизилась к его животу.

Нем!

И скользнула дальше. Чудовище выгнулось над ним дугой, проводя лапками по его животу. Он не чувствовал прикосновения, но видел, как мышцы живота вздрагивают и перекатываются. И молил только о том, чтобы чудовище этого не заметило...

Оно не заметило. Наконец его бесконечно длинное тело проползло над ним до конца, и чудовище, извиваясь, стало выбираться наверх, в ночную темноту.

Вот теперь он один. Пора действовать.

Он напряг руки и ноги, словно стараясь освободиться от кандалов. К его великой радости, мышцы вздулись. Но пальцы не пошевелились, не сжались в кулаки, как он того хотел. Он видел, как набухли вены на руках, когда начался приток крови к непослушным мышцам, видел, как дергаются и вздуваются мышцы живота вокруг раны, когда он пытался сесть.

Но больше ничего не произошло. Вены и артерии продолжали набухать, проступая через кожу, живот вздымался, словно воды Атлантики во время урагана, но управлять движениями он не мог, они оставались какими-то хаотическими.

И тут он бросил взгляд на рану пониже пупка. Что-то шевелилось там. И снова, как утром, его горло зашлось в крике, когда он увидел, как наружу вылезли две тонкие черные клешни, не больше дюйма длиной. За ними последовала многоглазая, желто-коричневая поблескивающая голова. Она огляделась, остановила на Хенке холодный взгляд своих черных глаз, а потом все длинное тело чудовища со множеством ног, извиваясь, выползло из раны. За ним еще одно такое же существо. Потом еще.

Тело Хенка, до того неподвижное, невосприимчивое ни к чему, двигалось само по себе, оно корчилось, дергалось, извивалось, пульсировало, перекатывалось из стороны в сторону в гамаке из паутины, а его вены и артерии вздувались сверх пределов своей

упругости и разрывались, высвобождая новых извивающихся сороконожек с клешнями.

Вдруг что-то шелкнуло у Хенка в мозгу. Он почти слышал, как ломаются и исчезают куда-то основы его разума. И это было к лучшему. Он был рад этому разрушению.

Да. Рад. Перед ним открылась совершенно новая перспектива. Там, на земле, все живое погибает. Погибает и разрушается. Все, кроме Хенка, с ним все по-другому. Хенк жив и останется жить в них — своих детях.

Он так долго желал этого, и вот это случилось. Это его дети. Они росли в нем. Насыщались им. Сделали его частью себя. Он будет продолжать жить в них, когда все, включая этого лейтенанта полиции и двух его гнусных подручных, умрут.

Если бы только он мог засмеяться!

Теперь он с гордостью наблюдал, как новые выводки его детей дюжинами вылуплялись из разорванных тканей его тела и, свертываясь в клубки, резвясь, ползали по нему. До чего приятно было смотреть, как они вылупляются, ползают, вытягивают свои тонкие, длиной в фут тельца, набираясь сил перед тем, как выбраться на поверхность и присоединиться к большой охоте. Некоторые из них сцепились, хватая друг друга клешнями.

«Не ссорьтесь, дети мои. Приберегите силы для того, кто на поверхности».

Тут еще двое вылезли из его горла — из разорванных остатков артерий, по которым добрались сюда. Они усталились на него, двигая головой вперед-назад, словно перед заклинателем змей.

«Да, дети мои, — хотел он сказать им, — я ваш папочка и очень вами горжусь. Я хочу, чтобы вы...»

И тут они сначала отпрянули, а потом совершенно неожиданно ринулись на него и, выбрав каждый по одному его глазу, жадно вонзили в его свои клешни.

«Нет! — хотел он сказать. — Я ваш папочка! Не ослепляйте меня! Чем же я буду смотреть, как вы растете, если вы съедите мои глаза?»

Но непослушные детки не обратили на его слова никакого внимания. Они вгрызались все глубже, глубже, глубже...

Если бы только он мог закричать!

*Телевизионный канал.
(Пустота в эфире.)*

Мауи

На остров опускалась ночь.

Джек стоял в гостиной и разглядывал сотворенную Моки гигантскую скульптуру. Чем темнее становилось в комнате, тем отвратительнее казалась она ему. А проникающая снаружи нестерпимая вонь гнилой рыбы усугубляла отвращение. Скульптура была настолько гнусной, что возникало желание разнести ее на куски, из которых она состояла.

Он обернулся на шорох за спиной и увидел Калабати, выходящую из спальни. Одна. Наконец-то! Ее темные глаза взволнованно сверкали, когда она подходила к Джеку. Пройдя мимо него, она вложила что-то ему в руку — какой-то теплый, увесистый металлический предмет. Он посмотрел.

Ожерелье.

— А что с Моки? — спросил он.

Она жестом велела ему следовать за ней на ланаи.

— Он теперь носит твою подделку, — прошептала Калабати, когда они встали у перил.

— И он по-прежнему...

Она кивнула, и оживление в ее глазах сменилось мукой.

— Он все такой же.

— Мне очень жаль.

— Надень это, — прошептала она, коснувшись руки, в которой он держал ожерелье.

Джек положил его в карман:

— Лучше не надо. Он может заметить.

— Надень. Оно тебе понадобится. Поверь мне.

Джек покачал головой:

— Со мной ничего не случится.

Он посмотрел на утонувшую во мраке долину. За ней был виден водоворот в океане, менявший свой цвет с белого на серый. Вращение воды замедлялось. Скоро снова забьет гейзер и воздух наполнится полудохлой рыбой и голодными жуками.

Но он успеет добраться до Кахулуи и подняться в воздух.

Он обернулся к Калабати:

— А как быть со всем остальным? С тобой, например? Ты вернешься со мной в Нью-Йорк?

— Ты веришь мне, Джек? — спросила она, пристально глядя на него. Судя по ее виду, ответ был для нее очень важен.

— Да, — ответил он, одолеваемый в то же время сомнениями.

Он чувствовал, что этой новой, изменившейся в лучшую сторону Калабати можно верить гораздо больше, чем прежней, но до какой степени, он не знал. И ставить на карту собственную жизнь не собирался.

— Хорошо. Тогда я вернусь с тобой в Нью-Йорк.

Джек сдержал готовый вырваться радостный крик, но заключил Калабати в объятия. Она действительно изменилась.

— Спасибо тебе, Бати. Ты не представляешь себе, как много сделала для меня и для всех остальных.

— Только не пойми меня превратно, — сказала она спокойно, — очень приятно быть снова в твоих объятиях, но своего ожерелья я не собираюсь тебе отдавать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк, чтобы поговорить со стариком, о котором ты мне рассказывал. Только за этим.

— Ну и прекрасно. Это — единственное, о чем я тебя просил. Остальное я предоставляю Глэкену. Мне кажется, с тобой можно договориться. Ну а сейчас нам пора в путь. Времени остается немного.

— Не спеши. Еще не совершена вечерняя церемония.

Джек отпрянул от нее, но Калабати удержала его, схватив за руку.

— Церемония? Ты согласишься, чтобы он опять совершил убийство?

И тут Джек вспомнил, как накануне вечером Моки позволил ниихаусу вонзить нож себе в грудь. Так вот чего она хочет? Увидеть, как Моки умрет? Неужели она так ненавидит его за то, что он ведет себя, как безумец? Джек вглядывался в ее глаза, но так ничего и не прочел в них.

Он никогда не научится понимать эту женщину. Ладно. Но может ли он ей доверять? Ее привязанности так же переменчивы, как и настроение.

— Это мое условие. После церемонии я вернусь в Нью-Йорк. Даю тебе слово.

— Бати? — донесся из дома голос Моки.

А вскоре вышел на ланаи и он сам. Его глаза загорелись недобрым огнем, когда он увидел, как Джек и Калабати касаются друг друга. Он взял Калабати за руку и отвел в сторону.

— Пойдем. Сегодня мы начнем вечернюю церемонию пораньше. — Он посмотрел на Джека. — На этот раз я дожидаясь ее начала с особым нетерпением.

Калабати, заходя в дом вместе с ним, обернулась к Джеку и произнесла одними губами всего три слова:

— *Надень... это... ожерелье.*

Когда они вышли из «исуцу», Моки повернулся к Джеку и ткнул указательным пальцем ему в грудь:

— Мы прибыли пораньше, потому что сегодня противостоять мне будешь ты.

Джек улыбнулся:

— Я так не думаю.

— Если победишь, она твоя. В противном случае она останется со мной, а ты вернешься в Америку.

Для Джека не прошло незамеченным, что Моки употребил слово «Америка» вместо «материк». Очевидно, Мауи отделился от остальных штатов, по крайней мере в сознании Моки.

Джек посмотрел на Калабати. Она также посмотрела на него, но совершенно бесстрастно.

Вот оно что. Вот что она имела в виду, когда сказала «после церемонии», черт возьми.

Она кивнула. И больше ничего.

— Пойдем, — сказал Моки, показывая на край кратера. — Пора.

Джек был в нерешительности. Все совершалось слишком быстро. Он вообще не любил сюрпризы, а тем более такие. Калабати знала, что все будет именно так, еще до того, как они перешептывались на ланаи. Придумала ли она все это вместе с Моки, или это была его собственная идея?

По крайней мере одно из ожерелий у Джека.

Но так ли это?

Что, в конце концов, висит у Моки на шее? Подделка или настоящее ожерелье? Он проклинал себя за то, что тщательно не осмотрел ожерелье, которое ему дала Калабати. Он не чувствовал сейчас никаких перемен, а то ожерелье, которое надевал много лет назад, насколько он помнил, вызвало первый раз неприятное покалывание, когда он до него дотронулся. Потом это ощущение прошло, когда он поносил ожерелье какое-то время. Не потому ли он ничего не почувствовал, когда дотронулся до него сейчас? Или все-таки подделка?

— Ну что же ты? — Моки ухмыльнулся. — Испугался?

— Я пойду, — сказал Ба, выходя вперед.

Но Джек предостерегающе поднял руку. Он не мог этого допустить. Помимо всего прочего, он пообещал Сильвии доставить Ба обратно невредимым.

— Все будет в порядке, Ба. Я сам пойду. Спасибо тебе за твоё предложение.

— Сними рубашку и иди за мной, — приказал Моки, развернулся и направился к кратеру.

Джек пошел за ним, на ходу снимая рубашку. От холодного ветра кожа его стала гусиной. Проходя мимо Калабати, он бросил ей рубашку. Ее черные миндалевидные глаза округлились от удивления, когда она обнаружила, что на шее у него нет ожерелья.

Что она задумала? Разозлить Моки? Ведь он наверняка придет в ярость, увидев на Джеке точь-в-точь такое, как у него, ожерелье. Ну нет. Джек не играет в такие игры.

Когда они подошли к краю, Джек почувствовал приятное тепло, исходящее от охваченной пламенем Халеакалы. Моки остановился и повернулся к нему.

Потом, ухмыляясь, стал извлекать в отблесках оранжевого пламени два кинжала с узкими, длиной дюймов в шесть, лезвиями. В этот момент он был похож на демона.

Пламя, бушующее внизу, отражалось от полированной поверхности кинжалов. Моки протянул один Джеку, деревянной ручкой вперед. Когда Джек уже взял его, снизу послышался целый хор выкриков. Он обернулся и увидел, что к ним приближается группа ниихаусцев, на ходу сердито размахивая руками.

— Этого я и боялся, — сказал Моки, вздыхая, словно снисходительный папаша, наблюдающий за своими непослушными детьми, — вот почему я привез тебя сегодня пораньше. Они хотели, чтобы кто-то из своих сокрушил меня, а не малихини. Мне придется их успокоить. Сказать, что и до них дойдет очередь.

Но у него не было в этом необходимости. Ба встал перед ниихаусцами, отгородив их от края кратера. Он широко раскинул руки и стал им что-то говорить. Джек не мог расслышать его слова, перекрываемые грохотом адской стихии, бушевавшей внизу, но они смотрели на Ба в изумлении. В конце концов они отступили назад и стали ждать.

— Прекрасно, — сказал Моки. — Благодаря твоему другу мы выиграли немного времени. Итак, начнем. — Он встал перед Джеком, подбоченясь и выпятив грудь. — Первый удар твой.

— Сначала сними ожерелье, — потребовал Джек.

— Нечего препираться, — ответил Моки, — неужели ты и есть тот храбрый мастер Джек, о котором мне рассказывала Бати? А я так думаю, что ты трус.

— Так ты не станешь его снимать?

— Мое ожерелье не подлежит обсуждению. Оно — неотъемлемая часть меня самого. Оно будет со мной, пока я не умру. А этого никогда не случится.

— Ну хорошо, — сказал Джек, — раз уж речь зашла о храбрости, устроим настоящую проверку: пусть каждый из нас проткнет свое собственное сердце.

Моки посмотрел на него широко раскрытыми глазами:

— Ты хочешь сказать: я воткну нож себе в грудь, а ты себе?

— Ты правильно понял. Одно дело вонзить нож в кого-то другого, а другое — в себя самого, для этого нужно быть богом.

Моки ухмыльнулся еще шире:

— Пожалуй, ты прав. Ты достойный противник, мастер Джек. Я буду сожалеть о том, что ты умрешь.

Ты будешь сожалеть, но не так, как я, если выяснится, что Калабати меня надула.

Моки приставил нож к груди, упершись острием в покрытый шрамами участок тела слева от грудины. Джек сделал то же самое. Ручка ножа скользила во вспотевших ладонях. Он прикоснулся острием ножа к своей коже, и по телу пробежал холодок, достающий до едва быющего в груди сердца, которое от острия отделял всего лишь дюйм. И в ответ на это прикосновение оно заработало в учащенном ритме.

Его замысел должен сработать.

— Готов? — спросил Джек. — На счет три. Раз... два... — Последнюю цифру он выкрикнул: — Три!

Джек видел, как Моки вонзил нож глубоко в грудь, как его тело согнулось пополам, ухмылка исчезла, черты лица исказила предсмертная судорога, видел, как в глазах отразились потрясение, ужас, ярость, гнев, что его предали.

Осознание случившегося приходило постепенно, сквозь пелену боли.

Моки посмотрел на рукоятку ножа, торчавшую из груди. По ней стекала кровь, разливаясь по телу. Потом он увидел нож Джека, все еще приставленный к груди. Он пошевелил губами:

— Ты не сделал этого...

— Так это ведь не я сошел с ума, а ты...

Моки посмотрел в ту сторону, где стояла Калабати, освещаемая в темноте отблесками пламени. В глазах ее отразилось непередаваемое страдание. Джек почувствовал было жалость к Моки, но тут вспомнил храброго ниихауса, который не имел ни малейшего шанса против Моки и умер прошлой ночью такой же смертью. Джек вслед за ним перевел взгляд на Калабати и увидел,

что она смотрит на него с нескрываемой ненавистью. Почему? Потому что он не вонзил в себя нож?

И вдруг грудь его обожгло болью, он отпрянул назад и увидел Моки, стоящего на коленях, с кровоточащей раной в груди, сжимающего в руке окровавленный нож. И вдруг заметил у себя глубокий надрез, идущий через всю грудь. Это Моки вытащил нож из раны и полоснул им Джека.

Джек зажал порез рукой, но из него уже перестала сочиться кровь. Боль тоже прошла. Чуть позже он с изумлением заметил, что рана закрылась и концы ее стали сращиваться.

Он поднял голову и увидел, что Моки наблюдает за ним. Окровавленной рукой Моки дотянулся до ожерелья, висевшего у него на шее. С пепельно-серым лицом он посмотрел на шею Джека, моля взглядом объяснить ему, что произошло.

«Почему?» — спрашивали его глаза.

Джек закатал штанину джинсов на левой ноге, чтобы показать настоящее ожерелье, намотанное на одну из икр.

— Да потому, что, если вещь называется ожерельем, ее не обязательно носят на шее.

Моки упал вперед, уткнувшись лицом в землю, вздрогнул несколько раз и замер.

Джек взглянул на нож, зажатый в руке, и воткнул его в затвердевшую лаву рядом с Моки. Еще одна жертва Расалома, еще один талантливый человек сошел с ума и погиб. Внезапно Джек почувствовал страшную усталость и опустошенность. Неужели все это не могло кончиться по-другому? Может, был другой выход? Не проникло ли в его мозг темное безумие, витавшее в воздухе? Или он всегда носил в себе некое темное начало? Не исключено, что это оно сейчас билось о стены клетки, которую Джек воздвиг для него? Крики заставили его обернуться. Ниихаусцы избавились от опеки Ба и теперь карабкались по склону. Джек попятился назад, еще не зная, что будет делать. Но они, не обращая на Джека никакого внимания, бросились к телу Моки. Они совершили около тела молитву, потом подняли его за руки и за ноги и швырнули в пламя Халеакалы.

Когда остальные принялись молиться, вождь повернулся к Джеку.

— Халеакала, — сказал он, сияя от радости, — обитель солнца. Теперь, когда ложный Мауи мертв, солнце снова вернется на тот путь, на который его наставлял подлинный Мауи.

— Когда? — спросил Джек.

Ба взобрался на склон и встал рядом с ним, переведя взгляд с ночного неба на рокочущий кратер. Все тело его было напряжено.

— Завтра, — сказал вождь, — вы увидите, это произойдет завтра.

— Надеюсь, что так, — сказал Джек, повернувшись к Ба, — но в том случае, если он ошибается, думаю, нам надо поскорее отправляться в обратный путь.

Ба кивнул:

— Да. Нужно спешить. А то, как бы не было поздно.

— Поздно? Что ты имеешь в виду?

Страдание промелькнуло на лице Ба, обычно непроницаемом, и это поражало.

— Не знаю. Знаю только, что должен вернуться к миссис.

— Хорошо, великан. Мы сейчас же отправимся. — Он повернулся к Калабати: — Все, что нам осталось сделать, — это посадить нашу даму в джип и...

Калабати исчезла. Джек метался в темноте, стараясь отыскать ее. Но ничто не говорило о ее присутствии где-то поблизости. «Исуцу» по-прежнему стоял у склона горы, однако Калабати исчезла бесследно. Они с Ба обыскали все окрестности, но не обнаружили ничего, кроме рубашки Джека на застывшей лаве в том месте, где стояла Калабати. Джек натянул рубашку и залез в машину, на пассажирское сиденье.

— Наверное, она сбежала, пока мы слушали слова вождя. Ты помнишь, как спускаться к дороге?

Ба кивнул и завел машину.

Они поехали вниз. Ба вел машину так быстро, как только было возможно, а Джек всматривался в освещаемую светом фар дорогу и в темноту по обе стороны. Абсолютно ничего. Никакого движения, кроме порывов ветра. Когда они спустились с гребня, ветер

стих, а сверху полилась морская вода и посыпалась рыба, от чего видимость стала еще хуже. Появились жуки и стали атаковать их.

Наконец они подъехали к дому. Свет был включен, генератор работал, все было так же, как час назад, когда они уходили отсюда. Джек выскочил из машины и побежал в дом, наступая на бьющихся на земле тунцов и уворачиваясь от жуков. Их было не очень много поблизости. Забежав в дом, он обошел все комнаты, зовя Калабати. Он не надеялся найти ее здесь — каким образом она могла пешком обогнать машину? — но ему нужно было это для самоуспокоения, чтобы знать, что он осмотрел решительно все.

Теперь он терзался чувством неопределенности. Вдруг он просто не нашел ее? Вдруг она где-то прячется? Значит, она лгала ему? Собиралась ли она вообще возвращаться с ним в Нью-Йорк? Скорее всего, нет.

Каким же он был сентиментальным идиотом!

Он поднялся на второй этаж, собираясь зайти в гостиную, но замер на пороге, услышав шум. В коридоре, ведущем в гостиную, было отчетливо слышно знакомое стрекотание больших полупрозрачных крыльев — сотен крыльев, хлопающих с сумасшедшей скоростью. Может быть, они поймали кого-нибудь — например, Бати? Может быть, у них в самом разгаре разгульное пиршество?

Он хотел было развернуться и убежать, но заставил себя стоять неподвижно. Что-то изменилось в этом стрекотании — оно было уже не таким неистовым, не таким бешеным... стало спокойней, размеренней, стало почти... умиротворенным.

Он шагнул вперед. Нужно посмотреть, что там происходит. Отсюда видна только часть комнаты сразу за дверью. Лишь одна лампочка продолжала мерцать здесь, но света ее было достаточно, чтобы рассмотреть некоторые детали. И от того, что он увидел, мурашки побежали по телу.

Жуки... большая комната была полна ими, точнее, переполнена. Они облепили стены, расположились на мебели, летали в воздухе. Жуки всех видов, от осовидных зубастых до «пиратов», и все они развернулись в

одну сторону, головой к центру комнаты, не глядя в сторону разбитых окон. Ноги готовы были сами вынести Джека из комнаты, но он остался, чтобы узнать, почему жуки собрались в одном месте.

Он опустился на колени и ползком сдвинулся вперед еще на дюйм. Жуки по-прежнему не обращали на него ни малейшего внимания. Тогда он растянулся на полу и вытянул шею так, чтобы можно было оглядеть всю комнату.

Но за жуками почти ничего не было видно. Лишь когда порыв ветра из окна сдул их в сторону, Джеку открылся центр комнаты.

Причиной всему была скульптура — последнее творение Моки. Единственный предмет в комнате, на который жуки не садились. Они не тронули изогнутые деревянные спицы, как бы выраставшие из стены и дотянувшиеся до самого центра, где они сходились вместе, центра, который являл собой нелепый бугристый конгломерат из кусочков черной и красной лавы. Жуки роились вокруг него, и каждый из них развернулся к нему головой, словно религиозный фанатик в безмолвном преклонении.

А сама сердцевина из лавы... мерцала каким-то пульсирующим желтым светом, в такт с невидимым огромным сердцем.

Только Джек взглянул на нее, как сердцевина исчезла. Но и одного взгляда оказалось достаточно. Джек весь напрягся, потом пополз обратно. Что-то в этой скульптуре — странный свет, который она излучала, притягательность ее для жуков, вообще все увиденное — потрясло Джека настолько глубоко, что он не в силах был все это осмыслить. Это исходило откуда-то изнутри, но не из его личного жизненного опыта, а из памяти многих поколений — чувство опасности, то ли таящееся в закоулках его подсознания, то ли заложенное на генетическом уровне, и от этого он ощутил нарастающий страх, который подсказывал только одно — бежать.

Он отполз от комнаты на достаточное расстояние, потом вскочил на ноги и бросился вон из дома, туда, где в «исуцу» его поджидал Ба.

— Поехали, Ба!

Вьетнамец показал на джип, на котором они приехали из Кахулуи.

— А может быть, нам следует...

— Забудь про это. Нужно бежать отсюда! Немедленно!

Джек плюхнулся на сиденье и, пока Ба вел машину под ливнем, старался унять дрожь. Он боролся со страхом. Он всегда гордился способностью направлять свой страх в нужное русло, использовать его. Но сейчас это чувство могло выйти из-под контроля. Он закрыл глаза и, стараясь не обращать внимания на рыбу, барабанящую по капюту и крыше, дышал ровно и размеренно, чтобы успокоиться. И это ему удалось к тому времени, когда Ба проехал большинство ухабов. Но пальцы продолжали дрожать, сказывалось чрезмерное выделение адреналина в крови.

Постепенно чувство страха сменилось разочарованием и угнетенностью. Он потерпел поражение. Калабати солгала ему. А на что еще он мог рассчитывать? Именно он? Ведь он сам лгал большую часть своей жизни. Он мысленно проклинал себя за то, что поверил в перемены, происшедшие в ней. Но она говорила так убедительно.

Вот что он получил, стараясь играть по правилам.

Может быть, им с Ба просто нужно было связать Моки, отобрать ожерелье у него, потом у Калабати и оставить ее здесь, обрекая на скорую смерть от старости. Не то чтобы ему это не пришло в голову, но все его существо восставало против такого решения. Впрочем, сейчас не до этики. Слишком многое поставлено на карту.

Какой теперь вообще смысл возвращаться в Нью-Йорк? Глэкен послал его за двумя ожерельями. А он привезет только одно.

Джек стиснул зубы. Глэкен должен найти выход и обойтись одним ожерельем. Он сделал все, что мог, и теперь должен вернуться как можно быстрее.

Он надеялся, что еще не поздно.

Когда Ба выехал на асфальтированную дорогу в районе Триста семьдесят седьмой авеню, они тут же

набрали скорость. Машина мчалась по мертвой рыбе и пучкам морских водорослей.

— Не гони так, Ба, — сказал Джек, — если мы разобьемся, то так никогда и не сядем в самолет и вся наша поездка окажется напрасной. Если она уже не стала напрасной.

— Я должен вернуться к миссис. Поскорее. Я ей нужен.

Джек видел в слабом мерцании приборной доски хмурое, решительное выражение его лица. Ба тоже был напуган. Но не жуками. Он боялся за семью, в которую был принят. Почему? Почему именно сейчас? Что у них там случилось?

Среда

1. ПОГРУЖЕННЫЕ ВО МРАК

Из передачи радио FM-диапазона:

«Ф р е д д и: Сейчас одна минута после полуночи. До рассвета осталось чуть больше девяти часов.

Д ж о: Да, вы уже на полпути. Наберитесь терпения».

Монро, Лонг-Айленд

Алан чувствовал себя вампиром.

Еще бы! Он вел такой же образ жизни. Бодрствовал всю ночь, а днем отсыпался, если мог. Это напоминало ему время, когда он стажировался в больнице, будучи ординатором. Он тогда часто проводил по тридцать шесть часов без единой минуты сна. Но сейчас возраст уже не тот, кроме того, ночное перенапряжение из-за бешеных атак жуков, которые обрушивались на ставни и наружные стены, — не давало покоя днем, поэтому он спал лишь урывками.

Он был измучен, в голове остались лишь самые простые, обыденные мысли. Но он не мог поделиться этим с Сильвией. Потому что она была так же истощена. Спала она свернувшись калачиком в подвале вместе с Джеффи, Мессом и Фемусом, и то если зна-

ла, что наверху Алан охраняет все подступы к Тоад-Холлу.

Сейчас Алан заканчивал свой очередной осмотр, объезжая в кресле коридоры нижнего этажа, проверяя свечи и ставя новые вместо тех, от которых остались лишь стеариновые лужицы. Электричество пропало еще днем. Сначала он решил было, что это из-за неполадок на местной электростанции, но потом по радио сообщили, что компания «Лилко» прекратила подачу электроэнергии по всем линиям. В другое время это было бы даже романтично. Но, учитывая происходящее снаружи, о романтике говорить не приходилось.

Сейчас, когда осмотр был закончен и в каждой комнате стояла новая свеча, Алан расположился в комнате, где они обычно смотрели телевизор, и включил радио. Удивительно, как бедствия меняют привычки человека. Еще неделю назад он и не вспомнил бы о том, что не выключил радио. Но теперь, когда остались без электричества, а батарейки невозможно достать, он не оставлял радио работать даже на лишнюю минуту.

Джо и Фред по-прежнему оставались в эфире. Благослови их Господь. Они вещали хриплыми голосами, порой говоря совершенно бессвязно, трансляция шла с такими перепадами напряжения, что иногда казалось — эти звуки издают одновременно вращающиеся с бешеной скоростью колеса, но все-таки они не поддавались страху. Так же как и большинство из оставшихся у них слушателей.

Так же как и сам Алан.

Жаль только, что они не передавали ду-воп. Они ставили так называемый «классический рок», но Алан считал, что подлинно классический рок — это то, что исполнялось раньше на каждом углу, с прищелкиванием пальцев, задающим ритм, бас-гитарой и простой, свободно льющейся трех-, четырехтактной мелодией. Вот откуда все это начиналось. Много великих вещей было создано в шестидесятые и даже семидесятые, но все-таки первооснова, духовное начало классики прослеживалось в 1955-м, а после 1964 года, когда британ-

цы стали по-новому интерпретировать классические формулы, все пошло на спад.

Поставили «Восемь миль высоты». Это Алан считал неплохой вещью. Байрдсы хорошо чувствовали мелодию. Он забылся, слушая соло Мака Гуинна, когда услышал какой-то странный звук, доносившийся из прихожей. Он выключил радио.

Звук расщепляемого дерева.

Он достал из сумки за спиной битку, усеянную зубами, зажал в руке и покатил свое кресло в прихожую. Там он понял, в чем дело. После ночи, проведенной в отчаянных усилиях, осовидным жукам в конце концов удалось оторвать железную пластину, прибитую внизу к входной двери. и сейчас они прогрызали дыры в дереве. В двух местах уже виднелись челюсти с острокопечными зубами, они без устали грызли доски, выплевывая мелкие кусочки, из которых уже образовалась целая кучка.

Дело дрянь. Через полчаса, а может быть и раньше, они прогрызут достаточно большие дыры, чтобы протиснуться внутрь. И тогда Тоад-Холл будет кишеть этими жуками — осовидными и копьеголовыми, в этом нет никакого сомнения.

Все они жаждут добраться до Джеффи. Но чтобы заполучить его, им придется сначала встретиться с Сильвией. От одной мысли Алану стало не по себе. *Но чтобы добраться до Сильвии, им сначала придется убить его.*

Алан огляделся в поисках чего-нибудь полезного для обороны, чего-то, чем можно укрепить слабые места внизу двери. Ему попала на глаза массивная медная этажерка, стоящая справа от двери.

То, что нужно.

Он подъехал к ней, снял с нее все вещи и осторожно сложил в углу, после чего перевернул этажерку на бок. Он постарался бесшумно положить ее, но не удержал, и она стукнула об пол. Он понял, что перемещать ее по комнате, сидя в кресле, — дело непосильное, поэтому слез с кресла и стал двигать ее по полу, ползая на коленях.

Пока он придвигал тяжелую медную этажерку к двери, держась за ее заднюю стенку, осовидный жук высу-

нул голову через прогрызенную дыру. Заметив Алана, он задвигался еще энергичнее, челюсти его алчно зашелкали. Алан схватился за битую и двумя ударами снес голову этой твари. Жук еще подергался какое-то время и замер, заткнув своим телом дыру.

— Жуйте вот это.

Алан плотно придвинул этажерку к двери, потом подкатил свое кресло. Он положил в свой рюкзачок все, что обычно хранят в ящике с инструментами. Молоток, гвозди, пилу, топор, плоскогубцы, отвертку — то, что может внезапно понадобится ночью. Он не смог бы сбегать за ними в мастерскую, поэтому носил их с собой.

Алан достал молоток, взял с полдюжины самых больших гвоздей и стал вбивать их в зазоры между изразцами с наружной стороны этажерки. Стыдно было портить эти прекрасные мраморные изразцы, но их, в конце концов, можно заменить. В отличие от людей, живущих в Тоад-Холле.

Алан снова забрался в кресло и оттуда оценил свою работу. Это выглядело довольно надежно. Сомнительно было, что одной лишь силой своих крыльев жуки смогут отодвинуть тяжелый медный монолит, даже не прибитый к двери. Теперь, прикрепив его гвоздями, Алан мог с уверенностью сказать, что до утра атака захлебнулась. Он услышал, как острые маленькие зубы скребут по металлу с другой стороны.

— Посмотрим, удастся ли вам прогрызть дыру в этой штуке.

Но утром надо будет подумать, как укрепить остальные участки двери.

Может быть, к тому времени уже вернется Ба. Алан очень надеялся на это. Хоть он и настоял на своей полной независимости и отказался от чьей-либо помощи, но Тоад-Холл оказался для него непомерно большим. Слишком большим, чтобы его мог должным образом охранять один человек в инвалидной коляске. Сейчас, когда на карту поставлено благополучие Сильвии и Джеффи, он не вправе позволить гордости взять верх над всем остальным и тем самым подвергнуть их опасности. Поскольку Сильвия

не хотела уезжать из дома, он остался с ней и делал все возможное, чтобы ее защитить. Но ему хотелось, чтобы Ба был рядом и помогал ему. Более того, он жалел теперь, что они не переехали к Глэкену в прошлую субботу, как предлагал старик.

— Алан?

Он развернулся в кресле и увидел на пороге Сильвию. На ней был просторный свитер и старые, потрепанные джинсы, которые теперь, в дни осады, служили ей пижамой. Лицо ее было бледным, с отметинами от лежания на подушке. Она уже не выглядела той Сильвией, которая однажды прославилась в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» со своим уникальным искусством банзай, — ее творения теперь были уничтожены, а обломки разбросаны по разрушенной оранжерее, — но Алан отметил про себя, что она так же прекрасна, как всегда.

— Привет, — сказал он, — а я думал, ты уснула.

— Меня разбудил шум. Я подумала, что-то случилось.

— Прости. Я не хотел тебя будить, но жуки начали прогрызать дыры в двери.

Она подошла к нему, обняла.

— Я не спала. Не могла заснуть. Я очень волнуюсь за Ба. Боюсь, что он не вернется. И если он не вернется, если он... погиб, это будет моя вина, потому что я отпустила его.

Алан тоже обнял ее.

— Если кто-то и способен позаботиться о себе, так это Ба.

— И за тебя я очень волнуюсь, Алан. Когда я спускаюсь в подвал вместе с Джеффи, а ты остаешься один наверху, я начинаю думать, как было глупо и эгоистично с моей стороны отказаться от переезда к Глэкену. И по какой-то необъяснимой причине особенно остро я чувствую это ночью. Поэтому я приняла решение. Завтра мы переезжаем к Глэкену. Надеюсь, к тому времени Ба вернется, и мы уедем отсюда. Я хочу, чтобы наша небольшая семья снова собралась в одном месте. Алан. Тоад-Холл — наш дом, но сейчас нам нужно выжить. Это главное.

— Я понимаю, как много значит для тебя это место, — сказал он, прижимая ее к себе, — знаю, как нелегко для тебя его покидать.

— Это все равно что сдать. — Он почувствовал, как заходили желваки на ее скулах, когда она произнесла это. — А я ненавижу сдаваться.

— Нет, это не капитуляция. Это стратегическое отступление, с тем чтобы однажды, когда ты восстановишь контроль над своими силами, нанести удар.

— Я люблю тебя, — сказала Сильвия, прижавшись головой к его голове, — и иногда просто диву даюсь, как ты терпишь меня и мое упрямство.

— Может быть, все дело как раз в твоём упрямстве. Может быть, мне нравится именно такая женщина, которой все нипочем, даже Расалом с его жуками.

Сильвия приподняла голову и, часто моргая, заговорила со своим южным акцентом:

— Ах, доктор Балмер! Мне просто не верится! Я никогда не слышала, чтобы вы разговаривали таким образом. Тем более когда перед вами дама.

— Нет, именно потому, что передо мной дама.

Они поцеловались — одновременно, спонтанно потянувшись друг к другу. Алан сам не знал, что это было — разговор двух тел или телепатические явления, возникающие между близкими по духу людьми. Алана это и не интересовало. Он знал только, что именно сейчас настал момент для поцелуя. И Сильвия тоже это знала. Поэтому они поцеловались. Просто поцеловались.

— А когда мы последний раз занимались любовью? — услышал он, прижавшись к ее шее и вдыхая запах ее тела.

— Очень давно.

С тех пор как на прошлой неделе начались налеты жуков, у них не выдалось случая поспать вместе, остаться наедине и предаться любви.

— Вот еще одна веская причина переехать к Глэкену, — сказала она, — замечательная причина.

Они посидели вместе какое-то время, Сильвия — свернувшись калачиком в его руках, прижавшись друг к другу, прислушиваясь к жукам, грызущим края эта-

жерки. Алан вновь осознал, как сильно он любит эту женщину, как привязан к ней, — ни к одной женщине он никогда не испытывал таких чувств. Сама мысль о том, что ей могут причинить боль, была для него невыносима. Завтра они переедут к Глэкену, и она будет в безопасности, насколько можно чувствовать себя в безопасности среди этого безумия.

Но сначала надо пережить эту ночь.

Киноафиша:

Кинотеатр под открытым небом Джо Боба, специальный выпуск:

«Пиршество плоти» (1970), «Синеворлд корп.»
«Люди в сумерках» (1972), «Нью уорлд»
«Под дьяволом» (1980), «Ифи Скоп III»
«Бог ночи закричал» (1973), «Синемейшн»
«Это пришло от дьявола» (1957), «Элайд артистс»
«Неземной» (1957), «Ринаблик»
«Ночь темного полнолуния» (1972), «Кэннион»
«Жук» (1977), «Парамаунт»
«Дьявольские создания» (1970), «Хэмпишер»
«Неведомый страх» (1957), «XX век-Фокс»
«День, когда мира не стало» (1956), «АИП»
«Крик и снова крик» (1970), «Амикус/АИП»
«Этот безумный, безумный, безумный мир» (1963),
«Юнайтед артистс»

Скрежет металла.

Этот звук насторожил Алана. Он, не раздумывая, выехал в кресле из игровой комнаты и покатил в коридор. Звук доносился оттуда. Похоже, этажерку сдвинули с места. Алан не представлял, как это могло случиться, но на всякий случай достал биту и положил на колени.

Заходя в комнату, он услышал стрекотание крыльев.

Они уже внутри!

Сердце забилося как сумасшедшее, но он поехал дальше. Может быть, их совсем немного. Может быть...

Что-то метнулось к нему. Он наклонился, и жук пролетел рядом с его щекой, яростно шелкая челюстями.

Осовидный жук.

Сердце в груди запрыгало еще сильнее. Он взял битую с колен. В тот момент, когда жук пошел на второй заход, Алан уже приготовился. Свеча давала тусклое освещение, поэтому он не стал сбивать жука на лету. Он просто поставил битую между своим лицом и жуком и прикрыл лицом руками.

Жук налетел на битую. Потом дернулся вправо и зацепился крылом за зуб. Алан оставил его, мечущегося по ковру, и поехал в коридор. С одним крылом он никуда не улетит, и можно будет добить его потом. Сейчас Алан хотел придвинуть обратно этажерку, прежде чем сюда проникнут дружки этой твари.

Сначала он почувствовал их запах — отвратительный запах падали. Вырулив из комнаты в коридор, он увидел двух копыеносцев и еще одного зубастого жука, которые выползали из-за этажерки и взлетали в воздух. То ли они не заметили его, то ли им просто было не до него, но они сразу полетели на второй этаж через пролет винтовой лестницы.

Они ищут Джеффи.

Алан что есть силы покати к этажерке. Она была не только отодвинута от двери, у какой-то твари хватило силы согнуть гвозди, которыми она была прибита.

Алан мрачно покачал головой: каким образом...

Но времени гадать, как чудовищам удалось это сделать, не было. Необходимо заделать дыру.

Бросив через плечо взгляд на лестницу, Алан слез с кресла и, стоя на коленях, всем весом налег на этажерку. Раздался скрежет, этажерка сдвинулась с места и, скребя гвоздями по полу, поехала вперед, снова встав вплотную к двери. Алан повернулся и налег на нее спиной.

Вот так. Теперь никто не сможет забраться сюда, по крайней мере пока. Нужно придумать, как продержаться до утра. Он посмотрел на часы: 6.22. До рассвета еще целых три часа. Ну что же — он вполне сможет просидеть здесь это время. Три часа, хотя бы и на мраморном полу, — это не вечность, хотя ему может так показаться. Нехорошо только, что он мо-

жет стать неподвижной мишенью для жуков, которые уже пробрались сюда. Их не меньше трех. А может, и больше.

Он взвесил в руках биту. По крайней мере, ему не придется за ними гоняться. Они сами к нему прилетят. Он должен...

Этажерка толкнула его в спину.

Вздрогнув, Алан посмотрел на нее, полуобернувшись, и изо всей силы придавил плечом. Она снова задвинулась на место.

Что это, черт возьми?

У Алана голова заболела от напряжения. Это уже не жуки протискиваются в дыру. Толкнули его достаточно сильно. Что-то очень большое рвется сюда. Больше, чем...

Внезапно Алан вспомнил о вмятинах на ставнях и продолговатой воронке во дворе. И у него возникло ощущение, что некто, оставивший эти следы, находится за дверью.

Господи!

Алан не знал, чем оно толкает этажерку, но пока у него хватало сил задвигать ее обратно, так что, может быть, не так страшен черт, как его малюют.

Этажерка снова отодвинулась, теперь уже на целый фут, так что Алан отъехал назад вместе с ней. Он опять стал толкать ее обратно, ноги скользили по мраморному полу, он искал, обо что бы опереться, но ничего не находил. Впрочем, вряд ли он мог сейчас это сделать, если бы даже опора нашлась.

«Если бы мои ноги были здоровы! — подумал он, а сердце бешено колотилось, пока он напрягал все силы действовавшего по пояс тела, чтобы удержать этажерку на месте. — Тогда я справился бы с ними».

Но что это за существо? Чем оно толкает этажерку?

Словно отвечая на его вопрос, черное, гладкое, блестящее в свете свечи щупальце проскользнуло с той стороны и метнулось прямо ему в лицо. Алан увернулся и взмахнул битой.

Но промахнулся. Щупальце избежало удара, как будто могло видеть. Оно тут же потянулось к нему снова и обвило его руку. Щупальце было холодное и

влажное, но не скользкое. Алан рванулся назад, содрагаясь от отвращения, но высвободиться не смог. Кожа стала липкой, словно щупальце намазали клеем. Оно потащило Алана к двери.

Теперь уже по-настоящему испугавшись, Алан быстро переложил биту в другую руку и стал бить ею по щупальцу. Вставленные в биту зубы оставляли на нем рваные раны, которые при каждом ударе становились все глубже и истекали черной жидкостью. Щупальце ослабило свою хватку, и Алан высвободился.

Но только на мгновение. Вместо пораненного выползло другое щупальце и потянулось к нему. Алан откинулся назад и нашарил в сумке топорик. Небольшой, с короткой ручкой и лезвием не длиннее трех дюймов, но остро заточенный. Алан поудобнее ухватился за ручку и ударил по второму щупальцу. Лезвие глубоко врезалось в нее и отсекло отросток длиной примерно в один фут. Обрубленное щупальце тут же уползло, разбрызгивая по коридору черную жидкость — какое-то подобие крови, — а обрубленный конец повис у Алана на руке.

«Неплохо, — подумал Алан, — кажется, я с ними справляюсь».

Он отодвинул в сторону этажерку и быстро подполз к двери, устроившись справа от дыры. Маленькие дырочки теперь превратились в большой лаз, арку примерно в восемнадцать дюймов в ширину и четыре в высоту. Едва он подполз, как через дыру просунулось третье щупальце. Алан одним ударом обрубил его, и еще один отросток упал на пол. Четвертое щупальце ворвалось в комнату, а вслед за ним и пятое. Алан обрубил их одно за другим, и они убрались, изувеченные.

— Вот так, — сказал он полусшепотом, — давайте, пролезайте сюда, ублюдки! Сегодня у нас день обрезания! Посмотрим, хватит ли у меня ударов на все ваши щупальца!

Алан был возбужден. Он знал, что в его действиях сейчас есть что-то безумное, но было от чего помешаться. Может быть, от того, что он слишком долго просидел в своем кресле. Но вот он выбрался из него,

он здесь и, сжимая в руке оружие, защищает Тоад-Холл. За последние годы он ни разу не жил такой полной жизнью.

Вдруг из дыры появилось с поддюжины новых щупалец, они поднимались кверху, тянулись к его рукам, к лицу. Он стал отчаянно размахивать топориком, одно щупальце разрубив в воздухе, а другое на двери. Уже замахнувшись на третье, он услышал сверху и снизу, как стрекочут крылья и грызут дверь челюсти.

Жуки!

Он инстинктивно увернулся, но опоздал. Боль обожгла левое ухо. Потрогал голову. Рука окрасилась кровью. Алан обернулся и схватил биту. Теперь в обеих руках у него было оружие, в правой — топорик, в левой — бита, и ему не терпелось пустить их в ход. Боль в ухе и кровь высвободили внутри какую-то силу. Страх сменился яростью против тварей, осмелившихся вторгнуться в его дом и угрожавших дорогим ему людям.

Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты!

Он ударил топором по тянувшемуся к нему щупальцу, услышав жужжание, наугад взмахнул в воздухе битой.

Попал. Изуродованный зубастый жук с пастью, вымазанной кровью Алана, шлепнулся на пол, отлетев от двери. И тут же одно из щупалец обвилось вокруг неподвижного туловища и выволокло чудовище наружу.

Алан полоснул топором по особенно толстому щупальцу, разрубив его пополам. Но когда вытащил топор, чтобы еще раз ударить, что-то стукнуло его по спине, и резкая боль пронзила плечо. Алан вздрогнул и издал глухой стон. Слыша бешеное стрекотание крыльев над ухом, он выронил топор и дотянулся рукой до плеча. Нашупав изогнутый клюв, вонзившийся в тело, он понял, что его мясом хочет пожиться копыеносец. Видимо, насекомое ударилось в него под углом и скользнуло по плечу. При прямом ударе клюв прошел бы насквозь и разнес правое легкое, оставив на груди кровоточащую рану. Нужно уб-

рать эту тварь, иначе она будет вгрызаться все глубже, пока не прикончит его.

Алан захватил пальцами дергающийся, терзающий его клюв и с силой рванул. Его обдало новой волной боли, застилающей глаза, но копыеносец отпустил его. Жук корчился, извивался, бился как сумасшедший, зажатый у Алана в руке. Когда Алан поднял топорик, собираясь разрубить его пополам, пораненное щупальце обвилося вокруг его правой руки и потянуло Алана к двери. Он застонал — резкое движение вызвало новую вспышку боли в плече. Пальцы онемели и разжались, и Алан выронил топорик. Но сейчас было не до этого. Нужно высвободить правую руку. Немедленно. Алан ударил по щупальцу единственным оружием, которое у него осталось, — клювом жука, зажатым в руке.

Используя острый клюв, словно нож, он втыкал его и кромсал направо и налево, не останавливаясь. Дышал Алан прерывисто, со свистом, сквозь плотно сжатые зубы. Он потерял контроль над ситуацией. Утратил господствующее положение и вынужден был перейти в защиту. Он заметил целый выводок щупалец, пролезающих под дверь, — сколько же их у этой твари?

Нужно отступить. Если он за несколько секунд не сможет высвободиться и отойти в безопасное место, где до него нельзя будет добраться, дело примет плохой оборот.

Алан размахнулся рукой, сжавшей копыеносца, держа его под таким углом, чтобы попасть клювом в рваную рану, сделанную до этого топориком. Когда острое клюва вышло с другой стороны, Алан стал загонять его дальше, распарывая ткань. Наверное, он задел какой-то нервный ствол, потому что конец щупальца теперь дергался, то сжимаясь, то разжимаясь.

Алан выдернул руку и быстро откатился от двери. Оставив кресло на месте, встал на четвереньки и пополз по коридору к комнате.

Ему почти удалось до нее добраться.

Имей он сильные, здоровые ноги, он бы уже был в безопасности. Однако ноги волочились по полу,

тянули его назад, и он проклинал их. Правая рука тоже мешала. Скорость передвижения зависела сейчас от силы рук, но правая была поранена. Левая уже находилась в нескольких дюймах от ковра, когда что-то обвилось вокруг ноги. Даже в тот момент он мог освободиться, хорошенько пнув это существо, однако в ногах не было силы. Он понял, что нужно попробовать дотянуться до лестницы и схватиться за перила.

Пока шупальце волокло Алана по мраморному полу, он отчаянно шарил по нему рукой, пытаясь нащупать маленькую выбоину, шов, хоть что-нибудь, но так ничего и не нашел. Плиты были положены слишком профессионально. Он сделал попытку пнуть шупальце свободной ногой, но почувствовал, как обвивается вокруг нее другое шупальце и тянется дальше, к бедру.

Теперь оно тащило его назад еще быстрее.

Алан разглядел топор в том месте, где выронил его, вытянул руку и пальцы так, что казалось, вывернет плечо, но достать не смог. Словно моряк, который с палубы корабля смотрит на удаляющийся родной берег, смотрел Алан на исчезающий из поля зрения топорик.

Потом его протащило мимо кресла. Он схватился за него, взявшись за подставку для ног, но кресло лишь покатило за ним. Он держался на него, потому что ему просто не за что было больше держаться.

А потом появились другие шупальца, бесчисленное множество, они свились в клубок и обвили его ноги так, что он уже все равно не смог бы освободиться даже при здоровых конечностях. Он был беспомощен. Абсолютно беспомощен.

Смерть все ближе подбиралась к нему.

Хотя он не переставал сопротивляться непреодолимой силе волочивших его шупалец, сознание этого тяжестью легло на сердце. Страх пронзил его, страх, но не паника. Это был страх пополам с горечью. Слезы застилали глаза. Слезы сожаления. Все кончено. Он никогда больше не станет на ноги, не увидит, как вырастет Джеффи, не состарится вместе с Сильвией, но печальнее всего то, что ему суждена такая нелепая

смерть. Смерти он никогда не боялся, готов был встретить ее с распростертыми объятиями, но лишь когда станет седым, трясущимся стариком, прикованным к постели.

Щупальца уже протащили через дыру в двери ноги Алана. Щепки от расколовшегося дерева вонзились ему в бедра, потом в поясницу и грудь, когда его тело застряло в дыре.

Он не пролезает, по крайней мере целиком.

О Господи, господи, господи! Я не хочу умирать так!

И вдруг, охваченный болью, страхом и скорбью, он понял, как должен умереть. У него не было возможности выбирать, где и как смерть застанет его, но он может решить для себя, как встретить смерть.

Молча.

Он застонал, когда сила, волокущая его, возросла и его суставы, сухожилия, кожа и мускулы растянулись сверх всяких пределов.

Спокойнее!

Он протянул руку к креслу и, схватив тонкое одеяло, заткнул им рот, используя его как кляп.

Вот теперь хорошо. Кляп — теперь он не сможет кричать. Он не должен кричать.

О боже, какая боль!

Он должен оставаться спокойным, потому что, если боль и страх одержат над ним верх, он кричит, и Сильвия проснется и прибежит к нему... Он знает ее, знает, что, если он окажется в опасности, она не станет раздумывать, она будет думать только о нем, она ринется навстречу тучам жуков и щупалец, чтобы быть рядом с ним.

Алан с заткнутым одеялом ртом беззвучно крикнул, когда головка его правой бедренной кости с громким хрустом выскочила из впадины, и крикнул еще раз, когда то же самое произошло с левым бедром.

Спокойно! Спокойно! СПОКОЙНО!

...Потому что для него уже все кончено, но если сюда придет Сильвия, они сделают с ней то же самое, а потом набросятся на Джеффи, и тогда Глэкен не сможет собрать ту штуку, которую должен собрать, и Враг окончательно победит, и тогда все станут добычей жу-

ков... Он молил о том, чтобы выигранного им времени оказалось достаточно для Сильвии и Джеффи... Молил, чтобы его туловище не пролезло в дверь и на какое-то время преградило путь жукам, потому что скоро Тоад-Холл будет облеплен жуками, и, если им хватит времени до утра, они прогрызут дверь в подвал и его жертва окажется напрасной... Надо продержаться, сохранить спокойствие еще на несколько мгновений. Через несколько мгновений все будет кончено и...

Одеяло поглотило крик, который вырвался из горла Алана, когда его правая нога оторвалась от тела и исчезла в ночной темноте. И все-таки он улыбнулся про себя, ощутив, что теряет сознание, которое растворяется в теплой красной струе, хлещущей из его разорванной бедренной артерии, улыбнулся, потому что никто не может быть спокойнее, чем мертвец.

— Алан!

Сильвия внезапно проснулась и стала лихорадочно озираться, не сразу сориентировавшись в темноте. Потом заметила свечу на столике для пинг-понга и поняла, что находится в подвале. Она дотронулась до сладко спящего Джеффи, который калачиком свернулся рядом с ней на старом диване.

Светящийся циферблат часов показывал 6.30. Неужели она так долго спала? Она и не думала, что так устала. По крайней мере, ночь пролетела быстро. Солнце взойдет в 8.10. Еще одна долгая ночь подходит к концу. Сильвия потянулась. Скоро Алан постучит им сверху, даст знать, что пора подниматься...

И тут она услышала, что кто-то скребется в дверь. Она соскочила с дивана и торопливо подошла к порогу, прислушиваясь.

Нет, не скребется — грызет. Она задрожала, затряслись даже губы, и стала подниматься по лестнице, внушая себе, что ошиблась, что этого не может быть, что слух ее подвел. Но, пройдя полпути, она почувствовала знакомый запах, и сомнения ее улету-

чились. Пробежав оставшееся до двери расстояние, она остановилась и, прижав к ней ладони, почувствовала, как дубовые доски вздрагивают под напором бесчисленных зубов, одолевающих дверь снаружи.

Алан! Боже праведный, где же Алан?

Она повернула ручку и прижала дверь плечом. Жуки уже в Тоад-Холле. Ей нужно было увидеть их. Она слышала их, чувствовала их запах, но ей нужно было увидеть их собственными глазами, чтобы до конца поверить, что множество этих чудовищ пробралось в ее дом. Она чуть приоткрыла дверь и увидела лучину, освещающую коридор. Насекомые тут же бросились к этой щели, и она захлопнула дверь. Увиденного было вполне достаточно.

Жуки. Коридор кишел ими — они носились в воздухе, метались в разные стороны, сталкивались друг с другом, висели на стенах.

Сильвию начала бить дрожь. Если они проникли в коридор, то где тогда Алан? Чтобы вторгнуться сюда, они должны были пролететь мимо него.

— Алан? — крикнула она, прислонившись лицом к сотрясающейся двери.

Может быть, он забрался в кинозал и заперся там? Может быть, он в безопасности?

Но все это были только слова. И в достоверность их она не могла поверить ни сердцем, ни разумом. Рыдание вырвалось из ее груди.

— АЛАН!

НВО.

(Никаких передач.)

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Монро, Лонг-Айленд

— Скорее. Джек. Прибавь, пожалуйста, скорости.

Ба хотел бы сейчас сам сидеть за рулем — по мере того, как появлялись знакомые улицы и фасады домов Монро, беспокойство вьетнамца все возрастало.

Пустынные улицы, разбитые витрины магазинов, и лишь горстка людей, спешащих домой. За те два дня, что их не было, город сильно изменился, и не в лучшую сторону.

— Успокойся, Ба, — сказал ему сидевший рядом Джек, — я делаю все от меня зависящее. Черт возьми, я и так почти не сбавляю скорость у знаков «стоп», а светофоры вообще не действуют. Стоит врезаться в кого-нибудь, едущего по поперечной улице, и мы вообще не доберемся до места.

Билл Райан мягко положил руку на плечо Ба.

— Джек прав. Между нами говоря, мы облетели в обе стороны почти половину земного шара. Было бы просто неприлично разбиться и погибнуть так близко от дома. В конце концов, на этой машине есть надпись: «Безопасна при любой скорости».

— Ложь! — энергично возразил Джек. — Большая ложь Найдера.

Ба любил сам вести машину, но эта, снятая с производства еще до того, как он приехал в Америку, была такой крошечной, что Ба за рулем просто не уместился. Он закрыл глаза и думал лишь о том, как бы скорее добраться до Тоад-Холла.

Весь обратный путь от Мауи до их штата он провел, терзаемый страхом. Никак не мог отделаться от чувства, что, пока его не было в Тоад-Холле, там случилось что-то ужасное. Он так и не смог дозвониться до миссис из самолета. Несколько слов, сказанных ею, — вот все, что ему было нужно, чтобы успокоиться. Но связаться по телефону не удалось.

К счастью, на обратном пути все сложилось удачно. Они попали в попутный поток и вернулись на Лонг-Айленд без дозаправки в Калифорнии. Еще большей удачей было то, что Билл Райан и Ник уже прилетели и ждали их в условленном месте.

Ба снова попытался дозвониться по телефону из ангара, но на звонки по-прежнему никто не отвечал. И вот теперь он едет в машине к месту трагедии. Он знал это. Ему не следовало покидать Тоад-Холл. Если что-нибудь случилось с миссис или с кем-то из ее близких...

Прибрежное шоссе. Передняя часть стены, которой обнесен Тоад-Холл, ворота, извилистая дорожка, ивы, дом, входная дверь...

— Эх, черт, — с мягкой досадой произнес Джек, — нет, не может быть.

— Миссис!

Это слово непроизвольно вырвалось у Ба, когда он увидел, что нижняя часть двери выломана. Он на ходу выпрыгнул из машины и бросился к дому. Потом стремглав взбежал по ступенькам крыльца. Дверь болталась на одной выгнутой петле. Он бросился в дом и от увиденного в коридоре замер.

Полный разгром. Опрокинутая мебель, обрывки обоев, свисающие со стен, словно шелушащаяся кожа, кресло доктора посреди комнаты и кровь. Засохшие лужи крови на пороге и по всему полу.

Ужас, какого Ба прежде никогда не испытывал, сдавил ему горло. Он воевал с вьетконговцами, сражался с пиратами в Южно-Китайском море, но никогда не чувствовал себя таким слабым и беспомощным, как при виде этой крови, разбрызганной по Тоад-Холлу.

Он пробежал по дому, зовя миссис, доктора, Джеффи. Поднялся по пустынной лестнице, потом спустился в кинозал и перед дверью в подвал снова остолбенел. Дверь была приоткрыта, низ ее прогрызен, доски расщеплены. Ба распахнул дверь настежь и, стоя на верхней ступеньке, позвал:

— Миссис! Доктор! Джеффи!

Никто не ответил. Он заметил на одной из ступенек фонарик. Поднял его и с замиранием сердца медленно спустился по лестнице.

Подвал был пуст. От свечи на столе для линг-понга осталась лишь лужица стеарина. Дрожащей рукой Ба потрогал ее. Стеарин остыл.

Чувствуя, что сердце сейчас остановится, вьетнамец побрел вверх по лестнице, потом вышел на улицу. Джек и Билл ожидали его возле машины.

— Они?.. — Билл не договорил.

— Их нет, — сказал Ба так тихо, что сам едва слышал.

— Слушай, Ба. — начал было Джек, — может быть, они уехали?

— Там кровь, много крови.

— Ах ты господи, — мягко произнес Джек.

Билл опустил голову, прикрыл рукой глаза.

— Что нам сделать, Ба? — спросил Джек. — Только скажи, и мы все сделаем.

Он хороший друг, этот Джек. Они знакомы всего несколько дней, а он для Ба как брат. Но ничто не могло унять боль в сердце Ба. Скорбь и горькое чувство отворачивания к самому себе охватили его. Зачем он оставил свою семью, дорогих ему людей незащищенными? Зачем он это сделал?

И тут он вздрогнул от шума мотора на заднем дворе. Он знал этот двигатель. Это «грэхэм» модели 1938 года — любимая машина миссис.

Не давая прорваться своей радости, боясь, что надежды его могут не оправдаться, Ба побежал за дом. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как из-за угла показался заостренный, словно нос акулы, капот «грэхэма». За рулем сидела миссис. Рядом с ней — Джеффи. При виде Ба рот у нее образовал букву «О». Старый автомобиль резко остановился, она выскочила из него и побежала по траве к Ба, раскинув руки, с искаженным страданием лицом.

— Ах, Ба, Ба! Мы ждали вас весь день. Я подумала, что вас тоже больше нет!

И тут миссис сделала то, чего не делала никогда раньше. Обняла Ба, прижалась к его груди и заплакала.

Ба не знал, как себя вести. Он подбоченился просто потому, что не знал, куда девать руки. Сейчас, когда он с ума сходил от радости, ему определенно не следовало обнимать миссис. Но горе ее было настолько глубоко, настолько безысходно... Он и представить себе не мог, что она способна так страдать.

В этот миг к нему подбежал Джеффи — он тоже плакал. Мальчик обхватил руками его ногу и повис на ней.

Мягко, робко, нерешительно Ба положил одну руку на плечо миссис, а вторую на голову Джеффи. Радость,

захлестнувшая его в тот момент, когда он увидел их, немного померкла.

Кого-то не хватало.

— А где доктор, миссис?

— Ах, Ба, его больше нет. — Сильвия заплакала. — Эти твари убили его и уволокли куда-то! Его нет, Ба! Алана нет — мы никогда больше его не увидим!

В какой-то момент Ба показалось, что перед ним мелькнуло лицо доктора, сидящего на заднем сиденье, и он почувствовал теплоту его улыбки, ауру, создаваемую его глубоким благородством и спокойным мужеством.

А потом это лицо стало расплываться и исчезло, и тут с Ба произошло то, что с ним не случалось с детских лет, проведенных в рыбацком поселке, в котором он родился.

Ба заплакал.

Изменения на поверхности земли и в ее недрах происходят одновременно.

Новое тело Расаломы выросло еще больше. Оно по-прежнему подвешено к стенам пещеры и уже достигло размеров слона. Чтобы вместить его, новые пласты породы в мерцающем, желтом свете обвалились в бездонную пропасть.

Органы чувств, все глубже внедряющиеся в толщу земли, сообщают Расалому, что изменения набирают скорость, опережая установленные им сроки. Везде царит хаос. Медово-сладкий нектар страха, божественный напиток ярости и разрушения просачивается сквозь земную кору и насыщает его, помогает ему расти, делает его все сильнее.

А в центре умирающего города стоит невредимым дом Глэкена, островок спокойствия в океане ужаса. Люди, входящие в компанию этих романтиков, мчатся сюда, возвращаясь после того, как они по всему миру разыскивали кусочки, осколки обоих мечей. Они все еще судорожно хватаются за соломинку надежды.

Замечательно. Расалом позволит этой надежде разрастись, пока она не превратится в последнюю надежду всего человечества. Пусть они считают, что совер-

шают что-то важное, эпохальное. И чем выше вознесет их надежда, тем глубже пропасть, в которую они будут лететь, когда узнают, что боролись и умирают впустую.

Но Расалом чувствует, как они начинают наслаждаться уютом, находясь в относительной безопасности, как черпают силы в дружбе. Их спокойствие, хотя и не совсем безмятежное, — для него словно бельмо на глазу. Он не может оставить это безнаказанным.

Он не хочет уничтожить их — пока. Но он хочет пробить брешь в их круговой обороне, привести их в замешательство, напугать, заставить озираться в страхе.

Один из них должен умереть.

Но не на улице, а в самом сердце их спокойного пристанища. Это должна быть ужасная смерть — не быстрая и чистая, а медленная, мучительная, чудовищная. И чтобы эта смерть обескуражила их, настигла самого лучшего, самого безвинного, самого беззлого, чтобы и представить себе не могли подобного надругательства.

Его губы там, внутри мешка, скривились в каком-то подобии улыбки.

Настало время немного поразвлечься.

Лежащая в туннеле, ведущем в пещеру, кожа Расалома, которую он сбросил несколько дней назад, зашевелилась. По ней пробежала дрожь, она стала раздуваться и приняла очертания человеческого тела. Потом это тело поднялось и отправилось по пути, ведущему на поверхность.

И на ходу оно проверяло звучание своего голоса:

— Мама.

«Лучше бы вел машину Ба», — думал Билл, проезжая по пустынной магистрали, влетая на старом «грэ-хэме» в туннель Куинс в центральной части города, словно пуля, выпущенная из ружья. Он посмотрел на часы: 2.32. До захода солнца осталось меньше сорока минут. Вообще он предпочел бы проехать по мосту Куинсборо, но помнил, что этот мост стал непригод-

ным для езды из-за возникших там гравитационных дыр.

Джек сидел за автоматом — в буквальном смысле слова. Он расположился на пассажирском сиденье с этой массивной, короткоствольной штукой — он называл ее «спаз», — демонстративно направив ствол вверх. Так же демонстративно держал свой автомат Ба, сидевший позади Билла. Оба всем своим видом говорили: «Не связывайтесь с этой машиной». Ник сидел позади Джека, Сильвия и Джеффи в середине, мальчик держал на руках кота, одноглазая собака примостилась на полу.

Таким образом Билл оказался за рулем. Билл знал, что он не самый блестящий водитель, но если они натолкнутся на одну из бродячих банд, хозяйничавших в городе в последнее время, то уж лучше он будет вести машину, чем стрелять.

Он посмотрел на Джека, необычно молчаливого и отрешенного с тех самых пор, как они снова встретились на аэродроме. Видно, что он на пределе. Что-то гложет его, что-то, о чем он не хочет говорить.

Билл мысленно пожал плечами. Ну что же, если это имеет отношение к ним, то скоро они обо всем узнают.

Чем ближе они подъезжали к Куинсу, тем больше всяческих препятствий поджидало их на дороге: он лавировал на машине настолько быстро, насколько у него хватало духу, среди разного мусора и разбитых и брошенных машин. Они задерживали его, а между тем он хотел бы взлететь на своей машине.

Кэрол... Он сгорал от желания увидеть ее, услышать ее голос, прикоснуться к ее руке. Она заполнила его мысли, его чувства. Так хотелось позвонить ей из аэропорта и сказать, что он прилетел, что он скоро приедет к ним.

— Лучше нам поспешить, — сказал Ник.

— Я и так еду настолько быстро, насколько возможно.

— Лучше ехать еще быстрее, — сказал он своим абсолютно бесстрастным голосом. С тех пор как они покинули крепость, он снова впал в свое обычное состояние, близкое к ступору. — Из-за Кэрол.

Машины слегка повело в сторону, когда Билл судорожно сжал руками руль.

— Что с Кэрол?

— Она в беде. Ей нужна помощь.

Телевизионный канал.

(Передач нет.)

Манхэттен

Голова поджидала ее в кухне.

Кэрол возвращалась из комнаты Магды с подносом, на котором приносила ей завтрак, охваченная волнением за Билла, — о нем до сих пор ничего не было слышно. Завернув за угол, она вскрикнула и выронила поднос, увидев голову, зависшую в воздухе. Она узнала это лицо.

— Джимми! — вскрикнула она, теряя самообладание.

Это была даже не голова, а только лицо. И это не Джимми. Это не ее сын. Она почти перестала думать о нем как о своем сыне.

Расалом. Это был Расалом.

Лицо улыбнулось — даже от арктической бури веяло большим теплом, чем от этой улыбки. Теперь губы его зашевелились, выговаривая слова, но голос, казалось, доносился откуда-то еще. Или все-таки из головы?

— *Здравствуй, мама.*

Кэрол попятилась из кухни. Лицо перемещалось вслед за ней.

— *Мамочка, не оставляй меня!* — Голос был насмешливым.

Кэрол остановилась, наткнувшись спиной на обеденный стол в гостиной. Она оглянулась, надеясь увидеть Глэкема, хотя знала, что его не должно быть здесь. Час назад он ушел, поручив Магду ее заботам. Кэрол слотнула слюну и постаралась совладать со своим голосом.

— Не называй меня так.

— *Почему нет? Ведь ты на самом деле моя мама.*

Кэрол покачала головой:

— Пет. Я девять месяцев носила тебя под сердцем, но ты никогда не был моим ребенком. А я — твоей матерью.

Снова улыбка, такая же холодная, как и предыдущая.

— *Я понимаю твоё стремление отмежеваться от меня. То же самое я хотел сделать по отношению к тебе. Возможно, тебе это удалось лучше.*

— О чем ты?

— *Об узах плоти. Со дня зачатия я был облечен в плоть, которую ты мне дала. И она нас связала. Мне это нравился не больше, чем тебе, но это неоспоримый факт, от которого не отмахнешься. Которого нельзя не признать.*

— Я теперь знаю, как относиться к этому факту, — просто забыть о нем.

— *Но факт остается фактом. Я много думал и нашел другой, более удачный выход, позволяющий мне сохранить соединяющие нас узы плоти. Мы оба от этого только выиграем.*

Его голос был таким спокойным, почти убаюкивающим. Даже гипнотизирующим. Кэрол постаралась встрахнуться.

— Мне... мне ничего от тебя не нужно.

— *Нельзя думать только о себе. Ведь у тебя есть друзья. Я могу предложить вам безопасное пристанище, шанс выжить в бесконечной ночи.*

— Я не верю тебе.

Снова улыбка, на этот раз грустная.

— *Я бы и сам себе не поверил. Но послушай меня. Ведь ты ничего не потеряешь.*

Кэрол вспомнила, как Билл рассказывал ей о женщине по имени Лизл, которая лишилась души, а потом и жизни из-за того, что послушала Расалому. Но что, кроме разума и собственного достоинства, могла она еще потерять? Независимо от того, появилось бы сегодня это видение или нет, завтра должен был наступить последний светлый день. В пятницу все они окажутся на тонушем плоту.

— Что ты называешь убежищем? И сколько моих друзей я смогу взять с собой?

— *Разумное количество.*

— И Глэкена в том числе?

Лицо откинулось назад и вернулось обратно, как если бы Расалом встряхнул головой.

— *Нет. Глэкену нельзя. Кого угодно, только не Глэ-кена. Я слишком долго ждал случая рассчитаться с ним.*

Кэрол не знала, что ей думать, что предпринять. Если бы Расалом согласился дать прибежище Глэкену, она поняла бы, что он лжет. Возможно, в истории человечества не было более долгого и жестокого противоборства, вражды, имеющей более глубокие корни, чем вражда между ними. Но он исключил Глэкена. Что это означает? Может ли быть искренним его предложение? Если бы она смогла спасти Билла и некоторых других...

— *Спускайся вниз, и мы все с тобой обсудим.*

— Вниз? Ну уж нет. Я не покину дома.

— *Я не прошу тебя покидать дом. Я нахожусь эта-жом ниже. В твоей комнате.*

— Как... как ты там оказался?

— *Иди сюда, дорогая мама. Я могу сделать все, что пожелаю. Все. Зайди ко мне. Поговорим. Я пробуду здесь до наступления темноты. После этого у меня будет много дел.*

Лицо поблекло, стало прозрачным, а потом исчезло. Как будто его вообще здесь не было.

Кэрол в изнеможении облокотилась о стол. *Нужно быть готовой к невероятному.* Разве не об этом говорил Глэкен? Легко сказать — а лицо Расаломы, плывущее по воздуху, разговаривающее с ней так непринужденно, будто они столкнулись друг с другом в проходе между кресел на веселом представлении? Та легкость, с которой он проник в здание, сама по себе была дурным предзнаменованием. Но от сознания того, что он ждет в ее собственной комнате, у Кэрол просто ноги подкашивались.

Следует ли ей пойти? Это был нелегкий вопрос. Чем все это кончится? Стоит ли поторговаться с ним? Выменять несколько жизней? Ответственность за решение легла на нее тяжелым бременем.

Может быть, она что-нибудь узнает о Хенке — где он, если он вообще жив. Как же она не вспомнила о нем, когда Расалом еще был здесь?

Она должна рискнуть. Если можно спасти хотя бы несколько человек...

Но ей не хотелось идти одной. Она знала, что должна пойти, но мысль об этом претила ей. Так или иначе, времени у нее оставалось немного. Если бы только у нее было какое-то оружие! Но что она могла противопоставить ему, способному управлять солнцем и вообще делающему все, что ему заблагорассудится?

Собирая с пола и выбрасывая осколки тарелок, Кэрол остановила взгляд на стойке для ножей над раковиной. Она вытащила оттуда тесак с широким лезвием и спрятала в складках старой кофты, которую ей дал поносить Глэкен. Конечно, это оружие — курам на смех, учитывая, с кем придется иметь дело. Кэрол понимала — ей остается только надеяться, что вообще никакое оружие не потребуется, однако нож придавал ей храбрости.

Она зашла к Магде. Та крепко спала. Кэрол решила, что вполне может оставить ее одну на несколько минут. Скоро вернется Глэкен, а Расалом сказал, что пробудет здесь только до наступления темноты.

И Кэрол поспешила вниз по лестнице.

Ее комната казалась пустой. Из-за того что окна выходили на север, освещение было тусклым, несмотря на раздвинутые шторы.

Здесь ли он? Как ей обратиться к нему? Джимми? Расалом? Уж во всяком случае не «сынок».

— Привет, — сказала она, остановив свой выбор на этом слове. — Ты здесь?

Она прошла по комнате и спустилась в прихожую. Почему он не отзывается? Может быть, это была всего лишь шутка?

Внезапно он появился, выйдя из ванной и остановившись всего футах в трех от нее.

Он был абсолютно голый.

Кэрол вскрикнула от испуга и отпрянула назад.

— Привет, мама! — Голос у него был хриплый, скрипучий, в нем было больше от мертвеца, чем от живого.

Когда она подалась назад, он шагнул к ней. Его тощее тело излучало слабое свечение, а детородный

орган... он был в состоянии эрекции и направлен прямо ей в лицо. Внезапно Расалом метнулся к ней и преградил путь.

Она стояла перед ним, не в силах совладать с сердцебиением, рука судорожно сжимала рукоять тесака, спрятанного в кофте.

— Что все это значит? Я думала, ты хочешь со мной поговорить.

Он улыбнулся:

— Удивительно! Что творит с людьми отчаяние! Одних парализует, других делает жестокими, у третьих отнимает разум. Ты относишься к последней категории, мама. — Последнее слово он словно выплюнул. — Ты спрашиваешь, что это значит? Это значит, что я хочу оставить любовное послание Глэкену и всем остальным. Для тебя же это означает надругательство и медленную, мучительную смерть, мама. Изнасилование и кровосмешение сына с матерью. То есть мое с тобой.

Он бросился на нее. Кэрл инстинктивно выхватила нож и выставила лезвие перед собой. Она почувствовала, как тело Расалома налетело на нож, который прошел через кожу и углубился в плоть. Он застонал и отступил назад. Опустив взгляд, он с изумлением увидел рукоятку ножа, торчащую из верхней части живота, прямо под солнечным сплетением. Он потрогал рукоятку одним пальцем, потом посмотрел на нее.

— Мама, ты меня поражаешь. Оказывается, в этом мире меня еще поджидают кое-какие сюрпризы.

— О боже!

— Он не поможет тебе. Его здесь никогда не было. Но я здесь. И я твой бог. Подумай об этом, мама. Тебе суждено быть изнасилованной богом. А потом... — он любовно погладил рукоятку ножа, словно это был инструмент мясника, — этой штукой я сдеру с тебя живой кожу. Разве не прекрасный подарок для Глэкена? Твоя кожа будет висеть в туалете!

Кэрл закричала и попыталась проскочить мимо него, но он схватил ее одной рукой и швырнул обратно, к стене. Она задышалась. Пока она старалась перевести дух, дверь комнаты распахнулась.

— *Кэрол!*

В комнату ворвалась целая группа мужчин — некоторые с оружием — во главе с Биллом. Он бросился к ней, и Кэрол разрыдалась, обняв его.

— О, Билл... О, Билл... Слава богу, ты здесь.

— Ты! — Это сказал Билл, пристально глядя на Расалома, который отступил в сторону и, явно забавляясь, наблюдал эту сцену.

Джек вышел вперед и остановился перед Расаломом с автоматом в руках. Ба встал у двери, тоже вооруженный, позади стоял Ник.

— Кто ты такой, черт возьми? — спросил Джек.

— Когда-то я знал его как Рафа Лосмару, — сказал Билл, — но подлинное его имя — Расалом.

Джек скептически посмотрел на Билла, потом перевел взгляд на голого, худого Расалома.

— Да вы меня дурачите. Это... это и есть причина всего, что сейчас происходит на Земле?

Расалом отвесил поклон, несколько не смущенный их вторжением:

— Я к вашим услугам.

Билл увидел нож, торчащий из живота Расалома.

— Это что, нож?

— Кажется, да, — сказал Джек. Вид ножа привел его в возбуждение. Он готов был взорваться. — Мне кажется, я уже принимал участие в таком спектакле.

Пока Кэрол старалась понять, что Джек имеет в виду, Расалом, улыбнувшись, вытащил из живота лезвие ножа.

— Не стоит волноваться, отец Билл. На мне все быстро заживает.

— Да? — спросил Джек. На его лице застыла ярость. Одним коротким и плавным движением он выставил автомат вперед на длину руки, так что его дуло оказалось в каких-то дюймах от лица Расалома. — Тогда попробуй залечить вот это.

Раздался оглушительный грохот. Билл вскрикнул от неожиданности, а Кэрол, прижавшаяся к нему, отвернулась, но успела увидеть вспышку, вырвавшуюся из дула автомата. Расалому разнесло голову.

В наступившей тишине Билл услышал сквозь звон в ушах:

— Посмотрите!

Кэрол обернулась и увидела на полу обезглавленного Расалома. Тело его сморщилось, словно высохло. И тут она поняла почему. Из среза его шеи сыпалась земля.

— Грязь, — сказал Джек, пнув тело ногой. — Этот парень был не более чем оболочка из кожи, наполненная грязью. — Глаза его дико сверкали, на губах застыла жестокая улыбка. — Просто мешок с грязью.

В это время в комнату вошел Глэкен:

— Что здесь происходит?

Кэрол коротко рассказала ему о событиях последних двадцати минут. Глэкен, слушая, все время кивал.

— Значит, он сказал, что оставит вашу кожу в туалете? — переспросил он.

Кэрол почувствовала, как Билл еще крепче обнимает ее за плечи.

— Но зачем? — спросил Билл. — Какой в этом смысл?

— Это еще один его трюк, — объяснил Глэкен. — Еще один способ развлечься, пока он ждет завершения Перемен, еще один ход, чтобы поставить в тупик, смутить, ослабить и запугать. Наверное, он хотел оставить кожу Кэрол вместе со своей. Ужасное напоминание для меня о том, что его Перемены близятся к завершению.

Глэкен подошел к останкам Расалома, взял его за ноги и стал поднимать. Джек ему помогал. Вместе они вытрясли грязь из кожаной оболочки. Она стала легкой и тонкой и напоминала теперь детский комбинезон огромного размера. Глэкен скатал ее, сунул под мышку и пошел к двери.

— Спускайтесь вниз. Я хочу избавиться от этого раз и навсегда. А потом нам нужно будет заняться кое-какими делами.

Кожа Расалома дымилась, свертывалась, из коричневой стала черной, постепенно сгорая. Кэрол смотрела, как Глэкен кочергой заталкивает ее поглубже в

огонь. Когда же от нее остался один пепел, Глэкен оглядел собравшихся

То же самое сделала Кэрол. Незадолго до этого к ним присоединились Сильвия и Джеффи, который не отходил от матери. Сильвия молча сидела в углу огромного дивана, бледная, отрешенная, погруженная в свое горе. У Кэрол заныло сердце от жалости. Так не хватало Алана. Билл уже рассказал ей о том, что произошло прошлой ночью. Кэрол так и не успела поближе познакомиться с этим человеком, пересдвигавшимся в кресле, но во время их короткого общения в прошлую субботу почувствовала в нем силу и цельность. А теперь, глядя на Сильвию, поняла, что и она такая же сильная и волевая. Эту женщину не сломило несчастье. Ба возвышался над ней, словно бессменный часовой.

Кэрол чуть откинулась назад, прикоснувшись плечом к Биллу, Ник сидел по другую сторону от Билла, выпрямившись и застыв в неподвижности, не обращая внимания на происходящее вокруг. С краю сидел Джек, недоступный для окружающих, молчаливый, почти с таким же отсутствующим выражением лица, как у Ника.

— Ну вот, — сказал Глэкен, засунув руки в карманы, — вернулись наши странники. Что вы с собой привезли?

Билл залез в мешок, вытащил несколько ржавых кусочков металла причудливой формы и высыпал их на мраморный кофейный столик.

— Вот все, что мне удалось найти.

Глэкен сгреб кусочки, внимательно осмотрел и кивнул.

— Поразительно. Это и в самом деле остатки меча. Но каким образом?..

— Ник мне помог. Без него я бы ничего не сделал. Но хватит ли их?..

— Вполне. Нам нужен лишь образец металла. — Он обернулся к Джеку: — А как ваши успехи на Мауи?

Джек бросил на стол тяжелое, причудливой формы ожерелье. Оно скользнуло по столу, остановившись напротив Глэкена.

— Надеюсь, ожерелье вам тоже нужно только в качестве образца.

Глэкен взял его, но даже не стал осматривать. Казалось, едва дотронувшись до него, он уже знал, что это то самое ожерелье.

— Отлично. Очень хорошо. А второе где?

— Вот со вторым проблемы, — сказал Джек, опустив глаза, — я не смог его добыть.

Кэрол увидела, как сильно побледнел Глэкен. Он сел — очень осторожно.

— Не смог добыть?

Джек вкратце рассказал о том, что случилось на Мауи.

— Меня одурачили, — произнес он, закончив рассказ. — Калабати показалась мне не такой, как прежде. Я думал, она изменилась. И ошибся. Чудовищно ошибся. Но ведь это не страшно, да? У вас есть все, чтобы сделать свое дело, ведь так? Я имею в виду: у вас есть мальчик, обломки старого меча и одно ожерелье. Ведь этого достаточно, правда?

Глэкен какое-то время сидел абсолютно неподвижно, потом покачал головой, медленно, с выражением боли на лице.

— Нет, Джек, мне очень хотелось бы, чтобы это было так, но, к сожалению, нужны оба ожерелья.

Джек вскочил и принялся расхаживать по комнате. За последние дни Кэрол узнала о нем кое-что и от Глэкена, например, что он зарабатывает на жизнь, оказывая услуги несправедливо обиженным людям. Этот человек, как показалось Кэрол, видимо, не привык проигрывать, и сейчас его мучило сознание поражения.

— Я не знаю, где она сейчас. Она сбежала, исчезла. Она может находиться где угодно.

— Не переживай, Джек, — сказал Глэкен, — ты сделал все, что мог.

— Но я не довел дело до конца!

— Вряд ли кто-то другой добыл бы даже одно ожерелье.

— Все это, конечно, прекрасно, но ведь вы говорите, что одним ожерельем не обойтись, значит — вся

поездка оказалась пустой тратой времени. Так же как и поездка Билла. А не возьми я с собой Ба, останься он дома... — Джек умолк с мукой в глазах, оглядел всех, кто был в комнате, и лишь через несколько секунд заговорил снова: — Я прохлопал это дело, разве нет? И теперь мы в безвыходном положении. Я всех вас подвел. Я очень виноват.

Он повернулся и пошел к двери. Кэрол искала слова, способные унять его боль, облегчить этот тяжкий груз, но прежде, чем она успела окликнуть его, Сильвия схватила его за руку, когда он проходил мимо. Джек остановился и пристально посмотрел на нее. Сильвия поднялась, не говоря ни слова, и обняла его.

На какое-то мгновение Джек растерялся, пришел в замешательство, а потом тоже обнял ее и закрыл глаза. Ему было очень больно.

Билл поднялся со своего места, вслед за ним встал Кэрол.

— Все нормально, Джек, — сказал Билл. — Правда. Мы знаем — ты сделал все, что мог. И если не выполнил этой задачи, значит, она вообще невыполнима. Мы верим в это. И будь что будет. Сделаем то, что в наших силах.

Он подошел к Джеку, протянул ему руку.

Джек высвободился из объятий Сильвии, пожал руку Биллу, потом обнял Кэрол. Глэкен тоже протянул ему руку.

Чувствуя, что комок подступает к горлу, что голос вот-вот дрогнет, Джек шагнул назад, посмотрел на людей, обступивших его полукругом.

— Вы — люди... вы — люди. Откуда вы все пришли? И почему раньше не повстречались мне в жизни?

Голос его осекся, он отвернулся и пошел из комнаты.

После его ухода все еще какое-то время молча смотрели друг на друга.

— Значит, никакой надежды? — спросила Кэрол.

Глэкен с тяжелым вздохом покачал головой. В его потухшем взгляде можно было прочесть разочарование.

— Если она и существует, — ответил Глэкен, — я все равно не знаю, где ее искать.

— Вот как? — сказала Кэрол. — Значит, мы проиграли? И что нам теперь делать?

— То же, что делали всегда, — ответил Билл. — Мы не сдадимся. И будем держаться с достоинством.

Кэрол посмотрела на него: он стоял, выпрямившись во весь свой внушительный рост, с вызывающим видом. Из его рассказов она знала, что пришлось ему пережить за последние пять лет, и если все это не сломило его, то вряд ли он сдастся. Горячая волна захлестнула ее, и она поняла вдруг, что любит Билла Райана.

Казалось, Глэкен тоже черпает у него силы.

— Конечно, вы правы. Мы можем заставить Расалома прийти за нами, вместо того чтобы самим броситься к нему и сдаться на его милость. Это тоже будет своего рода победой. — Он дотронулся локтем до Сильвии: — Миссис Нэш, если позволите, я покажу вам апартаменты, которые приготовил для вас.

Когда они ушли, Билл повернулся к Нику:

— Хочешь, я отведу тебя в твою комнату, дружище?

Ник смотрел, не отрываясь, на пламя в камине. К удивлению Кэрол, он ответил:

— Я хочу смотреть на огонь. Хочу увидеть, куда денется пепел.

Кэрол бросила быстрый взгляд на камин, собираясь мгновенно отвернуться, если кожа Расалома все еще там. Но ее там не было — по крайней мере, Кэрол ее не увидела. Остались только горящие поленья.

— Пепел выйдет через трубу и улетучится вместе с дымом, Ник, — произнесла Кэрол.

— Не весь. Вон часть его — на окне.

Кэрол обернулась и только сейчас заметила, что к оконному стеклу прилип пепел. Она ахнула и схватила Билла за руку, обнаружив, что пепел налип на стекло, образовав на нем серый узор — силуэт обезглавленного человека, распластанного на стекле, подсвечиваемого неярким предзакатным светом.

Билл торопливо подошел к стене и нажал кнопку. Шторы опустились на окна.

— Пожалуй, я лучше провожу тебя в комнату.

— Я не могу туда возвращаться. — От одной мысли о кучке грязи на ковре — напоминании о том, что он собирался сделать, — ей стало дурно.

— Прости, — сказал он. — Я как-то не подумал об этом.

Кэрол посмотрела на Билла. Она не знала, как это можно сказать по-другому, поэтому сказала напрямик:

— Могу я остаться с тобой?

Он посмотрел на нее, помедлив, потом протянул руки, привлек ее к себе и поцеловал.

— Я каждый день хотел этого, — сказал он, вздохнув. — Мечтал об этом годами. Десятилетиями. Мне кажется, я всегда этого хотел.

Она заглянула в его синие глаза:

— Нам уже пора, правда?

Он кивнул:

— Да. Думаю, нам уже давно пора.

Он взял ее за руку и повел к себе в комнату.

Радио, FM-диапазон.

(Тишина в эфире.)

За всю свою жизнь Кэрол занималась любовью только с двумя мужчинами — своими мужьями. Но ни один из них не был таким нервным, как Билл. У него дрожали руки, когда он расстегивал и помогал снимать ей одежду, когда ласкал ее.

— Я девственник, — говорил он, когда они лежали обнаженные, прижавшись друг к другу. Голос его тоже дрожал. — Я прожил полвека и до сих пор оставался девственником.

— Зато я не девственница, — сказала Кэрол и помогла ему войти в себя.

Его страсть полностью компенсировала недостаток опыта. Кровать буквально стонала от их любовных упражнений. Это было как в горячке, неистово, и для Кэрол чересчур быстро. Но, несмотря на это, у нее перехватило дыхание, как и у Билла. Она прижимала его к себе все крепче, наслаждаясь тем, что он в ней, теплый и мокрый.

Потом она услышала, как он тихо плачет, положив голову ей на плечо.

— Билл? Что с тобой? Все в порядке?

— Нет. То есть да. Я не знаю. Просто я... подумал... об утерянном времени. Это так прекрасно. Никогда в жизни я не испытывал такой близости. Мне уже пятьдесят, Кэрл. Можно по пальцам сосчитать дни, отведенные нам, а я только сейчас понял это. Столько лет потеряно! Вся моя жизнь прожита напрасно! Какой же я идиот!

— Не говори так, Билл! Чтобы я никогда больше не слышала этих слов! — Она разделяла его горькое чувство, но одновременно сердилась на него. — Ты прожил жизнь не зря. Может быть, ты верил не в то, во что надо, но поступал всегда по справедливости. Всю жизнь ты был отцом для сотен потерянных и брошенных детишек, первым и, возможно, лучшим из отцов, которого они когда-либо знали. Ты не мог бы всего этого делать, если бы имел жену и собственных детей. Не смог бы посвящать несчастным малышам все двадцать четыре часа в сутки. Так что время это вовсе не было потерянным. Ты изменил кое-что в этой жизни. Очень сильно изменил. На свете живет много мужчин, которые помнят тебя, у которых ты в сердце. Уверена, они хорошо обращаются со своими детьми, потому что в свое время ты хорошо обращался с ними, потому что подал им пример. Это наследство, Билл, которое передавалось бы из поколения в поколение, если бы не Рассалом, замысливший покончить со всеми поколениями сразу. Так что не смей говорить, что ты зря прожил жизнь — по крайней мере, при мне.

Выждав долгую паузу, Билл приподнял голову и поцеловал ее.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Я любил тебя со щенячим восторгом еще в школе, а потом зарыл это чувство, словно щенок свою кость в дальнем углу двора. Но оно никогда не проходило. Думаю, я всегда любил тебя.

— А я думаю, что какая-то часть меня всегда тебя немножко любила. А теперь я люблю тебя вся — и очень сильно.

— Как хорошо! Значит, мы снова это сделаем. Скоро.

— Скоро — это когда?

— Давай сейчас.

И тут она почувствовала, что он снова стал твердым внутри нее.

— О, мой милый!

3. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ

Из передачи радио FM-диапазона:

«Д ж о: Сейчас четыре часа дня. До захода солнца осталось десять минут.

Ф р е д д и: Да. И если кривая Сапира вычерчена верно, то это наш предпоследний закат. Будем надеяться, что Сапир ошибся».

Глэкен разместил Сильвию и ее сына в приготовленных для них комнатах и возвращался к себе, когда Джулио — маленького роста мускулистый мужчина, владелец того самого бара, в котором, в компании Джека, Глэкен впервые принял пинту «Храбрости», — подбежал к нему в коридоре.

— Мистер Глэкен! Там внизу какая-то женщина спрашивает Джека!

— А что ей нужно? Надеюсь, вы впустили ее? — К тому времени уже стемнело. Улицы стали смертельно опасны.

— Да, но я оставил с ней в вестибюле человека. Дело в том, что я не могу отыскать Джека, а она просто с ума сходит от желания его увидеть.

— Не та ли это женщина, которую он отправил в укрытие?

— Джия? Исключено. Джияю я знаю. Эта дама — темнокожая. Говорит, что ее зовут Калабоди или что-то в этом роде.

Глэкен прикрыл глаза и заставил себя спокойно подумать, не послышалась ли ему последняя фраза. Неужели это так? Неужели это действительно она? Или Расалом снова решил поиграть с ними?

Ну что же, очень скоро он об этом узнает.

— Проводите ее наверх. Немедленно.

Чуть позже, когда Глэкен стоял, ожидая, у дверей своей квартиры, Джулио вышел из лифта с тоненькой смуглокожей, черноволосой женщиной. Одежда ее была изодрана, руки и лицо перепачканы грязью, в широко раскрытых темных глазах, миндалевидных, чуть диких, читалась невероятная усталость. Глэкен представлял ее себе совсем другой, но подумал, что это дадут о себе знать годы, скрытые под гладкой кожей.

Он не мог оторвать глаз от ожерелья у нее на шее. Он еще не знал, что будет делать, но был уверен, что не позволит ей уйти отсюда с этим ожерельем.

— Миссис Бхакти?

Она кивнула.

— А вы тот человек, о котором мне рассказывал Джек, тот самый старик?

«Тот самый старик». Он едва скрыл улыбку. Так вот, значит, как они обо мне говорят? Ну что же — это правда, разве нет? Это даже больше, чем они думают, соответствует действительности.

— Да, наверное, это я. Называйте меня Глэкен. Проходите.

Он кивком поблагодарил Джулио и провел Калабати в свою комнату. Переступая порог, она споткнулась и чуть не упала, но Глэкен подхватил ее под руку.

— С вами все в порядке?

Она покачала головой:

— Нет. Не совсем.

Он подвел ее к дивану. Калабати бессильно опустилась на него. Потом потерла рукой глаза и вздохнула. Она выглядела совершенно измученной.

— Джек рассказал мне, что происходит с нашим миром, — сказала она. — Я думала, он лжет, хочет перехитрить меня. Не верила, что все так плохо. — Она помолчала и посмотрела на Глэкана затравленными глазами. — Но на самом деле все еще хуже, намного хуже.

Глэкен кивнул, внимательно рассматривая ее. Судя по всему, она пережила тяжелое потрясение.

— Но самое худшее еще впереди.

Она изумленно посмотрела на него:

— Самое худшее? Там, снаружи... через квартал отсюда... что-то огромное, черное, склизкое, настолько большое, что едва протискивается между домами. Оно все покрыто щупальцами. Оно дотягивается до окон и вытаскивает оттуда все, что может найти на ощупь. Я слышала крики, плач детей. А тех, кто переживает все это, ожидает долгая, беспробудная ночь.

Калабати перевела взгляд на огонь в камине и взялась рукой за ожерелье.

— Джек привез ожерелье?

— Да.

— Его вам достаточно?

— Нет.

— Значит, вам все-таки нужно мое?

— Да.

— И это что-нибудь изменит?

— Может быть. А может быть, уже слишком поздно. И все-таки это единственный шанс, единственная надежда. И мы должны испытать этот шанс.

Она продолжала смотреть на огонь. Голос ее был едва слышен.

— Хорошо. Тогда возьмите его.

Волна облегчения пробежала по телу Глэкана. Это было настолько ощутимо, что ему пришлось присесть на диван. Но прежде чем он успел что-либо сказать, в комнату ворвался Джек.

— Ах, это ты! — воскликнул он, глядя на Калабати сверкающими глазами. — И ты еще осмелилась появиться здесь?

— Джек... — Ее губы чуть дрогнули, но прежде, чем из них появилась улыбка, Джек подбежал к ней.

— Ты мне лгала. Обещала полететь сюда и поговорить с Глэконом, а потом взяла и исчезла.

Глэкен хотел было остановить Джека, прежде чем тот наговорит грубостей, но потом заметил, что Ка-

лабати ничуть не напугана этой вспышкой гнева, и успокоился.

— Да, это правда, — сказала она. — И я действительно здесь. И поговорила с Глэкенем.

Джек все еще стоял перед ней, но она чувствовала, как его гнев проходит.

— Да. Но ты сказала...

— Я вовсе не обещала вернуться вместе с тобой. Я только сказала, что полечу. И сделала это, но на своих собственных условиях, а не на твоих. Я никогда не была чьей-либо пленницей. Никогда.

— Но как тебе удалось вернуться?

— Неужели ты всерьез считаешь, что только тебе под силу найти пилота, который согласился бы полететь сюда с Мауи?

Джек засунул руки в карманы.

— Видимо, нет.

Глэкен наблюдал, как пристально смотрят друг на друга Джек и Калабати. И видимо, неспроста, что-то было большее между ними, чем обмен взглядами. И Глэкен решил воспользоваться паузой.

— Джек, — сказал он, — миссис Бхакти согласилась отдать нам свое ожерелье.

— Но оно уже у нас. Вы ведь говорили, что его недостаточно.

— Нет, — возразил Глэкен мягко, — она согласилась отдать то, что носит сама.

Глаза Джека подозрительно сощурились.

— И что же она требует взамен?

— Ничего, — сказала Калабати глухим, полным страдания голосом. — Ты не преувеличивал. Я убедилась в этом, когда добиралась сюда с Мауи. Все идет прахом. Это уже не тот мир, в котором мне хотелось бы жить. Если я оставлю ожерелье себе, то буду жить дальше, — хотя и не уверена в этом. Но даже трудно себе представить, какая это будет ужасная жизнь. Поэтому я решила отдать ожерелье тому, кто сможет извлечь из него больше пользы, чем я, и закончить свою жизнь, как всегда, на собственных условиях.

— Благотворительность — не в твоем духе, Бати, — сказал Джек. — Ты чего-то недоговариваешь?

— Прошу тебя, Джек, — вмешался Глэкен, задетый неутихающей враждебностью молодого человека. — Она согласилась отдать ожерелье, остальное вообще не имеет никакого значения...

— Я всегда говорил тебе все напрямик, Бати, — сказал Джек и повернулся к Глэкену: — И она это знает. Она знает и ничего другого и не ждет от меня. — Он снова повернулся к Калабати: — Что кроется за всем этим?

Она поднялась с дивана, подошла к окну. Какое-то время смотрела в темноту, в которой скрывались чудовища.

— Карма, — произнесла наконец Калабати. — То, что там происходит, опасно для Колеса Кармы.

Она обернулась к Джеку, словно Глэкена здесь вообще не было. И Глэкен это почувствовал.

— Ты знаешь о пятнах на моей карме, Джек. Кусум тоже зависел от этих пятен. Бремя кармы давило на него и привело к смерти от твоих рук. Я долгое время избегала смерти, потому что боялась, что возмездие кармы настигнет меня в следующей жизни. Но теперь... теперь... я боюсь остаться в живых еще больше, чем умереть. — Она снова дотронулась до ожерелья. — И возможно... отдав его, я помогу Великому Колесу продолжить свое вращение... возможно, эта смерть предотвратит многие другие смерти. И мой поступок очистит мою карму от пятен.

Джек с пониманием кивнул. Глэкену показалось, что он тоже все понимает: Калабати сейчас совершает сделку со своими богами — в обмен на ожерелье ее освобождают от бремени кармы. «А существует ли вообще Колесо Кармы?» — подумал Глэкен. За долгие годы ему ни разу не пришлось убедиться в этом. Но он не собирался ничего говорить, опасаясь, как бы Калабати не передумала отдать ожерелье.

Но в этот момент она расстегнула ожерелье, сняла и протянула Джеку.

— Вот оно, — сказала она охрипшим голосом, со сверкающими глазами. — Вот то, что ты хотел от меня получить.

С этими словами она повернулась и пошла к двери.

Джек какое-то мгновение смотрел на ожерелье, потом ринулся за ней:

— Бати, подожди! Куда ты?

— На улицу. Там все быстро закончится.

Глэкен тоже бросился к ней. Опередив Джека, он настиг Калабати у двери и схватил за руку.

— Нет, — сказал он. — Я не могу допустить, чтобы вы погибли вот так. Это не должно случиться на улице. В одиночестве.

В глазах ее стоял страх, страх перед тем, что ожидает внизу.

— Все люди умирают в одиночку, — сказала она. — А я привыкла быть одна.

— Я тоже. Но я научился набираться сил, общаясь с друзьями. Позвольте годам сделать свое дело. Это лучше, гораздо лучше, чем то, что произойдет с вами снаружи.

— Я останусь с тобой, Бати. До самого конца.

— Нет! — Она повысила голос. — Не хочу, чтобы ты видел меня. Ни ты, ни кто-либо вообще.

«Гордая женщина, — подумал Глэкен. — И с само-мнением. Но она может себе это позволить».

Он выпустил ее запястье и взял ее за кисть. Кисть была холодная, влажная, дрожащая.

— Я знаю подходящее место, где вы сможете остаться одна. Никто вас там не найдет. Пойдемте.

Он уже собирался вывести Калабати из комнаты, но Джек остановил их:

— Подождите!

Впервые за все время их знакомства Глэкен заметил, что Джеку не по себе. Куда подевалась кошачья грация? Казалось, он не может подобрать нужных слов.

— Джек, прошу тебя, — сказала Калабати, отвернувшись. — У меня совсем мало времени.

— Я знаю. Знаю. Я только хотел сказать, как плохо думал о тебе последние два года. Но то, на что ты решилась сейчас, требует мужества. Даже я спасовал бы на твоём месте. Думаю, ты самая храбрая женщи-

на из всех, кого я знал. — Он взял ее руку и приложил к губам. — Я... мы все в долгу перед тобой. И никогда тебя не забудем.

Калабати кивнула. «Я знаю, ты больше не любишь меня, но спасибо на добром слове».

Она подошла к нему, поцеловала в щеку:

— Прощай, Джек.

— Да, — сказал Джек упавшим голосом. — Прощай.

Глэкен провел Калабати вниз, в бывшую комнату Кэрол. Теперь Кэрол не в силах была в нее войти. Глэкен подвел ее к кровати и не стал включать свет.

— Здесь спокойно. Тихо и темно. Никто не потревожит вас.

Он услышал скрип пружин, когда Калабати присела на кровать.

— Вы побудете со мной? — спросила она.

— А я думал...

— Это я из-за Джека. С ним я не чувствовала бы себя свободно. Но вы — другое дело. Ваш возраст намного больше моего. Думаю, вы меня понимаете.

Глэкен подвинул к кровати кресло.

— Понимаю.

Он сейчас думал то же самое, что и Джек: какая это храбрая женщина. Он снова взял ее за руку — как там, наверху.

— Поговорите со мной, — предложил он ей. — Расскажите об Индии вашего детства, — о храмах, о ракшасах. Расскажите про годы, которые прожили, не нося ожерелья.

— Мне кажется, я вообще не была молодой — так мало я помню о своей молодости.

Глэкен вздохнул:

— Я знаю. Но расскажите то, что сохранилось, а потом я расскажу то небольшое, что запомнил.

И Калабати рассказала ему о времени, когда она была маленькой девочкой, о своих родителях, о том страхе, который испытывала перед демонами-людоедами, бродившими в туннеле под Храмом на Холмах. Голос ее становился все более хриплым, а воздух в комнате — влажным и кисловатым, по мере того как

жизненные соки покидали тело. Ей стоило огромных усилий продолжать рассказ.

— Я так устала, — произнесла она, задыхаясь.

— Ложитесь, — посоветовал Глэкен.

Он помог ей лечь и сквозь одежду почувствовал, что тело ее высохло и отчетливо проступил скелет.

— Я замерзла, — сказала она.

Он накрыл ее одеялом.

— Мне так страшно. Не оставляйте меня, пожалуйста.

Он снова взял ее за руку.

— Я не оставляю вас.

— До тех пор, пока все не кончится. Вы обещаете мне?

— Обещаю.

Она больше ничего не сказала. Спустя какое-то время ее дыхание стало частым, прерывистым. Костлявые пальцы в предсмертной судороге сжали руку Глэкена...

А потом разжались.

И стало совсем тихо.

Калабати умерла.

Глэкен высвободил свою руку и вышел в прихожую. Там, на полу, рядом с дверью, сидел, скрестив ноги, Джек. Он поднял глаза на Глэкена:

— Она?..

Глэкен кивнул, и Джек опустил голову.

— Сложите оба ожерелья, обломки меча и будьте готовы отправиться в путь на рассвете.

Джек кивнул, все еще глядя в пол.

— Куда?

— Позже я скажу. Я должен побыть с ней еще немного.

Джек снова вскинул голову и вопросительно посмотрел на Глэкена.

— Я обещал остаться с ней до конца.

Из спальни тянуло сладковатым запахом гнили.

Глэкен опустился в кресло и взял руку Калабати в свою. Она была холодная и сухая, как чешуя. Глэкен сжимал ее до тех пор, пока она не рассыпалась в пыль между пальцами. А когда небо стало светлеть, он опустил занавески, прикрыл дверь и запер квартиру.

ДОМ В КОНЦЕ ДОРОГИ

Монро, Лонг-Айленд

— Вы уверены, что он дал вам именно эти координаты?

Джек остановил старый «мерседес» Глэвена посреди дороги и вглядывался в полумрак вокруг них. Билл Райан сидел около него с двумя автоматами на коленях. Оба ожерелья и осколки меча лежали рядом в резной деревянной шкатулке. Билл сверялся с торопливо написанной запиской, зажатой в руке.

— Все точно, — сказал он.

Джек предпочел бы, чтобы в этой поездке его сопровождал Ба, но он не осмелился просить его оставить Сильвию и мальчика. Однако Билл сегодня выглядел не таким, как обычно. Вокруг него распространилась какая-то особая атмосфера умиротворенности, в которой и Джек чувствовал себя на удивление уютно.

— Вы ведь выросли в Монро, да?

— Да, но сюда мне ни разу не приходилось забираться. Я вообще не подозревал о существовании такого места. Мы едем в никуда.

«В никуда. Очень точно сказано», — подумал Джек.

Они находились на северо-восточной окраине Монро, на залитой грязью дороге, посреди обширных топей. Слева, под низко нависшим, свинцово-серым, облачным небом простиралась гавань Монро — спокойная, безмолвная, недвижимая. Где-то далеко впереди находился залив Лонг-Айленд. Здесь все словно застыло: не было ни насекомого, ни птицы, ни даже ветерка, способного всколыхнуть тростник и высокую траву вдоль дороги. Да и сами они походили на неподвижные фигуры на пейзаже, изображающем болото.

Единственное, что нарушало монотонность пейзажа, — частокол вдоль дороги с восточной стороны, а вдалеке, ближе к воде, нечто похожее на чрезмерно большой деревянный сортир.

— Должно быть, это там, — сказал Билл.

— Не может быть.

— А что, тебе попадалось здесь что-нибудь другое? Мы должны были доехать по этой дороге до самого конца, где стоит дом. Вот это место. Наверняка здесь.

У Джека оставались сомнения на этот счет, но он погнался «мерседес» вперед.

— А мне все-таки кажется, что мы где-то неправильно повернули.

Когда они приблизились к хибаре, Джек заметил на заднем дворе дома дым.

— Кто бы там ни был, но огонь горит.

— Надеюсь, печи он кладет лучше, чем строит дома, — сказал Билл.

— Да уж. У него, должно быть, мозги сильно набекрень, поэтому и дом набекрень.

Ни одна деталь дома не была расположена под прямым углом. Все одноэтажное сооружение было скособочено влево, опираясь на облупленную цистерну, труба накренилась вправо, а антенна наверху, в свою очередь, тоже была скошена влево.

Но это, видимо, было как раз то, что они искали, — дом в конце дороги. Возле дома стояла старая «торино». Если не считать огня где-то за домом, место выглядело глухим и заброшенным.

— Знаешь, — сказал Билл, когда они подъехали ближе, — это не просто огонь. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что там кузница и в ней работа идет всю.

Въехав в небольшой посыпанный гравием дворик, Джек заметил, что все москитные сетки на окнах изодраны, а стекла выбиты, так же как и в других домах, мимо которых им пришлось проезжать.

— Что-то все это выглядит не очень здорово.

Билл пожал плечами:

— Огонь у них горит, а Глэкен говорил, что...

— Да, Глэкен говорил.

Джек поставил машину и, выходя, захватил с собой деревянную шкатулку. Справа он рассмотрел что-то вроде огорода, на котором, правда, ничего не росло. Прежде чем они подошли к крыльцу, наружная

дверь открылась и седовласый пожилой человек стал разглядывать их через остатки москитной сетки.

— Наверное, немало времени потратили, чтобы добраться сюда?

Седые волосы торчали в разные стороны. Он нуждался в бритье так же сильно, как его заляпанная пятнами рубашка — в стирке, а по совести говоря, ее лучше было бы выбросить, заменив на новую.

— Вы ждали нас? — спросил Джек. Как это может быть? Телефоны вот уже несколько дней не работают.

— Да, ждал. Металл привезли?

Билл посмотрел в записку, зажатую в руке.

— Сначала мы хотим узнать: это вы Джордж Хаскинс?

— Конечно!

— Можно войти в дом?

— Вряд ли им это понравится. Знаете ли...

Джек услышал какой-то невнятный лепет за дверью.

Хаскинс посмотрел вниз и заговорил с кем-то, глядя в пол:

— Хорошо, хорошо. — Затем снова взглянул на Джека и просунул руку в щель. — Им не терпится приступить к делу. Давайте металл.

Джек отдал ему шкатулку. Хаскинс втащил ее за дверь и отдал кому-то, стоящему у его ног.

— Вот! Ну что, довольны теперь? Теперь вы, может быть, заткнетесь и оставите меня в покое? Отлично! — Он снова посмотрел на Джека: — Я тут с ними извелся, пока они ждали этой штуки.

— Кто?

— Мои жильцы. Мне тут по ночам ползком приходилось спасаться. Они не пускали сюда мошкар. Если бы не...

Снова лепетание.

— Понятно, понятно. Они говорят, чтобы вы снова пришли около четырех. Если они как следует возьмутся за дело, то к этому времени должны упрямиться.

Не в силах побороть любопытство, Джек взошел на крыльцо и через щель заглянул в дом. Он увидел

около дюжины суетливых фигурок, похожих на гномов, не более полутора футов ростом, и как будто поросших шерстью.

— Что это за...

Хаскинс встал так, чтобы Джек ничего не видел.

— В четыре часа. Они сделают то, что вам нужно.

— Кто «они»? — Джек вспомнил, что Глэкен упоминал каких-то «малышей».

— Мои жильцы. Они провели со мной почти двадцать пять лет и не могли дождаться этого дня. «Когда наступит час, мир позовет нас» — так они говорили. Судя по последним дням, такое время наступило. Так что поезжайте, а потом возвращайтесь сюда. Они не терпят, чтобы кто-то околачивался поблизости, пока идет работа. До скорой встречи.

Он закрыл дверь.

— В четыре часа, — повторил Билл, когда они шли к машине, и посмотрел на часы. — Сейчас чуть больше десяти. В четыре уже стемнеет.

Джек сел за руль, от напряжения у него сосало под ложечкой. Билл занял место справа от него. Согласно кривой Сапира, сегодняшний рассвет последний. После четырех часов и сорока двух минут светлого времени солнце последний раз зайдет в 3.01 дня. И больше день не наступит. Навсегда воцарится ночь.

И не будет никакой пощады от «мошкеры», как Хаскинс называет эти чудовища.

— А как мы будем возвращаться, черт возьми? — спросил Билл.

Джек завел мотор.

— На машине. А как же еще?

Он развернулся и снова вырулил на дорогу, прикидывая, как бы убить время. Возвращаться в город нет никакого смысла. Может быть, они найдут себе какое-нибудь занятие в Монро.

— Что особенного в этом городке? — задумчиво спросил Джек.

— Поселке, — уточнил Билл. — Жители Северного побережья обычно называют место, где живут, «поселком».

— Ну хорошо. Поселок. Но что в нем особенного? Куда ни повернешь, все время всплывает это название. Вы из Монро, Кэрол из Монро, доктор, миссис Нэш и ее сын — тоже из Монро. И вот опять мы здесь, возьм какой-то непонятный металлический лом в дом, полный поросших шерстью карликов. Почему нас все время заносит в Монро?

— Я сам размышлял над этим и, кажется, понял. Сверните направо вон там, внизу, где дорога кончается, а дальше я покажу.

Они въехали в жилой квартал, на Коллер-стрит. И остановились у дома номер 124 — с коттеджем на три спальни.

— Здесь это и случилось, — сказал Билл каким-то странным, хриловатым голосом, осматривая дом через стекло. — Здесь Расалом вновь появился в нашем мире, более четверти века назад, уже после того, как Глэкен убил его — так, по крайней мере, ему казалось. Именно в доме, раньше стоявшем на этом земельном участке, — тот дом сгорел, — Кэрол зачала ребенка, тело которого потом захватил Расалом. Это происшествие не прошло бесследно для городка, и в нем возникло какое-то невидимое поле, которое привлекает всяких странных людей и создает благодатную почву для разного рода загадочных явлений.

— Вроде этих карликов среди болотных топей.

— Именно. Наверное, они почуяли возвращение Расалома и наверняка знали, что когда-нибудь понадобятся, поэтому прожили здесь с Хаскинсом не один десяток лет, ожидая этого момента. Теперь он настал, этот момент. То же самое и с *Дат-тай-вао*. Оно обошло полмира, чтобы закончить свой путь в Монро, где какое-то время обитало в Алане Балмере, а потом перебралось в Джеффи. Насколько я могу судить, эти перемещения начались примерно тогда, когда Расалом был снова зачат.

— Значит, та сила тоже должна знать, что может понадобиться.

— Казалось бы, да. Но в тот год случилось еще одно происшествие: в ноябре и начале декабря один за другим рождались уродливые, с множеством пато-

логий дети. Тогда никто не мог этого объяснить, но теперь я знаю, что все они были зачаты примерно в одно время с Расаломом. Одного его присутствия в городе оказалось достаточно, чтобы произошла мутация на уровне эмбриона. — Билл печально покачал головой. — Для их семей это была невероятная трагедия, но едва ли ее восприняли как предупреждение об ожидающих нас событиях.

Джек размышлял над тем, что услышал, а Билл показывал ему дорогу, и так они проехали по городу — мимо школы, в которой Билл в свое время был звездой футбола, мимо нового дома, отстроенного на том месте, где пять лет назад дотла сгорел дом его родителей и оба старика погибли в огне.

— Теперь я не сомневаюсь, что все это дело рук Расаломы, — сказал он приглушенным, исполненным волнения голосом. Он ударил кулаком по ладони. — А сколько других людей — друзей, знакомых, детей. Мои друзья — Джим, Лизл, Ренни, Ник, Дэнни, — господи, Дэнни! Проклятие, я должен с ним расквитаться!

Джек дружески сжал плечо Билла:

— Мы доберемся до этого ублюдка. И заставим его заплатить сполна.

— Конечно, заставим.

Они коротали время, проезжая по Монро. Городок — или поселок — казалось, вымер. Нигде не было видно трупов. Возможно, потому, что в отличие от жуков, которые высасывали из своих жертв кровь, более крупные твари просто их пожирали. Джек различил несколько перепуганных лиц за оконными ставнями погруженных в темноту комнат. Когда они ехали по главной магистрали, вдоль прилегающего к пристани района нижнего города — того, что от него осталось, — банда одичавших, словно волки, мародеров приблизилась к машине.

Билл взял автомат «спаз» и шелкнул затвором.

— Мне даже хочется, чтобы они на нас напали, — процедил он сквозь тонкие, плотно сжатые губы. — Кажется, сейчас я по-настоящему зол.

При виде автомата мародеры мгновенно утратили к ним интерес и потрусили дальше.

Джек посмотрел на него с удивлением:

— Даже вы?

— Что я?

— Даже вас это коснулось. Даже вы начинаете чувствовать на себе воздействие этого сумасшествия — разве нет?

— А вы?

— Ну, я всегда ждал, чтобы такие ребята что-то начали вытворять, — тогда я мог заработать себе на жизнь. Вы только начали заглядывать в окрестности тех мест, в которых я провел всю свою взрослую жизнь.

Киноафиша:

Кинотеатр под открытым небом Джо Боба, специальный выпуск на весь день:

«И скоро наступит темнота» (1970), «Левит/Рикман»

«Когда время истекло» (1980), «Братья Варнеры»

«Ничего, кроме ночи» (1972), «Синема системс»

«Обреченные на смерть» (1940), «Монограм»

«Ночь должна прийти» (1937), «МГМ»

«Тьма» (1979), «Филм венчерс»

«Звезда во тьме» (1972), «Брайэнстон»

«Смерть в ночи» (1946), «Юниверсал»

«Угаснуть во тьме» (1980), «Компас интернэшнл»

«Не бойся темноты» (1973), «ТВ»

«Мир ночи» (1932), «Юниверсал»

В 2.30 они вернулись к дому Хаскинса. В кузнице, на заднем дворе, все еще пылал огонь, но уже не такой яркий, как вначале. В воздухе гулко отдавался звон металла.

— Рановато вы приехали, — сказал Хаскинс, стоя у двери, но, как и в первый раз, не предложил им зайти в дом.

— Знаем, — возразил Билл, — но скоро стемнеет, и мы хотим тронуться в обратный путь сразу, как только у вас все будет готово.

— Да я не в укор вам сказал. Приехали так приехали. Они уже доделывают. Подождите в машине, а я вам вынесу.

Джек и Билл вернулись к старенькому «мерседесу». Билл залез в машину и стал крутить ручку радио, стараясь отыскать хоть какую-нибудь станцию, а Джек расхаживал около машины. Под ложечкой у него посасывало все сильнее, по мере того как цвет неба постепенно менялся с серого на черный. Он снова пожалел, что отправил Джию и Вики вместе с Эйбом. Ему очень хотелось увидеть их снова, заключить в объятия — последний раз перед тем, как всему придет конец.

— Слышишь? — спросил Билл, высовываясь из окна. — Звон прекратился.

— Это уже не имеет значения, — ответил Джек. — Слишком поздно. Мы не сможем привезти эту штуку обратно. Даже если бы у нас сейчас был самолет, черт его дери, и то мы не смогли бы вернуться живыми.

Кто-то хлопнул дверью, и вслед за этим к ним подошел старик Хаскинс, который нес в руках два свертка из одеял, как несут больного ребенка.

— Можете ехать, — сказал он и отдал свертки Джеку.

Один квадратный, с какими-то выпуклостями, другой — длинный и гладкий. Билл взял сверток поменьше, и они уложили и тот и другой на заднее сиденье, после чего Джек залез в кабину.

— Было очень приятно побеседовать с вами, Джордж, но нам нужно спешить.

— Удачи вам, ребята, — сказал Хаскинс, возвращаясь к крыльцу. — Я не очень понимаю, в чем тут дело, но надеюсь, что у вас все получится.

Когда Джек поехал, набирая скорость, вниз по дороге, из-под задних колес стали вылетать кусочки гравия. В зеркале заднего обзора он увидел Хаскинса, который, стоя на крыльце, глядел им вслед. И ему показалось — в слабом, сумеречном свете он не мог бы сказать этого наверняка, — что вокруг Хаскинса сгруппировались фигурки, едва достающие ему до колена. Хаскинс помахал рукой, и все они тоже помахали.

На мгновение прикрыв глаза, Джек полностью сосредоточился на дороге.

А где-то на небе, которое заволкло туманом, находилось сейчас солнце, заходящее в последний раз.

— У нас ничего не получится, — сказал Джек. — Мы никак не сможем вернуться живыми.

— Мы должны собрать все силы, — ответил Билл. — У нас просто нет выбора.

— О да, мы выложимся полностью, дружище Билл. Будем бороться как черти.

И все-таки мы не сможем этого сделать.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Д ж о: Вот так, ребята. Сейчас 3.01 пополудни. Видимо, это последний закат солнца. Если кривая Сапира вычерчена правильно, то мы с вами больше не увидим солнца.

Ф р е д д и: Да. Никто не дал нам ни малейшей надежды, так что мы не можем поделиться надеждой с вами. Очень хотелось бы, но...

Д ж о: И не спрашивайте нас, почему мы до сих пор здесь. Мы и сами этого не знаем. Может быть, потому, что это единственное, что мы умеем делать.

Ф р е д д и: Так или иначе, мы будем продолжать передачу до тех пор, пока работают генераторы, а вы оставайтесь с нами, пока у вас не сели батарейки. Если мы что-нибудь узнаем, то сообщим вам. А если у вас будут какие-нибудь новости, то дайте нам знать по СВ, и мы их передадим.

Д ж о: И, судя по всему, нас ожидает очень долгая ночь».

Часть третья

НОЧЬ

Ааааааа! Ночь. Неспончаемая ночь. Вечная темнота.

Расалом поворачивается в заполненной жидкостью оболочке, он с наслаждением купается в свежих волнах страха, идущих сверху, из погружившегося во тьму мира. Теперь тьма воцарилась везде. Его господство становится неоспоримым. Это совершившийся факт.

За исключением единственного, крохотного островка надежды — дома Глэкена. Но это не просчет, островок оставлен сознательно. Он тоже исчезнет скоро — когда его обитатели поймут, что все их наивные попытки вновь собрать оружие напрасны. Слишком поздно — слишком поздно для чего бы то ни было. И сок, выжатый из этих раздавленных надежд, будет сладким нектаром.

Все, что нужно сделать теперь Расалому, — это подождать, пока закончится Перевоспложение, которое должно завершиться завтра к утру — к утру, которого не будет, и тогда он вылупится из своей скорлупы и открыто заявит о господстве над этим миром. Его миром.

Можно считать, что он уже там. Он чувствует, как Перемены вокруг него и в нем самом идут по последнему витку. Когда все это закончится, он поднимется наверх и даст Глэкену возможность полюбоваться новым Расаломом, заставит его съежиться от ужаса и изумления перед его великолепием, прежде чем жизнь начнет медленно покидать тело старика. Осталось совсем немного. Этот момент вот-вот наступит.

КОНЕЦ ИГРЫ

Манхэттен

Где они могут быть?

Кэрол понимала, что уже начинает всем надоедать, что никто — ни Сильвия, ни Джеффи, ни Ба, ни Ник, ни даже сам Глэкен — не в силах ответить на вопрос, который за последний час она задала не меньше дюжины раз, но все равно не могла сдержаться.

— Я знаю, нельзя поддаваться страху, именно этого и ждет Расалом, но ничего не могу с собой поделать. Я смертельно боюсь, что с Биллом что-то случилось. И с Джеком тоже.

— Это не страх, — сказал Глэкен. — Это тревога. Между этими двумя чувствами огромная разница. Страх, который насылает на нас Расалом, парализует, заставляет бояться и испытывать недоверие ко всем окружающим, побуждает бросаться на каждого в пределах досягаемости или заползти в какую-нибудь щель и затаиться там, в одиночестве, в темноте, чувствуя свое ничтожество. Этот страх сродни панике. Он отнимает у нас надежду, разоблачает нас — вот какой страх насылает на нас Расалом. Вы же, Кэрол, испытываете волнение, а оно берет свое начало в любви.

Кэрол кивнула. Конечно, все это прекрасно...

— Но все-таки, где же они?

— Они пропали, — сказал Ник.

Кэрол, у которой перехватило дыхание, обернулась к нему. Глэкен тоже напряженно посмотрел в его сторону.

Ник ни разу не ответил ей, когда она перед этим задавала ему тот же вопрос. Почему именно теперь?

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

— Они пропали, — повторил он дрогнувшим голосом. — Их там больше нет. Отец Билл и тот, другой, — оба они исчезли.

Кэрол с ужасом заметила, как слеза покатилась по щеке Ника. Она повернулась к Глэкену:

— Что все это значит?

— Он ошибается, — сказал Глэкен, но в глазах его не было уверенности. — Иначе быть не может.

— Но он видит то, что скрыто от нас, — возразила Кэрол. — И он еще ни разу не ошибался. О боже!

Она не смогла сдержатъ рыданий. Прощлой ночью, лежа в объятиях Билла, она впервые после смерти Джима почувствовала себя полноценным, живущим нормальной жизнью человеком. И теперь потерять его — это было невыносимо.

Неужели это тоже запланировано?

Она подавила рыдания и вытерла слезы.

— Это что, очередная выходка Расалома? — снова обратилась она к Глэкену. — Дать нам небольшую надежду, дать почувствовать ее вкус, заставить нас помечтать о будущем, а потом оглушить, отобрав все это?

Глэкен кивнул:

— Да, это в его стиле.

— Да пошел он...

Последние слова потрясли ее саму. Она никогда раньше их не употребляла. Они вообще выходили за рамки ее словарного запаса. Но сейчас вырвались и пришлось кстати. Они отразили всю силу ее гнева. Она посмотрела в ту сторону, где Джеффи с Сильвией читали иллюстрированную книгу.

Она приблизилась к большому резному дивану и взяла журнал. Но страницы дрожали в руках, и слезы застилали глаза.

Киноканал.

(Прерванная трансляция.)

— Наверное, это из-за тех штук на заднем сиденье, — сказал Джек хриплым голосом.

Билл ничего не ответил. Затаив дыхание, он отстранился в сторону от бокового стекла, по которому скользили бесчисленные щупальца.

Надо спешить! Огромный слизняк преградил им путь на Бродвее, заползая на Тридцать седьмую улицу. Джек мысленно побуждал его ползти дальше и освободить им путь.

— Такое со мной уже случалось однажды, — продолжил Джек, — когда я имел дело с ракшасами. Пока я носил одно из ожерелий, они не замечали меня. Одна из тех штук, которые нам отдал Хаскинс, а может, и обе сделаны из ожерелий. И должны обладать теми же самыми свойствами. Я имею в виду этого червяка. Он не обращает на нас внимания, как будто мы вообще не существуем. — Джек сверкнул улыбкой. — Разве это не здорово?

— Да, конечно, — ответил Билл, — очень здорово.

Вся поездка была как сон, как непрерывный ночной кошмар. Чудовища из трещин выбрались на поверхность. Их движения потеряли торопливость и напористость прошлых ночей. Они стали непринужденными, и чудовища теперь походили не на захватчиков, а скорее на оккупантов.

Билл и Джек ехали с острова, пробираясь сквозь тучи жуков и ползающих чудовищ — больших и маленьких, — но оставались незамеченными. Какие-то твари ударялись о стекла, налетали на дверцы, на бампер, но произвольно. Однако продвигались они довольно медленно, а подъехав к Мидтаунскому туннелю, обнаружили, что он весь забит огромными сороконожками. В конце концов им удалось проехать через Бруклинский мост, который до сих пор оставался неповрежденным, и еще немало времени ушло на то, чтобы добраться до Бродвея, расположенного в верхней части города. В прежние время это была оживленная платная магистраль, связывающая эту часть города с Мидтауном, предназначенная для автомобилей, а не для ползающих чудовищ, но сейчас, похоже, некому было продавать билеты.

Наконец хвост гигантского слизняка освободил на мостовой достаточно места, чтобы можно было ехать дальше. Еще минут пятнадцать им пришлось маневрировать между брошенными автомобилями и крупными ползающими монстрами, пока наконец они не подъехали к дому Глэкена.

Билл отпер дверцу и потянулся к ручке, пока Джек парковал машину.

— Лучше не выходите с пустыми руками, — предупредил Джек, — а то, чего доброго, не доберетесь до двери.

— Правильная мысль.

Билл взял один из свертков, тот, что покороче, и выскочил из машины. Джулио ждал у входной двери, держа ее открытой.

— Откуда вы, ребята? — спросил он у Билла, когда тот влетел в коридор. — Мы тут здорово за вас испугались.

Билл, проходя, похлопал его по плечу.

— Лифт все еще работает?

— Медленно, как дерьмо, но движается.

Билл влетел в лифт, но подождал Джека. Было бы просто хамством оставить его внизу. Потребность увидеть Кэрол была до боли сильной, просто невыносимой. Ему так хотелось обнять ее, успокоить, сказать, что с ним ничего не случилось. Наверное, она измучилась от волнения.

Как только лифт остановился, Билл побежал, обгоняя Джека, к квартире Глэкана. Кэрол была там, и Билл сразу понял, что это ему предназначен взгляд, полный изумления и радости, смешанной с облегчением. Он обнял Кэрол одной рукой, во второй был сверток. Она заплакала, и Биллу захотелось тут же отнести ее в спальню, но он знал, что с этим придется подождать.

— Ник сказал, что тебя нет в живых!

Билл выпрямился и посмотрел на нее:

— Он так сказал? Что я мертв?

— Нет, не мертв. Что ты исчез. Что тебя больше нет.

— С чего он взял?

И тут Билла осенило. Наверное, они стали невидимы не только для жуков, но и для Ника.

Он осознал вдруг, что они с Кэрол оказались в центре внимания: Сильвия, Джеффи, Ба, Глэкен — все, кроме Ника, наблюдали за ними.

— Мы все сделали. Малыши, о которых вы говорили, оказались на месте. Они забрали у нас ожерелья, а вернули вот это.

Глэкен не взял у него сверток, а показал рукой на кофейный столик.

— Пожалуйста, разверните его и положите туда.

Билл долго разворачивал одеяло, пока рука не коснулась чего-то холодного. Это был металлический предмет. Билл вытащил его и поднял кверху.

И тут же у него вырвался крик удивления, а вслед за ним и у всех остальных.

— Крест! — произнесла Кэрол охрипшим от волнения голосом.

Да. Это был крест. Точь-в-точь такой, какие украшали стены замка в Румынии. Но больше всего Билл поразил цвет. Он ожидал увидеть что-то железное, тускло-серое, как ожерелья. Но взору его предстало сверкающее золотом основание и серебристого цвета поперечная пластина, в которых прыгали, отражаясь, отблески огня, пылающего в камине.

Билл с трудом отвел глаза от сверкающей поверхности и посмотрел на Глэкена:

— Это то, что нам нужно? Крест?

Глэкен покачал головой и отступил назад, к дивану.

— Это не крест. Но здесь кроется причина того, почему крест приобрел во всем мире такое значение, почему стал символом. На самом деле это рукоятка меча.

Джек подошел ближе и стал внимательно рассматривать рукоятку. Потом дотронулся до нее пальцами.

— А что случилось с железом, из которого были сделаны ожерелья?

— Они перед вами, — сказал Глэкен. — Малыши умеют работать с металлом.

— Я вижу, — сказал Джек и принялся разворачивать тот сверток, что подлиннее.

— А что же тогда здесь?

— Вторая составная часть инструмента, — ответил Глэкен. — Осторожно, она может оказаться очень острой.

И снова у всех захватило дыхание: из развернутого одеяла появилась пластина с гравировкой.

— Клинок, — произнес Джек, переведя дыхание.

Мускулы его руки напряглись, когда он взял клинок и поиграл им в воздухе, так что блики света запрыгали по всей его исписанной рунами поверхности.

Клинок выглядел восхитительно. У Билла потеплело на душе, но одновременно с этим закрался холодок сомнения. Что-то чужое, тревожное таилось в этих рунах. Он обнял одной рукой Кэрол, прижал к себе, другой рукой все еще сжимал рукоятку. У ее основания, точно по центру, он заметил отверстие — как раз такой формы, чтобы в него можно было вставить клинок.

— Сложим их вместе? — обратился он к Глэкену. Старик покачал головой:

— Нет. Пока нет. Пожалуйста, положите рукоятку на стол.

Когда Билл выполнил эту просьбу, Джек опустил клинок.

— И это тоже?

— Воткните его в пол, если сможете.

Джек бросил на него вопросительный взгляд, пожал плечами. Он опустил клинок острием вниз, взялся за него обеими руками и, проткнув ковер, вонзил его глубоко в доску пола. Клинок еще какое-то время вибрировал, а потом застыл в неподвижности.

Глэкен обернулся к Сильвии. Глаза его потускнели, лицо стало серьезным и печальным.

— Пора, миссис Нэш.

Сильвия, не отрываясь, смотрела на отливающий золотом и серебром крест, лежавший на столе, и чувствовала, как силы стремительно покидают ее.

Все происходило, все менялось слишком быстро. Прошлой ночью она заснула, уверенная, что ей не надо будет принимать никаких решений. Джек вернулся только с одним ожерельем, а этого было недостаточно. Инструмент не мог быть собран, и значит, нельзя было забрать у Джеффи *Дат-тай-вао*. Она страшилась того, что их ожидало в ближайшем будущем, но при этом, к своему стыду, чувствовала облегчение — по крайней мере, не надо будет рисковать разумом сына.

Но, проснувшись утром сегодня, она обнаружила, что все переменялось. У Глэкена в руках теперь были два ожерелья, и его план по-прежнему оставался в силе.

Сильвия весь день готовила себя к этому моменту, но ничего не получилось. Да и как вообще можно к такому подготовиться?

Ей не надо было оглядываться, чтобы знать, что за спиной у нее стоит великан Ба и что он поддержит ее, какое бы она ни приняла решение... Но остальные... Она обвела всех взглядом. Кэрол, Билл, Джек, Глэкен — их напряженные взгляды были прикованы к ней.

Как они могут ее об этом просить? Она уже потеряла Алана. Как они могут просить ее рисковать Джеффи?

Но они могут. И просят. И не могут не просить, если учесть, как много поставлено на карту.

Кажется, Джеффи тоже заметил эти пристальные взгляды. Он отвернулся от рукоятки, с которой не сводил глаз с тех пор, как Билл ее развернул, и взглянул на Сильвию.

— Почему они так смотрят на нас, мама?

Сильвия не сразу ответила:

— Они хотят, чтобы ты кое-что сделал, Джеффи. Он вопросительно посмотрел на всех:

— Что именно?

— Они хотят, чтобы ты... — Она обратилась к Глэкену: — Что он должен сделать?

— Только дотронуться, — ответил Глэкен. — Больше ничего.

— Они хотят, чтобы ты дотронулся до этого креста, — пояснила Сильвия. — И тогда он...

— А, конечно!

Джеффи вырвался из ее рук, ему не терпелось потрогать блестящий предмет. Но Сильвия схватила его за руку и потащила назад.

— Подожди, мой дорогой. Сначала ты должен узнать... эта вещь может тебе навредить.

— Но ведь с этим дядей не случилось ничего плохого.

Джеффи указал на Билла.

— Да, это так. Но с тобой все может быть по-другому. Крест заберет у тебя кое-что, и после того, как ты это потеряешь, ты, возможно, будешь не таким, как сейчас.

Он посмотрел на нее озадаченно.

— Ты станешь таким, как раньше, каким был очень давно, ты и не помнишь уже. — Ну как еще объяснить явление аутизма девятилетнему ребенку? — Ты тогда не умел разговаривать, даже с трудом вспоминал свое имя. Я не хочу, чтобы ты снова стал таким.

Он улыбнулся светлой, почти ослепительной улыбкой:

— Не беспокойся, мамочка, со мной все будет в порядке.

Сильвия очень хотела позаимствовать у него хотя бы частицу этой уверенности, но она не испытывала ничего, кроме страха. Но если она сейчас силой удержит его, не даст ему подойти к рукоятке, то ради чего тогда погиб Алан? Он пошел на смерть ради нее и Джеффи, и как же она может обречь Джеффи и всех остальных на мучительное умирание в царстве вечной тьмы?

Но ведь может случиться так, что глаза Джеффи снова станут пустыми и он опять погрузится в состояние аутизма.

Если он не сделает этого, всех их, без сомнения, ожидает вечная тьма, если сделает — в темноту может погрузиться он сам.

Что же делать?

Она отпустила его, разжав руки, и сказала быстро, чтобы не передумать:

— Иди, Джеффи, сделай это. Дотронься до нее.

Мальчик бросился к столу, ему не терпелось потрогать эту поблескивающую металлическую штуку. Мгновенно преодолев расстояние до стола, он протянул руку и не раздумывая обхватил рукоятку своими маленькими пальчиками.

В какой-то момент показалось, что его ладони загорелись, потом он вскрикнул тонким голосом. Судорога пробежала по его телу, и он замер в неподвижности.

— Что это?

Что-то потревожило Расалом. Какая-то неприятная волна пробежала в его сознании, нарушив то наслаждение, которое он испытывал, окунаясь в потоки страха и мучений.

Что-то случилось.

Расалом посмотрел наверх, стараясь понять причину. Есть только одно место, откуда это может исходить, — дом Глэкена.

Именно там находится источник беспокойства.

Глэкену все-таки удалось снова его собрать. Он возродил его к жизни. Это и почувствовал только что на себе Расалом.

Но теперь все это ровным счетом ничего не значит.

Сколько надежд зреет в этой комнате — даже трудно себе представить. И здесь же берут начало их будущие страдания. Как сладостно будет видеть осколки их несбывшихся надежд, уносимые ледяным потоком ужаса, когда они поймут, что поражение их окончательное.

Потому что они опоздали. Безнадежно опоздали. Этот мир отрезан от силы, с которой Глэкен находился в союзе. И пусть он соберет здесь хоть сотню, хоть тысячу штук такого оружия, это не будет иметь значения. Бесконечная ночь опустилась над миром. Темная, непроницаемая преграда. Глэкен не сможет вступить в контакт и объединиться с противоборствующей силой.

Пусть попытает счастья. Пусть его полные пафоса единомышленники питают надежды. От этого их поражение станет еще более мучительным.

Ну вот и все. Неприятная волна отступила, поглощенная покровами ночи.

Расалом продолжил свой отдых в ожидании сумерек.

— Джеффи?

Ее мальчик стоял неподвижно, как каменное изваяние, сжимая рукоятку и не сводя с нее глаз. Сильвия бросилась к нему, услышав, как он закричал. Она подошла к Джеффи вплотную, но не решилась к нему прикоснуться.

— Джеффи, с тобой все в порядке?

Он не сдвинулся с места, не заговорил.

Сильвия почувствовала, как сердце сковывает страх.

— *Нет, прошу тебя, Господи, только не это! Не допусти, чтобы это произошло!*

Она обхватила его за плечи и встряхнула, потом схватила за подбородок, повернула лицом к себе. Заглянула ему в глаза.

А в его глазах...

— Джеффи! — вскрикнула она. — Джеффи! Скажи что-нибудь! Ты знаешь, кто я? *Кто, Джеффи, кто?*

Взгляд Джеффи соскользнул с ее лица, задержался на миг на плече, потом стал блуждать по комнате. Глаза его были пусты. Пусты.

Она помнила это выражение лица. Она старалась побороть отчаяние. Аутизм. Джеффи постепенно возвращался в свое прежнее состояние. Слишком много лет она видела его таким, чтобы не понять, что случилось.

— О нет! Нет! — простонала Сильвия, обхватив его руками. — О нет... о нет!

«Это не должно было случиться! — подумала она, прижимая к себе безвольное тело Джеффи. — Сначала Алан. Теперь Джеффи... Не может быть, чтобы я потеряла обоих! Не может быть!»

Она перевела взгляд на Глэкена, который наблюдал за ней, потрясенный. Она никогда не чувствовала себя такой потерянной, такой одинокой, глубоко несчастной в своей жизни, и все это по его вине.

— Так вот к чему все это должно было привести? — спросила она, плача. — Вот к этому! Я потеряла все! Почему? Почему именно я? Почему Джеффи?

Она взяла Джеффи на руки и понесла вон из комнаты, пригвоздив к месту Глэкена и всех остальных последним вопросом:

— Почему не вы?

Тяжесть в груди Глэкена нарастала по мере того, как он, стоя в противоположном углу комнаты, смотрел на Сильвию, уносящую своего вновь пораженного болезнью ребенка.

«Потому что это война, — мысленно ответил он на вопрос, заданный ею напоследок, — каждая война требует жертв как победителей, так и побежденных».

Даже если он выиграет эту войну, что маловероятно, он станет другим. Навсегда. Никто не может выйти из всего этого невредимым.

Но эти соображения не могли унять его скорбь по мальчику, потерявшему разум.

В мертвой тишине гулко, как выстрел, прозвучало короткое рыдание Кэрол. Билл порывисто обнял ее. Джек стоял, засунув руки в карманы, глядя в пол. А Ба выглядел просто... потерянным. Трудно передать, как он страдал. Боль его госпожи отзывалась в нем еще более мучительной болью. В его глазах, исполненных муки, отражалась происходящая в нем борьба — он не знал, то ли уйти вместе с Сильвией, то ли остаться с остальными.

— Пожалуйста, не уходите, Ба, — попросил Глэкен. — Вы еще можете нам понадобиться. — И он повернулся ко всем: — Теперь мы готовы.

— Как вы можете оставаться таким хладнокровным! — воскликнула Кэрол.

— Я не безучастен к страданиям, — возразил Глэкен. — У меня болит душа за мальчика, а еще больше за его мать. Он утратил способность реагировать на окружающий мир, но он так же утратил способность оценивать себя со стороны, потому не понимает, чего лишился. А вот Сильвия понимает. И мучается за двоих. Но у нас нет времени предаваться скорби. Чтобы жертва не оказалась напрасной, нам нужно предпринять следующий шаг.

— Хорошо, — отозвался Джек. — Что же мы должны делать?

— Соединить рукоятку с клинком.

— Вот как? И тогда все будет готово?

Глэкен кивнул:

— Тогда все будет готово.

— Что же, начнем!

Джек, напрягшись, приподнял рукоятку и поднес к торчащему из пола клинку.

— Подождите, Джек, — остановил его Глэкен. — Сначала вам следует кое-что узнать.

Проще всего было бы позволить Джеку надеть рукоятку на клинок и сделать все остальное. Но единственный способ повести себя честно — это предупредить человека, на что он себя обрекает. Глэкен сожалел, что бесчисленное количество лет назад, когда он впервые прикоснулся к мечу, его никто ни о чем не предупредил.

Но тогда он был таким отчаянным и своенравным. Стал бы он придавать этому значение?

Джек остановился около клинка в ожидании.

— Когда вы соедините клинок с рукояткой, — сказал Глэкен, — вы станете неотъемлемой частью оружия и силы, которая питает его. Разорвать эти узы будет невозможно, как бы вы того ни желали. Никогда!

— Оттого что соединю их? — переспросил Джек. — Здесь нет колдовства или еще какой-нибудь ерунды?

— Никакой ерунды, — ответил Глэкен, позволив себе слегка улыбнуться. — Потому что все это — действительно ерунда. Для шоу-бизнеса. А у нас все настоящее.

Он заметил, что у Джека пропала охота касаться меча.

— Вы вольны выбирать, делать вам это или нет. Так же как оружие вольно решать, кто станет его обладателем.

— Оно может об этом сказать?

— Конечно. Теперь внутри у него обитает *Даттай-вао*. Вы держите в руке не просто мертвый металлический сплав, теперь это живое существо — и очень чувствительное.

Джек посмотрел на рукоятку, потом отвел взгляд от нее. Он колебался, и Глэкен это почувствовал.

— А как же вы, Глэкен, меч ведь принадлежал вам? Разве не вы должны все это сделать?

Глэкен боролся с желанием отойти в дальний угол комнаты.

— Нет. Сейчас не мой век. Свой я уже спас. Теперь кто-нибудь из вашего времени должен спасти нынешний.

— То есть один из нас?

Этот вопрос задал Билл. Бывший священник выпустил из объятий Кэрол и подошел к Джеку с опаской, словно тот держал в руках ядовитую змею.

— Да, вы, Ба, Джек. Каждый из вас обладает необходимыми качествами, каждый рисковал жизнью, чтобы подвести нас к тому, что происходит сейчас. Теперь пришел черед одного из вас.

Глэкен посмотрел на Джека. Больше всего, судя по его виду, ему хотелось сейчас отдать рукоятку Биллу, но гордость не позволяла. Проклятое бремя махизма. Ноша Джека была особенно тяжела.

— Хорошо, — сказал он негромко, — тогда, если нет возражений, начнем с меня.

Джек огляделся. Никто не возражал. Пожав плечами, он с натугой приподнял рукоятку и подошел к клинку. Глэкен был рад, что Джек первый, несомненно, ему будет отдано предпочтение. У него сердце воина. И это будет правильно, что завладеет оружием он.

Джек взял рукоятку за набалдашник, немного помедлил.

— Ну и что будет?

— Может быть, ничего, — ответил Глэкен, — может быть, уже слишком поздно и ничего нельзя сделать. Может быть, Расалом наглухо отгородил нас и сигнал не пробьется.

— Ну а если получится, как я об этом узнаю?

— О, вы узнаете, — ответил Глэкен. — Поверьте, непременно узнаете.

Джек продолжал вопросительно смотреть на него.

Глэкен объяснил:

— Во-первых, клинок и рукоятка сплавятся воедино. И тогда станет ясно, что клинок вас воспринял.

«По крайней мере, это произойдет, — подумал он, но не сказал, — *если это будешь ты, Джек, то не останется никаких сомнений*».

Джек кивнул. Глэкен тихонько отступил назад и отвел взгляд в сторону, когда Джек приподнял рукоятку так, чтобы отверстие было расположено над концом клинка, и, глубоко вздохнув, надел ее на клинок.

Ничего не произошло.

— Ну вот, — сказал Джек, слыша биение собственного сердца. — Я не чувствую каких-либо перемен. — Он снял рукоятку, легко соскользнувшую с клинка. — Так же как и эта штука. Кажется, меня отвергли.

Глэкен еле слышно выругался. Джек был самым подходящим. Почему инструмент его не воспринял?

Джек оглядел комнату.

— Ба, может быть, ты хочешь попробовать?

«Хороший выбор», — отметил про себя Глэкен. Ба тоже был воином. Вторым из всех присутствующих. И он имел личные причины ненавидеть Расалома — его друг доктор Балмер погиб, а Джеффи тяжело пострадал от этого чудовища. Его праведный гнев усилит мощь оружия.

Огромный вьетнамец сохранял спокойное выражение лица, но Глэкен заметил, как напряглись мышцы у него на шее. Он едва заметно кивнул.

Джек передал ему рукоятку:

— Бери, дружище!

Когда Ба, без малейших колебаний, шагнул вперед, Глэкен заметил, что в комнату вновь проскользнула Сильвия, держа за руку безучастного ко всему Джеффи. Наверное, она прислушивалась к происходящему и слышала, как произнесли имя Ба. Она напряженно следила за тем, как Ба берет рукоятку у Джека и надевает на широкий конец клинка.

И опять — ничего.

Глэкен стиснул зубы, чтобы скрыть досаду. Не Джек, не Ба — так кто же тогда?

Не проронив ни слова, Ба снял рукоятку и повернулся к Биллу.

— Я? — спросил Билл.

Ба протянул ему рукоятку.

— Но я не могу... то есть, я хотел сказать, я не...

— Но возможно, это будете именно вы, — произнес Глэкен. — Как бы то ни было, вы были символом возмездия для Расалома со времени его последнего рождения — даже еще раньше. Остался ли кто-нибудь в живых — кроме меня, — кого бы Расалом ненавидел сильнее? Кто-то из той эпохи, кто

причинил бы Расалому большой вред? Нет. Только вы, Билл!

Да. Это Билл. Это должен быть Билл. Он подходил для этого — наделенный душой праведника и сердцем воина. Билл был первым, кто пролил кровь и кто выстоял перед смертью, страданиями, страхом — всем, что наслал на него Расалом, стараясь его сломить.

Они стояли лицом к лицу.

Правда, в этот момент Билл меньше всего походил на бесстрашного воителя.

— Ну да, — подхватил Джек, натянуто улыбаясь, — это вы, Билл. Как же я сразу не понял.

Кэрол выпустила руку Билла, которую крепко держала, отонила назад, зажала ладонями рот, не сводя глаз с рукоятки.

Медленно, нерешительно Билл подошел к Ба и дрожащими руками взял меч.

— Не может быть, чтобы это оказался я, — сказал он.

Ба отошел в сторону, пропуская его к клинку.

Двигаясь словно лунатик, Билл доковылял до клинка, приставил рукоятку отверстием к клинку, остановился и огляделся.

— Это не я, — повторил он. — Я знаю. — Но в его хриплом голосе не чувствовалось уверенности.

Билл не надел рукоятку на клинок, а просто выпустил ее из рук, и она упала вниз. И снова Глэкен отвел глаза.

Но ничего не случилось.

Билл отошел от инструмента. Его била дрожь.

— Я... я не знаю, плакать мне или смеяться.

— Но тогда кто же это? — спросила Кэрол высоким, готовым сорваться от гнева голосом. — Ведь кто-то же должен им оказаться! — Она повернулась к Глэкену: — И кто вам сказал, что это непременно должен быть мужчина?

Глэкену нечего было на это сказать, да Кэрол и не стала дожидаться ответа. Она шагнула вперед, подняла рукоятку и снова надела ее.

Ничего.

— Только не пытайтесь мне доказать, что все пережитое было впустую! — воскликнула она. — Зна-

чит, это... — Она показала на Сильвию, которая наблюдала за ними из дальнего угла комнаты. — Сильвия! Сильвия, попробуй теперь ты. Пропну тебя.

Сильвия вытерла слезы:

— Я не могу...

— Просто подойди и сделай это.

Ведя за руку Джеффи, Сильвия, ни на кого не глядя, подошла к инструменту.

— Пустая трата времени, — проговорила она.

И ее слова подтвердились. Она выпустила руку Джеффи, подняла рукоятку, надела на клинок. Ничего!

Сколько в них пафоса.

Расалом наблюдал, как единомышленники Глэжена по очереди подходят к этому странному конгломерату, объединяющему в себе металлы и неосязаемое духовное начало, подходят, исполненные надежд и благородных порывов, и терпят один за другим неудачу. Он наслаждался нарастающей в комнате атмосферой отчаяния, которая все сгущалась и уже стала почти осязаемой. И еще страх. Он нарастал с каждой минутой.

Когда их маленький тотем распадется, они начнут бросаться друг на друга.

Какое блаженство!

Глэкен смотрел, как Сильвия снимает рукоятку с клинка и медленно поворачивается. Теперь она больше не избегала встречаться с кем-либо взглядом, и от ее взгляда бросало в дрожь.

— И что же? — В ее ломком голосе слышна была горечь. — Это все, чего мы добились? Алан расстался с жизнью, Джеффи снова погрузился в состояние аутизма, и все это ради чего? Впустую?

— Может быть, это Ник, — предположил Билл.

— Нет, — бросила Сильвия презрительно. — Это не Ник.

— Может быть, устройство неправильно собрано, — сказал Джек, — или, как предупреждал Глэкен, мы опоздали. Может быть, сигнал не может пройти.

— Да, верно, уже слишком поздно, — сказала она, продолжая медленно поворачиваться. — Слишком

поздно для Алана и для Джеффи. — В конце концов она оказалась лицом к лицу с Глэкенем. И тут остановилась и свернула глазами. — Но для вас, Глэкен, еще не поздно.

— Боюсь, я не совсем понял вас.

— Нет, вы все поняли. — Она приподняла рукоятку меча повыше, напрягаясь от тяжести. — Ведь он ваш, правда?

— Его предшественник был моим до того, как его переплавили и...

— Он по-прежнему ваш, разве нет?

У Глэкена пересохло во рту.

Сильвия ступила на путь, который ей лучше бы обойти стороной.

— Он больше не принадлежит мне. Теперь его должен взять кто-то другой.

— Но он хочет, чтобы это были вы.

— Нет! — Что она такое говорит! — Я уже отслужил свой век — даже больше, чем век. Теперь кто-то другой...

— Но что, если никто, кроме Глэкена, не сможет этого сделать?

— Это невозможно.

Она еще выше подняла рукоятку. Лицо ее исказила ярость.

— Попробуйте. Просто попробуйте это сделать. Посмотрим, что из этого получится. Тогда будем знать наверняка.

— Вы не поняли, — возразил Глэкен. Из пораженной артритом поясницы боль стала отдавать в левую ногу, и он опустился на придвинутый к стене стул с прямой спинкой. — Я уже послужил своему времени. Вы не можете требовать, чтобы я служил еще. Ни у кого нет такого права. Ни у кого!

Он видел, как Джек подошел к Сильвии.

— Успокойтесь, Сильвия. Взгляните на него. Из него песок сыплется. Даже если он согласится, у него не хватит сил бороться с происходящим. — Джек произнес это совсем тихо, но Глэкен расслышал.

Сильвия еще какой-то момент продолжала пристально смотреть на Глэкена, потом покачала головой.

— Возможно, но Глэкен не все нам сказал. Здесь дело в другом. — Она отдала рукоятку Джеку.

— Подумайте в чем.

Она взяла Джеффи за руку и вышла из комнаты.

Джек опустил взгляд на отливающую золотом и серебром рукоятку, которую сжимал в руке, потом посмотрел на Билла.

— Остался только один человек, который еще не пробовал.

Когда они подвели Ника к клинку, положили его ладони на рукоятку и направили ее так, чтобы она наделась на конец клинка, Глэкен с напряжением поднялся на ноги и пошел по коридору в одну из дальних комнат. Ему нужно было остаться одному, освободиться от воцарившейся в комнате гнетущей атмосферы отчаяния.

Он заглянул в спальню Магды. Магда спала. Последние дни, кажется, она только этим и занималась. И возможно, это было для нее сейчас наивысшим благом. Он сел у кровати, взял ее руку в свою.

Сильвия, да и все остальные не понимают его. Не представляют, как он устал за всю свою жизнь. Подготовить окончательную победу или хотя бы вступить в решительную борьбу с Расаломом было бы замечательно. После этого он с благодарностью принял бы смерть. Но этого не случилось. Ему суждено умереть во тьме, вместе со всеми.

Нет, он не рискнет даже близко подойти к инструменту. Кто знает, какая последует реакция. Все может начаться заново, и он попадет в плен к союзной им силе. В этот раз навсегда.

Я уже выполнил свой долг до конца. Я сделал больше, чем был обязан. Они не вправе требовать от меня что-то еще. Кто-то другой должен вступить в схватку.

— А где мой Гленн?

Вздвогнув от венгерской речи, Глэкен перевел взгляд на кровать и увидел, что Магда проснулась и пристально смотрит на него. Сейчас начнется обычный в таких случаях ритуал. Ее память увязла в событиях Второй мировой войны, когда они оба были молоды, свежи и любовь их только начиналась.

— Я здесь, Магда.

Она вырвала руку:

— Нет. Ты не Глен. Ты старый. Мой Гленн — молодой и сильный!

— Но я состарился, дорогая, так же, как и ты.

— Ты — не Гленн. — Она повысила голос. — Гленн там, во тьме, сражается с Врагом!

«Во тьме». Часть ее пораженного недугом сознания воспринимала ужасы, которые происходили снаружи, и знала, что все это дело рук Расаломы.

— Нет, его там нет. Он сейчас здесь, с тобой.

— Нет! Это не мой Гленн! Он сейчас там. Он никогда не позволит Врагу победить! Никогда! А теперь убирайся, старый дурак! Вон отсюда!

Глэкену не хотелось, чтобы она подняла крик, поэтому он вышел из комнаты.

— И если ты встретишь Гленна, передай ему, что Магда любит его и знает, что он не позволит Врагу вытворять все это!

Слова причиняли боль, обжигали, словно жала, вонзающиеся в шею, в спину, и преследовали его, пока он шел по коридору в гостиную.

Гостиная... Он словно встряхнулся ото сна. Между пятью молчаливыми людьми, находившимися там на расстоянии не больше пяти футов друг от друга, была такая отчужденность, словно их разделяли целые мили, каждый ушел в себя, замкнул створки раковины, оставшись наедине с собственными мыслями. И страхами.

Даже здесь.

Ба сидел, положив ногу на ногу, у противоположной стены, молча, закрыв глаза. Сильвия и Джек сидели далеко друг от друга, устремив неподвижный взгляд в нескончаемую темноту. Даже Билл и Кэрл отодвинулись на диване друг от друга и хранили молчание.

«И еще я, — подумал он. — Отделенный от них и от своей жены и оторванный от всего остального человечества, так же как и всегда».

Расалом уже одержал победу снаружи и теперь начинает побеждать здесь.

Тут Глэкен заметил Джеффи. Мальчик стоял на коленях перед кофейным столиком, обхватив рукоятку ладонями и прижимаясь к ней, словно какая-то часть его существа знала, что то, чего он лишился, спрятана в холодном металле.

Все, чем они пожертвовали... вся их вера в него... Расалом снова вышел победителем... Как всегда.

Ярость стала закипать внутри Глэкена, словно у него в груди произошло извержение одного из долго дремавших тихоокеанских вулканов и сам он оказался в эпицентре.

Расалом побеждает... он будет смеяться последним.

Значит, опять все идет к этому? Я против него. Так было всегда.

И вдруг Глэкен понял, что он не позволит Расалому победить. И если есть хоть один шанс, пусть самый малый, он должен попробовать.

Неожиданно для себя он пересек комнату, подошел к Джеффи и мягко отстранил его от рукоятки.

— Сильвия, — сказал он спокойно. — Возьмите его и отойдите в сторону.

Сильвия оттащила Джеффи.

— Почему? Что случилось?

— Пока ничего. И может быть, не случится. Но можно попытаться...

Глэкен в нерешительности посмотрел на рукоятку.

Ведь ты этого хочешь? — обратился он мысленно к той силе, которой служил бесконечно долго, не зная, слышит ли она его. — *Хочешь, чтобы я вернулся к тебе? Ты отпустила меня, а теперь снова зовешь? Неужели нет никого, кроме меня?*

Рукоятка оставалась безмолвной, она холодно поблескивала в перовном свете, мерцающем в тишине комнаты. Так и не решив для себя, кого он ненавидит больше — Расалома или силу, с которой много веков назад вступил в союз, Глэкен обхватил рукоятку своими заскорузлыми пальцами.

И тут на него нахлынули воспоминания. Да, рукоятка жива. Та сила, которая называлась *Дат-тай-вао*, звала его к себе. Малыши отлично справились со своей работой.

И как бы ни восставало все его существо против такого признания, рукоятка была сделана именно под его руку.

Он повернулся к клинку.

— Все отойдите назад.

Что это?

Расалома снова потревожил какой-то всплеск, различимый во всеобщем хаосе, царившем наверху. Теперь уже посильнее. Будто накатила волна.

Он напряг свое сознание. Опять этот инструмент. И на этот раз он в руках самого Глэкен. Воссоединение этого человека с живым металлом — вот что нарушило его покой. Но все это не имеет значения. Маленькая неприятность, к тому же она скоро пройдет.

— Слишком поздно, Глэкен! — выкрикнул Расалом из безбрежной темноты. — Слишком поздно!

— Не смотрите сюда, — предупредил Глэкен.

Но Кэрол должна была это видеть. Как только он дотронулся до рукоятки, по комнате словно пробежал заряд электричества.

Кэрол поднялась с места и отошла вместе с Биллом к дальнему концу дивана, там они встали, обнявшись, и принялись смотреть, как Глэкен надевает рукоятку на широкий конец клинка.

Что-то произойдет сейчас. Она не в силах отвернуться!

Она увидела, как старик приладился поудобнее, глубоко вздохнул и надавил сверху на рукоятку.

СВЕТ

Свет вспыхнул такой, какого она никогда не видела и даже не представляла; словно сила всех бомб, упавших на Хиросиму и Нагасаки, взорвавшихся на атолле Бикини и на Юкка-Флэте, была собрана воедино; свет такой, как будто в рукоятке разорвалась фугасная бомба, ослепил Глэкена и озарил всю ком-

нату. Свет одновременно жаркий и холодный, новый и древний, волнами накатывал на комнату.

В этой мощной вспышке Кэрол смогла разглядеть скелет Глэкена, просвечивающий сквозь одежду и тело, увидела все пружины и внутренние крепления дивана, потом свет полился на нее, и зрачки ее спазматически сузились, веки плотно закрылись, но это было бесполезно, потому что от этого света нельзя было спрятаться, он прошел сквозь нее, проникая в каждую клеточку тела, обдавая ее волной тепла.

Она слышала, как изумленно вскрикнули все, кто находился в комнате, и вздрогнула от звона разбитых стекол. Струи ледяного воздуха ворвались в дом в тот момент, когда Кэрол открыла глаза.

Свет по-прежнему озарял комнату, но стал разреженным, и теперь перед глазами у нее пробегали красные сполохи. Он больше не распространялся, а, наоборот, стал сжиматься, отталкиваясь от стен, чтобы сконцентрироваться, и образовал колонну с Глэкенем в середине. Кэрол невольно прикрыла лицо ладонью и отвернулась, пока свет сжимался в узкий луч, который взмыл вверх, прожег потолок, прошел через крышу и устремился дальше, в темноту. В его свечении, в самом центре, вырисовывался силуэт человека.

Она повернулась к Биллу:

— На крышу! Нам нужно подняться на крышу!

Он посмотрел на нее, моргая, все еще наполовину ослепленный:

— Зачем?

Она не могла этого точно сказать. Свет пробудил в ней что-то, ей даже казалось, что она уже видела этот свет. Но какова бы ни была причина, что-то подстегивало ее, заставляло быть там, на крыше, чтобы видеть этот лучик света, бросивший вызов темноте.

— Не важно зачем. — Кэрол схватила его за руку. — Пойдем. — Она повернулась к остальным: — Все — на крышу! На крышу!

Расалом начинает корчиться в своем коконе.

Что происходит? Над домом Глэкена какая-то вспышка.

Инструмент! Он снова привел его в действие!

Расалом не теряет самообладания. Появившийся свет неприятен ему, раздражает его. Но не больше.

Это не поражение. Глэкен может создать ему некоторые сложности, но только на время. Перемены зашли слишком далеко. Ничего нельзя повернуть вспять.

Кэрол поднялась по лестнице, ведущей на крышу, надавив плечом, распахнула дверь и вышла навстречу холодной ночи. До нее лишь смутно доносились голодное жужжание и стрекотание крыльев ночных чудовищ, носящихся в воздухе чуть ниже уровня крыши, она почти не слышала, как хрустят мелкие камешки под ее ногами, и не замечала, что за ней идут остальные. Она была полностью сосредоточена на светлом луче — прямой и узкой полоске света, пронизавшей небо и неудержимо рвущейся вверх.

А потом он стал тускнеть.

— Он исчез, — сказал стоявший за ее спиной Билл.

— Нет. — Она показала рукой вверх. — Смотрите, там осталось светлое пятнышко. Похоже на звезду.

Это была единственная звезда на небосклоне.

— Сейчас нам не до звезд, — сказал Джек. — Давайте осмотрим крышу.

Кэрол иногда претил сугубо рациональный ход мыслей Джека, но она все-таки окинула взглядом крышу. Там, где прошел луч, осталось тлеющее по краям отверстие. Она осторожно подошла к нему и заглянула вниз, в квартиру, заранее боясь увидеть Глэкена, обожженно-го вспышкой.

Но она не обнаружила на паласе почерневших, обуглившихся останков. Так же как и самого Глэкена.

На том месте, где он стоял, теперь был незнакомец, одетый так же, как Глэкен, сжимающий в ладони плотно севшую на клинок рукоятку.

— Смотрите! — прошептала Кэрол. — Кто это?

Незнакомец был выше Глэкена ростом и так же, как он, широк в плечах, только гораздо моложе. Он был даже моложе Сильвии. Примерно одного возрас-

та с Джеком. У него были длинные огненно-рыжие волосы. Рубашка плотно облегла его плечи и руки, готовая лопнуть по швам. Кто это?

Потом она увидела, как светятся его голубые глаза, и больше у нее не оставалось сомнений.

— Это Глэкен!

Она почувствовала, как кто-то обнимает ее за плечи, и услышала приглушенный хриловатый голос Билла:

— Но он ведь совсем молодой! Ему не больше тридцати пяти!

— Правильно. — Она начала все понимать. — Как раз в этом возрасте он впервые принял бой.

Кэрол не могла отвести от него глаз. Она смотрела на его движения: как он с силой выдернул из доски пола острие меча, как взмахнул мечом. Он был восхитителен — другого слова не подобрать.

В этот момент он бросил на них взгляд, и Кэрол испугалась, увидев мрачно сжатые губы и ярость, полыхавшую в его глазах. Он снова поднял меч и обрушил его на кофейный столик, оставив от него лишь мраморную плиту и кучу шепок, потом решительными шагами направился куда-то и скрылся из вида. Несколько минут спустя они слышали, как хлопнула дверь квартиры.

— Он в бешенстве, — сказал Джек, — но надеюсь, он зол не на нас.

— Нет, — сказал Билл, — зол на Расалома. Только на него.

— Тогда не хотел бы я оказаться на месте Расалома.

Кэрол поежилась от холодного ветра и снова посмотрела на светящуюся точку, оставшуюся от луча света. Она стала ярче и крупнее.

— Посмотрите! — воскликнула Кэрол, показывая вверх. — Она увеличивается!

— Мне кажется, ты права, — поддержал ее Билл, всматриваясь в быстро растущее в размерах пятнышко. — Похоже, что... — Внезапно он потянул ее за руку назад, подальше от отверстия. — Бежим! Луч возвращается!

Кэрол высвободила руку и осталась на месте, ожидая, когда луч упадет с небес к ним. Он не причинит ей вреда — она была в этом уверена. Она ждала, вытянув руки вперед, мысленно желая его возвращения.

И вдруг она окунулась в свет — вся крыша была залига белым сиянием. Это было теплое, чистое свечение, почти как... солнечный свет!

Все здание оказалось в конусе света, который вклинивался в темноту, беря начало из точки высоко в небе, словно в опрокинутом сосуде ночи, посланной на землю Расаломом, булавкой проковыряли дырочку и через нее сумел просочиться один-единственный лучик солнца.

Кэрол подбежала к краю крыши и облокотилась на узенький парапет. Внизу было видно, как твари торопливо переползают на другую сторону улицы и скрываются в темноте, убегая от света.

Она услышала звон стекла и заметила, что с тротуара взметнулись вверх светящиеся брызги. И в этот момент показался Глэкен. Он шагнул в направлении парка с таким видом, словно искал кого-то, кто осмелился бы бросить ему вызов. Волосы его развевались на ветру. Пройдя по освещенной части улицы, он ступил в темноту, простирающуюся дальше.

— Билл! — закричала Кэрол. — О, Билл, посмотри! Ты должен это видеть!

Свет полился за Глэкеном, словно тягучая жидкость, приклеившаяся к его телу и к мечу. Продвигаясь вслед за ним, она образовала светящийся туннель, разрывающий темноту, к которой устремился Глэкен.

— Куда он идет? — спросил Билл, подойдя к краю крыши вместе с остальными — Джеком, Ба, Сильвис и Джеффи.

Кэрол хотела ответить, но ее опередил Джек.

— К трещине, — сказал он негромко, — к той самой первой трещине на Овечьем Пастбище. Тот, кто ему нужен, находится там, внизу.

Вскоре они потеряли Глэкана из виду, но не ушли с крыши, а продолжали стоять и наблюдать за туннелем, который свет прокладывал в чернильно-черном пространстве парка.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Ф р е д д и: Что-то случилось там, снаружи, друзья. Только что нам позвонили по СВ и сообщили, что в западной части Центрального парка в небе появился луч света. Отсюда его не видно, поэтому за подлинность этого сообщения мы не ручаемся.

Д ж о: Да. Раньше этот парень давал надежную информацию, даже когда начался весь этот кошмар, но ведь все вы знаете: у всех у нас крыша поехала с тех пор, как солнце перестало всходить, так что, если у вас есть СВ и вы находитесь недалеко от Центрального парка, выгляните из окна или из того, что от него осталось, и сообщите нам, что вы увидели».

Расалом лежит расслабившись в своем коконе.

Это укол булавкой, не больше. Сколько усилий приложили Глэкен и его ближайшие друзья — и каков результат? Пулевой. Булавочный прокол в покрове ночи. Но это ничего не изменит.

Кроме самого Глэкена. Он изменился. Именно в таком состоянии он впервые столкнулся с Расаломом. Тогда оба они и не подозревали, что окажутся втянутыми в битву, которая продлится веками.

Но Расалом приветствует омоложение Глэкена. Было бы стыдно лишить жизни немоющего старика, каким стал Глэкен. Гораздо приятнее уничтожить возродившегося Глэкена — молодого, ловкого, яростного.

Ну а самое замечательное — что ему даже не пришлось выманивать Глэкена наружу. Этот идиот сам направляется к нему. Какая удача!

Все закончится там же, где и началось, — в пещере.

Глэкен стоял на краю трещины и смотрел вниз, в черную бездну.

Где-то там, внизу, его ждет Расалом. Глэкен ощущает его присутствие, ощущает исходящий от этого чудовища зловонный запах. Долго искать не придется.

Но он должен спешить. Нетерпение подстегивало его, подгоняло. И все-таки он нашел время остановиться и бросить взгляд на сверкающий конус, ко-

торый прошел сквозь его квартиру, словно подпорка, и на согревающий его луч, берущий начало в этом конусе и точно повторяющий его маршрут. Именно из-за этого луча ночные твари не набросились на него, пока он шел сюда. Но он почти сожалел об этом. Ему хотелось, чтобы кто-то бросил ему вызов, встал на его пути. Ему страстно хотелось разделиться с кем-нибудь — размозжить, разрубить, изуродовать, раздавить каблуком, уничтожить.

Он был свободен. *Свободен!*

А теперь снова увяз, снова оказался в услужении — у кого? Сила, которой он служил, не имела названия, даже никак не проявляла себя физически. Она просто существовала где-то там и хотела, чтобы он пришел сюда.

Ярость клокотала в нем — такая, которой он не испытывал за всю свою долгую жизнь. Она была словно живая, эта ярость, словно воин — одичавший, разъяренный, взвинченный, жаждущий кого-то или чего-то, чтобы излить переполнявшую его злобу. Глэкена била дрожь, словно зверя, который мечется в клетке и ревет в своем стремлении вырваться на свободу.

«Прибереги свою ярость, — говорил себе Глэкен. — *Оставь ее для Расалома*».

Ярость ему еще понадобится. Понадобится вся, без остатка.

Он встал спиной к пропасти и взмахнул мечом. Конечно, черт бы побрал эту силу, но все-таки какое наслаждение ощущать себя таким, как хорошо, когда твои мускулы и суставы обрели силу и гибкость, когда можешь расправить руки в любом направлении, свободно выгнуться или наклониться вперед, не чувствуя заостренности или болезненного покалывания.

А оружие — он с отвращением вынужден был признать, что оно идеально лежало в его руке. Но где-то в глубоких тайниках сознания зародилось ощущение, что когда-то он уже держал эту тяжелую, холодную рукоятку.

Но нельзя терять времени.

Он заткнул меч за пояс сзади, склонился над пропастью и стал спускаться вниз.

Из передачи радио FM-диапазона:

Д ж о: Все в порядке, друзья. Мы получили подтверждение нашего сообщения. Еще у нескольких человек оказались при себе СВ и они связались с нами, чтобы передать — да, действительно, в Центральном парке, в западной его части, неподалеку от Овечьего Пастбища, небо ярко освещено.

Ф р е д д и: И как вы, наверное, помните, именно рядом с этим местом открылась первая из этих густых трещин. Мы не знаем, есть ли тут какая-либо взаимосвязь, и вы, вполне возможно, постараетесь быть осторожными. Но многие из тех, кто с нами связался, сообщили, что попытаются попасть туда и увидеть все собственными глазами.

Д ж о: Мы будем держать вас в курсе происходящего. Пока наш генератор останется хоть на что-то годен. Так что не выключайте приемники».

Кэрол показала рукой в ту сторону, где кляксой чернел Центральный парк. Луч света, пробивающий себе путь в темноте, перестал удлиняться.

— Кажется, Глэкен остановился, — сказала она. — Как вы думаете — что-нибудь случилось?

— Вряд ли мы сможем проследить дальше за его движением, — произнес Билл. — Похоже, луч уже дошел до края трещины. Наверное, Глэкен стал невидим для нас, потому что спускается вниз.

— Очень надеюсь, что луч по-прежнему движется вслед за ним.

В это время Кэрол посмотрела вниз и увидела разбитую машину, которая резко притормозила у тротуара. Она была сплошь облеплена ночными тварями, но, когда доехала до границы, от которой начинался свет, все они соскользнули и метнулись прочь. Дверцы машины распахнулись, и из нее выпрыгнули мужчина, две женщины и трое детей. Они рванулись было к двери дома, но вскоре остановились, поняв, что за ними больше никто не гонится. Они подняли головы, посмотрели на свет, засмеялись и принялись обниматься.

Еще одна машина вынырнула из темноты на тротуар, и из нее на ходу выскочили несколько чело-

век. Их приветствовали и обнимали те, кто приехал раньше.

— Не знаю, хорошо ли все это, — бросил Джек.

— Они приехали на свет, — сказала Кэрол.

— Да, — подтвердил Джек, — словно мотыльки. Быть теперь беде. Наверное, стоит сбегать вниз. Сходим вместе, Ба?

Восточный исполин стоял позади Сильвии и Джеффи. Он отрицательно покачал головой.

— Ладно, — сказал Джек. — Я понял. Но позже нам может потребоваться твоя помощь.

Он помахал рукой и стал спускаться вниз.

— Думаю, пока нам не о чем беспокоиться. А ты как считаешь? — обратилась Кэрол к Биллу. — Я хочу сказать, мы должны поделиться светом с другими.

— Я тоже так думаю, — ответил Билл. — А Джек, он всегда останется Джеком. Он не любит сюрпризов.

Кэрол снова посмотрела вниз. Люди все прибывали. Многие, видимо, добрались сюда пешком из соседних зданий. Кэрол заметила еще кое-что.

— Билл! — воскликнула она. — Вспомни, когда мы первый раз посмотрели туда — граница света проходила по кромке тротуара?

Билл пожал плечами:

— Не знаю. Не обратил внимания.

Кэрол проследила за тенью, окружавшей здание, — теперь она на фут не доходила до кромки тротуара.

Примерно на глубине ста футов, в западном участке стены, Глэкен обнаружил горизонтальный ход. Около дюжины футов в поперечнике, он являл собой единственное боковое ответвление в отвесных стенах. Глэкен раскачался на руках и спрыгнул в него. Вытащил оружие и, держа его наготове, пошел вперед, уверенный в том, что Расалом именно там.

Свет струился вслед за ним, заполняя собой пространство туннеля позади него, отбрасывая от него длинную тень, заставляя ночных чудовищ поспешно

сласаться бегством — они уползали или, стрекоча крыльями, улетали при его приближении.

Он упрямо продвигался вперед быстрыми, широкими шагами, но не сбиваясь на бег. Ощущение важности его дела по-прежнему подстегивало его, подгоняя в спину. Он размахивал мечом, расчищая себе путь, и все вокруг, когда он проходил, озарялось вспышками.

Но чем больше Глэкен углублялся в туннель, тем бледнее становился свет. Он обернулся. Позади толщина луча осталась прежней и свет был таким же ярким, но здесь как бы разжижался, растворялся в темноте и меркнул.

Это означало только одно — то, что он приближается к цели, к самому источнику темноты.

Еще немного — и свет разомкнул свои объятия и остался позади, предоставив ему продвигаться навстречу обволакивающей темноте.

Глэкен продолжал идти, немного замедлив шаг, ступая осторожнее. Теперь только клинок освещал ему путь. Он мерцал слабым, колеблющимся светом в стремившейся поглотить его темноте. Но вскоре и этот свет погас. Глэкен оказался в крошечном черном аду, холодном, безмолвном и выжидающем. Темнота теперь была полной. И он находился в ее власти.

А потом, как он и ожидал, у него в сознании зазвучал голос, такой ненавистный ему!

— *Добро пожаловать, Глэкен. Добро пожаловать туда, куда не может проникнуть твой свет. Ко мне. Туда, где сплошной мрак. Вспоминаешь прошлое?*

Глэкен оставил его слова без ответа.

— *Что же, Глэкен, иди дальше. Я не стану тебя останавливать. Впереди ты тоже увидишь свет. Но совсем другой, тот, который я сам выбрал. Обещаю, здесь все без обмана. Я жду тебя. Жду давно. Хочу, чтобы ты полюбовался моим новым обликом. Чтобы первым увидел меня. И чтобы потом уже больше ничего не увидел в своей жизни.*

Глэкен почувствовал, как стали влажными ладони. Сейчас он находился во владениях Расалома, там, где жизнь протекала по установленным им законам. Крепче сжав рукоятку меча, он ступил в темноту.

Из передачи радио FM-диапазона:

«Д ж о: О'кей. Несколько человек, непосредственно находившихся на месте событий — в поле действия луча, рядом с Центральным парком, подтвердили подлинность предыдущих сообщений. Там сейчас тепло, светло и нет ни одного жука. Никто не знает, как долго это продлится, но все собравшиеся там надеются, что все так и останется».

Ф р е д д и: Значит, так. Вот что мы теперь сделаем. Запишем обращение, а сами тоже пойдем туда. Поставим пленку со словами, за которыми следует песня «Путешествующий Вильбурус», и передача будет идти не прекращаясь».

Д ж о: А вот наше обращение: «Идите на свет! Идите к западной части Центрального парка, любым путем попадите туда и встаньте в том месте, куда падает свет. А пока будете добираться туда, послушайте самую подходящую для дороги музыку. Увидимся с вами там, ребята».

(Звучит мотив «Мы идем к свету».)

Тусклый свет, просачивающийся из-за очередного поворота в туннеле.

Какой-то нездоровый свет. Раздражающий, бледный, вязкий, ядовито-зеленый, словно липкий налет на стенах туннеля, не отбрасывающий теней. Этот свет не вселяет никакой надежды, не помогает, наоборот, лишь подтверждает безраздельное господство ночи.

По мере того как Глэкен шел на это слабое мерцание, становилось холоднее, а в нос все сильнее бил едкий, горьковатый запах. Он зашел за поворот и остановился.

В центре огромной гранитной пещеры, не менее ста футов в поперечнике, новая плоть Расалома висела над пропастью, на дне которой слабо мерцал свет. Четыре колонны брали свое начало из углов пещеры и, выгибаясь, сходились в центре, образуя над пропастью единое целое. К этому соединению был подвешен огромный раздувающийся мешок размером с небольшой склад. В этой аморфной массе Глэкен не смог различить каких-то очертаний. Но

он и без того знал, что перед ним Расалом, проходящий последний этап перерождения.

— *Добро пожаловать в мои владения, Глэкен.*

Глэкен ничего не ответил. Вместо этого он вскочил на одну из опор, в том месте, где она вырастала прямо из стены, и пошел к центру, туда, где в мешке болтался Расалом.

— *Глэкен, подожди! Остановись!* — судя по голосу, Расалом был близок к панике. — *Что ты делаешь?*

Глэкен, подняв меч, продолжал продвигаться к центру.

— *Не делай этого, Глэкен! Я ведь совсем близко! Ты все разрушишь!*

Глэкен не дошел до мешка какую-нибудь дюжину футов, когда поверхность опоры, по которой он шел, вдруг стала мягкой и сотни хоботков клейкой массой облепили его ноги, после чего застыли, превратившись в камень.

Глэкен напрягся, пытаясь выдернуть ноги, но они были схвачены намертво. Даже мечом он не смог разрубить эту массу и не мог сдвинуться с места, словно муха, прилипшая к клейкой ленте.

Мешок с Расаломом висел совсем близко, и на Глэкена, просвечивая сквозь пленку, пристально смотрел огромный глаз.

— *Этого оказалось вполне достаточно,* — сказал Расалом.

— *Может быть, ты и прав,* — ответил Глэкен.

Он перехватил рукоятку меча и поднял над головой, словно копье, нацелив острие в глаз. Расалом завизжал:

— *Нет, Глэкен, подожди! Я помогу тебе!*

— *Я не пойду ни на какую сделку с тобой, Расалом.*

Он завел руку назад для броска.

— *Я снова сделаю ее здоровой!*

Глэкен чуть замешкался и не смог удержаться от вопроса:

— *Снова сделаешь здоровой? Кого?*

— *Твою женщину. Венгерскую еврейку, завладевшую твоим сердцем. Я верну ей разум — снова сделаю ее молодой.*

— Нет, ты не сможешь этого сделать. Даже *Дат-тай-вао...*

— *Я гораздо могущественнее этой игрушки. Теперь весь мир принадлежит мне, Глэкен. Когда я завершу свое превращение, то смогу делать все, что пожелаю. Я буду устанавливать свои законы, Глэкен. Все законы. И если скажу, что женщина по имени Магда должна снова стать тридцатилетней и быть абсолютно здоровой телом и духом, навсегда-навсегда, — то так тому и быть.*

Магда... молодая, быстрая, здоровая — перед ним возникло видение: они вместе, такие же, какими были когда-то...

Он покачал головой:

— Нст, в таком мире мне это не нужно.

— *Это будет не здесь. совсем в другом мире. Я дам тебе кусочек планеты, дам остров, даже целый архипелаг. Ты будешь им распоряжаться. Сможешь взять с собой некоторых друзей. Для вас там всегда будет светить солнце. Вы будете жить в прекрасной идиллии.*

— А что станет со всем остальным миром?

— *Остальной мир будет принадлежать мне. Ты должен признать меня хозяином в этом мире и выбросить оружие в пропасть. А потом я сделаю твою жизнь прекрасной.*

На какое-то мгновение Глэкен задумался. Стоит ли ради исцеления Магды идти на все это? А Магда — ведь она никогда ему этого не простит. Она будет его презирать, испытывать к нему отвращение!

Он крепче сжал меч. «Не думаю».

Вложив в бросок всю свою силу, он метнул меч в мешок. Огромный глаз скрылся, и Расалом закричал:

— Нееееееееееееееет!

Острые меча проткнуло пленку, вошло в нее примерно на фут и остановилось, вибрируя. Расалом завыл от боли, а в том месте, где меч вонзился в мешок, из него стала выливаться черная жидкость, которая попадала на лезвие, покрывая его толстым слоем, обволакивая и в то же время затягивая рану, так что в конце концов виден стал только конец рукоятки, а весь меч увяз в густеющей черной массе.

Потом завывания сменились раскатами смеха.

Глаз снова стал виден сквозь пленку и безучастно смотрел на Глэкена.

— Ах, Глэкен, Глэкен. Ты хотел быть до конца благородным. И правильно сделал. Надеюсь, ты понимал, что никогда не увидишь той райской идиллии, которую я тебе обещал. Неужели ты действительно верил, что сможешь причинить мне вред? Здесь, в моей цитадели, в месте, где берет начало мое могущество? Твое высокомерие иногда просто невыносимо. Сейчас мне уже нельзя навредить, слишком поздно. Ты давно опоздал, Глэкен.

Глэкен снова попытался высвободить ноги, но не смог. Он набрал в легкие воздуха и не двигался, выжидая, прислушиваясь к ненавистному голосу, вещающему у него в сознании.

— И ты ведь знал, что уже поздно что-то изменить, Глэкен. Ты давно это знал. И все-таки взял меч и пришел, вместо того чтобы дожидаться меня. Я не понимаю этого. Ты можешь объяснить мне причину своих безумных поступков, своего высокомерия? У нас с тобой есть немного времени. Говори.

— Если ответ не является для тебя очевидным, — сказал Глэкен, — то, что бы я тебе сейчас ни сказал, ты все равно не сможешь понять. Куда мы пойдем отсюда?

— Мы подождем. Мое новое тело почти готово. К полуночи превращение будет завершено. И когда я вылезу из своего кокона, то выберусь на поверхность, чтобы заняться кучкой твоих единомышленников. А тебя оставлю здесь. И ты моими глазами увидишь, как я выпущу из твоих друзей кишки. А что касается твоей жены, то я сдержу свое обещание — прежде, чем она умрет, я верну ей молодость и разум. Нельзя, чтобы она ушла из жизни, так и не поняв, что происходит вокруг. А потом я вернусь за тобой. Вот тогда и начнется настоящая потеха.

Глэкен ничего не сказал. Бесполезно просить Расалома о пощаде, он все равно не сжалится ни над ним, ни над его друзьями. Поэтому Глэкен закрыл глаза и мечтал лишь о том, чтобы окаменеть и не дать леденящему страху завладеть его существом.

— А пока, я уверен, смогу закрыть ту маленькую брешь, которая образовалась в ночи, опустившейся на землю по моей воле. Уже слишком многим она доставляет радость. Представь, в какой ужас они придут, когда увидят, что свет исчезает, и все поймут, что станут легкой добычей для окруживших их ночных тварей. Да, эта мысль мне нравится. Мне самому стоило, пожалуй, придумать этот булавочный укол. Позволить тонкому лучику света блеснуть кое-где в разных частях мира, чтобы люди сбегались на свет, словно мотыльки на огонь, дать им надежду, чтобы потом снова уничтожить ее. Спасибо тебе, Глэкен. Ты придумал для меня новую игру.

— Посмотрите, — сказал Билл. — Их там тысячи собралось.

Кэрол вернулась в квартиру Глэкена вместе со всеми и теперь через разбитые окна наблюдала за толпой, собравшейся внизу, прислушиваясь к шуму, который усиливался всякий раз, когда вновь прибывших встречали объятиями и одобрительными возгласами. Это был приятный шум, означавший, что люди понемногу приходят в себя от охватившего их страха. Некоторые смельчаки пошли вслед за лучом, просочившимся в Центральный парк, но их было не много, и зашли они не очень далеко.

— Это все благодаря радио, — сказал Джек. — Единственная станция, которая по-прежнему вещает в городе, передает сообщение, призывающее всех сюда.

Внезапно внизу все стихло.

— Что там случилось? — спросил Билл.

У Кэрол тревожно забилось сердце, и она сжала его руку.

— Мне кажется, свет померк. Скажи, что я ошибаюсь, Билл. Скажи!

Билл посмотрел на нее, потом перевел взгляд на окна:

— Нет... Боюсь, ты права. Посмотри — он меркнет на глазах.

— Значит, Глэкен побежден, — послышался голос. Все обернулись. Ник сидел на диване, там, где они оставили его, глядя на потухший камин.

— Глэкен проиграл. Расалом — хозяин положения.

— Глэкен... мертв? — Это спросила Сильвия, подскочив к Нику. Кэрол удивила такая забота. Ей казалось, что Сильвия ненавидит Глэкена из-за Джеффи.

— Еще нет, — ответил Ник, — но скоро умрет. Сначала умрем мы. Потом он. Медленной смертью.

Кэрол услышала топот толпы, а потом крики ужаса. Она снова повернулась к окну, и ей вдруг показалось, что от этих отчаянных криков меркнет свет. С замиранием сердца наблюдала она, как день за окном переходит в вечерние сумерки.

Они боятся.

— Боятся! — закричала она. — Может быть, все из-за этого. — Вдруг она поняла, что нужно делать — по крайней мере, ей так показалось.

— Билл, Джек, все, кто здесь есть, — вниз. Немедленно!

Она не стала тратить времени на объяснение, не стала дожидаться лифта. Охваченная волнением, она с отчаянной решимостью сбежала на первый этаж, промчалась по коридору и выскочила на улицу, к толпе, различимой в сумеречном свете на тротуаре.

За ней бежали Билл и Джек. Потом Ба с Джеффи на руках, помогавший Сильвии пробираться через колышущуюся, охваченную паникой толпу. Кэрол привела их к парку, где проходила граница света и тьмы. Потом взяла за руку Билла и еще какую-то незнакомую, на смерть перепуганную женщину.

— Я больше не стану бояться! — крикнула Кэрол в крошечную тьму, словно бросая ей вызов. Она еще крепче сжала руку женщины. — Скажите это, — настаивала она. — Я больше не стану бояться! Возьмите кого-нибудь за руку и повторяйте это как можно громче. — Она обернулась к Биллу: — Кричи и ты, Билл. И думай об этом. Возьми кого-нибудь за руку и заставь кричать то же самое!

Билл удивленно посмотрел на нее:

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Делай, как я говорю! Пу пожалуйста! У нас совсем мало времени.

Билл пожал плечами, но схватил за руку какого-то человека и стал повторять вслух:

— Я не стану больше бояться!

Темнокожая женщина, которую Кэрол держала за руку, взяла за руку молодого мужчину и то же самое говорила ему. Вдруг Кэрол обернулась и заметила Джека. Тот стоял позади нее с мрачным видом, скрестив руки на груди. Чуть поодаль она увидела Сильвию с таким же каменным лицом.

— Джек, давай! — уговаривала его Кэрол.

Он покачал головой:

— Все это ерунда. Дурацкое занятие для хиппи. Так же как всякие походы за мир в шестидесятых, которыми хотели сокрушить Пентагон. Криками вам не одолеть Расалома.

— Я это знаю, Джек. Но может быть, мы хоть немного ему помешаем. Ведь все его силы направлены на то, чтобы запугать, изолировать нас друг от друга, разобщить, чтобы расселить на отдельные, охваченные страхом островки. Но посмотрите, что сейчас происходит. Один лучик света — и маленький остров переполнен людьми. Что, если мы откажемся теперь играть по его правилам? Что, если больше не захотим отсиживаться по нашим норкам и трястись от страха? Что, если все соберемся здесь и покажем, что нам наплевать на него? Тем самым мы пробьем брешь в той беспросветной ночи, на которую нас обрек Расалом. Может быть, мы сможем сохранить эту брешь. Может быть, мы даже сможем расширить ее. Ведь нам нечего терять!

— Да, терять нам нечего! — сказала Сильвия. Она схватила за руку Джека, потом Джеффи и крикнула, стиснув зубы: — Я больше не стану бояться, что бы ты ни вытворял.

В голосе Сильвии звучал вызов, и у Кэрол комок подступил к горлу.

— Давай, Джек, — сказала Сильвия. — Я тоже не очень в это верю, но в такой момент отказываться нельзя.

— Ну да черт с ним, — сказал Джек.

Похоже, ему было неловко повторять слова вместе со всеми, но он все-таки схватил за руку какую-то женщину и уговорил ее присоединиться к ним.

Скандирование становилось все более стройным, упорядоченным, ритмичным, оно охватывало все новых людей в толпе и набирало силу.

И вдруг вокруг посветлело чуть-чуть, все это заметили. В толпе раздались радостные возгласы, и теперь уже каждый обрел веру. Скандирующих стало вдвое больше, голоса зазвучали громче.

Кэрол засмеялась, в глазах у нее стояли слезы.

— Это подействовало! Черт возьми! Это подействовало!

Теперь уже все до единого кричали в полную силу своих легких. И свет становился все ярче. Он как бы набирал силу. Даже луч в той стороне, куда ушел Глэкен, в направлении Центрального парка, стал ярче.

Более того, границы света постепенно раздвигались, дюйм за дюймом приближаясь к парку, подпитывая луч, ведущий к трещине, так что вдоль него стали пробегать световые импульсы.

И все больше людей, привлеченных светом, подходили к толпе, растворялись в ней, сливая свои голоса с теми, кто бросал вызов Расалому.

Что-то произошло.

Расалом хранил молчание, что было ему несвойственно. Его огромное новое тело зашевелилось в оболочке. Пленка морщилась, словно мурашки пробегали по телу Расаломы, а время от времени, когда он переворачивался внутри, начинала пузыриться.

Глэкен закрыл глаза и постарался оценить ситуацию. Он стоял неподвижно, напрягшись, и прислушивался.

Тепло.

Свет... сверху шел свет. Он не видел его, но чувствовал. Свет и тепло просачивались в землю над пещерой. А внизу...

Он обернулся и посмотрел в проход. Там, где была абсолютная темнота, виднелось слабое мерцание. Неужели это предвестник рассвета? Или это ему показалось?

Глэкен обернулся к своему извечному врагу:

— Что там творится наверху, Расалом? Скажи мне!

Но теперь была очередь Расалома молчать.

Сильвия наблюдала за событиями из окна второго этажа. Шум и давка в толпе напугали Джеффи, и ей пришлось увести его в дом.

Свет теперь был яркий, как днем, и луч становился все шире, распространяясь по улице во все стороны и приближаясь к парку. Толпа тоже разрасталась, свет и шум привлекли тысячи новых людей. Здесь можно было встретить любой цвет кожи, любой оттенок, от красного, желтого и черного, центральноафриканского, до абсолютно белого, норвежского типа.

Скандирование, которому Кэрол положила начало, продолжалось, становилось все громче и отчетливей. Многие люди пели и танцевали. Откуда-то появились два радиоприемника, и звуки музыки самых разных направлений — от рэпа до вальса привлекали все новых слушателей. Двое ребят пели «Счастливы вместе».

Сильвия поняла, что это давало не меньший эффект.

Если человек поет и танцует, ему не страшно, это ясно без слов. А снизу прямо из-под окна смутно доносились звуки другой мелодии, веселая компания старалась подстроиться под ритм песни «Чем ближе ты...».

Сильвия подумала об Алане, о том, как ему нравились старые мелодии, и заплакала.

О, Алан. Господи, как мне тебя не хватает! Тебе надо было здесь быть, а не мне. Ты любил людей больше, чем я. Лучшие бы я умерла.

Алан... После того как он вышел из комы, в которую его ввергла *Дат-тай-вао*, Сильвия считала его

неуязвимым. Непреложная истина — Алан всегда будет рядом с ней. Она даже не пыталась представить себе, как будет жить без него. И вот его не стало — нет ни тела, ни могилы, ни следов, он просто перестал существовать, и она даже не попрощалась с ним.

Она еще крепче прижала к себе Джеффи. Как все это несправедливо.

Какое-то время она винила в происшедшем Глэкена, но потом поняла, что он тоже заплатил ужасную цену. Она поняла это по его глазам, когда он взялся за рукоятку и велел ей увести Джеффи, — в них были гнев, отрешенность, усталая покорность. Тяжесть ответственности, которую он снова с такой неохотой взвалил на свои плечи, давила и на нее. Она не переставала раскаиваться в том, что столько всего наговорила ему в злобе.

А теперь, может быть, он тоже ушел от них.

Она наблюдала, как поток света приближается к парку. Сейчас он проник на Овечье Пастбище и почти достиг края пропасти. Неужели они победили? Или это пустые надежды?

Сильвия закрыла глаза и обняла Джеффи.

Если вы живы, Глэкен, то, находясь там, внизу, знайте — мы думаем о вас. И если в ваших силах что-то сделать, сделайте. Одолейте его, Глэкен. Не оставляйте его безнаказанным после того, что он сотворил с нами. Разделайтесь с ним!

Действительно, в туннель просачивался свет. Теперь Глэкен был в этом уверен. Свет становился все ярче. А Расалом... Расалом пульсировал в своей амниотической оболочке.

Что происходит на поверхности? Оружие здесь, увязшее в затвердевающей жидкости, пролившейся из оболочки, и потому бесполезное. Что же могло так повлиять на Расалома?

Внезапно позади него, в туннеле, раздался оглушительный грохот. Опора, на которой стоял Глэкен, задрожала. Он дернулся и увидел, как свет пропал, после того как потолок туннеля обвалился и проход завали-

ло обломками. Когда в начале туннеля заклубилось облако пыли, голос Расалом снова стал различим.

— Ты, как всегда, связался с несносными людьми, Глэкен.

Чувство гордости теплой волной поднялось в нем, а вместе с ним появился и проблеск надежды. Имеет ли он на нее право?

— Они крепкие ребята. А что они сделали?

— Если рассматривать это в длительной перспективе, то ничего, но в настоящий момент им удалось досадить мне, причинить неудобство.

— Каким образом?

— Они чуть расширили тот булавочный прокол, который ты сделал в ночном покрове своим игрушечным оружием.

Глэкен с трудом подавил готовый вырваться торжествующий возглас и остался невозмутимым.

— Как они это сделали? — спросил он.

— Это не имеет значения. Весь мир погружен во тьму. Ее не рассеет один-единственный луч света, каким бы ярким он не был.

Глэкен почувствовал, что Расалом умолчал о чем-то очень важном.

— Речь идет о луче солнца, Расалом? С каких пор ты стал бояться солнечного света?

— Я ничего не боюсь, Глэкен. Я хозяин этого пространства. Этот луч просто беспокоит меня.

— Но ведь это не солнечный свет, Расалом, не так ли? Это совсем другой свет. Свет, исходящий от твоего врага. И для тебя он больше, чем простое неудобство, тем более если учесть, в какой момент и в каком месте он появился. Разве не так? Он светит прямо над твоим гнездышком и возник тогда, когда ты еще незащищен, когда твоя новая оболочка еще не сформировалась.

— Это чушь, Глэкен. Всего лишь бесплодные мечтания. Когда мое созревание завершится, я лично заделаю брешь, пробитую в ночи. Тогда ты узнаешь, «беззащитен» я или нет.

Глэкен почувствовал, как пригревает спину, и снова рванулся к заваленному обломками туннелю. Что-

то там произошло. Что-то, о чем он даже не смел мечтать. Свет просачивался в глубь завала, проникая все дальше, словно делал это сознательно. А потом Глэкен увидел, как пятнышко света, крошечное, не больше песчинки, мерцавшее среди щебенки, разрастается, становясь все ярче.

— *Не надо тешить себя надеждой, Глэкен. Это не сможет причинить мне вреда.*

Глэкен и не надеялся. Точнее, не позволял себе надеяться. Но вдруг увидел, как пятнышко света внезапно вспыхнуло и испустило луч, тонкий, словно игла, направленный на Расалома. На его пути оказалась плита, на которой стоял Глэкен, и он рассыпался брызгами, словно струйка воды, ударившаяся о стену.

Но это не остановило его. Подобно живому существу, наделенному собственной волей, луч разделился, одна его часть устремилась вверх, а вторая обогнула плиту снизу. Поток света прошел в каких-то дюймах от ног Глэкена. И когда его часть достигла вершины плиты, она полилась вниз, чтобы соединиться с другой его частью. Они слились воедино, и луч повернулся своим острием в сторону оболочки, где обитал Расалом.

Но он не ударил прямо по оболочке, а полился к оружию, раскаляя выступающий на поверхность кончик рукоятки. Рукоятка заискрилась, ослепительно вспыхнула, и Глэкен рассмотрел сквозь засохшую корку огненные зигзаги, пробегающие по всей длине клинка.

В сознании Глэкена раздался вой Расалома, который извивался и корчился в своей оболочке. Похоже, на этот раз Расалом не притворялся.

Меч стал вибрировать, ржавый налет — осыпаться, и внезапно оружие высвободилось и засверкало перед ним беловатым блеском.

Еще один луч пробился сквозь щебень и осветил пещеру. Он отыскал оружие и растворился в нем, придав ему силы.

Вой Расалома перешел в сплошной вопль, и в этот момент Глэкен почувствовал, как обхватившие его хоботки обмякли и уже не так крепко удержива-

ют его. Он наклонился и стал разрывать их, стараясь освободиться. Нельзя терять времени. Извиваясь, Расалом раскачивал меч, вонзенный в рану. Если он выскочит, то может упасть во впадину. И тогда победа Расалома не вызывает сомнений.

Последним отчаянным рывком Глэкен высвободил увязшие ноги и прыгнул на диск, находившийся в центре, из которого росли четыре изогнутые колонны. Он упал навзничь, осторожно свесился с края и потянулся к мечу.

Под ним мерцал холодный свет вечности.

Глэкен подавил приступ головокружения и ценой невероятных усилий выбросил вперед правую руку, стараясь выиграть еще хотя бы миллиметр, чтобы дотянуться до рукоятки. Дважды кончики пальцев скользили по ее концу, но потом ему все же удалось ухватить ее двумя пальцами. При этом прикосновении оружие тоже пришло в движение, рукоятка сама легла ему в руку, а он почувствовал прилив сил — сначала в руке, потом и во всем теле. Теперь оружие снова принадлежало ему.

А он принадлежал оружию.

Он встал и осмотрелся вокруг. Лучи света, пробивающиеся через каменный завал, словно слились с лезвием меча, подпитывая его, перемещаясь вслед за ним. Расалом и его оболочка недостижимы, поэтому Глэкен решил попробовать другой способ.

Перехватив рукоятку, он поднял меч и вонзил в середину ближайшей колонны. Когда острое глубоко вошло в каменную твердь, пещера осветилась яркой вспышкой. Поверхность колонны стала пузыриться и чадить, словно замороженное масло, через которое прошел раскаленный нож. Она дымилась, издавая едкий, зловонный запах паленого мяса. Глэкен стал углублять эту пробоину мечом, старался сделать ее шире, и каждый раз, когда лезвие меча врезалось в нее, пещера озарялась светом, отбрасывающим длинные тени на ее стены.

— Нет, Глэкен! — взвыл Расалом. — Я приказываю тебе остановиться! Иначе тебе придется дорого за это заплатить. Так же как и твоим друзьям!

Не прекращая своей напряженной работы, Глэкен посмотрел вниз, туда, где на пленке дергался огромный глаз.

— Это ты уже пообещал мне, Расалом. Так что мне нечего терять!

— *Я не стану тебя убивать, Глэкен. Ты останешься жить и увидишь, что будет происходить в новом мире, который я создал.*

Глэкен ничего не ответил. Он почти разрубил первую колонну. Еще одно усилие, и меч вышел с другой стороны и дальше пошел свободно.

Середина внезапно прогнулась под ним примерно на фут. Глэкен поспешно перешел влево, направившись к следующей опоре.

— *Нет, Глэкен! Тот остров, который я обещал тебе, — с женщиной и с твоими друзьями...*

Глэкен, будто не слыша, вонзил лезвие во вторую опору. Снова вспышки огня и запах горелого масла. Он работал мечом, задыхаясь от зловония и усталости, и вот наконец меч прошел насквозь.

Снова середина провисла, и теперь ее отрезанные края болтались фута на два ниже. Две обрубленные опоры, из которых хлестала черная жидкость, свисали в пустоте, словно культи, тянущиеся к тому, чем им уже никогда не суждено владеть.

Теперь, держась только на двух опорах с одного края, середина резко накренилась. Глэкен, скользя по гладкой поверхности, поспешил к ближайшей из оставшихся опор.

И снова он вонзил свой меч в эту твердь. Кромая ее, он почувствовал прикосновение к своей правой ноге. И инстинктивно отдернул ее, когда бедро пронзила обжигающая боль. Он успел лишь смутно различить какое-то молниеносное движение и в ту же минуту покатился к краю.

Это была огромная рука, вернее, какое-то подобие руки — черная, как окружавшая ее темнота, и трехпалая, при этом каждый палец был такой же толщины, как Глэкен в обхвате, и у каждого на конце был острый желтоватый коготь. С одного капала кровь — кровь Глэкена.

Расалом — это может быть только он. Он уже демонстрирует свой новый облик. Пока не видно остальных частей, наверняка они еще в оболочке, подвешенной под ним. Завершено ли формирование его нового естества, или он вынужден был прервать процесс и вылезти наружу, чтобы остановить Глэ-кена?

Снова последовал удар. Вслепую Глэкен увернулся от когтей. Резкое движение вызвало новый приступ боли в раненой ноге. Когда же рука опять попыталась его схватить, он полоснул по ней мечом и почувствовал, как лезвие глубоко вонзилось в черную плоть.

Вспышка над ним — такая ослепительная, что затмила все предыдущие. В его сознании раздался крик Расалома — крик боли и потрясения. Когда ослепление от вспышки прошло, он увидел, что когтистый палец болтается в воздухе, держась на немногих неразрубленных сухожилиях, выглядывающих из дымящегося обрубка.

Глэкен выпрямился и перепрыгнул к следующей опоре. Третью он разрезал только наполовину, но в пределах досягаемости для Расалома вряд ли он сможет завершить это дело. Он бросился к четвертой — но теперь подальше от середины.

Его маневр, должно быть, застал Расалома врасплох, потому что, еще не добравшись до цели, он услышал, как проникают в мозг слова Расалома:

— *Не убегай, Глэкен. Ведь игра только началась.*

Глэкен не стал оглядываться. Он продолжал свое мучительное восхождение к дальнему концу опоры. Не дойдя примерно дюжины футов до ее основания, он остановился и обернулся.

Амниотическая оболочка Расалома по-прежнему была подвешена к наклоненной платформе, словно гигантская боксерская груша, только теперь из отверстия выглядывала жилистая рука с израненной кистью. Она хватала воздух двумя уцелевшими когтями. И глаз... злобный глаз по-прежнему мерцал в оболочке, уставившись на него.

— Я недалеко, — сказал он, вонзил меч в опору под ним и начал резать ее вдоль и поперек. Снова

вспышка и запах горелого масла. В этом месте опора оказалась толще, но в распоряжении Глэкена было теперь больше времени, потому что Расалом не мог до него дотянуться.

— *Глэкен, — снова заговорил голос в его сознании, — ты никогда не уговонишься. Ты вынуждаешь меня...*

Впереди, над пропастью, еще одна рука высвободилась из пленки и провела когтями по поверхности оболочки, открыв ее, словно застежку на «молнии». Тонны черной жидкости вылились из открывшейся прорехи, стекая в мерцающую бездну. Края прорехи раздвигались, и она становилась все шире, а потом...

Что-то показалось из мешка.

Глэкен знал, кто это, но не совсем понимал, что это за существо. У существа были руки. И огромный глаз в верхней части. Но в слабом мерцании, излучаемом снизу, он не смог рассмотреть во всех деталях существо, которое выползло из оболочки и теперь карабкалось по краю провисшей середины. Ноги... теперь он рассмотрел ноги, очень похожие на руки, но все остальное было покрыто желеобразной массой, ее комки скатывались с платформы и падали в бездну. Какие-то очертания просматривались сквозь этот верхний слой — нечто, похожее на туловище с головой, но деталей Глэкен так и не рассмотрел. Вдобавок из желеобразной оболочки высунулись и стали извиваться в воздухе два щупальца, расположенные пониже рук.

И это существо пришло в движение, стремясь вылезти в том месте, где возле четвертой опоры стоял Глэкен.

Глэкен стал кромсать опору с удвоенной энергией, стараясь проткнуть ее мечом. Новое тело Расаломы, не до конца сформировавшееся, было неуклюжим, двигалось медленно, но тем не менее неуклонно приближалось к нему. Еще немного, и оно дотянется до Глэкена своими когтями.

Вдруг раздался страшный хруст, эхом отозвавшийся в стенах пещеры, опора закачалась под ногами Глэкена и надломилась, словно молодой побег дере-

ва. Удаленная от центра часть ее провисла. Глэкен перестал орудовать мечом и увидел, как судорожно хватается за опору Расалом, скатившийся к середине. Глэкен не дал чудовищу перевести дух и немедленно снова принялся за работу, стараясь рассечь ткани.

— *Брось это, Глэкен! Твои попытки совершенно бесплодны! Тебе все равно не победить!*

Голос Расалома теперь уже доходил до Глэкена не через мозг. Он стал уверенным и могучим. Даже при том, что его приглушал желеобразный слой, он сотрясал стены пещеры.

Стараясь не обращать на это внимания, Глэкен, несмотря на усталость в руках, продолжил рубить опору.

Он делал это уже автоматически, руки не нуждались в команде, но мускулы сводило от перенапряжения. Он не мог позволить себе и минуты отдыха, не мог даже замедлить движения. Закрыв глаза, чтобы не отвлекаться, он продолжал рубить.

— **ГЛЭКЕН!**

Неподдельный ужас в голосе и его прерывистый звук вывели Глэкена из забытия. Он посмотрел вверх.

Расалом был рядом, он вцепился в опору и тянул когти к его лицу, которое было всего в нескольких футах от него, когти скользили вниз и отодвигались все дальше и дальше. Глэкен понял почему. Он уже перерезал четвертую опору, и Расалом завис над пропастью, зацепившись руками, ногами, щупальцами за кренившуюся все сильнее и сильнее середину.

Все это нагромождение — новое тело Расалома, середина и остатки пленки — держалось теперь только на третьей опоре. А она уже была надрублена Глэконом в том месте, где соединялась с диском.

Теперь, по прошествии стольких веков, смерть Расалома была так близка!

Или нет?

Расалом висел вниз головой над пропастью, но не прекращал своих попыток взобраться по опоре на диск.

— *Ты все равно не победишь, Глэкен! Не теперь! Это невозможно! Я не допущу этого! Я уже совсем близко!*

Все сооружение ходило ходуном, подвергая опору колоссальной нагрузке. Она стала трещать, словно удочка, на которую попался огромный кит. Когда Глэкен доковылял до края и стал пробираться к последней уцелевшей опоре, он услышал, как она затрещала в том месте, отдаленном от середины, где он еще раньше надрубил ее.

Расалом, видимо, тоже это понял, потому что даже при тусклом освещении Глэкен заметил в его движениях неистовость отчаяния. Но было уже слишком поздно. Конец опоры расщепился и стал гнуться в надрубленном месте. И вот она сломалась. Об этом известил треск, громкий, как пушечный выстрел. Диск опрокинулся, оказавшись в вертикальном положении, раскачиваясь с бешеной силой. Расалом вцепился в его верхний край когтями. Вдоль его туловищаросло еще несколько рук — добавочных, слабых, рахитичных с виду, которые старались за что-то ухватиться, в то время как щупальца тянулись к концу опоры.

Наконец последние ниточки опоры оборвались, и диск вместе с пленкой и Расаломом рухнул в бездну. Нет, без Расалома.

Глэкен застонал, когда понял, что Расалом все еще здесь. Все полетело вниз, но он вцепился в последнюю опору одним из щупальцев и стал карабкаться вверх!

Глэкен заставил себя сдвинуться с места, пошевелить раненой ногой и почти побежать, качаясь, к основанию третьей опоры, взобраться на нее и пройти по ней, прогибающейся под его тяжестью. У него не было времени перерезать ее. Он должен встретить Расалома у ее начала и остановить его, прежде чем тот снова встанет на ноги.

— Вот этим всегда заканчивается, Расалом, не так ли? Остаемся мы с тобой. Только я и ты.

Вместо ответа, Расалом протянул второе щупальце и обвинил опору рядом с тем местом, где одно щупальце уже вцепилось в нее. Он подтягивался на них все выше и выше, пока не схватил опору своими когтистыми руками. Когда он проделал это, новые шу-

пальца вылезли из желеобразной массы и присоединились к тем двум, которые уже держались за опору.

У него может это получиться!

Глэкен стиснул зубы, преодолевая боль в ноге, и стал двигаться еще быстрее. Дотянулся до первого щупальца и не раздумывая полоснул по нему мечом. Снова — ослепляющая вспышка и запах гари. Из обрубленного конца хлынула темная жидкость. Мир сузился. Для Глэкана сейчас существовали только Расалом, опора и меч. Закрыв глаза от слепящих вспышек, задыхаясь от дыма, он погрузился в состояние, в котором не было ничего, кроме боли и непрерывного движения; он двигался по наитию, обрубая щупальца и отшвыривая ногами извивающиеся обрубки, а разделившись с ними, переходил к следующему скоплению щупалец.

До него доносился рев Расалома, который извивался в воздухе и брыкался в бессильной злобе, изнемогая от боли.

Паучьи лапы, поднимающиеся с обеих сторон, пытались схватить Глэкана, но он мечом обрубал их и пробивался вперед. В конце концов он оказался у окончания опоры, а перед ним висел, раскачиваясь, Расалом, держась лишь на двух руках с желтыми когтями, на одной из которых не хватало пальца.

Глэкен... нет... прошу тебя!

И, продолжая молить о пощаде, Расалом подтянулся и выбросил вперед здоровую руку, чтобы полоснуть Глэкана когтями. Глэкен увернулся, и когти схватили воздух всего в нескольких дюймах над его головой, потом взмахнул мечом. Лезвие проткнуло запястье Расалома, кожу и ткани и врезалось в кость, при этом Глэкен едва удержался, чтобы не свалиться вниз. Он упал ничком и оставался в этом положении, пока Расалом выл и извивался всем телом, размахивая своей разрубленной, истекающей черной жидкостью рукой.

Прямо над собой, рядом с раскачивающимся концом опоры, Глэкен увидел руку с двумя сохранившимися пальцами — единственное, на чем теперь держался Расалом. Он подполз ближе и отрубил один из пальцев, снова вызвав яркую вспышку света. Коготь последнего пальца стал соскальзывать вниз, процара-

пывая глубокую борозду на поверхности опоры и приближая Расалома к вечности. Потом зацепился за маленькое углубление совсем близко от края.

— *Глэкен!* — слышался снизу гнусавый, на последнем издыхании голос. — *Ты не посмеешь! Этого не должно случиться! Не делай этого!*

Глэкен уже собирался отрубить последний палец, на котором держался Расалом, но потом передумал. Вместо этого он лег на спину и развернул свое тело головой в другую сторону, потом изо всей силы подтянул здоровую ногу к животу.

Нет, Расалом не услышит прощальных слов. Он не заслужил ничего, кроме позорного пинка.

Глэкен выбросил ногу вперед, сбив коготь с края. Расалом закричал, и этот крик долго еще отдавался эхом в мерцающих холодным светом глубинах, после того как его тело, его изувеченное тело, кувыркаясь, скрылось в тумане бездны.

Но Глэкен не стал прислушиваться к столь сладостному для него звуку. Вместо этого он дождался, пока колонна перестанет раскачиваться, освободившись от чудовищной тяжести Расалома, и пополз к краю пещеры настолько быстро, насколько позволяли руки и ноги.

Расалом провалился в вечность. Теперь, когда он миновал место, от которого его власть совсем еще недавно простиралась на землю, прежние законы снова начали вступать в силу. Природа выходила из забвения, в которое ее вверг Расалом, и начала возрождаться, восстанавливая свои права.

А этой пещере в природе не было места.

Когда Глэкен достиг конца опоры, стены задрожали. Щебень, заваливший туннель, стал откатываться назад, освобождая гранитный проход. Если он доберется до него, то останется жить.

Он почти добрался, когда начал осыпаться потолок.

Толпа приутихла, когда новый звук перекрыл скандирование и песни. Кэрол замолчала еще раньше, боясь сорвать голос.

Толпа вылилась на улицу, заполнила собой освещенную часть парка и потекла дальше. Но звук привлекал всех к месту, и теперь они стояли, пригнувшись, посматривая вверх, по сторонам, друг на друга. Кэрол успокоила тех, кто стоял поблизости.

Гул низкой частоты, оглушающее жужжание, стрекотание крыльев сотрясали воздух там, где он не освещался конусообразным лучом, набирая силу и заставляя резонировать мостовую и стены зданий.

— Это жуки! — кричал кто-то. — Они возвращаются! Возвращаются, чтобы наброситься на нас!

— Нет! — крикнула Кэрол, и ее голос прозвучал словно сигнал к бою среди испуганного ропота толпы. — Не бойтесь! Мы на свету. А они не выносят света.

Кэрол, надо сказать, и сама испугалась, но виду не подавала. Что происходит? Она взглянула на Билла, но тот лишь пожал плечами и крепче прижал ее к себе.

И тут она увидела жуков в воздухе, невысоко от земли вокруг освещенного лучом места. Некоторых выталкивало на свет, и тогда они начинали дымиться и тотчас ныряли в темноту.

Жуки не нападали, среди них не нашлось самоубийц-камикадзе. Скорее это было паническое, безумное, безоглядное бегство к трещине. Луч света уже достиг края бездны, и Кэрол увидела бесчисленное скопление чудовищ, устремившихся в ее глубины, — летающие твари опускались по спирали, ползающие просто прыгали с края трещины вниз.

— Они уходят! — сказала Кэрол, обращаясь не то к Биллу, не то к самой себе. — Они возвращаются в трещину!

Толпа взорвалась радостными возгласами, и Кэрол стала пробираться вперед, чтобы лучше все рассмотреть. Вдруг земля под ними заходила ходуном. После того как люди вокруг были сбиты с ног и попадали на землю, бодрые возгласы сменились криками. Кэрол тоже тревожно вскрикнула, когда ее швырнуло на мостовую, а сверху на нее упал Билл.

Через разбитые окна верхнего этажа Сильвия с нарастающей тревогой наблюдала за кошмаром, происходящим внизу. Джеффи перепачкался, и они с Ба отвели его наверх переодеть. Сейчас, когда здание стало вздрагивать и скрежетать, Сильвия ухватила за подоконник, свободной рукой держа Джеффи.

«Землетрясение!» — подумала она. Хотя ей ни разу не довелось пережить это бедствие. Ей показалось, что именно так оно начинается.

И началось оно здесь, поблизости от Овечьего Пастбища. Земля раскалывалась.

Еще одна трещина!

Так вот оно что. Усиливающийся свет, близкая победа, жуки, тучами возвращающиеся в трещину, — все это ложная надежда, основанная на пустых обещаниях. Новая трещина, невосприимчивая к свету, открылась совсем близко от здания. Какие чудовища вылезут оттуда?

Все эти внезапные перемены могли означать только одно — Глэкен потерпел поражение.

Подземные толчки усилились, когда в первой трещине, на Овечьем Пастбище, раздался глухой рокот. Тучи чего-то, похожего на пыль или дым, за клубились над ее кратером. Края были поломаны — похоже, они рушились, осыпаясь вниз, заваливая кратер.

Да! Она закрывалась! А прямо под ними... она перевела бинокль — что там происходит с новой трещиной?

Но это еще не стало трещиной. И может быть, не станет. Это больше напоминало впадину, что-то вроде воронки. Толчки прекратились.

И воцарилась тишина. Сильвия опустила бинокль и помедлила, прислушиваясь. Тишина, какой она не могла припомнить. Ни птицы, ни насекомые, ни дуновение ветра не нарушали ее. Слышно было даже, как течет кровь по жилам. И больше ничего. Весь мир замер, природа застыла, ошеломленная, боясь шелохнуться, даже вздохнуть.

Это длилось всего одно мгновение. Но оно показалось вечностью. А потом свет стал исчезать. Второй раз за эту ночь.

Молчание было нарушено криками ужаса, вновь овладевшего людьми. Но потом они снова стали скандировать. И Ба тоже. Он стоял за ее спиной. Сильвия присоединилась к нему, шепотом произнося заклинание. Она навела бинокль на толпу, стараясь отыскать там Кэрол, или Билла, или Джека — хоть одно знакомое лицо.

Но в этот раз скандирование не помогло. Несмотря на то что тысячи голосов, надрываясь, выкрикивали слова, свет продолжал меркнуть.

Мы проиграли!

Сильвия каким-то образом смогла различить знакомую фигурку Кэрол на краю новой трещины или того, что она приняла за трещину. Она хотела крикнуть, чтобы Кэрол выбиралась оттуда. Что стоять там небезопасно. Но Кэрол не уходила, указывая рукой вниз, на дно впадины. Она прыгала, обнимала Билла, обнимала всех, кто стоял рядом. Что это?..

Сильвия навела бинокль на дно впадины. Там что-то двигалось, что-то барахталось в мягкой почве. В последних проблесках света она напряглась, стараясь разглядеть, что это было.

Мужчина. Мужчина с рыжими волосами.

Глэкен? Живой? Не может этого быть. Если он остался в живых, это может означать только одно...

Вдруг к ней подошел Ба и показал рукой в сторону восточных окраин:

— Посмотрите, миссис! Посмотрите!

За все годы, проведенные вместе, Сильвия ни разу не слышала такого волнения в его голосе. Она посмотрела в том направлении, куда он указывал.

Для толпы было пока незаметно это, потому что она стояла внизу, но отсюда, с возвышения, все было ясно. Сильвии не понадобился бинокль. Прямо впереди, за бетонными нагромождениями, появилось оранжевое пламя, осветившее небо над Ист-Ривер.

— Солнце, миссис! Солнце встает!

Часть четвертая РАССВЕТ

Пятница

В НАЧАЛЕ...

Кэрол стояла на крыше дома Глэкена в ярких лучах утреннего солнца и жалела, что у нее не хватает смелости снять блузку. Джек и Билл избавились от рубашек сразу, как только вышли за дверь. Кэрол завидовала мужчинам, имеющим возможность подставить свое тело теплым лучам света, льющимся с безоблачного неба.

«Почему я не могу сделать то же самое? — подумала она, потянувшись к верхней пуговице блузки. — После всего, что мы вместе перенесли, в этом нет ничего особенного».

Но, расстегнув две пуговицы, она остановилась. Будь здесь только Билл, она, возможно, и решилась бы. Но при Джеке — нет.

Конечно, после всего пережитого мы изменились — но не настолько.

В ней все еще была жива девочка, воспитанная в строгом духе католичества.

— До сих пор не могу поверить, что все позади, — сказал Джек.

— Ужасная разруха, — отозвался Билл, окинув взглядом город.

Кэрол сделала то же самое. Казалось, в домах не уцелело ни одно окно. Повсюду виднелись разрушенные здания. Одни, оказавшиеся в гравитационных дырах, были полностью разрушены, другие повреждены обломками, вылетевшими из гравитационных дыр. Над

ними клубился дым пожарищ, то и дело вспыхивающих в разных частях города. Люди, словно слепые, бродили по тротуарам или стояли, ошеломленные, рядом с тем местом, которое еще несколько часов назад было третиной на Овечьем Пастбище.

— Нет худа без добра, — сказал Джек. — Когда еще в пределах города был такой чистый воздух?

Билл кивнул:

— Да, это верно. Не знаю только, как мы все это будем восстанавливать.

— А кто сказал, что это будем делать мы? Пусть этим займутся «они». И поверьте, пройдет совсем немного времени и мы снова окажемся в том же самом дерьме, в котором пребывали раньше.

Кэрол встала между ними.

— Как вы считаете, хоть кто-нибудь внизу знает, что вы оба сделали для них?

— Нет, — бросил Джек резко. И стал натягивать рубашку, вдруг ощутив неловкость. — Пусть остается все, как есть.

— Не хочешь ходить в героях? — спросил Билл, улыбаясь.

— Не хочу даже, чтобы на меня обращали внимание. — Он повернулся к двери.

— Уходите? — спросила Кэрол.

— Да. Как только мне удастся найти машину с полным баком, я отправлюсь в Пенсильванию. — Его глаза засветились. — Эйб должен привезти Джию и Вики. Я хочу ехать в эскорте.

— Удачи тебе, — сказал Билл.

Кэрол проводила Джека взглядом.

— Упаси Господи кого-нибудь причинить боль двум женщинам, ради которых он живет.

— Сомневаюсь, что Господь вообще может кого-то от чего-то спасти.

— Ну, это просто так говорят. Но хотелось бы знать, кому или чему теперь припишут восход солнца?

Билл рассмеялся:

— Я слушал, как какие-то ребята распевали хором: «Вот и наступил рассвет». Готов поклясться, скоро это станет новым религиозным гимном. А ведь ты права.

Вокруг всего этого может сложиться новая мифология. Новый виток обожествления солнца. Интересно, как все сложится дальше.

— Но ведь в любом случае это будет несправедливо. Они станут искать божество, чтобы курить ему фимиам, выражая благодарность.

— Это все не ново.

— А как же ты? Ведь и ты заслужил часть признательности.

Билл покачал головой:

— Нет. Я был только на побегушках. — Он посмотрел ей в глаза. — Именно ты нашла ключ к решению проблемы. Поняла, что это решение внутри нас, а не извне.

— Но это всегда было так, разве нет? Мы всегда были ответственны за все, но никогда не могли взять дело в свои руки и позволяли себе плыть по течению.

— Страх — это как эпидемия. Но возможно, у одних иммунная система сильнее, чем у других. Порой мы, конечно, нуждаемся в посторонней помощи, и в конечном счете у каждого хватит сил отойти в сторону и сказать — я больше не участвую во всем этом.

Она обняла его одной рукой, а другой провела по его седеющим, разметанным ветром волосам.

— Как ты думаешь, что-нибудь теперь изменится?

Он покачал головой:

— Хотелось бы быть оптимистом, но боюсь, что Джек прав. Будет много разговоров о новом мире и новом братстве, но очень скоро все вернется на круги своя. По-настоящему способные люди, которых можно было бы с гордостью назвать лидерами, с головой окунутся в дело подлинного восстановления, а шайка болтунов, не способных ничего создать, станет сотрясать воздух и делать вид, что руководит. Ничего не изменится.

— Но ведь это не так, Билл. Я изменилась, ты изменился. Случившееся изменило нас всех.

— Особенно Глэкена.

«Да, — подумала она с болью. — Особенно бедного Глэкена. Что будет он делать, куда пойдет, когда Магда покинет нас?»

А Сильвия и Джеффи? Что будет с ними?

Сплошные вопросы, сплошная неопределенность.

Она еще крепче прижалась к нему.

По крайней мере, есть вещи, в которых она уверена, — в своей любви к Биллу и в том, что ни один из тех, кто выжил, не сможет воспринимать восход солнца как нечто само собой разумеющееся.

А в квартире под ними молодой рыжеволосый человек с бессмертным телом тридцатипятилетнего мужчины поил с ложечки яблочным соком трясущуюся, слабоумную женщину, которую так нежно любил и с которой собирался вместе состариться.

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол
НОЧНОЙ МИР

Роман

Ответственный редактор *З.В. Полякова*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 07.02.2005
Формат 82х100 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,04. Уч.-изд. л. 24,25
Тираж 7000 экз. Заказ № 748

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

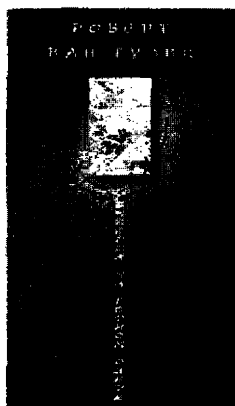
Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Роберт ван Гулик

Интереснейшие книги голландского историка, писателя и дипломата Роберта ван Гулика, который приобрел всемирную известность как автор оригинальных и увлекательных детективных бестселлеров о судье Ди, средневековом китайском Шерлоке Холмсе.

Достоверные детали быта, нравы и обычаи, особенности законодательства и судопроизводства средневекового Китая, в изобилии присутствующие на страницах романа, позволяют читателю живо ощутить своеобразную атмосферу далекой эпохи.

Судья Ди Жэньчи — реальный исторический персонаж, пронырливость, справедливость и неподкупность которого стали легендой. Вершить правосудие ему помогает колоритная четверка: бывший слуга и трое раскаявшихся преступников. Вместе они расследуют самые запутанные преступления.

УБИЙСТВА НА ГОРНОМ ОЗЕРЕ

Прямо во время банкета убита прелестная танцовщица, так и не успевшая сообщить судье Ди что-то важное. Судья Ди начинает расследование этого странного убийства, однако на заседание суда врывается столичный торговец с заявлением, обвиняя уважаемого ученого в гибели дочери, чье тело таинственным образом исчезло. Судье приходится заняться распутыванием и этого преступления, попутно выясняя обстоятельства загадочной смерти деревенского плотника и похищения неизвестными злоумышленниками уважаемого горожанина.

Твердый переплет,
формат 104×186 мм, объем 208—288 с.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» — www.centropoligraf.ru

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		 КН СЯИ. 01
Куда <u>г. Москва, а/я 18</u>		
Кому <u>«ЦЕНТРОЛИГРАФ»</u>		
 111024	Идентификационный номер и адрес отправителя	
	680011 г.Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.	
Мас. эксп. России. Издательство «Мир». 1999. г. 111024 МПФ. Подпись: И. С. С.		

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

ВИЛСОН

н о ч н о й м и р

На Землю опускается вечная ночь. Свирепствуют ураганы, извергаются вулканы, из разломов в земле появляются огромные кровожадные твари. Демон Расалом призывает на помощь все силы ада. Но его давний противник Глэкен готовится к схватке, по всему миру он собирает людей, уже сражавшихся с Расаломом в прошлом, чтобы окончательно повергнуть могучего демона зла...

ISBN 5-9524-1552-0

ЦЕНТРОЛИГРАФ